

a Josi Lohannet

ce livre m'y a introduit
à thèses de ma thèse

bien amicalement

Nicolas S.

avril 1970

OSIP MANDEL'STAM

COLLECTED WORKS

IN THREE VOLUMES

Edited by Prof. G. P. Struve and B. A. Filipoff.

VOLUME THREE

ESSAYS. LETTERS.

Introduced by Prof. George Ivask, Nikita Struve
and Boris Filipoff.

Inter-Language Literary Associates

1969

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРЕХ ТОМАХ

Под редакцией проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

ТОМ ТРЕТИЙ

ОЧЕРКИ. ПИСЬМА

**Вступительные статьи проф. Юрия Иваска, Никиты Струве
и Бориса Филиппова.**

Международное Литературное Содружество

1 9 6 9

**Рисунок переплета и обложки работы художника
С. Л. Голлербаха.**

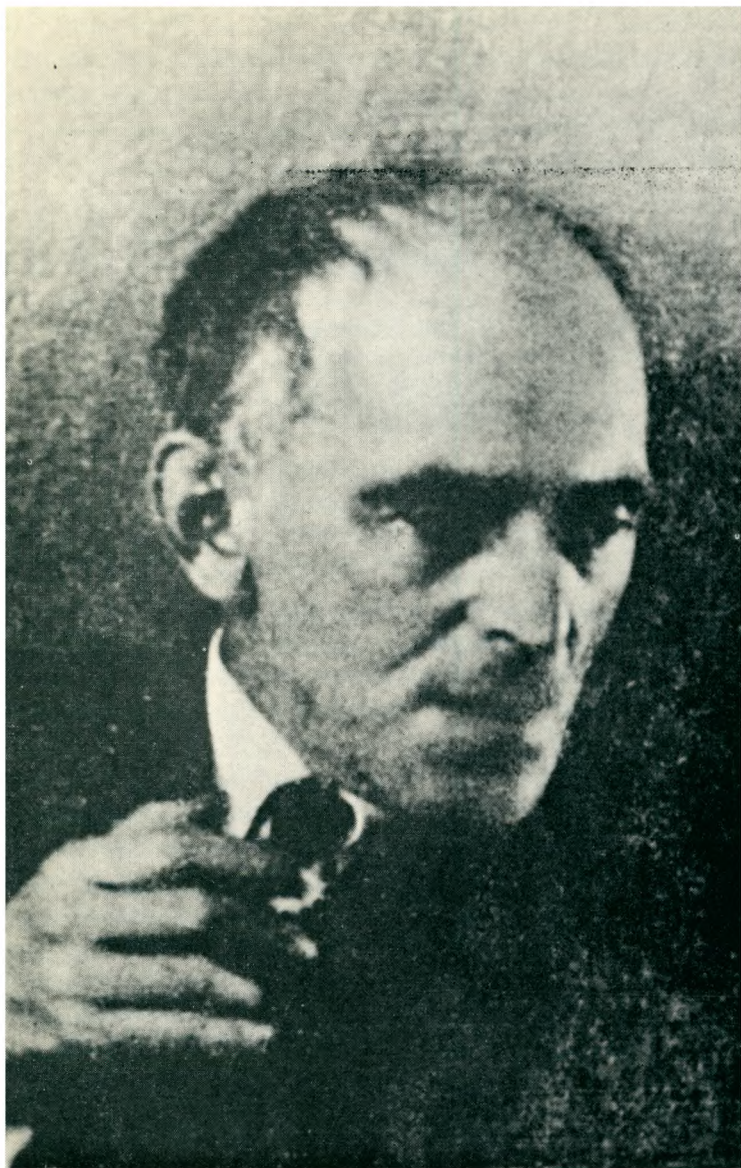
All rights reserved

Copyright by Inter-Language Associates, 1969.

Publisher: Inter-Language Literary Associates, New York.

Manufactured: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

О. Э. Мандельштам.. Около 1936 г.

ДИТЯ ЕВРОПЫ

Жестокий век, но снова постучится
Летушня-ласточка в твое окно.
Добро и зло пусть искажают лица —
Еще струится красное вино.

Пестра Венеция и смугл Акрополь
И, доживая век, волы жуют.
Не назову некрополем Петрополь,
Где ласточку нетерпеливо ждут.

Его Сибирь еще не раз приснится,
Цепная, забайкальская, его,
Медовой матовой рекой струится
Пчелино-солнечное волшебство.

Ю р и й И в а с к

Мандельштам занимался поэзией лет тридцать. В ранних его стихах чувствуется влияние символистов, встречаются выражения, напоминающие Блока («Мировая туманная боль»). Но есть своеобразие и в его юношеских стихах. В 20-х годах он начинает в поэзии экспериментировать, пишет «темные» стихи (например, *Нашедший подкову*). Необычные размеры встречались и в его первых книгах («Сегодня дурной день»...), а после 1920 г. его опыты в области версификации поражают смелостью и «характеризуются расшатыванием и

полным уничтожением силлабической схемы стиха». ¹ Но в этом очерке я буду говорить не о развитии поэзии Мандельштама, а о его поэтическом творчестве в целом.

Во многих воспоминаниях о Мандельштаме отмечалась его детскость. Нечто детское есть и в облике лирического героя его поэзии:

Только детские книги читать,

Только детские думы лелеять . . . (1908) —

писал он в юности, когда столь недавнее детство редко вдохновляет. А в другом, тоже юношеском, стихотворении Мандельштам спрашивает:

Неужели я настоящий,

И действительно смерть придет? (1911).

Как будто он не был уверен, что уже вырос и существует на самом деле . . . Есть детскость и в его обращении с разными «недетскими» темами. Карта Европы для него игрушка. Этот материк напоминает ему краба или морскую звезду. Он прихотливо, по-ребячески, перескакивает с одной темы на другую, почему-то выделяет в Европе одну лишь страну:

И Польша нежная, где нету короля . . .

Вообще, нежность — его любимое выражение. Даю только некоторые примеры: «Нежнее нежного / Лицо твое» (1909); «нежный мальчик Домби-сын» из Диккенса (1913); «чаша нежности» в музыке Бетховена и нежная Польша (1914); нежные церкви в московском Кремле и нежная камей (1916); нежные гроба Архипелага, где родилась греческая поэзия (1918); «Сестры тяжесть и нежность», стигийская нежность в потустороннем мире, соленые нежные губы, нежный луг (1920); тянутся с нежностью (1921); нежные руки Европы

---

¹ К. Тарановский. Стихосложение Осипа Мандельштама. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, V. (1962), p. 123.

(1922); нежный хрящ ребенка, нежная игра в бабки (1923); нежный воздух и нежный поэт Батюшков (1932); «нежнее моря (1935); «Железной нежностью хмелеет голова» (1937).

Другой излюбленный эпитет — легкий. Например, легкая корона свободы, которую он обещает никогда не снимать (1915). Легкость — качество ласточки, быстрой птицы. В стихии русского языка оно вызывает разные ассоциации. Ласточка в окно влетит — к покойнику (примета). Но ласточка также и милая сердцу (ластужка). Для Державина ласточка символ его души и поэзии:

Душа моя! гостья ты мира:

Не ты ли перната сия? . . . (Ласточка. 1794).

Для Мандельштама эта птица сама по себе хороша и, вместе с тем, ее легкий образ связан и с вдохновением, с поэзией, может быть, даже с вечностью. В одном его «зимнем» стихотворении ласточка — вестница бессмертной весны и музыки, но прилетела она слишком рано и поэтому падает «на горячие снега»: мороз иногда обжигает («Чуть мерцает . . .», 1920).

В эллинском царстве смерти он радостно встречает мертвую, но все еще быструю ласточку, которая бросается к его ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой . . .

(1920).

Здесь ласточка воплощает все, что Мандельштам так нежно любил: здесь она его Психея, его Муза (как и для Державина).

Жестокому коммунизму, «сумеркам свободы» Мандельштам противопоставляет легионы ласточек. Их стая в небе «щекочет, движется, живет» (1918). Здесь эти легкие, быстрые птицы — свобода, жизнь, поэзия. В тяжелые 30-е годы он сохраняет верность ласточке: он

говорит о твердых ласточках круглых бровей (1935) и о ласточке купола в Риме и о средиземной ласточке (1937).

Его жалостная песня песней о ласточке в последний раз прозвучала в Воронеже:

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать.

(*Стихи о неизвестном солдате*, 1937).

Любил Мандельштам и то, что противоположно легкости — тяжесть. Для него тежесть и нежность — сестры, и приметы их одинаковы (1920).² Их сосут легкие медуницы и осы. Также и Мандельштам собирал нектар с тяжелых соборов Европы, будь то готический собор Нотр Дам или византийская София, или же московские и петербургские соборы. Так, тяжелое он преображал в нечто легкое, язык архитектуры переводил на язык лирической поэзии.

У него было особое чувство камня. В парижском соборе Богоматери ему чудилась «недобрая тяжесть», из которой ему хотелось создать прекрасное в стихах. А в другом стихотворении он неожиданно сравнивает парижские дома с голубятнями. Наконец, о зеленом Благовещенском соборе в Москве он сказал:

И, мнится, заворкует вдруг . . . (1920).

Да, нечто тяжелое (дома, церкви) он облегчает легкой метафорой — сравнением с голубятней и даже с воркующим голубем.

В его поэзии, хотя и не очень часто, мелькают женские образы. Кн. Саломее Николаевне Андрониковой

---

² О «тяжести» у Мандельштама см. статью Nils Åke Nilsson: Osip Mandelstam and his Poetry. *Scando-Slavica*, IX (1963), pp. 37—38.

посвящена его *Соломинка* (1916).³ А в одном юношеском стихотворении он сравнивает с соломинкой свое сердце («В огромном омуте . . .», 1910). Итак, легка возлюбленная, легок и поэт: оба они соломинки. Есть в этих стихах нежность, есть и жалость, то есть любовь-*agape*, а не любовь-*эрос*. Тревожась за судьбу своей Соломинки, он сравнивает ее с трагическими героинями — с Ленор (из баллады Бюргера), с Лигейей Э. А. По и с андрогинным образом Серафиты (из одноименной повести Бальзака). Все же, стихотворение это не трагично. Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита — не только Андроникова, но и «блаженные слова», волшебная поэзия.

Лирический герой Мандельштама — не любовник, скорее — нежный брат, слегка влюбленный в сестру или в «туманную монашку» (в стихотворении, посвященном Марине Цветаевой: «Не веря воскресенья чуду», 1916). Цветаева его разгадала: божественный мальчик, — сказала она о нем.⁴ В юности, обращаясь к женщине, Мандельштам писал:

О позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь . . . (1911).

В стихотворении 1920 г. он говорит, что хочет служить возлюбленной «наравне с другими», но это ему в поэзии не удается. Языка страсти он не знал.

Афродита Мандельштама не грубая, варварская, но и не Урания, а скорее Промежуточная — не вполне земная, но и не вполне небесная.

В его творчестве слабо выражены не только мотивы эротические, но и мотивы трагические. Правда, есть печаль в его стихотворениях, написанных в эпоху граж-

---

³ См. статью Кларенса Брауна в первом томе настоящего собрания сочинений Мандельштама.

⁴ Марина Цветаева. Избр. произведения. М., 1965, стр. 75.

данской войны; и есть отчаяние в его поэзии 30-х годов, когда он был арестован и потом сослан. В сталинской России он говорит о себе:

Я лишился и чаши на пире отцов . . .

Мне на плечи кидается век-волкодав . . . (1931).

Его, как миллионы других граждан, судили тогда и осудили неизвестно за что.

Тем удивительней, что его поэзия остается нежной, легкой, красочной. Было от чего прийти в отчаяние, и он отчаивался, а все же миром восхищался и его не отвергал. Анатолий Штейгер назвал свой сборник стихов *Неблагодарность* (1936), а поэзия Мандельштама всегда *Благодарность*. В ней слышатся мотивы псалмов Давида, о котором он вспоминает в воронежской ссылке:

Ночь сырая от слез, и невинный,

Молодой, легконогий Давид . . . (1937).

Псалмопевец хвалил Творца, а хвала Мандельштама чаще всего обращена неизвестно к кому и лишь изредка называет он имя Божие («Образ твой» . . ., 1912).

Некоторые стихотворения Мандельштама напоминают тосты, здравицы:

За музыку сосен савойских, Полей Елисейских
бензин,

За розы в кабине ролс-ройса, за масло парижских
картин,

Я пью за бискайские волны, за сливочек
альпийских кувшин,

За рыжую спесь англичанок и дальних колоний
хинин. (1931).

Все его тогда на Западе восхищало, даже вещи мало привлекательные — бензин и хинин! Но и жестокую к нему Россию, и провинциальный Воронеж он превра-

щал в «наполненный музыкой дом» (1937). Кажется, только Мандельштам умел так совмещать горечь и восхищение:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и голодом, и вьюгой. (Январь 1937)

Есть воинское мужество, есть гражданское мужество, а есть еще и поэтическое мужество. Воином Мандельштам не был, от политики он был далек, а все же он, «божественный мальчик», отважился написать эпиграмму на Сталина: «Его толстые пальцы, как черви, жирны... Тараканьи смеются усища...» (1934). А мужество Мандельштама-поэта в том, что из медленной казни своей он *делал* волшебную песнь. Есть отчаяние в этих стихах, но и упоение:

Уведи меня в ночь, где течет Енисей,
И сосна до звезды достает... (1931).

В стихотворении *Ариост*, может быть, есть намек и на существующий в России порядок, на сталинщину: «Власть отвратительна, как руки брадобрея»...⁵ Но вот реакция поэта-Ариоста (и не самого ли Мандельштама):

А он вельможится все лучше, все хитрее.
И улыбается в открытое окно. (1933).

Даже чумная зараза ему не страшна: чума дана в окружении винопития и чеснока! Не та же ли это «праздничная смерть», что в стихотворении *Венеция* (1920). И это не «эстетство», — это чудо поэзии вопреки и благодаря гибели.

---

⁵ Ссылаюсь на статью И. Чиннова «Поздний Мандельштам» в Новом Журнале, № 88, 1967.

Если составить к стихам Мандельштама индекс имен собственных, то он включил бы множество понятий, образов из мифологии, географии, истории, искусства. Скажем, на букву А туда вошли бы Альбион, Американка, Английский язык, Антигона, Аониды, Ариост, Афродита и т. д. Вся наша иудео-эллинско-латинская цивилизация, все ее эпохи отражены в его поэзии.⁶ Можно ли — поэтому — назвать его поэзию книжной? Нет. Его эрудиция была подчинена воображению, в его любви к памятникам прошлого было столько детской нежности, детской игры. Наконец, можно ли назвать его подход к истории эстетическим, как у Константина Леонтьева, которым он увлекался в юности? Да, но это только отчасти верно. Так, православие и католичество он любил за красоту, за византийские и готические соборы, а протестантство за музыку Баха. Но его восхищала не только красота. Повторю опять: эстетством он не грешил. Некоторые его стихотворения проникнуты вдохновением веры («Божье имя, как большая птица, / Вылетело из моей груди» . . . 1912).

В Европе, как старой, так и новой, Мандельштам прозревал общие черты — родство. Он верил в братство европейских народов и часто напоминал о единых языковых и племенных корнях их. В стихотворении «Зверинец» (1916), оплакивая братоубийственную войну, он воспевает в праарийской колыбели: германский и славянский лен . . . (Это русское слово одного корня с германским, а также и с греческими, романскими словами *linan*, *linus*, *linge*, *Leinen*, *linen* и другими, хотя значение их уже неодинаково).

---

⁶ См. мою статью: *North and South (Some Reflections on Russian Culture)*. *The Russian Review*, July 1965, p. 242.

Мандельштаму дорог образ древней примитивной Европы, пастушеской и земледельческой.⁷ В стихотворении *Tristia* он сближает классический Акрополь, создание утонченной культуры, с образами жующих волов (которых, впрочем, воспевал и классик Овидий, вдохновлявший Мандельштама). «Соборы вечные Софии и Петра» для него «амбары воздуха и света, зернохранилища вселенского добра и *риги* Нового Завета» (1921; курсив мой). Так, для произведений сложной культуры, византийской или ренессансной, он подыскивает метафоры из простой деревенской жизни. Может быть, утраченное единство «арийцев» было для него залогом будущего братства в утопическом царстве «новой природы-Психеи» (*Слово и культура*) или на «святых островах», где «скрипучий труд не омрачает неба» (1919). Это золотой век греков и римлян. Но иногда ему приоткрывается и вечность христианская, райлуговина, «где время не бежит», или же «вневременное» причастие в православной литургии:

И Евхаристия как вечный полдень длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится. (1920).

Многие православные могут именно так переживать литургию. Но из этого не следует, что Мандельштам был мистиком, метафизиком. Все же его поэзия граничила с религией.

Итак, лирическое сердце Мандельштама вмещало всю Европу. Его стихи включают самые разнообразные

---

⁷ N. Å. Nilsson, op. cit.; Ryszard Przybylski. Arcadia Osipa Mandelsztama. *Slavia Orientalis*, 3, 1964 (Warszawa); критика этой статьи: К. Тарановский. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама. *To Honor Roman Jakobson*, 1967.

мотивы ее — и в творчестве, и в верованиях. Он заражает русского читателя любовью к Германии Баха или к Англии Диккенса. Его в особенности восхищают средиземноморские страны и Таврида-Крым. Можно только пожалеть о том, что ему не пришлось изъездить всю Европу. Но зато он побывал в Армении и в Грузии. Обе эти страны географически расположены в Азии, но для него они были частью Европы, вернее же частью нашей иудео-эллинско-латинской цивилизации, и он их тоже прославлял. Иногда Мандельштам вспоминал о своей прародине — Палестине. Но образы Нового Завета ему ближе, чем «хаос иудейский» Ветхого Завета.

Наполеон дал своему сыну титул l'Enfant de France. А Мандельштама можно было бы назвать l'Enfant d'Europe. Он несомненно, один из живых символов объединенной Европы. Но его цель — не описание, даже не выражение культуры или религии, а преобразование разных «культурных феноменов» в магию поэтического языка.

У Мандельштама везде свои особые — неповторимые — интонации, то высокие, торжественные (барочные), то интимные, «сердечные», напоминающие иногда детский лепет. При этом он постоянно пользуется чужими образами — *бродячими* мотивами мировой поэзии (музы, лира, пчелы), но истолковывает их по-своему.

Есть у него *вчерашнее солнце* («Сестры тяжесть и нежность . . .», 1920). Ахматова утверждает — это Пушкин.⁸ Есть и *ночное солнце*, а также *черное солнце*. Его видел и Жерар де Нерваль (которого А. С. Лурье срав-

---

⁸ Мандельштам. В кн. Анна Ахматова. Соч., т. 2, 1968, стр. 177.

нивает с Мандельштамом: ⁹ soleil noir de la Mélancholie . . . (El Desdichado).

Нерваль увидел это солнце незадолго до второго припадка безумия. Он шел из церкви по направлению к площади Согласия, и ему вдруг показалось, что все звезды погасли, как свечи в храме после окончания службы, и вот на небе засияло *черное солнце*. Комментаторы Нерваля по-разному истолковывают это мистическое светило. ¹⁰ Недавно К. Ф. Тарановский обратил внимание читателей и на черное солнце у Вячеслава Иванова: ¹¹

Мы пчелы черных солнц, несли скупые соты,
Желчь луга — омег и польнь. (*Cor Ardens* 1, 86).

Следовало бы эту загадку выяснить. Но для меня лично, по общему впечатлению, вся поэзия Мандельштама сродни Нервалю, хотя и не было доказано, что первый читал второго . . . Все же между ними есть гетевское *Wahlverwandschaft*, и Артур Лурье прав. Нерваль — один из первых эллиптических поэтов новой поэзии. В своих *Химерах* он часто перепрыгивает с одной темы на другую, но, при этом, все они связаны общим лирическим мотивом. Вот начало его *El Desdichado*:

Je suis le ténébreux — le veuf — l'inconsolé,
Le Prince d'Aquitanie à la tour abolie . . .

Второй стих — криптограмма, которая разъясняется комментаторами. Но и без всех объяснений можно вообразить этого принца аквитанского у «отмененной» башни, и очевидно, что этот принц несчастен и близок кому-то сумрачному, вдовому и безутешному (в первом

---

⁹ Детский рай (Нерваль, Хлебников, Мандельштам). *Воздушные Пути*, III (1963).

¹⁰ Gerard de Nerval (Labrunie). *Les Chimères*, ed. Jeanne Moulin (1949).

¹¹ К. Тарановский, *op. cit.*, p. 1977.

стихе). Эта эллиптичность Нервала, а также его поэтическая магия и «детские» лепечущие стихи напоминают Мандельштама.

Эротика Нервала, более ярко выраженная, чем в мандельштамовской поэзии, исключает сильные страсти: в ней преобладает нежность; и это тоже роднит обоих поэтов.

Тайна благодарности и благоволения, одушевляющих стихи Мандельштама — в их волшебстве. Это волшебство, как и у Нервала, не всегда разгадывается, но оно обладает «гипнотическими» свойствами.

Блаженные слова — вот мандельштамовское определение поэзии. Например: Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита... Я уже отметил: здесь поэт призывает не только свою возлюбленную, но и еще кого-то: свою музу.

В стихотворении о революционном Петрограде, устращенном террором чекистов, Мандельштам восклицает:

За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь... (1920).

Блаженный по-гречески *макариос*, а по-латински *beatus*. Греческое выражение встречается в *Илиаде* (блаженные боги). Оно связано и с Нагорной проповедью, с заповедями блаженства, которые русские знают преимущественно по церковно-славянскому переводу Св. Писания. Вместе с тем, это слово ассоциируется и с русскими переводами и подражаниями Горацию, например, в стихах Державина и Батюшкова.

Почему слово и блаженное, и бессмысленное? «Темноты» в его стихах появились позднее, до определения поэтического слова, как *блаженного и бессмысленного*.

Я склоняюсь к этому истолкованию: даже в самых ясных, отчетливых стихах Мандельштама всегда есть

другой план — чисто поэтический и магический (как и у Нерваля, да и многих современных поэтов). Доказать это нельзя. Но можно попытаться этот план показать на отдельных примерах из его стихов.

Несколько раз Мандельштам повторяет три-четыре слова, которые звучат как заклинания духов (Сезам, Сезам, отворись!). Самый яркий пример я уже дал (Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита). В стихотворении о декабристах он восклицает: «Россия, Лета, Лорелея» . . . России они были преданы, Лета напоминает об их неминуемой гибели, Лорелея (возникшая по звуковой ассоциации) — это прекрасная и роковая богиня Революции (ей принес себя в жертву тогдашний герой — немецкий юноша Занд, убийца Коцебу). По смыслу метафоры эти — трагические, но не по звучанию (как в *Соломинке*). Плавные *ра, lé, лорелé* связывают эту триаду в магической гармонии. В плане жизни здесь говорится о гибели, смерти, а в плане поэзии дается образ чистой и волшебной красоты.

Величие императорского Петербурга передается в трех словах:

Адмиралтейство, солнце, тишина (1913).

Древняя варварская Германия:

Янтарь, пожары и пиры (1917).

Нежность:

Все ласточка, подружка, Антигона (1920).

Дичок, медвежонок, Миньона (1935).

Последняя триада (с пушкинскими рифмами из стихотворения *Ночной зефир* . . . 1924):

Эфир, зефир, Элеонора . . . (1937).

Все эти призывы намечают основную тему и, одновременно, переносят в поэтический план, где все — и доброе, и злое, и прекрасное, и безобразное — очаровывает и радует райским звучанием.

Одно из магических средств поэзии — звукопись. Этим приемом Мандельштам пользуется часто, но реже многих современных ему поэтов, например, Цветаевой, Маяковского, Хлебникова. Кажется, чаще всего у него встречаются (или ярче звучат) плавные звуки: «Валгаллы белое вино» (также: «Россия, Лета, Лоре-лея»).

Иногда его звукопись связана со стилистикой. Вот его Ариост:

Он завирается, с Орландом куролеся,
И содрогается, преображаясь весь. (1933)

Здесь тоже скопление согласных (с доминантой рцы). В звуковую игру вовлечены и другие повторы (да-ад), окончания *ся, съ*. Это почти тотальная инструментовка. Неожидан выбор и сочетание слов. В первом (шутливом) стихе Орландо появляется в окружении глаголов разговорного языка — просторечивого *завираться* и семинарского *куролесить* (от греческого *Кирие элейсон* — Господи помилуй!). А во втором стихе (возвышенном) Орландо окружается глаголами литературного языка — *содрогаться* и церковного — *преображаться* (Преображение Господне). Но оба стиха (отличные по стилю, по тону) имеют тот же общий звуковой знаменатель. Комика и патетика включены в ту же фоннику. В этом магия этих двух стихов.

В том же стихотворении Мандельштам еще раз дает формулу поэтического языка:

Язык бессмысленный, солено-сладкий...

Просторечие — солоно, высокий стиль — сладостный... Такой вот язык может состоять из самых обычных слов и предложений, но сквозь общепринятый смысл всегда проступает другой — волшебнo-поэтический, который по отношению к первому — бессмыслица.

Очень верно замечание Георгия Адамовича: Мандельштам поднимается до высот своих именно там, где бормочет, будто чувствуя, что в логически-внятных стихах он сам себя обкрадывает.¹²

Иногда Мандельштам до последнего предела сжимает фразу, опуская глагол. Вот «завязка» всей Илиады:

Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи? (1915).

Сжатость здесь еще усилена вопросом: («Что Троя вам . . .») и восклицанием «. . . ахейские мужи»).

Еще напряженнее по интонациям «климакс» в его стихотворении *Венеция* (1920):

Только в пальцах роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти.

В первом (тоже максимально сжатом) стихе дана вся ситуация: роза — любовь, а склянка (с ядом) — смерть. Но в чьих пальцах цветок и сосуд? Любовника ли, который хочет послать даме «розу любви» или склянку, чтобы отравить неверную возлюбленную? Или же яд предназначается сопернику? А может быть, это *пальцы* дамы, получившей от кавалера дар любви или дар смерти? Не исключена и эта возможность: дама хочет отравить кавалера или соперницу, а розой она обрадует нового поклонника. Этот очень «вещный» стих мог бы послужить эпиграфом чуть ли не к десятку новелл эпохи Возрождения, к мемуарам Бенвенуто Челлини или же к стилизованным итальянским повестям

---

¹² Несколько слов о Мандельштаме. *Воздушные Пути*, II, (1961), стр. 93. Здесь Адамович совпадает с Northrop Frey'em, который утверждает, что из бормотания складывается лирическая поэзия. *Anatomy of Criticism* (1957), pp. 275—277.

Стендаля. Тогда умели любить, умели и убивать, о чем свидетельствует до сих пор еще сохранившаяся в Венеции улица Ассасинов.

Далее: кто прощается с Адриатикой или просит у нее прощения? Убийца или его жертва? Наконец, кто хочет покинуть Венецию? Очевидно, — уже не *она*, а *он*, венецианский кавалер, в своем родном городе разочаровавшийся. Еще очевидней: все эти потенциальные фабулы новелл из жизни Венеции одушевляет общий мотив — любви и смерти. Это — трагика, но и здесь она не очень трагическая. . . . Ведь смерть в Венеции — особенная, живописная, волшебная, праздничная. Без этой *праздничной смерти*, без *черного бархата*, завешивающего плаху, без отраженного в зеркале *черного Веспера* были бы не так ярки другие краски, весь богатый колоризм Беллини, Тициана, Веронезе, Кривелли, Тинторетто, вдохновлявших Мандельштама. Колоризм *голубого* дряхлого стекла, *зеленой* парчи, *зеленой* Адриатики, *синих* прожилок, *белого* снега (снег здесь, вероятно, метафора полотна или шелка). Роковая красочная Венеция в целом — упоительна, и смерть там только черный фон, только кадр живописной картины. Такая Венеция не может вызвать «классических» эмоций ужаса и жалости. Образ мандельштамовской Венеции — завораживающий и вызывает преимущественно восхищение.

В последних трех стихах разбираемой строфы два вопроса, два восклицания, два императива. Конечно, от читателя зависит, как эти стихи читать. Чтение стихов всегда субъективно. Но мы знаем, что в вопросах, призывах, приказах допускаются и даже «ожидаются» музыкальные ударения, повышение тона голоса. Вопросы: «Что же ты молчишь?» Призывы: «Адриатика зеленая!» «Венецианка!» (это вокативы). Приказы: про-

сти, скажи . . . Особенно насыщена интонациями третья строка (и едва ли во всей русской поэзии найдется другой — аналогичный стих . . .):

Что же ты молчишь, скажи, венецианка . . .

Здесь в пяти словах — вопрос, приказ, призыв.

Известно, что в поэтическом языке все эти три формы встречаются чаще, чем в прозе или разговорном языке.¹³ К сожалению, нет еще специальных исследований о частоте этих трех интонационных форм в русской или в какой-нибудь другой поэзии. Но, по общему впечатлению, все эти три формы очень характерны для стилистики Манделъштама.

Отмечу, что в *Венеции* Манделъштама немало других приемов. Например, «колорит старины». *Венецыйский* — архаизм, который еще встречается у Гоголя. Старое слово *вече* обрусило Венецию . . . Не вполне понятен этот образ:

Нет спасенья от любви и страха,

Тяжелее платины Сатурново кольцо . . .

Сатурн (планета, окруженная кольцами) — это греческий Кронос, которого иногда путали с богом времени — Хронос. Например, в стихотворении Шиллера (*Fantasie an Laura*, 1782) летящий Сатурн (время) ловит свою невесту Вечность. Сатурн иногда связан с меланхолией (на гравюрах Альбрехта Дюрера).¹⁴ Может быть, у Манделъштама оба оттенка: чего-то давящего, тяжелого, как платина, времени — и меланхолии.

Сусанна, которая «старцев ждать должна» (в эпилоге) — библейский образ (Кн. Даниила, XIII). Ее образ ассоциируется и с картиной Тинторетто (в Вене). Это

---

¹³ Roman Jakobson. *Linguistics and Poetics. Style in Language*, ed. by T. Sebeok (1960), p. 335.

¹⁴ E. Panofski, *Albrecht Durer* (1948), p. 166; R. Klibanski and E. Panofski. *Saturn and Melancholy* (1964), pp. 212—214.

подтверждает догадку, что венецианская живопись вдохновляла Мандельштама в его стихах о Венеции.

Еще один пример «эксclamации» у Мандельштама. Тема разлуки в *Tristia* усилена тремя лирическими вопросами в «климаксе» этого стихотворения (курсив мой):

Кто может знать при слове расставанье
Какая нам разлука предстоит,
И что сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в Акрополе горит . . .

Вопросы, восклицания, приказы часто встречаются в поэзии Державина, Некрасова или Цветаевой, Маяковского (и, конечно, у многих других поэтов). Но функция этих приемов — разная. Названные поэты, по терминологии Б. М. Эйхенбаума, мастера декламативной (риторической) поэзии.¹⁵

Генеалогия Мандельштама, мне кажется, восходит к одному из самых любимых его поэтов, к Батюшкову.¹⁶ Это традиция не риторической, взволнованной, стремительной поэзии, а — элегической, спокойной, замедленной. Риторические поэты, о чем бы они ни говорили, склонны к выражениям торжественным, но и грубым или неправильным, к какофонии, к сильной экспрессивности. Тогда как поэты, ориентирующиеся на элегию, избегают всего резкого, выпирающего, их идеал калофония, гармония, совершенство. Они менее динамичны, хотя и в их стихах есть напряженность, они тоже умеют «волноваться». Как мы видели, Мандельштам очень динамичен в своих «климаксах», но его «верхи» не переходят в крик.

---

¹⁵ Б. Эйхенбаум. Мелодика русского стиха, 1922, стр. 8.

¹⁶ Ю. Иваск. Батюшков. Новый Журнал, 46 (1956).

Один из самых старых и традиционных для всего искусства приемов — это контраст. Им пользуется и Мандельштам — пестрота и чернота в его *Венеции*. Или же это контрасты между стилистикой архаической и разговорной (как в *Ариосте*). Или здесь:

Ладыя воздушная и мачта-недотрога . . . (1913).

Словом *ладыя* пользуются волжские рыбаки (Даль), но в русском литературном языке оно встречается преимущественно в поэзии, а также ассоциируется с церковнославянским Св. Писанием. Просторечивый *недотрога* — это человек обидчивый, застенчивый или гордый. У Мандельштама эти выражения — одно высокого стиля, а другое — низкого, соседствуют в том же стихе и фонически их сближают близкие звуковые повторы (ад, ду, та, дат), как и в тех двух стихах из *Ариоста*. Однако, все контрасты Мандельштама в поэзии не так резко заострены, как у Державина или Цветаевой. Так, речь цветаевского Ипполита полна выражений церковнославянских, но, разгневавшись на влюбленную в него мачеху, он вдруг называет ее *гадиной* (трагедия *Федра*).

Поэты стремятся усилить, довести до высшего напряжения разные эмоции — любовь, страсть, страх, ненависть, отчаяние, веру. Мандельштама чаще всего одушевляли нежность и восхищение. Но добивался он не столько выражения чувств, сколько преобразования их в магической гармонии слов и звуков. Он искал «блаженные слова», «блаженное, бессмысленное слово», создавал язык бессмысленный, «язык солено-сладкий». Вдохновляясь всем тем, что возбуждает нежность и восхищение, в особенности же легкими ласточками и тяжелыми соборами, Мандельштам весь этот «сырой материал» преобразовывал в магические формулы, в заклинания, которые его верных читателей завораживают и

учат благодарить Бога (или же — неизвестно кого) за нежную красоту мира и за чудо поэтического (не райского ли) языка, на котором все знакомые слова имеют какое-то другое таинственное значение.

**
*

Отмечу, что Мандельштам (как и Пастернак) иногда переводил собственные стихи прозой. Вот несколько примеров:

1914.

И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят...

До 1925.

Неуклюжие дворники, медведи в бляхах, дремали у ворот.

(В не по чину барственной шубе).

1920.

Где-то грядки красные партера...

До 1925.

Красные грядки кресел...

(Комиссаржевская).

1919.

И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба...

1922.

Кажется, будто высокий, математический лоб Софьи Перовской в блистательном свете блоковского познания действительности веет уже мраморным холодком настоящего бессмертия.

(Барсучья нора).

Мне удалось найти лишь один пример обратного перевода — из прозы в стихи:

1923.

Тот не любит города, кто не ценит его рубища, его скромных и жалких адресов, кто не задыхался на черных лестницах . . .

(Холодное лето).

1930.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

Может быть, датировка этих фрагментов еще точно не установлена, но, несомненно, это все автопереводы стихов на язык прозаический или же — обратно. Что и говорить — в поэзии все эти образы, мотивы куда убедительнее, волшебнее.

Юрий ИВАСК

University of Washington, Seattle.

СУДЬБА МАНДЕЛЬШТАМА

Если сорвать покров смерти с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет.

О. Мандельштам, Пушкин
и Скрябин.

— и в отдалении
Чистый голос: «Я к смерти
готов».

А. Ахматова, Поэма без
героя.

Многие пишут совсем неплохие стихи, но много ли истинных, больших поэтов?

Чтобы быть поэтом, размер, рифма, образ, даже если владеть ими в совершенстве, — недостаточны, нужно другое, нечто большее: свой, неповторимый, голос, свое, незыблемое, мироощущение, своя, никем не разделенная судьба.

В начале поэтического поприща все эти три слагаемых стоят в свободной взаимосвязи. Голос предпола-

гает идею, идея не существует без голоса, они рождены одновременно из того же духовного центра, но полагаются отдельно и ищут друг друга. Судьба производна от них: соприсутствуя голосу-мироощущению как их свободное самоопределение, она до времени стоит поодаль, ждет своего часа. Крепнет связь между голосом, идеей и судьбой: поэт растет. Сливаются все три в одно нераздельное целое: человек умирает — поэт рождается навеки.

**
*

Пушкин и Лермонтов «под дулом пистолета», наложившие на себя руки Фет, Есенин, Цветаева, задохнувшийся на пороге славы Анненский. Блок, умерший потому что «дышать нечем», исстрадавшаяся Ахматова, погибшие Гумилев и Мандельштам — жертвы не случайного рока, а собственного голоса, самих законов поэзии.

Баратынский, даже в самые свои благополучные годы, неотразимо чувствовал сокрытое в поэзии жало смерти:

... боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили бы перуны,
В которых спит душа моя.

И отказом от нее думал уберечь свой мир:
Я говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

Единственным великим русским поэтом, избежавшим трагического конца, был Тютчев. И это не случайно. Из всех поэтов Тютчев наиболее вневременный, экстатичный. Он настолько выходит из мира, что столкновение между ним и миром — невозможно. Тютчев

нес трагедию в самом себе, в мучительном раздвоении между ночью и дневным покровом, наружу она не проступала. Символисты принадлежали к тому же роду: от времени и мира они уходили кто в монахи (Эллис, Вячеслав Иванов), кто в теософию (Волошин, Белый). Один Блок прикоснулся к истории и принял смерть от нее.

**
*

Еще больше чем символистам, Мандельштам противопоставлен Тютчеву, хотя и соприкасается с ним в исходной точке. Главным врагом Тютчева были *пространство и время*. «Никто, я думаю, и никогда, — признается он, — не чувствовал себя более ничтожным, чем я перед лицом этих двух угнетателей и тиранов человечества». Мучительно страдая от них, Тютчев находил освобождение только в редкие минуты ночных видений — выхождением из себя.

В ранних стихах Мандельштама, о которых Ахматова писала «они хороши, но в них нет того, что мы называем Мандельштамом», чувствуется близость к Тютчеву. Запоздалый символист тоскует в призрачном мире и ищет выхода. Воплощение музыки, как и Тютчеву, кажется ему изменой. Прорваться ввысь не дано: неживой небосвод отражает ту же призрачную реальность:

Темных уз земного заточенья
Я ничем преодолеть не мог.

Бессильному порвать узы оставалось только одно: поцеловать их. Освобождение пришло внезапно и бесповоротно: не выхождением из мира, а бурным вторжением в поэзию времени и пространства, не как угнетателей человечества, а как творческих основ бытия.

И покинув корабль, натрудивший в морях
полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

С 1912 года Мандельштам выходит в открытое море, начинает свое плавание по всем измерениям времени и пространства. Прошедшее, настоящее, будущее, длина, широта, глубина — таковы отныне координаты его поэзии.

С необычайной легкостью Мандельштам шагает через века: высшие достижения человеческой деятельности не становятся, как у Брюсова и даже Вячеслава Иванова, в мертвый ряд музейных ценностей, а весело перекликаются друг с другом, «по домашнему аукаются». Крит, Эллада, средневековье, Ренессанс, музыка, живопись, литература, «через головы столетий», не только не чужды друг другу, но в буквальном смысле современны. Гомер в Тавриде, Флоренция в Москве. «Не веря в разлуку», Мандельштам непринужденно раскланивается с Батюшковым, беседует с Ламарком.

«Время есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт; и обратно: содержание истории есть совместное держание времени — сотоварищами, сооткрывателями его». Сказано это Мандельштамом о Данте, но применимо прежде всего к нему самому.

Поэзия культуры у Мандельштама совершенно свободна от исторического груза: она всевременна.

Беззаботно, с благодушным юмором, Мандельштам принимает и все то новое и неожиданное, что приносит с собою река времен. У него нет отталкивания от новейших форм цивилизации. Еще в 1909 году он говорил М. Карповичу: «Корабль вечности и есть корабль

современности». Вместе с Баратынским, но в ином, не нравственном, а онтологическом смысле, он мог бы сказать: «Нет на земле ничтожного мгновенья». Нет и ничтожных явлений: месмерический утюг, электрическая мельница, теннис — не менее реальны, чем древний кувшин или аттический солдат, следовательно, они не менее достойны жить в поэзии. Как его учитель, Франсуа Виллон, Мандельштам сообщает массу точных сведений, умеет вырвать «настоящее мгновение из почвы времени, не повредив его корней». Его поэзии, насыщенной современностью, не суждено стареть.

Если время созидает не как снежный ком, а как семя, — значит оно имеет свою неподвижную сущность. В поисках первоосновы Мандельштам не вырывается из временного ряда, а опускается в глубинный его слой, где время воспринимается как сплошная непрерывность, протяженность, неподвижность (Бергсоновская *durée*). Как никто, Мандельштам умеет останавливать время, уловить зияние, выразить длительность:

Жуют волы и длится ожиданье...

Протяженность Мандельштам передает, пользуясь всеми своими поэтическими орудиями: образами, долгою гласных, удлинённой цезурой, шестистопным дольником, а иногда и еще более длинным размером.

Поэзия Тютчева — глубь ночи, поэзия Мандельштама — вечный полдень.

Грубое время измеряется металлической стрелкой часов или таянием воска, время творческое — произрастанием. С той же легкостью, с какой он раздвигает века, Мандельштам плывет вверх по течению времени:

Время вспахано плугом, и роза землю была...

Поэзия анамнезиса свободна от груза воспоминаний, так как восстанавливает живую, священную связь событий.

Не потому ли голос Мандельштама так часто звучит пророчески? Даже в своих ранних историко-литературных статьях Мандельштам, помимо себя, пророчествует о себе — настолько, что его биографию и творческий путь можно восстановить из разных кусков этих статей.

**
*

У Тютчева пространство «поглощает и уничтожает вас с телом и душой». Мандельштам же смотрит на трехмерное пространство «не как на обузу и на несчастную случайность, а как на Богом данный дворец»: в нем всецело размещаются бесчисленные предметы и краски, все разнообразие мира. От стихов Мандельштама всегда пахнет укусом, краской и свежим вином из подвала.

Излюбленные его образы — звери, птицы, рыбы, насекомые, камни; поэзия Мандельштама как бы развернутый 103-й псалом, библейский гимн творению. И у Пушкина не было поэзии более жизнеутверждающей, более телесной. Но телесность у Мандельштама, как и у Пушкина, не прикреплена к земле; она окрылена духом.

«Яблоко, хлеб, картофель — отныне утоляют не только физический, но и духовный голод». Вещь, — психея, она имеет душу.

В этом своем мироощущении Мандельштам верен гению еврейского народа.

«Еврей верит в невидимое . . . но хочет, чтобы невидимое стало видимым и проявило бы свою силу; он верит в дух, но только в такой, который проникает все материальное, который пользуется материей как своей оболочкой и своим орудием. Не отделяя духа от его материального выражения, еврейская мысль тем самым

не отделяет и материю от ее духовного и божественного начала». *

Эти пронизательные слова Владимира Соловьева — ключ к пониманию Мандельштама. Их можно продолжить: для еврейского мирозерцания, как в материи присутствует дух, так и во времени содержится вечность. Богооткровенное мышление еврейского народа вело к Боговоплощению, как к предельному слиянию духа и плоти, мига и вневременности. Под влиянием сначала Чаадаева, а затем и других русских религиозных мыслителей, Мандельштам с поразительной легкостью, как нечто само собою разумеющееся, принял и воспринял христианство, став «отщепенцем в своей семье».

Поэзия Мандельштама проникнута христианским благовестием о реальности мира, о целесообразности истории, о «перпендикулярном разрезе», о мирном сосуществовании единства и множества:

Взять в руки целый мир как яблоко простое . . .

**
*

Свое безусловно христианское, точнее иудео-христианское мироощущение Мандельштам выразил всего ярче в докладе «Пушкин и Скрябин», который, к сожалению, дошел до нас в неполной и поврежденной редакции. В нем Мандельштам определил искусство как «свободное и радостное подражание Христу». Раз искупление уже совершилось, искусство «свободно», «ничем не омрачено», оно «радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа».

---

* Владимир Соловьев. Еврейство и христианский вопрос. Цит. по изд. «Мысль», Берлин, 1921, стр. 21.

Детски-райская душа Мандельштама — такой она сквозит в божественном лепете его писем — недооценила трагической изнанки христианской благой вести. Искупление совершилось, но не завершено. «Мир вместе с художником искуплен», но трагедия в том, что мир не принимает искупления, отталкивается от него, противоборствует ему.

Мечта о золотом веке, своеобразный хилиазм, нетерпеливое желание видеть явленную силу духа, проходит через все творчество Мандельштама. В самый разгар первой мировой войны он тешит себя утопией, что

заперев зверей,
Мы успокоимся надолго
И станет полноводней Волга
И рейнская струя светлей.

В страшный 19-й год он вздыхает с меньшей уже надеждой:

О где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба . . .

Даже перед самой гибелью эта мечта остается, но переходит в область невозможного, давно прошедшего:

Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того как еду и питье
Называли моя и мое.

Жмурок и прятки духа — мир не допускает. Подражание Христу влечет за собой и подражание Его жертве.

**
*

Свое христианское кредо Мандельштам изложил, отталкиваясь от теософии, которая, как ему казалось, способна повернуть время обратно, от христианства к

буддизму, от единства личности к дурной множественности сфер. Но не теософия — очередной вариант ухода из истории — была опасна — тогда надвигалась уже другая сила, неизмеримо более страшная и разрушительная. Мандельштам не сразу распознал новую опасность, нависшую над «хрупким летоисчислением нашей эры». По отношению к революции он колебался вначале между да и нет, прельщался порой «социальной архитектурой», подобно тому, как в молодости обольщался внешним единством католического Рима. Но «никогда он Рима не любил», точно так же он быстро почувствовал, что то, «куда мы должны вступить», не тень родного города, а «крыло надвигающейся ночи». Порой его охватывал страх, «не опоздал ли он», он боялся, как бы не остаться ему вне времени, хотя и знал, что время мчалось не вперед, а «обратно, с шумом и свистом, как прегражденный поток».

Но голос-судьба твердил свое:

Чище смерть, соленее беда
И земля правдивей и страшнее.

Уже в самых своих ранних стихах смерть казалась ему единственной проверкой собственной реальности:

Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

или:

Когда б не смерть, так никогда бы
Мне не узнать, что я живу.

В начале же 20-х годов, когда наступали, чтобы раздавить человека, Ассирия и Вавилон, смерть предстала ему как неминуемая печать подлинности всей его духовной сути, всего творческого пути:

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,

шагом к барьеру, пишет и читает друзьям — с силой
Гойи написанный — портрет Сталина:

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища. —

— сам себе подписывая смертный приговор. Тогда же он
говорит Ахматовой незабываемое: «Я к смерти готов».

Остальное — развязка. Судьба подарила ему еще
три года жизни, чтобы дать ему пропеть полным голо-
сом «на разрыв аорты» — и умереть полной смертью.
Шевеленье губ, которого никто не мог отнять, преодо-
лело «полуобморочное житье». Воронежские тетради
— не спад и не разлад, а вершина творчества: в них
сплелись в одно целое божественная игра со страшны-
ми заклинаниями смерти. «Горожанин и друг горожан»
прикоснулся к земле и в ней почерпнул новые силы
для песни и битвы. «Иову, ропщущему на дне своей
смрадной темницы», блеснул луч свыше: великолепной,
космической, но еще несколько византийской Литур-
гии Петербургского периода — «здесь должен прозвучать
лишь греческий язык» — соответствует в Вороне-
же обнаженное чудо видения предголгофной Тайной
Вечери:

Небо вечера в стену влюбилось,
Все изрублено светом рубцов,
Провалилось в нее, отразилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Баратынский, покоя ради, отсылал посещение муз
на завтрашний день, и Мандельштам, говорят, пробовал
замедлить исход, принимался за социальный заказ, но
бесполезно, так как знал, что свой дар-флейту

невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять

И в слова языком не продвинуть
И губами ее не размять.

Мандельштам победил смерть и обрел высшую свободу, победил безвременье и обрел бессмертие.

С той минуты, как сердце его остановилось, сначала потаенно, затем все ярче и ярче начался «сказочный рост художника».

Исполнилось дословно его желание:

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну.
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну,
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

Сквозь мрак нищенской, затравленной жизни, о которой так обнаженно, так безнадежно повествуют его письма, Мандельштам знал чутьем поэта, что его подвигу, одновременно нравственному и творческому, готовится венец нетленной славы:

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски.
И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире и выше
Отклик неба во всю мою грудь.

В самых страшных и сильных своих стихах о терроре, о «миллионах убитых задешево» Мандельштам обмолвился неожиданным признанием: «от меня будет свету тепло».

И сегодня — тому свидетельство этот третий и последний том его сочинений, — вопреки засовам и запре-

там, вопреки еще пламенеющему противоборству мира, свет божественной гармонии Мандельштама, свет его христианского мироощущения, свет его мужества и мученичества, из глубины России, сияет нам.

· Слились воедино голос, идея и судьба. Как он сам, того не ведая, еще в 1914 году, не о Скрябине, о себе сказал:

«Он явил пример соборной, русской кончины, умер полной смертью, как жил полной жизнью, его личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы».

Никита СТРУВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЙ МАНДЕЛЬШТАМ

И Батюшкова мне противна спесь;
«Который час?» его спросили здесь,
А он ответил любопытным:
«вечность».

О. Мандельштам. (1912).

Откуда она пошла, эта презрительная — свысока — ухмылка, как только заходит речь о работе писателя в газете, в журнале-еженедельнике: поденщина... настоящий писатель не станет — без большой нужды: — работать в широкой прессе... Забывают при этом и журналистику Пушкина, газетную работу Аполлона Григорьева, Достоевского, Константина Леонтьева, Розанова... Забывают о том, что писатель-профессионал давно уже не может жить, не принимая участия в прессе. И не только как без основного источника средств существования. Нет, газета и журнал-еженедельник вытеснили очень значительную часть литературных жанров: современник не может жить без самого непосредственного, самого неотложного, быстрого и повсечасного соприкосновения с современностью: темп нашей жизни таков, что даже газета уже слишком сильно отстает от бега времени, и телевидение и радио пополняют и корректируют ее.

Писать для вечности . . . Но — кто и как может поручиться, что его книги проживут хотя бы год, а не то что вечность?! «Книги тают, как ледяшки, принесенные в комнату. Все уменьшается. . . Все тает. И Гете тает. Небольшой нам отпущен срок. Холодит ладонь ускользающий эфес бескровной ломкой шпаги, отбитой в гололедицу у водосточной трубы. . . Все трудней перелистывать страницы мерзлой книги . . .». Так говорит об этом в «Египетской марке» Мандельштам. И это — несмотря на то, что книга, печать подменили современному человеку живую, реальную жизнь: «. . . Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Я не знаю жизни: мне подменили ее еще тогда, когда я узнал хруст мышьяка на зубах у черноволосой французской любовницы, младшей сестры нашей гордой Анны». Да, современник утратил непосредственное, *детское*, а потому и истинное отношение к жизни. Но темп-то этой жизни делается все напряженнее и напряженнее, убыстряется не по дням, а по часам, и роман-тарантас, повесть-поезд заменяются волей-неволей лаконизмом журнально-газетного фельетона, джета-очерка, сухой репортерской заметки. Да и в «высокой» литературе мы начинаем ценить не сам сюжет, не саму ткань повествования, а мимоходные заметки, — «дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост» («Четвертая проза»). «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы наметили сбоку от скуки, от неумения и как бы во сне. Эти второстепенные и мимовольные создания вашей фантазии не пропадут в мире, но тотчас рассядутся за теневые пюпитры, как третьи скрипки Мариинской оперы, и в благодарность своему творцу тут же заварят увертюру к Леноре или к Эгмонту Бетховена» («Египетская марка»).

Истлевают комплекты газет и журналов, забываются ушедшие в прошлое быстролетные мимолетности, но извлеченные из старых номеров прессы статьи и очерки подлинных мастеров слова вдруг раскрывают перед нами прошлое, пережитое, а иногда и как-то неожиданно врываются в нашу теперешнюю повседневность. И эти очерки-наброски, эти эссеи-эскизы иной раз более живы, чем законченные, тщательно отработанные и неоднократно переработанные произведения «высокой» литературы. Тем более, что в них автор был нараспашку, по-домашнему, не приглашен для высокого литературного собрания.

Мандельштам-очеркист, Мандельштам-журналист может смело быть назван *неизвестным Мандельштамом*: кроме нескольких статей и очерков все остальное журнально-газетное творчество его было затеряно в провинциальных газетах и журналах, часть же статей вообще не была опубликована. Систематические розыски в провинциальной — и столичной — прессе могут дать нам еще много находок. Но уже и те, какие опубликованы в этом томе, дают достаточное представление о журналистике поэта. Она органически связана с его прозой, часто является «питательной средой» для его прозы.

Прежде всего — необычайно цепкий и зоркий глаз, да еще связывающий сразу же непосредственные впечатления с целым культурно-историческим комплексом вещей и явлений. Вот Киев начала НЭП'а — с «отпечатком какого-то варшавского, кондитерского глянца», с его Подолом — «свайной мещанской Венецией», с его бульварами и «погромным липовым пухом в нервическом майском воздухе». Перехлест исконного, до-революционного, советского, русского, украинского, еврейского: «Против бывшей Думы — Губкома — Марк-

сов памятник. Нет, это не Маркс, это что-то другое! Может, это замечательный управдом или гениальный бухгалтер? Нет, это Маркс. Киев коллегии Павла Галагана, губернатора Фундуклея, Киев лесковских анекдотов и чаепитий в липовом саду вкраплен здесь и там в окружную советскую столицу». «Деревянный кукиш каланчи, уездный гостиный двор, луковки подворий». И тут же — нэпман — хозяин дровяного склада и лесопилки, старый еврей, при первом же разговоре с ним о его делах заплакавший, «как плачет дерево — смолой»: «— Вы не знаете, что такое частный капитал! Частный капитал — это мученик! — и старик развел руками, изображая беспомощность и казнь частного капитала» («Киев»). Но в противовес официальной торговле, где нехотя, враждебно вам кинут на прилавок казенной лавки обрезки бязи или желудевое кофе, делец-купец времен НЭП'а «такой кругленький и приятный, будто сам биржевой курс принял образ человека и сошел на землю сеять радость и благоволение между людьми» («Возвращение»). Вот отталкивающий автора своим торгашеством Батум, но и в нем наиболее приятное — восточные «торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суета и нехороший хищный дух. . . . В привычках торгующего Востока чувствуешь уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть». Зато «город постоянно подвергается налетам заезжих шарлатанов — 'профессоров' и 'лекторов'. Один из них устроил публичный суд над Иудой Искарриотом. . . » («Батум»).

Когда читаешь очерки Мандельштама, перед нами живо и рельефно возникает жизнь эпохи — со всеми ее метко подмеченными и хорошо отобранными харак-

терными деталями. Притом эта характерность всегда оригинальна, своеобразна, не сбивается на общее место. Скупые реплики персонажей очерков Мандельштама всегда резко индивидуализированы, как говор киевской улицы:

— Не ездí коляску в тени, — ездí ее по солнцу!.

Его газетные очерки — эскизы для великолепной прозы «Шума времени».

Если Мандельштам безошибочно чувствует и лаконично и выразительно передает этот шум времени, то в пресловутый *прогресс* социологов и историсоффов он, понятно, давно не верит. Еще в статье (неопубликованной) 1916 года — «О современной поэзии» — он смеялся: «Да и какой вообще может быть прогресс в поэзии в смысле *улучшения*. Разве Пушкин *усовершенствовал* Державина, то есть в некотором роде отменил его? Державинской или ломоносовской оды теперь никто не напишет, несмотря на все наши 'завоевания'. Оглядываясь назад, можно представить путь поэзии, как непрерывную невознаграждаемую утрату. Столько же новшеств, сколько потерянных секретов: пропорции непревзойденного Страдивариуса и рецепт для краски старых художников лишают всякого смысла разговоры о прогрессе в искусстве». Такой взгляд не означает никоим образом консерватизма: нет, Мандельштам просто настолько современен, что не обоготворяет ни современности, ни нашего *завтра*, почему-то всегда для социологов социалистического ли, либерально-прогрессивного ли лагеря более светлого и совершенного, чем наше *вчера*. Мандельштам вообще против излишне грандиозных и универсальных построений: «В блестящее время парижских, брюссельских, нижегородских и прочих всемирных выставок существовал обычай возводить архитектурные постройки в стиле чего угодно, но

обязательно грандиозно. Сооружения эти ...недолго держались в своем эфемерном величии: выставка кончалась, и деревянные планки свозили на телегах. Грандиозные создания русского символизма напоминают мне эти выставочные сооружения . . . . . вот-вот придут их разбирать» («Письмо о русской поэзии», 1922). Мандельштам против «перерождения чувства личности, гипертрофии творческого 'я', которое смешало свои границы с границами вновь открытого увлекательного мира, потеряло твердые очертания и уже не ощущает ни одной клетки, как своей, пораженное болезненной водянкой мировых тем». Отсюда — и живой и деятельный интерес Мандельштама к естественникам, так сильно отразившийся в его прозе и журналистике: «мы здесь имеем колоссальную тренировку аналитического зрения и жажду накопления мирового опыта на твердом стержне практической деятельности и личной инициативы» («Вокруг натуралистов»). Мандельштам, с его чувством истории, и должен был так полюбить вещь, конкретность — в ее живой данности. Он хорошо понимает Гете: «Дома он избегал углубляться в античность, — рассказывает он о нем, — в древний мир, потому что *понять* для него значило *увидеть, проверить осязанием*» («Юность Гете»). Этот реализм Мандельштама естественно делает его *антиматериалистом*: нет ведь ничего более догматического, схоластического в худшем смысле слова, чем материализм, особенно так называемый диалектический.

Культурно-историческое видение Мандельштама отливается и в его журналистике в чрезвычайно вещную форму. Вот его статья 1922 года «Кое-что о грузинском искусстве»: «Грузинский эрос — вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить. . . . Да,

культура опьяняет. Грузины сохраняют вино в узких, длинных кувшинах и зарывают их в землю. В этом прообраз грузинской культуры — земля сохранила узкие, но благородные формы художественной традиции, запечатала полный брожения и аромата сосуд». И автор тут же добавляет: «То, что нельзя вывести из расщудочных данных культуры, из учета ее накопленных богатств, есть именно дух пьянства, продукт таинственного внутреннего брожения: узкая, длинная амфора с вином, зарытая в землю». Как перекликается с этим замечательное стихотворение Мандельштама о Тифлисе! «Вино старится — и в этом его будущее, культура бродит — и в этом ее молодость. Берегите же свое искусство — зарытый в землю узкий глиняный кувшин».

Конечно, такое понимание культуры, отзывающееся несколько и ранним Ницше, не могло ужиться с пониманием культуры, как *обязательно* культуры масс, культуры общедоступной и всеобщей. Культура — понятие неизбежно аристократическое, связанное с внутренними социальными перегородками, с кристаллизацией социально-сложной структуры: об этом много писал Мандельштам в своих высказываниях о возврате к «физиологически гениальному средневековью». Писал он об этом — косвенно — и в своих статьях-филиппиках о переводной литературе, как одном из источников опошления и вульгаризации культуры: «Было время, когда равные переводили равных, состязались в блеске языка, когда перевод был прививкой чужого плода и здоровой гимнастикой духовных мышц. Добрый гений русских переводчиков — Жуковский — и Пушкин принимали переводы всерьез. Упадок начался приблизительно с шестидесятых годов, когда появилось насквозь фальшивое понятие черной умственной работы, интеллектуальной поденщины, когда началась

разъедающая болезнь русской культуры, когда мозг стал цениться дешево». И Мандельштам, расценивая «переводы», как перевод труда, бумаги, в большинстве случаев «не вызванных внутренней необходимостью», а потому «оставляющей вреднейший осадок в подсознательной мастерской языка», считает, что переводы невольно портят и русскую оригинальную литературу: «В результате сложнейшего и не случайного стечения обстоятельств мы стоим лицом к лицу с горькой и унижительной болезнью: книга у нас перестает быть событием. Да, каждый номер газеты — это, по-своему, событие, это биение пульса, это живая кровь, которую мы уважаем, а книга — это полфунта чего-то — не все ли равно — Всеволода Иванова, Пильняка или 'Жака'. Книга не терпит деморализации, болезни ее прилипчивы. Нельзя выпустить на рынок безнаказанно сотни тысяч неуважаемых, непочтенных или полупочтенных, хотя бы продажных, хотя бы тиражных книг» («Жак родился и умер»). И литература, и культура, свыше направляемая в порядке «культурно-просветительной» акции партии и правительства, загнивает и умирает. Она уже не узкая амфора со старым вином, зарытая в родную землю: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове и всех посадить за стол в доме Герцена, поставив перед каждым стакан полицейского чая и дав каждому в руки анализ мочи Горнфельда. Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей — ведь дети должны за нас продолжить, за нас главнейшее до-

сказать — в то время как отцы запроданы на три поколения вперед» («Четвертая проза»), Рядовые произведения советской литературы — обычно беспросветная бездарь: «Такую, с позволения сказать, фабулу можно придумать, садясь в трамвай или зашнуровывая ботинки». Но если произведение соответствует в какой-то мере принципам «социалистического реализма», то критика советская его расхваливает в самых притом замысловатых и нелепых выражениях: «Хуже всего, что это не простая бессмыслица, а ритуальная. Это какое-то шаманство на диком выпрленном жаргоне» («Верер герцогини»). Даже в детскую литературу протянулась эта всегда *воспитующая* рука с перстом указующим: принесла старушка-писательница сказку в издательство, сказку идеологически невыдержанную, в которой все звери действовали и говорили по-человечьи, и даже «кузнечики во фраках служали какому-то принцу», и только заяц, бивший в барабан, как-то примирил с собой редакционного секретаря: «— Заяц у вас еще туда-сюда... Все-таки барабан — производственный процесс...» И — пришлось переделать все: «по ходу сказки овца молча отращивала шерсть для полезного употребления...» («Детская литература»).

Способствует падению культуры и театр, утративший чувство слова («Художественный театр и слово»), и ширпотребное кино, стремящееся мармеладной красотой как-то скрасить тоску повседневности («Кукла с миллионами»). Но при всем том, что Мандельштам видит в *интеллигенции* гробовщика истинной культуры (это ярко сказывается и в его «Шуме времени», и в «Египетской марке», и в «Художественном театре и слове»), — Мандельштам никогда не отказывался и от «интеллигентского периода» русской культуры:

Чу! не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать!

Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь
их предал?

Мы умрем, как пехотинцы,
Но не прославим ни жищи, ни поденщины,
ни лжи!

Представлять Мандельштама в качестве какого-то идеолога какой-то реакционной буржуазной интеллигенции или — пуще того — реакционной буржуазии могли только наиболее оголтелые представители марксистской критики. Нищий, затравленный критикой, вечно ищущий заработка и не так часто находящий его, Мандельштам воспевал социальную структуру «физиологически гениального» средневековья, с его твердо и прочно сложившимися сословиями и корпорациями, не как попятное движение истории, а как экзистенциально преобразованный идеал гармонически построенного общества, где каждый мастер своего дела уважаем — и уважает сам себя — за то, что хорошо знает свое дело. Где всякий столяр — художник, каждый каменщик — зодчий, и где нет образования, всеобщего и формального, прививающего человеку привычки и потребности, чаще всего превышающие его, человека, природные способности и умение . . . Аристократический идеал Мандельштама, отражающий и воззрения Чаадаева, и идеи К. Леонтьева, по сути дела более человечен и демократичен, чем популярная утопия социализма — этого плохо декорированного государственного тоталитарного капитализма. Если кого Мандельштам и презирал, и открыто высказывал ему это,

так это именно претенциозного и требовательного не по чину интеллигента, требующего признания и славы. Ахматова в своих воспоминаниях о Мандельштаме рассказывает, как он выгнал «молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: 'А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?'».

Статьи и очерки Мандельштама-журналиста — это особый мир, живущий сегодняшним днем, но всегда рассматривающий этот сегодняшний день так широко и глубоко, что сквозь временное и злободневное сквозит нужное и насущное для нас и сегодня, и завтра. Но манера Мандельштама, ставящая вопросы и вещи под непривычным углом, всегда решающая проблемы по-своему, да еще с изрядной долей иронии, никак не ко двору у плоскодонных соцреалистов. Ну, как они могли переварить, скажем, в статье «Государство и ритм», такой иронически-лирический пассаж: «Что общего между государством и женщинами и детьми, исполняющими ритмические упражнения, между суровыми преградами, которые ставит нам грубая жизнь, и той шелковой веревочкой, которая протягивается во время этих грациозных упражнений. Здесь готовят победителей, — вот в чем заключается эта связь. Детям, которые сумели так перепрыгнуть через тесьму, не страшны никакие социальные преграды». Ведь это сказано в какой-то мере и всерьез...

Поэтому-то так скупо уделяли Мандельштаму возможность печататься, поэтому так трагичны его письма уже середины двадцатых годов, потому и пришлось ему так много переводить из-за куска хлеба. Потому и пришлось ему «поступить на службу в газету 'Москов-

ский Комсомолец' прямо из караван-саря Цекубу», и в этой газете править корреспонденции с мест, безграмотные стишата активистов, статьи ударников производства... Но даже в этой подневольной работе нет-нет, да и проглядывал острый ум и иронический блеск Мандельштама, как видится он и во «внутренних рецензиях» и в статьях на случай... А журналистика Мандельштама-художника — интересна и сама по себе, и как эскизы к его *большой* прозе.

Борис ФИЛИППОВ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Выходом этого третьего тома заканчивается наше издание сочинений Осипа Эмильевича Мандельштама. Несомненно, за пределами нашего собрания остались еще неопубликованные или неразысканные нами его произведения и письма. У нас не было возможности найти некоторые альманахи, журналы и газеты, в особенности провинциальные. Иногда, даже имея в своем распоряжении тот или иной текст Мандельштама, мы не могли точно установить — где и когда он опубликован. Иной раз мы знали название газеты, в которой это произведение опубликовано, но не знали даты публикации, а комплекта этой газеты разыскать не могли ни в одном из доступных нам книгохранилищ.

Тем не менее, мы с почти полной уверенностью можем утверждать, что опубликованные в третьем томе тексты соответствуют авторским рукописям, так как в нашем распоряжении имелись весьма авторитетные списки с авторских рукописей и машинописей.

В нашем трехтомнике первый том вышел вторым изданием, сильно исправленным и дополненным по рукописям и машинописям автора и авторитетным спискам с них. В целях наибольшей стройности в распределении произведений Мандельштама по отдельным то-

мам, в первый том — во втором его издании — были перенесены все стихотворения и переводы из второго тома (и, конечно, соответствующие справки и примечания к ним, а также дополнения к примечаниям первого тома, помещенные в томе втором). В третий том из второго тома перенесены: очерк «Батум» (так как нами — уже после выхода в свет второго тома — был получен полный авторский текст этого очерка, значительно отличающийся по объему и содержанию от опубликованного нами), 5 писем и отрывок из письма (в третьем томе и это письмо представлено полностью) Мандельштама (в целях соединения в одно собрание всей известной нам переписки поэта). Полностью публикуется в третьем томе и статья «Письмо о русской поэзии», небольшой отрывок которой был опубликован во втором томе; два отрывка («Прообразом исторического события» и «Я утверждаю, что множество молодых поэтов . . .») также перенесены из второго в третий том — в раздел «Записных книжек, заметок, черновиков». В этом же разделе нами публикуются и «Заметки и черновики к Разговору о Данте», дополненные благодаря получению нами новых материалов и по публикации в журн. «Вопросы Литературы» (1968, № 4). Поэтому наш второй том, в его настоящем виде, в какой-то мере нарушает «стройность» трехтомника, так как заключает в себе ряд произведений и писем, перенесенных редакторами во второе издание первого тома и в том третий. Кроме того, уже после выхода в свет второго тома, были опубликованы отдельное издание «Разговора о Данте» (Москва, 1967) и — в № 63 журнала «Грани» (Франкфурт, 1966) — «Четвертая проза». В этих публикациях имеются некоторые разночтения с текстами, вошедшими в наш второй том. Все это заставляет признать весьма нужным выпуск второго — пересмотр-

ренного и дополненного (а также с исключением произведений, включенных во второе издание первого тома и в третий том) — издания второго тома, — тем более, что первое издание распродано. Это второе издание второго тома мы надеемся осуществить в недалеком будущем.

Третий том вполне может быть назван «Неизвестным Мандельштамом», так как опубликованные в нем произведения Мандельштама-журналиста или затеряны в трудно доступных еженедельниках и газетах, чаще всего провинциальных, или публикуются нами впервые (в том числе так называемые «внутренние рецензии», то есть рецензии не для печати, а для редакций издательств, решающих — на основании этих отзывов — переводить ли данные произведения на русский язык и издавать ли их?).

Еще более новым для читателей явятся письма Мандельштама: до сих пор было опубликовано всего 7 писем Мандельштама и один отрывок из его письма жене. В нашем третьем томе публикуются 85 писем Мандельштама, значительно дополняющих наши сведения о жизни поэта.

Обширная библиография не претендует на исчерпывающую полноту, но является первым опытом в этом направлении.

Редакторы приносят глубокую благодарность всем участникам работы по собиранию и редактированию текстов, в особенности Л. А. Алексеевой-Иванниковой, С. Н. Андрониковой-Гальперн, проф. Кларенсу Брауну, Хелен Диксон, А. К. Ранниту, Н. А. Струве, Д. Томсону, Т. О. Федоровой и художнику С. Л. Голлербаху.

Глеб Струве
Борис Филиппов

ОСИП МАНДЕЛЫШТАМ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОЧЕРКИ

КИЕВ

I

Самый живучий город Украины. Стоят каштаны в свечках — розово-желтых хлопущах-султанах. Молодые дамы в контрабандных шелковых жакетах. Погромный липовый пух в нервическом майском воздухе. Глазастые большеротые дети. Уличный сапожник работает под липами жизнерадостно и ритмично... Старые «молочарни», где северные пришельцы заедали простоквашей и пышками гром петлюровских пушек, все еще на местах. Они еще помнят последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику в панические дни в лаковых туфлях-лодочках и с клетчатым пледом, разговаривая на самом вежливом птичьем языке. И помнят Гришеньку Рабиновича, бильярдного мазчика из петербургского кафе Рейтер, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции.

В центре Киева огромные дома-ковчег, а в воротах этих гигантов, вмещающих население атлантического парохода, вывешены грозные предупреждения неплательщикам за воду, какие-то грошковые разметки и раскладки.

Слышу под ногами какое-то бормотание. Это хедер? Нет . . . Молитвенный дом в подвале. Сотня почтенных мужей в полосатых талесах разместились как школьники за желтыми, тесными партами. Никто не обращает на них внимания. Сюда бы художника Шагала!

Да, киевский дом это ковчег, шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый. Нигде, как в Киеве, не осязаемо величие управдома, нигде так не романтична борьба за площадь. Здесь шепчут с суеверным страхом: «Эта швея делает квартирную политику — за ней ухаживает сам Ботвинник!»

Каждая киевская квартира — романтический мирок, раздираемый ненавистью, завистью, сложной интригой. В проходных комнатах живут демобилизованные красноармейцы, без белья, без вещей и вообще без ничего. Терроризованные жильцы варят им на примусах и покупают носовые платки.

Киевский дом — ковчег паники и злословия. Выходит погулять под каштанами Драч — крошечный человек с крысиной головой.

— Знаете, кто он? Он подпольный адвокат. Его специальность — третейские суды. К нему приезжают даже из Винницы.

В самом деле, за стеной у Драча идет непрерывный суд. Сложные вопросы аренды, распри мелких компаньонов, всяческий дележ, ликвидация довоенных долгов — велика и обильна юрисдикция Драча. К нему приезжают из местечек. Он присудил бывшего подрядчика, задолжавшего кому-то сто царских тысяч, выплачивать по тридцать рублей в месяц, — и тот платит.

Клуб откомхоза и пиццевкуса. На афише «Мандат». Потом бал. Ночью улица наполняется неистовым ревом. С непривычки страшно.

На Крещатике и на улице Марата отпечаток какого-то варшавского, кондитерского глянца. Отель «Континенталь» — когда-то цитадель ответственных работников — восстановил все свои инкрустации. Из каждого окна торчит по джазбандному негру. Толпа вперяет взоры на балкон второго этажа. Что случилось? Там Дуров кого-то чешет . . .

Киевляне гордятся: все к ним приехали! В городе сразу: настоящий джазбанд, Еврейский Камерный из Москвы, Мейерхольд и Дуров, не говоря уже о других.

Колченогий карлик Дурова выводит погулять знаменитую собаку-математика — событие! Негр идет с саксофоном — событие! Еврейские денди — актеры из Камерного — остановились на углу — опять событие!

Среди бела дня на Крещатике действует рулетка-буль. Тишина похоронного бюро. Матовые котлы стола вспыхивают электричеством. В тощем азарте мечутся два-три невзрачных клиента. Эта убогая рулетка днем была зловещей.

Всякое происшествие в Киеве вырастает в легенду. Так например, я десятки раз слышал о беспризорном, который укусил даму с ридикюлем и заразил ее страшной болезнью.

Беспризорные в пышных лохмотьях, просвечивающих итальянской оливковой наготой, дежурят у кафе. Таких отобранных, лукавых и живописных беспризорных я не видел нигде.

Террасами громоздится великий днепровский город, переживший беду.

Дом-улица «Пассаж», обкуренный серой военного коммунизма . . . И славные дома-руины . . . Против бывшей Думы — Губкома — Марксов памятник. Нет, это не Маркс, это что-то другое! Может, это замечательный управдом или гениальный бухгалтер? Нет, это Маркс.

Киев коллеги Павла Галагана, губернатора Фундуклея, Киев лесковских анекдотов и чаепитий в липовом саду вкраплен здесь и там в окружную советскую столицу. Есть горбатые сложные проходные дворы, пустыри и просеки среди камня, и внимательный прохожий, заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную вечерю еврейской семьи — булку-халу, сеledку и чай на столе.

II

Трамвайчик бежит вниз к Подолу. Слободка и Туруханов Остров еще под водой. Свайная мещанская Венеция. За все великолепии верхнего города всегда расплачивался Подол. Подол горел. Подол тонул. Подол громили. Подол выдержан в строго плюговом стиле. Целая улица торгует готовым платьем. Вывески — «Лувр», «Змичка».

На площади «Контрактов» — киевской ярмарки — деревянный кукиш каланчи, уездный гостиный двор, луковки подворий.

Презрение к Подолу чрезвычайно распространено в буржуазном городе: «Она кричит, как на Подоле», «У нее шляпка с Подола», «Что вы от него хотите? Он торгует на Подоле».

Плоскими улицами Подола я вышел на Днепр к старику Розинеру — несчастному лесопильному компаньону. Мудрый семьянин и старейшина лесного дела сидел на теплой шершавой доске. У ног его лежали нежные как гагачий пух опилки. Он понюхал щепотку древесной пыли и сказал:

— Эта балка больна — чахоточная... Разве так пахнет здоровое дерево?

И взглянув на меня желтыми овечьими глазами, заплакал, как плачет дерево — смолой.

— Вы не знаете, что такое частный капитал! Частный капитал это мученик! — и старик развел руками, изображая беспомощность и казнь частного капитала.

Мученики частного капитала чтут память знаменитого подрядчика Гинзбурга, баснословного домовладельца, который умер нищим (киевляне любят сильные выражения) в советской больнице. Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино, любой день превращающее в Пасху, густые прозрачные сливянки, чей вкус само удивление, и солоноватое вишневое варенье.

На этот раз я не застал в Киеве никаких слухов и никаких крылатых вымыслов за исключением твердой уверенности, что в Ленинграде идет снег.

Одно в Киеве очень страшно: это страх людей перед увольнением, перед безработицей.

— У меня в жизни была цель. Много ли человеку нужно? Маленькую службочку!

Потерять работу можно по увольнению (режим экономии) и украинизации (незнание государственного языка), но получить ее невозможно. Сокращенный или сокращенная даже не сопротивляются, а просто обмирают как жук, перевернутый на спину, или шпаренная муха. Заболевших раком не убивают, но их сторонятся.

Вместо серной кислоты обиженные киевские жены мстят мужьям, добываясь их увольнения. Я слышал такие рассказы в зловеще-романтическом киевском стиле. Прислушайтесь к говору киевской толпы: какие неожиданные, какие странные обороты! Южно-русское наречие цветет — нельзя отказать ему в выразительности.

— Не ездь коляску в тени, ездь ее по солнцу!

А сколько милых выражений, произносимых нараспев, как формулы жизнелюбия: «Она цветет как роза», «Он здоров как бык» — и на все лады спрягаемый глагол «поправляться».

Да, велико жизнелюбие киевлян. У входа в пышные приднепровские сады стоят палатки с медицинскими весами, тут же «докторский электрический автомат», помогающий от всех болезней. Очередь на весы, очередь к автомату.

На Прорезной я видел богомолка. Сотня босых баб шла гуськом, а впереди — монашек-чичероне. Бабы шли, не озираясь, слепые ко всему окружению, не любопытные и враждебные, как по турецкому городу.

Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность. У города большая и живучая душа. Глубоким тройным дыханием дышит украино-еврейский-русский город.

Немного напоминает о годах эпической борьбы. Еще торчит на Крецатике остов семиэтажной громады, зияющей сквозными пролетами как Колизей, а напротив другая громада с банковскими вывесками.

Днепр входит в берега. Пространство врывается в город отовсюду, и широкая просека Бибиковского бульвара по-прежнему открыта — на этот раз не вражеским полчищам, а теплым майским ветрам.

БАТУМ

I

Весь Батум как на ладони. Не чувствуешь концов-расстояний. Бегаешь по нему как по комнате, к тому же воздух всегда какой-то парной, комнатный. Механизм этого маленького, почти игрушечного, городка, вознесенного условиями нашего времени на высоту русской спекулятивной Калифорнии, необычайно прост. Есть одна пружина — турецкая лира. Курс лиры меняется должно быть ночью, когда все спят, потому что утром жители просыпаются с новым курсом лиры и никто не знает, как это произошло. Лира пульсирует в крови каждого батумца, провозглашают же утренний курс булочники.

Это очень спокойные, вежливые, приятные турки, продающие традиционный лаваш из очень чистой и пресной американской пшеницы. Утром хлеб — десять, днем — четырнадцать, вечером — восемнадцать, на другое утро почему-то — двенадцать.

Занятий у жителей нет никаких. Естественным состоянием человека считается торговля. На фоне коренного населения резко выделяются советские работники отсутствием лир и соприкосновением с черным хлебом,

которого ни один настоящий батумец и в глаза не видит.

Спекулятивная иерархия Батума тоже очень ясна и проста. В центре системы стоит десяток иностранных фирм, известных каждому ребенку и окруженных божественным почитанием — Валацци, Ллойд Триестино, Сага, Сала, Витали, Камка и т. д. . . . Но обожествление не мешает жизнерадостным иностранцам, толстеньким, поджарым и кругленьким, наравне с прочими носиться по Греческой улице из конторы в контору, из магазина в магазин, колдуя над священной валютой.

Зимы нет. Продавцы мандаринов и чумазые мальчишки с баклавой и гузинаками на каждом шагу. Чуть нагретое нежно-голубое море ласково полощется вокруг «Принца Фердинанда» (только что из Константинополя) — многоэтажной океанской гостиницы, где «хрусталем дрожит дорожный табльдот».

Молодые константинопольские коммерсанты в ярко-желтых ботинках, перебирая янтарными четками, летают по набережной. Несмотря на свой лоск они чем-то напоминают негров, переодетых в европейское платье, а еще больше экзотических исполнителей, некогда подвизавшихся на кафешантанских подмостках.

Все двери лавок на набережной открыты. Здесь в уютном полумраке важно беседуют жирные и апатичные персы, едва не раздавленные грузом собственных товаров — мануфактуры, сахара, мыла, обуви. Горе вам, если вы вздумаете зайти в одну из таких лавок и прицениться к чему-нибудь: по ошибке вам могут продать товару миллиарда на два — это все оптовое.

Господствующий язык в Батуме — русский: даже самые матерые иностранцы на третий день начинают говорить по-русски. Это тем более забавно, что русских в Батуме почти совсем нет, да, пожалуй, и грузин не-

много: город без национальности — в погоне за наживой люди потеряли ее.

Вот случай, показательный для глубокого отчуждения Батума, — в самом большом местном кинематографе идет итальянский фильм из русской жизни: «Ванда Варенина» (одно имячко чего стоит!) . . . В этом изумительном сценарии русские женщины, как турчанки, ходят под черной фатой и снимают ее только в комнате. Русские «князья» щеголяют в оперных костюмах из «Жизни за царя», катаются на тройках в английской упряжи, причем сани напоминают замысловатый корабль скандинавских викингов.

Я был на этом представлении. Никто в переполненном зале не удивлялся и не смеялся — все, очевидно, находили, что это вполне естественно, и лишь когда итальянский фильм показал русское венчание и молодых ввели в церковь в каких-то огромных коронах, немногочисленные красноармейцы не выдержали и зароптали.

Чрезвычайно характерна для Батума эмиграция из Крыма. Крым теперь захудал, обернуться там трудно, и вот каждый рейс «Пестеля» привозит в Батум партию беженцев из Феодосии, Ялты, Севастополя. Сначала они неуверенно бродят по Греческой улице, но проходит несколько дней, они оперяются и становятся гражданами вольного города.

II

Дождь, дождь, дождь, — это значит нельзя выйти на улицу. Дождь может идти и завтра и послезавтра: зимний дождь в Батуме это грандиозный теплый душ на несколько недель. Никто его не боится и, если нужно по делу, всякий батумец пойдет куда угодно даже

в такой потоп, когда Ной побоится высунуться из ковчега. Вот спешит «центросоюзник» на службу в свой родной Центросоюз в охотничьих сапогах — последняя кооперативная выдача. Он смело переходит вброд самые опасные места и даже нарочно выбирает там, где поглубже.

Центросоюз внешне процветает, работа кипит с утра до ночи в маленьком чистеньком особнячке у самого приморского бульвара с пихтами, олеандрами и пальмами, в том самом доме, где — по свежему преданию — англичане держали военный суд. С раннего утра неутомимые кооператоры в непромокаемых плащах и макинтошах снаряжают автомобили для осмотра чаквинских чайных плантаций и плодовых имений. С раннего утра в приемных толкуются иностранные купцы, ведомые, как агнцы на заклание, местными коммерсантами (всегда можно отличить того, кого ведут, и того, кто ведет), и не без легкого подбодрения проникают в кабинет заведующего, где встречают острый и пронизательный суд библейского Соломона или кади из «Тысяча и одной ночи».

— Мы — «общественные купцы», — с гордостью говорят батумские кооператоры. — Нам ни тепло, ни холодно от Центросоюза, — твердит простой обыватель. Но обыватель требует синицу в руки, ему нужно сейчас же что-нибудь осязательное. Между тем, если бы не Центросоюз, тесно связанный с Внешторгом, не было бы никакого удержания, никакой управы на иностранных хищников, которые находят здесь отпор своей алчности и авторитет, перед которым они должны склониться.

Но дождь идет не вечно. Как по волшебству просыпают чистенькие улицы. Батумский потоп — это царство проточной воды. После дождя город только омыл-

ся, освежился. Начинается зимнее гулянье на бульваре. В январе люди сидят на теплом щебне пляжа, близко, у самых волн, только что не купаются. Тут-то начинается праздник для портовых турецких кофейен — это сердцевина всего города: его маленькие клубы и биржи. В кофейне темно и накурено. Ароматный тягучий кофейный пар стоит в воздухе. В глубине золотыми угольками тлеет неугасающе жаровня, и на ней в медных тигельках самим хозяином изготавливается божественный напиток. Слуга выбился из сил, переносит маленькие кофейные чашечки, сопровождаемые стаканом холодной воды.

Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках. Каждому — свое.

Старый почтенный турок покупает турецкий «Коммунист» и медленно читает вслух другим. Что поймет он, купец и патриарх, в предлагаемом ему новом учении? Он морщит лоб, но не улыбается. Как и весь его народ, он хорошо воспитан и привык уважать чужое мнение.

Самое приятное в торговом Батуме это именно торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суэта и нехороший хищный дух. Есть один пункт, где торговля Востока не чета европейской — именно: торговля не только аппарат распределения, но социальное явление, и в привычках торгующего Востока чувствуешь уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть.

Наступают сумерки, но Батум не хочет ложиться спать. По Маринской улице до поздней ночи движется сплошная праздничная лавина; чувствуется, что каждый в этой толпе «сделал дело» и теперь пожинает

плоды своей коммерческой тонкости. Ярко освещены лари и подворотни с фруктами и южной зимней утехой — мандаринами. Какие-то предприимчивые чумазы мальчишки, выплясывая лезгинку, бросаются под ноги прохожим, которые в ужасе откупаются мелкой подачкой. Толпа настолько оживлена, что ее радостный и громкий ропот долетает на четвертый этаж и баюкает ваш первый сон.

А в это время целые кварталы мертвы, как пустыня. Это специальные кварталы лавок у моря. Целые улицы, потухшие, во тьме, с наглухо закрытыми — железными тяжелыми висячими замками — ставнями. Бродят только сторожа с неусыпными трещотками, охраняя спящие миллиарды. Впрочем, сквозь железные ставни кое-где пробивается свет и во многих лавках живут. Дело в том, что в Батуме нет квартир, нет даже «жилищного кризиса». Он устранен очень просто — комнат настолько бесповоротно нет, что никому даже не приходит в голову их искать. В Батуме, если вы приезжий, вас не спрашивают, где вы живете, а спрашивают, где вы ночуете. Страх перед бездомными приезжими так велик, что ни в одной кофейной нельзя оставить вещей с вокзала: хозяева уверены, что вы к ним вернетесь ночевать, и боятся этого, как чумы. Мелкие торговцы ютятся в своих ларьках и будках, размерами не больше собачьей конуры. Каким образом устраиваются крупные приезжие коммерсанты — это совершенно таинственно. Очевидно, лира побеждает законы пространства.

По характеру своего интернационального торгового оживления Батум напоминает колониальный город или европейский квартал где-нибудь в Шанхае. До чего убогим кажется после него Новороссийск со своим прекрасным, гигантски оборудованным портом, со своими

элеваторами, которые высоко поднимают на курьих ножках фантастически длинные, похожие на купальни, приемники для зерна. Все это спит и ждет пробуждения, но в городе чувствуется какая-то особая серьезность, и он как бы готовится к исполнению огромной предстоящей ему экономической задачи. Но пока что в пустых холодных лавках, где на прилавок демонстративно брошен кусок бязи, героические коммивояжеры с какими-то воровскими по привычке ухватками лихо-радно набивают чемоданы батумскими нитками и влекут куда-то подозрительную стопудовую ношу в опасный и темный путь, вечно стремясь к берегам своей Аркадии.

III

У иностранца, который свое посещение Советской России ограничивает Батумом, должно получиться очень странное впечатление, зато для нас Батума вполне достаточно, чтобы судить о прелестях Константинополя.

В Батуме никто не жалуется на тяжелые времена, и только одна подробность напоминает о том, что есть люди без лир, — это небольшие плакатики, неизбежно украшающие каждую лавчонку, каждый маленький духан: «Кредит никому» и даже — «Кредит не кому» по самой разной орфографии. Но истинная торговля не обходится без кредита, и на самом деле, достаточно взять где-нибудь коробку папирос, чтобы на следующий день получить в кредит другую.

Все это чрево и служение лире, но у Батума есть и высшие потребности — кое-что для души. На Маринской улице кружок ОДИ — общество деятелей искусств. Здесь устраиваются смехотворные выставки ма-

кулатурных живописцев, скупаемые заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем верниссаже. Есть в Батуме и поэты, изысканней которых трудно себе представить. Город постоянно подвергается налетам заезжих шарлатанов — «профессоров» и «лекторов». Один из них устроил публичный суд над Иудой Искаротом, причем самовольно объявил на афише об участии местного ревтрибунала, за что и был привлечен к ответственности.

Еженедельно, по субботам, город оглашается звуками военной музыки из общественного собрания: это пир на всю ночь, очередной благотворительный вечер в пользу голодающих — с лото, американским аукционом и тому подобными прелестями. Здесь оставляются миллиарды.

Если вечер грузинский, ни на минуту не умолкает гипнотическая музыка сазандарий, путешествующая от столика к столику, пока кто-нибудь из пирующих не поднимется грозно и не пропляшет лезгинку под раздирающий сердце аккомпанемент тары.

Что такое теперешний Батум? Вольный торговый город, Калифорния золотоискателей, грязный котел хищничества и обмана, сомнительное окно в Европу для советской страны... Очаровательный полувосточный средиземноморский порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами, которые топчут его хищную почву так же беззаботно, как топтали почву Шанхая и Сан-Франциско. Будем помнить, что воздух современного Батума, солнечный, влажный и нездоровый, пропитан неуважением к будущей пролетарской России, к ее строительству, ее нравственному облику и страданию.

Да и коммерческая польза от Батума невелика и сильно раздута. Горы товара, наваленные в батумских складах, если разобраться, — непристойная дешевка, предназначавшаяся раньше для колониальных стран и дикарей.

Наш лозунг должен быть таков: освободиться поскорее от гегемонии Батума, чтобы соленый морской ветер освежил наш трудовой дом через окна здоровых гаваней — Одессы, Новороссийска, Севастополя и Петербурга, где в добрый час выставляется первая рама.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В августе девятнадцатого года ветхая баржа, которая раньше плавала только по Азову, тащила нас из Феодосии в Батум. Хитрый полковник дал нам визы и отпустил к веселым грузинам, твердо рассчитывая получить нас обратно, ибо, как потом оказалось, были сделаны самые хозяйственные распоряжения на этот счет. Чистенькая морская контрразведка благословила наш отъезд. Мы сидели на палубе вместе с купцами и подозрительными дагестанцами в бурках, пароход уже огибал феодосийский берег, но забыл свою подорожную и вернулся обратно. Никогда мне не встречалось, чтобы пароход что-нибудь забыл, как рассеянный человек.

Пять суток плыла азовская скорлупа по теплому соленому Понту. Пять суток на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы: — Ты зачем едешь? — У меня в Тифлисе родные . . . — А зачем они в Тифлисе? — У них там дом . . . — Ну ничего, поезжай . . . Всяк человек свой дом имеет, — и протягивал стаканчик с каким-то зверобоем, от которого делались судороги и молния раздирала желудок.

Вечером на пятые сутки пришли в Батум и стали на рейде. Город казался расплавленной и раскаленной массой электрического света, словно гигантское казино, горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ. Это после облупленной, полутемной Феодосии, где старая Итальянская улица, некогда утеха южных салопниц, где гостиный двор с колоннадой времен Александра Первого и по но-

чам освещены только аптекари и гробовщики. Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний — словно японская прическа — чистенький, волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в прозрачном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она — Грузия!.. Сейчас будут пускать на берег...

На берег сойти не мешают, только какие-то студенты, совсем такие, как распорядители благотворительных вечеров — почему-то это всегда были грузины — отобрали на сходнях парохода паспорта: дескать, всегда успеете их получить, а нам так удобнее. Без паспортов в Батуме было ничуть не плохо: зачем паспорта в свободной стране?

Нигде человек не окажется бездомным. Мы опекали в дороге двух почтенных старушек, выгружали их замысловатый многоместный багаж — и вот мы в кругу уютной батумской семьи, душой которой является «дядя». Этот «дядя» живет собственно в Лондоне и едет сейчас в Константинополь. Он такой кругленький и приятный, будто сам биржевой курс принял образ человека и сошел на землю сеять радость и благоволение между людьми. После обеда симпатичное семейство отпустило нас в город. Ничто не сравнится с радостным ощущением, когда после долгого морского пути земля еще плывет под ногами, но все-таки это земля — и смеешься над обманом своих чувств и топчешь ее, торжествуя. Как иностранцы, мы, конечно, попали впросак: спрашивали у прохожих, где кафе Маццони, между тем как там называется так по-гречески простокваша, что и вывешено на каждой кофейне.

Наконец мы нашли свое маццони с зонтиками-грибами над столиками и увенчали день чашкой турецкого

кофе с рюмкой жидкого солнца — горячего мартела. Здесь приключилась встреча: долговязый А., закованный в чудовищный серебряный браслет. Он спяну полез целоваться, но узнав, что мы едем в Москву, сразу помрачнел и исчез.

На другой день отправились получать паспорта, чтобы все было в порядке. На самой чистенькой улице, где все пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намерениях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга искренностью и доброжелательством. Он вникал во все, беспокоился, не потеряюсь ли я в чужой стране без друзей. Я стараюсь успокоить его и называю Сергея Х. Он очень обрадовался: как же, как же, мы его знаем, мы его неделю назад выслали... Называю еще одно имя, кажется, Рюрика Ивнева — он опять радуется, оказывается, его тоже знают, тоже выслали... Теперь, говорит, вам осталась одна маленькая формальность — получить визу генерал-губернатора. Это совсем близко, вам покажут дорогу...

Пошли к губернатору, а у проводника карман оттопырен. Кто-то из нас сразу попытался оценить эту подробность. Этот карман означал как бы инкубационный период лишения свободы. Но мы шли на встречу с чистым и невинным сердцем. К генерал-губернатору нас провели без очереди. Это был дурной знак. Сам он был похож на итальянского генерала — высокий, сухопарый, в мундире со стоячим воротником, расшитом какими-то галунами. Вокруг него тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. И в этом птичьем клетоте повторялось одно понятное слово, сопровождаемое энергичным жестом и выпученными глазами: большевик... большевик...

Генерал объявил: — Вам придется ехать обратно . . . — Почему? — У нас хлеба мало . . . — Но мы здесь не останемся — мы едем в Москву. — Нет, нельзя. У нас такой порядок: раз вы приехали из Крыма, значит, поезжайте в Крым . . .

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Аудиенция кончилась. Решение относилось к целой группе лиц, не знавших друг друга. Видимо, не доверяли, что мы сами поедem в Крым, и мы перешли на явно полицейское попечение. Полицейские же считали нас группой заговорщиков и, когда один убежал, с ножом к горлу приставали, куда скрылся наш товарищ.

В самой гуще батумского порта, около таможи, там, где грязные турецкие кофейни выбросили на улицу табуретки с кальяном и дымящимися чашечками, там, где контора Ллойд-Триестино, там где качаются фелюги и горят маки турецких флагов, где муши с лицами евангельских разбойников тащут на спине чудовищные тюки с товарами и мучные мешки, где молодые коммерсанты нюхают воздух, там возвышается ящик портового участка — бывшее торговое помещение внутри пассажа с одной только единственной камерой для всех высылаемых — «откуда и куда приехал» . . .

О, тюрьмы, тюрьмы! Узилища с дубовыми дверями, громыхающими замками, где узник кормит и дрессирует паука и карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха и света в маленьком крепком окошке, романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям, с переодеваниями, кинжалом в хлебе, дочерью тюремщика, милые упадочно-феодальные тюрьмы Виллона, моего друга и любимца, — тюрьмы, тюрьмы, все вы нахлынули на меня, когда захлопнулась гремучая дверь и я увидел следующую картину: в пустой, грязной камере по каменному полу ползал моло-

дой турок и сосредоточенно чистил все щели и углы зубной щеткой. Ему очень не понравилось, что мы пришли и помешали ему. Он пробовал нас выгнать, но это было совершенно невозможно . . .

Здесь мы должны были ждать прихода парохода, который доставит нас в Крым. Из окна были видны нежные японские холмы, целый лес моторных и парусных лодок . . .

С вооруженным спутником я пошел в русскую газету, но она, как на грех, оказалась врангелевской, и там сказали: «Если вы ничего дурного не сделали, почему бы вам не поехать в Крым?»

После долгих мытарств мы нашли другую, более подходящую газету. Редактор, увидев меня, всплеснул руками и позвонил какому-то Венъямину Соломоновичу. Этот Венъямин Соломонович и оказался настоящим гражданским губернатором Чиквишвили, я же попал в лапы к его военному заместителю Мдивани. Чиквишвили, человек с иконописным, интеллигентным лицом и патриархальной длинной козлиной бородой, усадил меня в кресло, прогнал часового лаконическим — пошел вон! — и тотчас, протягивая мне какую-то тетрадку, заговорил:

— Ради Бога, что вы думаете об этом произведении? Этот человек нас буквально компрометирует . . . Тетрадка оказалась альбомом стихотворений Мазуркевича, посвященных грузинским правителям. Каждое начиналось приблизительно так: «О ты, великий Чиквишвили . . . О ты, Жордания, надежда всего мира» . . .

— Скажите, — продолжал Чиквишвили, — неужели он считается у вас хорошим поэтом? . . . Ведь он получил Суриковскую премию . . .

1923.

**СТАТЪИ О ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУСТВЕ**

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

(К выходу «Альманаха Муз»)

Вышел альманах с произведениями двадцати пяти современных поэтов. По этому случаю можно бы сказать, как полагается, о высоком техническом уровне современной поэзии, упомянуть о том, что все теперь умеют писать стихи, и пожалеть, как у нынешних искусственно и мертво выходит. Однако я ничего подобного не скажу: почему это критики очень любят предаваться грустным размышлениям — где только увидят кучу стихов. Очень немного им нужно, чтобы показалось «высоким уровнем», а упреком в искусственности они избавляют себя от труда, часто непосильного, разбираться в сложностях искусства. Чтобы раз навсегда прекратить эти лицемерные жалобы равнодушных и посторонних людей на мнимое оскудение поэзии, будто бы застывшей в «александрийском совершенстве», полезно разъяснить, что такое «прогресс» в поэзии. Никакого «высокого уровня» у современников в сравнении с прошлым нет. Большинство стихов и теперь просто плохи, как было плохо всегда большинство стихов. Плохие стихи имеют свою преемственность и, если хотите, они совершенствуются, поспешая за хорошими,

своеобразно перерабатывая и искажая их: Теперь пишут плохо по-новому — вот и вся разница! Да и какой вообще может быть прогресс в поэзии в смысле *улучшения*. Разве Пушкин *усовершенствовал* Державина, то есть в некотором роде отменил его? Державинской или ломоносовской оды теперь никто не напишет, несмотря на все наши «завоевания». Оглядываясь назад, можно представить путь поэзии, как непрерывную невознаграждаемую утрату. Столько же новшеств, сколько потерянных секретов: пропорции непревзойденного Страдивариуса и рецепт для краски старинных художников лишают всякого смысла разговоры о прогрессе в искусстве.

«Альманах Муз» составлен крайне разнообразно — в нем представлены многочисленные разновидности плохих и хороших стихов: ни о каком среднем уровне и говорить не приходится, так как некоторым участникам сборника, как до звезды небесной далеко до других. Из поэтов старшего поколения представлены В. Брюсов и Вячеслав Иванов, стихи коих уже могли бы возбуждать благородную печаль о том, что теперь так не пишут. В стихах В. Иванова какая-то пресыщенность — все заранее известно. Поэт до такой степени у себя дома в собственных образах, что ленится творить и произносит совсем не магическое заклинание:

Но грустны как забытые сны

Мне явленья . . . . . весны . . .

(достиг очевидно того величия, когда ему позволено и сонному прикасаться к кифаре, чуть-чуть касаясь ее перстами).

Валерий Брюсов обладает свойством быть энергичным и наиболее в системе своих стихов. Два стихотворения Брюсова в «Альманахе Муз» принадлежат к самой неприятной его манере и воскрешают весьма сует-

ное литературное направление, на счастье отошедшее вместе с определенной эпохой. Нескромное прославление стихосложения врывается в довольно бледный пейзаж; поэт чувствует себя магом, слагающим строфы:

В строфы навек вплетено . . .

в другом: «спешит пред вещим мечом» . . .

«Вещим мечом» теперь никого не удивим. Мишурная мантия ложного символизма совершенно вылиняла, потеряла всякий вид и по справедливости вызывает веселую улыбку поэтической молодежи (находится сейчас в почетном архиве вместе с «Ваалом» Надсона).

Пленителен классицизм Кузмина. Сладостно читать живущего среди нас классического поэта, чувствовать гетевское слияние «формы» и «содержания», убеждаться, что душа наша не субстанция, сделанная из метафизической ваты, а легкая, нежная Психея. Стихи Кузмина не только запоминаются отлично, но как бы припоминаются (впечатление припоминания при первом же чтении), выплывают из забвения (классицизм):

Наверно, так же холодны

В раю друг к другу серафимы . . .

Однако кларизм Кузмина имеет свою опасную сторону. Кажется, что такой хорошей погоды, какая случается особенно в его последних стихах, и вообще не бывает.

Сочетание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух, привыкший с понятием песни связывать некоторую душевную элементарность, если не бедность. Психологический узор в ахматовской песне так же естествен, как прожилки кленового листа:

И в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

... В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал — после женщины настал черед *жены*. Помните: «смирренная, одетая убого, но видом величавая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России.

1916.

ПИСЬМО О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В блестящее время парижских, брюссельских, нижегородских и прочих всемирных выставок существовал обычай возводить архитектурные постройки в стиле чего угодно, но обязательно грандиозно.

Сооружения эти, олицетворявшие художества; кустарную промышленность, сельское хозяйство и прочее, недолго держались в своем эфемерном величии: выставка кончалась, и деревянные планки свозили на телегах.

Грандиозные создания русского символизма напоминают мне эти выставочные сооружения. Иногда мне кажется, что Бальмонт, Брюсов, Андрей Белый специально построены для каких-то всемирных выставок, и вот-вот приедут их разбирать. По существу они уже разобраны. От Бальмонта с его горящими зданиями и мировыми поэмами, сверхчеловеческими дерзновениями и демонической самовлюбленностью осталось несколько скромных, хороших стихотворений. Брюсов еще стоит — он пережил «выставку», но все знают, что это такое. От космической поэзии Вячеслава Иванова, где даже минерал произносит несколько слов, осталась маленькая византийская часовенка, где собрано оскудевшее великолепие многих сгоревших храмов. И на-

конец, Белый . . . Здесь мне придется отказаться от моей архитектурной параллели: Белый неожиданно оказался дамой, просяив нестерпимым блеском мирового шарлатанства — теософией.

— Куда вам, нынешним, до стариков! — вздыхают любители большого стиля, воспитанные на выставочных павильонах. — То-то были поэты: какие темы, какой размах, какая эрудиция! . .

Любителям русского символизма невдомек, что это — огромный махровый гриб на болоте девяностых годов, нарядный, множеством риз облаченный.

В конце прошлого века русская поэзия вышла из круга домашних напевов Фета и Голенищева-Кутузова, приобщилась к широкому кругу интересов европейской мысли и потребовала себе мирового значения. Все было внове для молодых сотрудников «Весов» — Брюсова, Эллиса, Зинаиды Гиппиус. До сих пор еще, перелистывая старые «Весы», захватывает дух от радостного удивления и волнующей лихорадки открытий, которой была одержима эпоха. Вселенская мысль, никогда не умиравшая даже в русской помещичье-дворянской поэзии, но после Пушкина ставшая подспудной в глухих созданиях Тютчева и Владимира Соловьева, шумным поводом смысла домашнюю рухлядь русской поэтической мысли, снова открыла запад — новый, соблазнительный, воспринятый весь сразу, как единая религия, будучи на самом деле весь из кусочков вражды и противоречий. Русский символизм ничтожен, как запоздалый вид наивного западничества, перенесенного в область художественных воззрений и поэтических приемов. Вместо спокойного обладания сокровищами западной мысли:

Мы помним все — парижских улиц ад
И венецьянские прохлады,

Лимонных роц далекий аромат
И Кельна дымные громады . . .

— юношеское увлечение, влюбленность, а главное — неизбежный спутник влюбленности — перерождение чувства личности, гипертрофия творческого «я», которое смешало свои границы с границами вновь открытого увлекательного мира, потеряло твердые очертания и уже не ощущает ни одной клетки, как своей, пораженное болезненной водянкой мировых тем. При таком положении нарушался самый интересный в поэзии процесс — рост поэтической личности: сразу взяли самую высокую напряженную ноту, оглушили сами себя и не использовали голоса, как органическую способность развития.

. . . . .

Самое удобное измерять нашу поэзию градусами поэзии Блока. Это живая ртуть — у него и тепло и холодно, а там всегда жарко. Блок развивался нормально: из мальчика, начитавшегося Соловьевым и Фетом, он стал русским романтиком, умудренным германскими и английскими братьями, и, наконец, русским поэтом, который осуществил заветную мечту Пушкина — в просвещении стать с веком наравне.

Блоком мы измеряем прошлое, как землемер разграфляет тонкой сеткой на участки необозримые поля. Через Блока мы видим и Пушкина, и Гете, и Баратынского, и Новалиса, но в новом порядке, ибо все они предстали нам, как притоки несущейся вдаль русской поэзии, единой и не оскудевающей в вечном движении.

Всегда будет любопытно и загадочно, откуда пришел поэт Блок . . . Он пришел из дебрей германской натурфилософии, из студенческой комнатки Аполлона Григорьева и — странно! — он чем-то возвращает нас

в семидесятые годы Некрасова, когда в трактирах ужинали юбиляры, а на театре пел Гарсиа.

Кузмин пришел от волжских берегов с раскольничьими песнями, итальянской комедией родного домашнего Рима и всей старой европейской культурой, поскольку она стала музыкой — от концерта в палатце Питти Джорджоне до последних поэм Дебюсси.

Клюев пришел от величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте. Клюев народен, потому что в нем уживается ямбический дух Баратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя.

Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и богатство русского романа 19-го века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не в поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу.

Вся эта форма — вышедшая из асимметрического параллелизма народной песни, а жало узкой осы приспособлено для переноса психологической пыльцы с одного цветка на другой.

Итак, ни одного поэта без роду и племени: все пришли издалека и идут далеко.

Во время расцвета мишурного русского символизма и даже до его начала Иннокентий Анненский уже являл пример того, чем должен быть органический поэт: весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя статья. Анненский никогда не сливался с богатырями на глиняных ногах русского символизма — он с достоинством нес свой жребий отказа, отречения. Дух отказа, питающий поэзию Анненского, питается сознанием не-

возможности трагедии в современном русском искусстве благодаря отсутствию синтетического народного сознания — непрекаемого и абсолютного — необходимой предпосылки трагедии; и поэт, рожденный быть русским Еврипидом, вместо того, чтобы спустить на воду корабль всенародной трагедии, бросает в водопад куклу, потому что: «сердцу обида куклы обиды своей жалчей».

1922.

КОЕ-ЧТО О ГРУЗИНСКОМ ИСКУССТВЕ

В русской поэзии есть грузинская традиция. Когда наши поэты прошлого столетия касаются Грузии, голос их приобретает особенную женскую мягкость и самый стих как бы погружается в мягкую влажную атмосферу:

На холмы Грузии легла ночная мгла . . .

Может быть во всей грузинской поэзии нет двух таких стихов по грузински пьяных и пряных, как два стиха Лермонтова:

Пену сладких вин
Сонный льет грузин . . .

Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной —

и разработанный Лермонтовым в целую мифологию: мифом о Тамаре в центре.

Любопытно, что этим мифом, обетованной страной для русской поэзии стала не Армения, а Грузия. Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей грузинскому национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа этого народа. Грузинский эрос — вот, что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить. Ее старое искусство, мастерст-

во ее зодчих, живописцев, поэтов проникнуто утонченной любовью и героической нежностью.

Да, культура опьяняет. Грузины сохраняют вино в узких, длинных кувшинах и зарывают их в землю. В этом прообраз грузинской культуры — земля сохранила узкие, но благородные формы художественной традиции, запечатала полный брожения и аромата сосуд.

То, что нельзя вывести из рассудочных данных культуры, из учета ее накопленных богатств, есть именно дух пьянства, продукт таинственного внутреннего брожения: узкая, длинная амфора с вином, зарытая в землю.

Никогда русская культура не навязывала Грузии своих ценностей. Русификация края никогда не шла дальше форм административной жизни. Русские администраторы с Воронцовым-Дашковым во главе, уродуя экономическую жизнь края и подавляя общественность, не сумели затронуть быта и относились к нему с невольным уважением. О культурной русификации Грузии не было и речи. Поэтому национальное и политическое самоопределение Грузии, резко распадающееся на два периода — до и после советизации, для грузинской культуры и искусства должно быть экзаменом верности самой себе, и культурная Россия, целое столетие любовно следившая за Грузией, сейчас с тревогой глядит на страну, готовую изменить своему культурному призванию. Сущность грузинской культуры всегда была в обращенности к востоку, причем Грузия никогда не сливалась с востоком, была отделена от него. Я бы причислил Грузию к числу культур орнаментальных: окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают главным образом его узор, в то же время ожесточенно сопротивляясь внутренне враждебной сути могущественных соседних областей.

.. Сейчас в Грузии стоном стоит клич: «Прочь от востока — на запад! Мы не азиаты — мы европейцы, парижане!» ... Как велика наивность грузинской художественной интеллигенции! Тенденция — прочь от востока! — всегда существовала в грузинском искусстве, но разрешалась не грубым лозунгом, а высоко художественными формами и средствами.

Войдите в национальный музей грузинской живописи в Тифлисе. Перед вами предстанет длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих немецкую живопись. В то же время плоскостные формы и линейная композиция (ритм линий) дышат приемами персидской миниатюры. Часто встречается золотой фон и богатый золотой орнамент. Эти работы безымянных живописцев — настоящая победа грузинского искусства над востоком — и как ничтожны перед ними танцующие осколки скрипки, некогда разбитые Пикассо, пленившие новую французскую живопись ... С этой скрипкой произошло то же самое, что с мощенническими реликвиями монахов — скрипка была одна, ее разбили один раз, но нет такого города, где бы не показывали щепочки — вот кусочек от Пикассо!

Жизнь языка открыта всем — каждый говорит и участвует в движении языка и каждое сказанное слово оставляет на нем живую борозду. Чудесный случай наблюдать развитие языка живописного доставляют нам вывески, в частности тифлиссские, на наших глазах вырастающие в мощное искусство Пиросманишвили.

Нико Пиросманишвили был простой и неграмотный живописец вывесок. Он писал на клеенке в три цвета — охрой, зеленой землей и черной костью. Его заказчики, тифлиссские духанчики, требовали интересного

сюжета, и он шел им навстречу. На одной из его картин я прочел собственноручную подпись: «Шамиль со свою караулом» (сохраняю орфографию). Нельзя не преклониться перед величием его «безграмотных» (не анатомических) львов, великолепных верблюдов с несообразными человеческими фигурами рядом и палатками, победившими плоскость силой одного цвета. Если бы французы знали Пиросманишвили, они бы ездили в Грузию учиться живописи. Впрочем, они его скоро узнают, так как по недосмотру вещи его почти все вывезены за границу.

Другое явление современного грузинского искусства, представляющее европейскую ценность, это поэт Важа Пшавела. Он переиздается Наркомпросом, и в молодой Грузии образуется нечто вроде культа Важа Пшавела. Но — Боже мой! — до чего ограничено его непосредственное влияние на молодую грузинскую поэзию!.. Это был настоящий ураган слова, пронесшийся по Грузии, с корнем вырывавший деревья:

Твои встречи — люди мирные,
Непохожие на война —
Темнокудрый враг железо ест
И деревья выкорчевывает...

Образность его, почти средневековая в своем эпическом величии, стихийна. В нем клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность. Все, что он говорит, невольно становится образом, но ему мало слова — он его как бы рвет зубами на части, широко пользуясь и без того страстным темпераментом грузинской поэтики.

Вино старится — и в этом его будущее, культура бродит — в этом ее молодость. Берегите же свое искусство — зарытый в землю узкий глиняный кувшин.

1922.

РЕВОЛЮЦИОНЕР В ТЕАТРЕ

1

Пьеса Эрнста Толлера „Masse-Mensch“ — «Человек-масса», еще не видевшая ramпы в России, несомненно, пьеса с будущим, независимо от своих художественных и театральных достоинств. Она принадлежит к типу драматических произведений, вроде «Жизни человека» Леонида Андреева, сильных и элементарных, понятных всем и каждому благодаря ясной схематичности действия и грубой, но яркой символике сценического воплощения.

Эрнст Толлер, мужественный германский революционер-спартаковец, один из зачинателей кружка молодой немецкой драматургии, так называемой группы «Драматической Воли». Но в ближайшем рассмотрении, поскольку можно, по крайней мере, судить по произведениям самого Толлера, драматическая воля его единомышленников собственно лежит вне театра — это не театральная воля. Могучий и благородный социальный инстинкт — мужественная революционная воля германского пролетариата, одушевляющая Толлера, переплескивается через театр, смывая его, как таковой, ничего не созидая для театра, действуя через него, поль-

зуюсь им, как средством. Поэтому Эрнста Толлера, несмотря на его пафос, энергию и напряженность, никак нельзя назвать революционером в драматургии — это революционер в театре, наскоро приспособивший театр для своих боевых целей, пользуясь старыми средствами, в данном случае, средствами германского модерн-символизма. Нам, русским, их приемы чрезвычайно напоминают Леонида Андреева, «его школу» и печальной памяти недавнее прошлое (не дай Бог воскреснуть) — когда Он, Она, Оно и прочие значительные персонажи наводили панику на впечатлительного русского интеллигента. Но какая разница, выгодная для Толлера, при сравнении его опытов с родственными отечественными дореволюционными произведениями. Вместо бледной интеллигентской немочи живая кровь, настоящий пафос, железная революционная воля:

Мы, замурованные в глухие ящики небоскребов,
Обреченные в жертву механизму злорадной
системы,

Мы, навеки разлученные с матерями,
Из фабричных глубин подаем мы голос.
Когда мы любовью жизнь измерим,
Когда мы насытим первичную жажду воли,
Когда мы избавимся от ига!

Есть что-то прометеевское и исконно-германское в массовых хорах Толлера, он сумел из варьяций Интернационала сделать настоящий гимн:

Вставайте из всемирной дремы,
Рабы, поденщики труда,
Грядущих прав грохочут громы,
День настает, горит звезда.

Великолепен пафос Толлера: это пафос высокой трагедии.

А фабрики принадлежат рабочим,
Не капиталу в лайковых перчатках,
Прошли года, когда с горбатых наших спин
Он озарял заморские богатства,
И чужанина порабощая, ткал паутину войн.

Тем досаднее, что Толлер, как драматург, всецело в плену у символики мюнхенского модерна и весь его трагический пафос беспомощно виснет на символических манекенах.

2

В основу драматической интриги „Masse-Mensch'a“ взято совершенно реальное и правдоподобное положение: дама из хорошей буржуазной семьи, жена бюрократа, прокурора или видного адвоката, ушла в рабочее движение и готовится взять на свои плечи всю ответственность за беспощадные действия масс, как руководительница и вдохновительница. Но в последнюю минуту решимость ее покидает, гуманистические предрассудки (все, что угодно, только не насилие) берут верх, и она сходит на нет. Ее никто не хочет слушать, настоящий беспощадный вождь отводит ее в сторону, она не годится в вожди; эта дама, очевидно, дилетантка в рабочем движении, названа у Толлера просто женщиной, с большой буквы, без одного реального признака, кроме мужа. Последний, несмотря на большую букву, почти реальная, даже комически-бытовая фигура, и говорит жаргоном, соответствующим своему образованию и положению, тем нарушая общую патетику действия. Протагонист драмы, так называемый Безымянный, он же „Masse-Mensch“ или массовик.

Это уж совершенно отвлеченная фигура, без малейших признаков личной характеристики. Пафос на манекене. Нам скажут, нелепо требовать личной характеристики от представителя коллективной воли, коллективного действия, и Толлер нарочно срезал все углы у Безымянного. Я на это отвечаю: массовик тоже человек, и каждый массовик — массовик по-своему. Драматическое воплощение массовика, так же как и воплощение индивидуалиста Фауста, требует драматической характеристики. Иначе получится общее место, движущееся в пространстве, а не драматическая сила. Вся пьеса протекает и сплошь состоит из полемики Женщины и Безымянного. Это сплошной митинг. Митинг перемежается бредовыми сценами — сцена банкиров, где в кинематографическом темпе показана биржа; сцена тюремного двора, фантазия из недалекого будущего, где уже тени расстрелянных танцуют символический танец. В них мы узнаем знакомых банкиров. Разумеется, наивно массовое действие толковать, как митинг. Именно митинг есть действие, и не митинговый характер социальной революции, воспитанной массовыми причинами, назревшей в массах, но происходящей в деловом порядке, делает исторически неправдоподобными и неубедительными самые сильные сцены Толлера. Важные события, управляющие ходом революции, никогда не рождаются на митинге. Можно взять трех человек у себя дома, соединить их телефоном и показать массовое действие. Благодаря же наивному смешению массового действия с митингом почти все европейские революционные пьесы внешне на один лад. Даже сценарий — на тот же рабочий кабачок, зал собраний или что-нибудь подобное. Но смешение массового действия с митингом и банкиры-тени, пляшущие символический леонид-андреевский танец смерти под дудку Безымян-

ного, все, все прощается Толлеру за великий пафос подлинной, хотя и не воплощенной, трагедии. Он с необычайной силой столкнул два начала: лучшее, что есть у старого мира — гуманизм и, преодолевши гуманизм ради действия, новый коллективистический императив. Недаром слово *действие*, Tat, звучит у него, как орган и покрывает весь шум голосов. В уста героини, погибающей от раздвоенности, он вложил самые сильные, самые огненные слова, какие мог произнести старый мир в защиту гуманизма. Трагедия женщины — трагедия самого Толлера. Он переборол и переболел в себе гуманизм во имя действия — вот почему так ценен его коллективистический порыв. Пьеса Эрнста Толлера „Masse-Mensch“ один из самых благородных памятников германского революционного духа.

1922.

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Июльская революция 1830 года была классически неудачная революция. Казалось, никогда еще так цинично не злоупотребляли именем народа. По существу это был мостик между двумя монархиями: Бурбонской — Карла X, и орлеанистской — Луи-Филиппа. Это был мостик от полуфеодальной реставрации, опиравшейся на уцелевших львов бывшей эмиграции, на крупное землевладенье, набожной, ханжеской, бездарной в экономических вопросах, не понимавшей ни духа, ни потребностей времени, — к настоящей буржуазной монархии Луи-Филиппа, к королю финансистов и биржевиков, покровителю заводчиков, перед которым охотно склонилась буржуазия, увидав почти самое себя на троне. Волна европейских революций 1830—1848 гг. совпала с открытием эры железных дорог, с реальным выступлением парового двигателя. Городской пролетариат всюду содрогнулся, как бы почувствовав в своей груди новую неслышанную силу клокочущего пара. Но это был лишь толчок. Движение было впереди.

Между тем картинная, театральная сторона парижской революции 1830 г. была великолепна и не стояла ни в каком соответствии с ее реальными достижениями.

Париж снова как бы копировал гениальную постановку 93 года. Три дня — 27, 28 и 29 июля глубоко впечатлили парижан. Особенно врезался в память мощный набат, потрясавший в эти дни воздух, так как Собор Парижской Богоматери был захвачен мятежниками. Казалось, по городу пронесся ураган: срубленные деревья, выкорчеванные фонари, опрокинутые пролетки, баррикады, вылепленные старинным искусством революционного улья из разной всячины, как кузов пчичьего гнезда, — вот, что оставила после себя трехдневная июльская буря.

Эти три дня заслужили и получили своего поэта. Огюст Барбье не был революционером. Сын адвоката (родился в 1805 г.), к моменту революции он служил клерком у нотариуса де-Лавиня (брата знаменитого романтического писателя). В этой нотариальной конторе скопилось целая группа молодых писателей романтического толка, горячих театралов, восхищенных Гюго, поклонников живописной средневековой старины. Барбье разделял их вкусы и, если бы не 1830 год, он навсегда бы остался бледным и банальным романтиком.

Интересно, что в июльские дни Барбье отсутствовал в Париже. Он был в отъезде, а вернулся, когда на улицах оставались горячие следы борьбы и происходила уже дележка власти. Барбье не был очевидцем «трех дней». Его поэзия родилась из ощущения контраста между величием пронесшегося урагана и убожеством достигнутых результатов. За несколько дней до появления в «Парижском Обозрении» знаменитой «Собачьей склоки» Барбье журналист Жирарден писал: «Две недели назад были днями народного мятежа, минутами храбрости и энтузиазма. Теперь возмущение совсем другого рода — восстание всех, добивающихся места. Они бегут в передние с такой же пылкостью, с

какой народ бросался в битву. С семи часов утра батальоны одетых во фраки кидаются во все стороны столицы. С каждой улицей толпа их увеличивается: пешком, на извозчиках, в кабриолетах, потные, задыхающиеся, с кокардою на шляпах и трехцветными лентами в петлицах, — вы видите всю эту толпу, которая надвигается на дворцы министерств, врывается в передние, осаждают дверь кабинета и т. д.» ...

Литературные враги Барбье после напечатания «Собачьей склоки» обвиняли его в заимствовании, чуть ли не в пересказе этой газетной статьи. Но нам кажется, что умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а лишь увеличивает заслугу поэта.

«Собачья склока» была напечатана в «Журналь де Деба». Еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. Слава пришла одним ударом, одним стихотворением, потом она надолго померкла. Какими способами, какими средствами художественной выразительности достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников?

Во-первых, он взял мужественный стих ямбов, как это раньше сделал Шенье, стих, стесненный размером, с энергичными ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для выражения гражданской ненависти и страсти.

Во-вторых, он не стеснял себя приличиями литературного языка и умел сказать грубое, хлесткое и циничное слово, что было вполне в духе французского романтизма, боровшегося за свежий и обновленный поэтический словарь.

В-третьих, Барбье оказался мастером больших поэтических сравнений, как бы предназначенных для ораторской трибуны: силе поэтических образов Барбье

учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что «Божественная Комедия» была для своего времени величайшим политическим памфлетом.

Ямбы Барбье, рожденные вспышкой тридцатого года, следовали пачкой один за другим: «Собачья склочка», «Лев»: — «Я был свидетелем трехдневного смятения — три дня метался лев народного терпенья по звучным мостовым прабабки городов», «Девяносто третий год», «Мятеж» и особенно два последние, направленные против культа Наполеона: «Популярность» и «Истукан». В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. Для Наполеона приберегает он самые сокрушительные дантовские образы. Для него Наполеон еще жив. Яд наполеоновского культа, разлагающий демократию того времени, яд, приготовленный в лабораториях лучших поэтов и художников, он рассматривает как опаснейший токсин.

После этой пачки ямбов, дыхание большого стиля отлетело от Барбье. Он жил еще долго — до 1882 года, путешествовал в Италии и в Англии, воспевал лазурные гроты и античные кладбища и оставил ряд сентиментальных поэм в духе справедливости и человечности.

В Россию, несмотря на запрещение николаевской цензуры, Барбье проник очень рано. Лермонтов зачитывался им на гауптвахте и испытал сильное его влияние. В кружке петрашевцев Барбье знали и переводили; поколение шестидесятников, не будучи в силах оценить поэтическую силу Барбье, восхищалось им как сатириком. Характерно, что редактор «Вестника Европы» Стасюлевич, покоробленный подлинным выражением Барбье «святая сволочь», попросил своего

переводчика смягчить его или заменить другим. Некрасов переложил стихотворение Барбье «Пророк» — «Не говори, забыл он осторожность». Нынешняя революционная поэзия, идущая совсем другими путями, не испытала классического влияния Барбье. Отзвуки его голоса мы слышим у Лермонтова и даже у Тютчева, когда он говорит о Наполеоне. Но в поэзии Барбье нас пленяет даже не страсть, а одна — почти пушкинская черта: умение одной строкой, одним метким выражением определить всю сущность крупного исторического явления.

1923.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Детская литература — вещь трудная. С одной стороны, нельзя допускать очеловечения зверей и предметов, с другой — надо же ребенку поиграть, а он, бестия, только начнет играть, сразу ляпнет и что-нибудь очеловечит. За детской литературой нужен глаз да глаз. Здесь нужна научная постановка дела и хорошо подготовленные, опытные пожилые женщины. Одна знакомая научно-подготовленная старушка до такой степени овладела идеологией, что ее буквально рвут на части. Теперь она консультант и всюду заседает, утвержденная ГУС'ом. Выдвинулась она не сразу, хотя данные у нее были выигрышные: во-первых, она сама когда-то была ребенком, во-вторых, отличалась незаурядной для своих лет живостью ума. Старушка эта была с виду обыкновенная, довольно аккуратная, содержала себя самостоятельно и с шестидесяти лет жила литературным трудом.

Но и она не сразу попала в точку и долго бродила вокруг да около. Сначала она думала, что можно жарить по старине, и принесла в журнал совершенно негодную и вредную сказку. Буквально все насекомые и звери в этой сказочке что-нибудь говорили, кузнечики во фраках служали какому-то принцу, заяц бил в ба-

рабан. Прочитавшему эту сказочку становилось мутно, словно его опоили ромашкой. Сказать по правде, это было черт знает что.

Старушку выручил заяц. Этому зайцу она должна бы памятник поставить.

— Заяц у вас еще туда-сюда, — сказал переутомленный секретарь. — Все-таки барабан — трудовой процесс...

Старушка вернулась домой и быстро себя перевоспитала. Следующий раз она принесла такую сказку, в которой овцы и бараны стеснялись произносить «бэ» и «мэ».

По ходу сказки овца молча отращивала шерсть для полезного употребления. Ввиду такого оборота, к старушке вышел сам редактор и выразился неопределенно:

— В производственном плане, но скучновато...

В ту ночь старушке приснился сон. Она видела зайца-барабанщика, который стриг овцу, собирая шерсть на барабан, а потом отнес ее в какую-то коллегию, где долго говорили, нюхали шерсть и разошлись поздно вечером...

ВЕЕР ГЕРЦОГИНИ

Марсель Пруст рассказывает, как одна герцогиня слушала музыку. Герцогиня была очень гордая, какой-то невероятно голубой крови — бурбонская, брабантская или еще того выше. Как-то случайно она забрела на раут к бедной родственнице, захудалой виконтессе с каким-то изъяном в гербе. Концерт, однако, был хорош. Дамы слушали Шопена, покачивая в такт прическами и веерами. Перед герцогиней встала проблема: отбивать ли ей веером такт, как это делали соседки, или нет. Не слишком ли жирно будет для музыканта такое необузданное одобрение с ее стороны? И вот голубая особа вышла из затруднения: она привела в движение свою черепаховую штучку, но не в такт исполняемой музыки, а в разнобой — для независимости.

Наша критика — увы! — напоминает в некоторых отношениях эту герцогиню: она высокомерна, снисходительна, покровительственна. Критик, разумеется, не школьный учитель. Не его дело ставить отметки, раздавать знаки отличия, премировать, заносить на черную доску. Настоящий критик прежде всего осведомитель, информатор общественного мнения. Он обязан описать книгу, как ботаник описывает новый растительный вид, классифицировать ее, указать ее место в ряду других книг. При этом неизбежно возникает вопрос о масштабе книги, о значительности явления,

о духовной силе автора, обо всем, что дает ему право разговаривать с читателем. Я не вижу существенной разницы между большим критическим очерком, развернутым в статью, и малой формой критики — рецензией. Но убожество приемов нагляднее в малой форме — рецензии.

Беру пример наудачу: ленинградская «Красная Вечерняя Газета» от 12 января. Рецензия о романе Алексея Липецкого «Наперекор».

Героиня романа — молодая крестьянская девушка Маша, воспитанная и окруженная условиями кулацкого быта, не выдерживает деспотизма отца и встает «наперекор» своей судьбе. Она уходит из дому, работает избачкой и затем, выйдя замуж за одного из активных партийцев своей деревни, сама становится общественным работником, направившим все свои силы на борьбу с косной деревенской массой. Такова в двух словах фабула романа.

Таковую, с позволения сказать, фабулу можно придумать, садясь в трамвай или зашнуровывая ботинки. Рецензент тем не менее преподносит ее серьезно: ему подвернулась под руку «формочка доброжелательного отзыва». Автор здесь не при чем. Веер герцогини механически пришел в движение.

Мы еще ничего не знаем о том, как пишет Липецкий и ровно ничего не узнаем о пресловутой Маше. Ни один судебный репортер не позволил бы себе столь бессодержательного пересказа всплывших на суде обстоятельств. У нас нет никакой гарантии, что эта самая Маша «под гнетом деспотического отца» не разведется завтра с сознательным избачом, чтобы снова погрузиться в кулацкую среду.

«Роман Липецкого интересен попыткой построения нового литературного героя» . . . — Вот тут-то сейчас и

начнется, — думает наивный читатель. — Я узнаю кое-что о Липецком и о Маше. Ничего, что фабула простенькая. Флобер, Анри де-Ренье и Бунин вышивали и на более примитивной основе. Слово рецензенту... Почему построен новый тип?

Дело оказывается в том, что «генеалогия Маши, как передовой женщины, ищущей и нашедшей себе удовлетворение в общественно-полезной работе, несомненно восходит по литературной линии к активным героиням Тургенева (Елена — 'Накануне', Марианна — 'Новь')».

Позвольте... Читатель хватается рецензента за рукав... Тут неладно. Веер, остановись!.. Либо я сплю, либо он бредит... Ведь это же как раз наоборот... Ведь это называется старый литературный тип... Какая странная обмолвка!

В распоряжении рецензента еще двадцать строк. Еще не поздно выправиться...

«Надо признаться, что, хотя бытовизм в построении романа и отступает на второй фоновый план перед вырисовкой героев, тем не менее, он оказался удачнее, нежели сами герои»...

Хуже всего, что это не простая бессмыслица, а ритуальная. Это какое-то шаманство на диком выпренном жаргоне. «Бытовизм оказался удачнее героев»... Даю перевод этой белиберде: быт изображен лучше, чем характеры. Но ведь это не только бессодержательно, но и бессмысленно, потому что сами характеры бытовые.

Дальше сообщается, что автору особенно не удался художочный партиец, нафаршированный политграмотой, и такая же неживая сельская учительница.

Что же собственно удалось автору? Где книга? О чем писал рецензент? Секрет прост — подвела «формочка». Надо было сказать, что Липецкий написал

очень плохую, никуда не годную книгу (я говорю, конечно, по догадке, на основании робких намеков рецензента, подобно Кювье конструируя ихтиозавра по косточке). Затем, показав на примерах, почему книга Липецкого плоха, надо было указать, что она типическое явление, вызванное ложным спросом на такие книги, сопоставить ее с сестрами по несчастью и тогда уже сделать литературный и общественный вывод, ибо о плохих книгах ни с того, ни с сего не пишут.

Рядом с отзывом на книгу Липецкого в том же номере газеты помещена рецензия на интересную, во многих отношениях замечательную книгу Каверина «Скандалист или вечера на Васильевском Острове». Вот как она начинается: «О символистах написала роман Зинаида Гиппиус — 'Чертова кукла'. О формалистах и прочих написал Венъямин Каверин. Каждая литературная школа оставляет свой помет в пасквильном романе» . . .

С первых же слов книга серьезно работающего прозаика с большой культурой слова, с такими крупными достижениями, как «Конец хазы», безобразно названа «литературным пометом эпохи», тон почему-то взят высокомерный, пренебрежительный, рецензент сразу поджимает губы и сразу, сам того не замечая, делает брезгливое лицо, хотя этот второй рецензент (Н. Берковский) говорит о Каверине очень лестные вещи, главным образом настаивая на том, что книга интересна, но полупрезрительный тон выдержан до конца. Вместо внимательного и увлекательного разбора книги, которая несомненно принадлежит литературе, как по занимательности жанра, так и по мастерству, мы имеем похлопывание по плечу, беспричинное иронизированье. У читателя создается впечатление, что Каверин попал в какую-то скверную историю.

. . . . .

Случаи отставания рецензентов и критиков от читателя у нас не редки. Иногда они принимают крайне печальный характер и ведут к большим недоразумениям. Упомяну хотя бы о вопиющей недооценке повести Катаева «Растратчики», вышедшей в 1926 году. Повесть двусмысленна, ее подхватили за рубежом, из нее делают орудие антисоветского пасквиля. Однако в ней есть за что уцепиться. Бояться ее нечего. Как всякая крупная вещь, она допускает разные толкования. Злобно-хвалебным статьям о «Растратчиках» зарубежной прессы мы не можем противопоставить своего толкования, потому что книгу у нас недооценили, она пошла под общую гребенку — «удостоилась» куцых и бессодержательно-высокомерных похлопываний по плечу. Вместо разбора произведения Катаева были в свое время устроены никому не нужные кустарные суды над самими растратчиками — его героями. Проглядели острую книгу.

В заключение приведу уже совсем позорный и комический пример «незамечания» значительной книги. Широчайшие слои сейчас буквально захлебываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова, называемой «Двенадцать стульев». Единственным отзывом на этот брызжущий весельем и молодостью памфлет были несколько слов, сказанных Бухариным на съезде профсоюзов. Бухарину книга Ильфа и Петрова для чего-то понадобилась, а рецензентам пока не нужна. Доберутся, конечно, и до нее и отбреют как следует.

Еще раз напоминаю о веере герцогини. Он движется не в такт, с подозрительной независимостью. Нам не нужно веера герцогини, хотя бы в жилах ее текла трижды выдержанная идеологическая кровь.

[1929].

ЖАК РОДИЛСЯ И УМЕР

Пояснение к предложению прямой речи отделяется знаками — запятой и тире: — Славный сегодня денек, — сказал он, ухмыляясь в бороду... Так водится во всех книгах, хотя никто и никогда так не говорит и не рассказывает. Не знаю почему, в обыкновенных, то есть в оригинальных книгах это почти незаметно, но в переводах жужжит надоедливym веретеном.

И еще не знаю, почему меня преследует в эти дни бессмысленное, монументально-синтаксическое построение, как бы синтез и картонная пирамида этого словесного мира из папье-маше:

— Жак родился и, прожив жизнь, умер...

Кто он — этот Жак? Родился ли он в Шампани, Турени или Эльзасе, пропущен ли он автором желтообложечного романа через мясорубку войны, или же какой-нибудь лихой подголосок Бенуа загнал его в Тунис к арабам, отказал ли он невесте, получил ли он наследство, облагодетельствовал ли рабочих на образцовых каменоломнях?

Не все ли равно!... Переводы — это Экклезиаст, суета сует. Долго, долго будет стоять страшная картонная пирамида:

— Жак родился и, прожив жизнь, умер...

Злая, убийственная двусмысленность есть в самом слове «перевод», подобная той, которая заключена в слово «ухаживать» — «уходили» ...

Перевод иностранных авторов таким, каким он был, захлестнувший и опустошивший целый период в истории русской книги, густой саранчой опустившийся на поля мысли и слова, был, конечно, «переводом», то есть изводом неслыханной массы труда, энергии, времени, упорства и живой человеческой крови. Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву Башню. И безработным XVII века, верно, кстати пришлось государев паек и медная гривна. «Всемирная Литература» — Сухарева Башня голодных интеллигентов девятнадцатого года — не знаю, добром тебя помянуть или предать проклятью. Чуть ли не на веленовой бумаге, с именной грандиозной роскошью отпечатаны были одни имена авторов мирового Пантеона, подлежавших переводу. В закромах «Всемирной Литературы» было скудное зерно: его расклеывали, и до потолка набухали кипы ненапечатанных рукописей.

По линии наименьшего сопротивления — туда, где дают! Застрекотали перья в розовых и подагрических пальцах. Две тысячи новых, более гибких трафаретов прибавилось к приемам Иринарха Введенского. Никто не спрашивал себя, захочется ли ему переводить Стендаля и захочет ли кто-нибудь читать его перевод. Вертелись буддийские мельницы, листы подсчитывала бухгалтерия.

Было время, когда перевод иностранной книги на русский язык являлся событием, честью для чужеземного автора и праздником для читателя. Было время, когда равные переводили равных, состязаясь в блеске языка, когда перевод был прививкой чужого плода и здоровой гимнастикой духовных мышц. Добрый гений

русских переводчиков — Жуковский — и Пушкин принимали переводы всерьез.

Упадок начался приблизительно с шестидесятых годов, когда появилось насквозь фальшивое понятие черной умственной работы, интеллектуальной поденщины, когда началась разъедающая болезнь русской культуры, когда мозг стал цениться дешево. Работа может быть тяжелой, кропотливой, но «черной» она быть не смеет, будь то труд грузчика или переводчика. Когда курсистка ехала в Москву достать работишку или перевод, когда пауки в книжных лавках сообразили, что можно выгодно поторговать дешевым мозгом, и началась фабрикация грязного читива. Стасюлевиичи, боявшиеся печатать в своих «Вестниках» Лескова, тупо жалуюсь на оскудение литературы, забивали толстые журналы «жаком», и пухлые дамские ручки уродовали для них Эдгара По, чьи рассказы в свое время были переведены с вычеркнутыми ужасами, потому что переводчице показалось слишком страшно.

В одной жанровой книжке семидесятых годов автор, описывая тогдашнюю новость — конку, передает подслушанный разговор: какая-то бедная Настенька, обманутая апраксинцами, на которых она шила рубашки, рассказывает, что пришлось ей зайти в «магазин», где ей «дали» перевод по пяти рублей с листа, да два рубля аванса. Тогда было хоть откровенно, и хотя жалко Настеньку, а «магазин» как магазин.

Высшая награда для переводчика — это усвоение переведенной им книги русской литературой. Много ли мы можем назвать таких примеров после Бальмонта, Брюсова и русских «Эмалей и камней» Теофиля Готье?

Слишком много в переводной литературе последних лет, несмотря на высшую школу, изощренность, точность, академичность, выработанную передовым отря-

дом переводчиков, было насильственно, случайно и, в конечном счете, не нужно. Даже самый тщательный перевод иностранного автора, если он не вызван внутренней необходимостью, не является живой переключкой культуры народов, оставляет вреднейший след в подсознательной мастерской языка, загромождая его пути, развращая его совесть, делая его сговорчивым, уклончивым, примирительно-безличным.

По линии наименьшего сопротивления на лабазные везы магазинов пудами везут дешевый мозг.

В результате сложнейшего и не случайного стечения обстоятельств мы стоим лицом к лицу с горькой и унижительной болезнью: книга у нас перестала быть событием. Да, каждый номер газеты это, по-своему, событие, это биение пульса, это живая кровь, которую мы уважаем, а книга — это полфунта чего-то — не все ли равно — Всеволода Иванова, Пильняка или «Жака». Книга не терпит деморализации, болезни ее прилипчивы. Нельзя выпустить на рынок безнаказанно сотни тысяч неуважаемых, непочтенных или полупочтенных, хотя бы продажных, хотя бы тиражных книг.

Все книги — плохие и хорошие — сестры, и от соседства с «Жаком» страдает его сестра — русская книга. Если частица драгоценного мозга страны сжигается в прожорливых печках переводной кухни, если часть драгоценного золотого запаса сознательно и упорно переплавляется в чужую монету, на это должны быть серьезные причины и оправдания. Причин я вижу сколько угодно, но оправданий нет и не будет.

Через «Жака» просвечивает какая-то мерзкая чичиковская рожа. Кто-то показывает кукиш и гнусной фистулой спрашивает: «Что, брат, скучно жить в России?» ...

[1929]

ЮНОСТЬ ГЕТЕ

[Передача по радио]

I

Право охоты на оленей принадлежало сенату. Раз в год на торжественном публичном обеде сенаторам подавали жареного оленя. Но всех оленей в окрестности перестреляли дворяне, нарушая охотничье право сената. Пришлось развести стадо оленей. Олений выгон был в черте города. Каждый день сенаторам подавали жареного оленя. Однажды выгон упразднили. На месте выгона построили дом. В этом доме родился Гете.

В доме не было места для сада. Вместо сада — цветы на окошках в комнате, которая называлась «садовой». Садовая комната — детская. Из окон вид на чужие сады. На территории Конского рынка бюргеры домовладельцы разбили сады. В садах играли в кегли. С грохотом катились шары, сбивая кегли.

— Чьи это сады?

— Чужие.

— Можно туда пойти?

— Нельзя. Можно только смотреть в окно.

Зато ярмарка открыта всем и каждому. Мимо городской ратуши, называемой «Рёмер», с огромными сводчатыми залами, куда можно проникнуть, если очень попросить сторожа, и увидеть фрески и скамью судей, и скамью почетных бюргеров, и скамью ремесленников, и стол протоколиста, — мимо средневековой Нюрнбергской гостиницы, обнесённой крепостной стеной, мимо фабрики, мимо красильни, мимо белильни — на ярмарку!

На ярмарке купили много посуды, и мальчику достались игрушечные горшки и блюда.

— А что, если выбросить тарелку в окно: никого нет дома!.. Как она славно разбилась, как зазвенели черепки!.. Мальчик хлопал в ладоши, кричал и смеялся. Братья Оксенштейн, соседи, услышали звон разбитой тарелки и крикнули:

— А ну-ка, еще!

Вслед за тарелкой полетел горшок.

— А ну-ка, еще! — кричали соседи. Пришлось побежать за посудой на кухню: тарелки, тарелки — в окно! На полках — тарелки. Тарелки, тарелки — в окно!

— А ну-ка, еще! — кричали соседи. И снова на кухню. И снова — тарелки в окно. Кофейник и чашки, и

сливочник — прямо в окно. Целая груда черепков под окнами. Груда разбитой посуды.

Разрушитель — Вольфганг Гете трех с половиной лет перебил всю посуду в доме.

Дважды в год разлившись, Нил
Весь Египет затопил . . .
Нет реки священной Ганга —
Ганг — река большого ранга . . .

Учебник грамматики был весь зарифмован. Латинская грамматика тоже.

У мальчика в комнате стоял музыкальный пропитр красного дерева в форме усеченной пирамиды со ступеньками — очень удобный для исполнения квартетной музыки. На ступеньках была разложена в прекрасном порядке минералогическая коллекция — прозрачная слюда и хрупкий известняк, и розовый шпат, и мрамор в жилках, и кристаллический хрусталь, а рядом образцы почв от чернозема до красных глин и дары природы — колосья, засушенные ветки, семена, шишки.

— Прекрасная минералогическая коллекция, — говорили люди, входя в комнату. Мальчик молчал — никто не знал, что это алтарь природы. По утрам, когда солнце, всходившее за стенами соседских домов, наконец разливалось по крышам, он брал зажигательное стекло и наводил луч на курительную свечу, помещенную в фарфоровой чашечке на вершине пирамиды.

Юпитр — алтарь природы. Природа всемогуща. Мальчик — жрец природы. Свеча — жертва. Она не горела, а тлела. На алтаре каждое утро возжигалось благовонное пламя жертвы. Об этом никто не знал.

Сестра учится музыке. Учитель отбивает такт:

Мизинчиком, мизинчиком — скорее! — хоп,хоп!

Мимишку — мизинчиком, а фа — крючком...

Серединчиком — соль, как в солонке соль.

По чернавке ударь... Легче, легче, быстрее...

Каждая клавиша имела свое имя, каждый палец свою кличку.

Не браните кукольный театр. Вспомните, сколько он вам доставил радости. Гете на всю жизнь запомнил прыжки и жесты всех этих мавров и мавританок, пастухов и пастушек, карликов и карлиц и тяжелую поступь доктора Фауста, который продал душу дьяволу.

Как-то вечером он прочитал матери наизусть один из своих любимых монологов из кукольной комедии «Давид», и она, чтобы прихвастнуть неожиданным талантом сына, рассказала об этом владельцу кукольной труппы. С тех пор он стал постоянным помощником кукловода, и тот посвятил его во все тайны своего искусства. Он сам дергал кукол за ниточки и однажды во время спектакля, дававшегося для приглашенных соседских детей, нечаянно уронил своего великана, но тотчас высунулся и под громкий хохот зрителей, разрушив всю иллюзию, поставил его на ноги.

Но вскоре ему надоели затверженные пьесы. Он решил обновить репертуар и сам упражнял свою фан-

тазию, сочиняя всякие драматические отрывки, вырезывая из картона и раскрашивая новые декорации. Однажды он соблазнил товарищей поставить настоящий спектакль. На костюм героя — сурового и великодушного рыцаря — взял серую бумагу; для врагов его — золотую и серебряную. Но в суете приготовлений он совершенно упустил, что каждый актер должен знать, когда и что говорить. Уже собрались зрители, а его актеры в растерянности спрашивали друг у друга, что же им собственно делать. Переодетый и чувствующий себя Танкредом, он вышел на сцену и прочел несколько напыщенных стихов. Никто из актеров не вышел. Никто ему не ответил. Зрители хохотали.

Тогда, позабыв о рыцарских страстях и поединках, он перешел к библейской сказке про тщедушного царя Давида и силача Голиафа, который вызвал его на бой. Дети обрадовались знакомой пьесе и выбежали с ним играть. Спектакль был спасен.

II

Молодой гражданин большого города бродит по улицам. Иногда случаются события, нарушающие спокойное течение жизни: то пожар уничтожит чей-то дом, то совершится преступление, розыском и наказанием которого город занимается несколько недель.

Отчего толпится народ на улицах? Отблески костра в окнах соседних домов . . .

. . . За оскорбление религии и добрых нравов суд постановил предать сожжению все издание легкомысленного французского романа. Грудю горящей бумаги ворошат железными вилами.

Вдруг подул ветер, и сотни горящих листов — горящие бумажные бабочки с хрустящими красными крыльями — взлетели на воздух. Толпа бросилась их ловить.

А Гете, воспользовавшись переполохом, стащил с ковра еще нетронутый огнем экземпляр запрещенной книги.

На всякую птицу есть своя приманка.

Большая темная комната в чем-то неизвестном доме. Бюргерский сын Вольфганг Гете в компании веселых и общительных молодых людей. У окна за прялкой девушка — Гретхен, Маргарита . . .

— Маргарита, сходи в лавку, принеси еще вина.

Гете: — Как можно посылать беспомощную девушку, одну, без провожатых в такую темную ночь . . .

1-й юноша: — Не бойся, она привыкла. Погребок напротив. Она сейчас вернется.

2-й юноша: — Вы знаете, этот богач Леерман — с чего начал? Торговал спичками, а сейчас один из первых людей во Франкфурте.

1-й юноша. — Ловкий человек никогда не пропадет.

2-й юноша: — Ты что сегодня делал?

1-й юноша: — Бегал по поручению суконщика. Он так разленился, что готов делить прибыль с маклером.

2-й юноша: — Гете, мы достали для тебя новый заказ на свадебные стихи. Те, что ты писал — похоронные, помнишь, — уже пропиты. Займись-ка стихами. Мы через часок вернемся.

Большая грифельная доска на столе. Гете записывает мелком стихотворные строчки, стирает их губкой, снова пишет.

Маргарита: — Зачем вам это нужно? Бросьте это дело. Уходите отсюда, пока не нажили неприятностей. Послушайте меня, уходите...

Гете: — Гретхен, если бы человек, который вас любит, почитает, ценит...

Маргарита: — Только не целуйте... Мы ведь друзья...

Компания молодежи, дурачившая полицию, изощрявшаяся в озорных проделках и головоломных плутнях, обнаружена ищейками городской ратуши. Советник Шнейдер с поклонами и сладенькими улыбочками производит допрос на дому у Гете-отца.

— Где познакомились?

— На гуляньи.

— Где встречались? Кто там бывал? Назовите улицу...

Вольфганг слег в постель. Нервная горячка.

Между франкфуртской Гретхен и Гретхен из Фауста трудно найти что-нибудь общее. Что с ней случилось — с этой первой Гретхен? Гете никогда об этом не узнал. Скорей бы вырваться из Франкфурта, скорей бы уехать.

III

Страсбург. Гете кончает университет. Высокие башни Страсбургского собора видны со всех сторон города. Это первый блестящий образец готической архитектуры, который увидел Гете. На больших речных дорогах, в торговых узлах, в ярмарочных центрах высились стреловидные громады готических соборов. Издали они были похожи на каменные леса, увенчанные башнями. Вблизи они удивляли глаз обилием растительных завитков, фантастической скульптурой, в которой повто-

рялись морды животных, листья и цветы. Из главной точки каждого свода расходились мощные ребра. Равновесие и полет были законом архитектуры.

Жизнь едина во всех проявлениях. Надо все испытать, надо все уметь, надо всему порадоваться.

Страсбург — граница Франции.

Чем волнуется эта кучка молодых людей, называющих друг друга гениями даже в товарищеском кругу, даже с глазу на глаз? Может, их обуревают освободительные идеи Франции, которая уже раскачивается для великой буржуазной революции? Философы завтрашней революции и в первую очередь Вольтер им, конечно, знакомы. Но они, эти юноши, целиком живут внутренними душевными бурями. Им кажется, что презренные феодальные князьки должны трепетать перед их вдохновением. Ярость душевных порывов, свободная поэзия, черпающая силу в народном творчестве, победит немецкую косность, сокрушит убожество пережившего себя строя.

Как это произойдет?

По воценым полам в торжественной тишине картинной галереи бродил юноша с покатым лбом, туго стянутыми к затылку и заплетенными в косичку волосами, острым, как будто ищущим носом и коричневыми, вопрошающими глазами. По пятам его семенил музейный проводник — присяжный объяснитель картин.

Молодой человек, соблюдая вежливость, всемерно старался отделаться от проводника, который видел в нем свою законную добычу и сыпал как горохом названиями живописных школ, именами художников...

Юношу явно раздражали хвалебные возгласы: божественно, очаровательно, неизъяснимо, воздушно, бесподобно . . .

Избавившись, наконец, от своего спутника, он твердым шагом прошел через комнаты итальянской живописи, где на фоне ярко синего неба среди остроконечных скал и тонкоствольных деревьев изображались пастухи с ягнятами, женщины с удлинненными лицами, держащие цветок в вытянутой руке или же склоненные к колыбели пухлого мальчика.

Все это прекрасно, но не сейчас, после . . . Скорее к голландцам, к бессмертным северным мастерам: яблоки, рыбы, бочонки, крестьяне, пляшущие под дубом и кажущиеся под огромным деревом взрослыми карликами с развевающимися полами кафтанов. Женщины в тяжелых бархатных платьях и большеголовые дети, цепляющиеся за их подол; лудильщики и бочары, косматые и всецело поглощенные работой, и, наконец, семья сапожника: спальня, жилая комната — она же мастерская; коричневый полумрак, кусок хлеба с воткнутым ножом на столе, молоток, ударяющий по башмаку, надетому на колодку, деревянная ладья колыбели с парусом полога, раскрытый шкаф с мерцающей посудой и причудливо вырезанные куски кожи, разбросанные по полу.

Да ведь это мастерская шутника сапожника Фрица! Искусство и жизнь встретились.

Перед отъездом сапожник подарил Гете пару прочных, но некрасивых сапог.

События... наслаждения... страсти... страдания...

События? Какие могут быть события в феодальном немецком городке? У герцогини подохла любимая собачка. Жена статс-секретаря родила двойню. Директор городской музык-капеллы уволил флейтиста за то, что тот громко высморкался на придворном концерте.

Придворным лакеям шьют новые ливреи. Ткацкий и портняжный цех ликуют.

В город приехал модный архитектор и строит дом с наружной, а не внутренней лестницей, предназначенный для нескольких семейств. Подумайте: под одной крышей будут жить три семьи!

Нищая страна. Спящая промышленность. Бюргерам нигде развернуться. Молодежь среднего класса не знает, куда девать силы. Но стремления к росту уничтожить нельзя.

В даль убегают туманные цепи Вогезских гор, простирающиеся на юг. Внизу долина реки Саар. Позади остались башни Страсбургского собора.

Старик проводник одет в одну туфлю, один башмак. Он поминутно поправляет сползающие чулки. Его сын — рабочий литейщик.

Что за речонка? Когда попадаешь в новую местность, проследи, в каком направлении текут реки и даже ручейки — через это познаешь рельеф — геологическое строение местности.

Какие здесь цены на хлеб? Неисчерпаемые природные богатства — уголь, железо, квасцы, сера, а страна под угрозой голода. Лавочник в Фальцбурге отказался вчера продать им хлеб.

Отчего этот запах серы и гари и дым из трещин земли?

Подземный пожар, охвативший отработанные штольни . . . Он длится уже десять лет.

Двухэтажный домик с белыми занавесками на окне. Здесь на горе в рудничном районе живет угольный философ — химик Штауф. Гете, путешествуя по Саару, пришел поговорить с ним о хозяйстве страны и об использовании природных богатств:

— Зато меня порадовала выработка проволоки. Это зрелище способно привести в восторг любого человека: тяжелый ручной труд заменен машиной. Она работает как разумное существо.

IV

Гете положил на стол свой штейгерский молоток.

— Вы слышали — писатель Готшед женился. Ей девятнадцать, ему шестьдесят пять . . . Не забежать ли в гости к Готшеду?

Готшед жил очень прилично — в первом этаже гостиницы «Золотой Медведь». Квартиру ему предоставил благодарный издатель.

Гостей провели в большую комнату. Вышел сам Готшед, толстый, огромный, в зеленом шелковом халате, подбитом красной тафтой. На лысой голове ни одного волоска. Вслед за ним выбежал слуга с громадным париком в руках, локоны которого спускались до самых локтей. Он боязливо вручил своему господину этот пышный головной убор. Готшед спокойно отвесил слуге полновесную пощечину, затем надел парик на голову, опустился в кресло и заговорил с молодыми студентами о высоких материях.

— Кто умеет чинить вороны перья?

— А ты пиши гусяными.

— Вы ничего не понимаете . . . ;

Бериш — оригинал и остролов, длинноносый, с резкими чертами лица, с шляпой под мышкой и шпагой на боку, балагур, бездельник, похожий на старого француза, чей костюм, всегда серый, но в сложнейшей гамме серых оттенков, вызывал общие насмешки, тридцатилетний Бериш, гувернер, выгнанный из графского дома за дружбу со студентом Гете и за пристрастие к литературным трактатам, — был мастером словесной карикатуры.

Бериш: — Свежие пирожные нашего доброго булочника Генделя — заметьте, что его вывеска ласкает слух, напоминая о широкой, спокойной и прекрасной музыке одноименного композитора, — я предпочитаю черствым изделиям почтенного профессора Готшеда, выпеченным из тухлой исторической муки и приправленным иностранными словами . . . Старика Клопштока называют божественным поэтом. Согласен. Он хорош уже тем, что не проглотил древнегреческой колонны. Но поэма его — знаменитая «Мессиада», пересказывающая Евангелие, так длинна, что понадобилось бы нанять носильщика, чтобы таскать ее с собой на прогулку. Речи святых персонажей усыпляют, как церковные проповеди, но вдруг автор оживляется и обретает силу, огонь, краску, звучность. Бедняга Клопшток! Он уже угадывает язык страстей, язык живой природы — но слушать органную музыку и выжимать из себя слезы сорок восемь часов подряд! . . Нет, спасибо . . .

Бериш высмеивает бюргеров и любителей военных подвигов, прославляющих Фридриха Второго, который семь лет подряд вел опустошительную войну и все не мог кончить. Бериш смеется над педантами профессорами:

— Как ваши лекции? Имущественные отношения римских квиритов и изучение пандектов под углом определения понятия обладания, владения, овладевания, завладения и . . . обалдения. Профессор «от четырех до пяти», фамилия безразлична . . .

Четверг, 10 ноября 1767 года, 7 часов вечера.

— Ах, Бериш, Бериш! Какое жуткое мгновенье! О, Боже, Боже! Хоть бы немного успокоиться . . . Бериш; будь она проклята, любовь . . . Если бы ты видел меня, ты бы стонал от жалости ко мне.

Кровь угомонилась. Я успокаиваюсь и уже могу говорить. Разумно ли? Может ли безумец быть рассудительным? Будь у меня цепи на руках, я бы знал по крайней мере, во что вгрызаться . . .

Я очинил перо, чтобы дать себе передышку. Тише, тише . . . Я расскажу тебе все по порядку . . .

Он сидит за маленьким рабочим столиком у высокого окна без занавески. Резной стул с очень высокой спинкой немного откатнулся назад. Комната учащегося и молодого художника. Стоит мольберт с начатой живописью — мятущееся дерево в голландском стиле. Рядом пузатая фляга с каким-то питьем, стакан, накрытый блюдцем. Гете в короткой рабочей куртке. Лицо злое, напряженное. Он не причесан, косичка болтается. У него тяжелый подбородок упрямого школьника. Почерк его исполнен самого дикого движения и в то же время гармонии. Буквы похожи на рыболовные крючки и наклоняются по диагонали. Как будто целая стая ласточек плавно и мощно несется наискось листа.

— Все это так больно меня уязвило, что я заболел настоящей лихорадкой. Всю ночь меня бросало в жар

и в холод. Весь день я просидел дома. Вечером я зачем-то послал служанку на улицу — и что же? — девушка возвращается и рассказывает, что Кетхен со своей матерью — где бы ты думал? — в театре! В театре, когда ее любимьй болен...

В городе только что отстроили новый театр. Студенты гурьбой навещали декоратора на чердаке. Там на полу был распластан свеженамалеванный занавес. Музы уже не витали в небесах, но стояли на земле. К портику шел человек. Всех радовало, что он не в греческом хитоне, а в обыкновенном платье. Это Шекспир. Мысль художника ясна: Шекспир один пробил себе дорогу к пантеону искусств. Шекспиром зачитываются, Шекспиром захлебываются. В нем ценят дерзость ума, глубину душевного чувства, чудесные переходы от ярости к нежности, размах в изображении человеческих характеров и больше всего — горечь и стыд за современность, которую узнаешь у Шекспира под любыми масками.

С высоких колосников студенты смотрели на сцену, и она казалась им слишком маленькой для шекспировского действия. Всем хотелось, чтобы «Гец фон Берлихинген» — юношеская трагедия Гете — была достойна Шекспира.

Базедов задумал образцовую школу. Деньги нужно вырвать у богачей. Базедов начинает с просьбы и неожиданно для себя самого оскорбляет человека, к которому обращается. Мудрено ли, что ему отказывают?

Ядовитый Мерк — прообраз Мефистофеля. Гете сравнивает его с улиткой, которая нет-нет да и покажет людям рога.

У Гете замечательная оценка Лафатера. Он говорит: «Что такое человек, прекрасно наблюдающий подробности, но не имеющий цели? Он видит, какая складка на лбу, но не знает, для чего эта складка и какой она должна быть».

Фотографии тогда, как известно, не было.

И еще один человек с таким мягким выражением лица, с таким пухлым ртом, с такими плавными дугами бровей, как будто он сочинитель музыки, с отпечатком болезненности и силы в каждой черте своей — собиратель народных песен, поэт и мыслитель Гердер. Гете от него узнал: поэзия никогда не является частным, личным делом. Поэзия — серьезная работа. Гердер улыбается и говорит: мысль и слово, чувство и выражение неотделимы друг от друга, нерасторжимы как два близнеца.

Чтобы понять, как разворачивалась жизнь и деятельность Гете, нужно также помнить, что его дружба с женщинами при всей глубине и страстности чувства была твердыми мостами, по которым он переходил из одного периода жизни в другой.

Фридерика Брион в крестьянском платье с короткими рукавами; длинные косы. Она поворачивает голову, прикрытую косынкой, как ягненок на звук колокольчика. Пасторская дочка. Шумная деревенская семья.

Лотта, чужая невеста, всегда хлопчущая и со всеми приветливая, та самая старшая сестра из повести «Вертер», за подол которой цепляются младшие братья и сестры. Ограниченное и довольно среднее бюргерство.

Лили Шенеман или просто Лили — смеющийся задорный профиль, но отчеканьте его на монете, и те же тонкие губы, та же греческая прическа будут выглядеть властно; дочь банкира, играющая на клавесине и твердая в своих причудах.

И вот хочется спросить: почему же Гёте, общительный, любимый, любящий, глубже всех поэтов своего времени выразил тему одиночества?

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить, —
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Ответ на этот вопрос мы найдем в «Вертере» — этой книге отчаянья молодого Гёте. Книга эта посеяла сразу самоубийств в обеспеченной бюргерской среде. Чувствительная молодежь поняла ее как руководство к самоубийству. Хотя автор писал ее с обратной установкой — как выздоравливающий рассказывает о своей болезни. Голубой фрак, в который одевался Вертер, послужил символом победоносного ухода от действительности, — на самом же деле, несмотря на гибель нескольких десятков злополучных подражателей Вертера, этот литературный образ, образ чувствительного молодого буржуа, стоящего выше своей среды, послужил лишь к укреплению жизненности своего класса, и недаром Наполеон брал его с собой в поход и перечитывал семь раз.

... Мораль этой басни ясна: человек не смеет быть униженным. Пять чувств, по мнению летописца, лишь вассалы, состоящие на феодальной службе у разумного, мыслящего, сознающего свое достоинство «я».

Такие вещи создаются как бы оттого, что люди вскакивают среди ночи в стыде и страхе перед тем, что ничего не сделано и богохульно много прожито. Творческая бессонница, разбуженность отчаяния сидящего ночью в слезах на своей постели, именно так, как изобразил Гёте в «Мейстере»...

Конницей бессонниц движется искусство народов, и там, где она протопала, там быть поэзии или войне.

V

Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! Труби, почтальон на высоких козлах! Пламенейте вершины красных кленов! Прощай неуклюжая, но все-таки милая Германия...

Шоссе не совсем гладкое, но это не беда.

Хочется со всеми говорить как с добрыми знакомыми.

Хочется каждому нищему сказать что-нибудь доброе.

Хрипящая бродячая шарманка лучше концертной музыки.

Мычание упитанных тиролевских коров кажется полным смысла и жизни, как будто сама земля обрела голос и рассказывает о том, как ее хорошо напоили осенние ливни.

Карета замедляет бег. Две фигуры стоят посреди дороги. Девочка лет одиннадцати отчаянно машет краешком красного плаща. Рядом с ней стоит чернобородый мужчина. За плечами у него большой треугольный футляр.

Маленькая дикарка с арфой — Миньона. Южанка, потерявшая свою родину, воплощение тоски по цветущему югу, но не итальянка. Старик из-под нахмуренных бровей глядел гордо и униженно.

— Девочка устала. Господин путешественник, не откажите ее подвезти.

Гете в мчащейся карете шутит с пугливым зверьком, самолюбивой маленькой арфисткой. Он ее дразнит, экзаменует. Она не умеет отличить клена от вяза. Но и девочка не остается в долгу. Между прочим она объясняет, что арфа прекрасный барометр: когда дискантная струна настраивается выше, это всегда к хорошей погоде.

За Бреннером, в начале альпийского перевала, он увидел первую лиственницу, а за Шенбургом первый сибирский клен. Верно и здесь маленькая арфистка стала бы его расспрашивать.

«Этим путешествием я хочу раз навсегда насытить свою душу, стремящуюся к прекрасным искусствам. Пусть образы их запечатлеются в моем сознании: я сумею их сбересть для тихого, сосредоточенного наслаждения. Но потом, когда я вернусь, я возвращусь к ремеслам, я изучу механику и химию. Время прекрасного отживает. Только полезность и строгая необходимость управляют нашей современностью».

Трудно поверить, что эти слова были записаны в Италии на самом гребне могучего жизненного подъема. Не объясняется ли эта запись великим волнением души, охватившим путешественника по Италии Гете?

Дома он избегал углубляться в античность, в древний классический мир, потому что понять для него зна-

чило увидеть, проверить осязанием. Первая встреча с памятником классической древности — живой древности, не менее живой, чем природа, — веронский амфитеатр, один из цирков, построенных римскими императорами для массовых зрелищ.

Он обошел цирк по ярусу верхних скамеек, и он произвел на него странное впечатление: на амфитеатр надо смотреть не тогда, когда он пуст, а когда он наполнен людьми. Увидев себя собранным, народ должен изумиться самому себе — многогласный, многошумный, волнующийся — он вдруг видит себя соединенным в одно благородное целое, слитым в одну массу, как бы в одно тело. Каждая голова зрителя служит мерилom громадности целого здания.

Ветер, веющий с могил древних, проносясь над холмами, покрытыми розами, проникается их благоуханием. Памятники выразительны, трогательны и всегда воспроизводят жизнь. Так этот муж, который из ниши как из окна глядит на свою жену... А там стоят отец и мать, а между ними сын, и смотрят друг на друга с невыразимой нежностью.

А через несколько дней в маленьком венецианском театре шла довольно нелепая пьеса: актеры по ходу действия чуть ли не все закололись кинжалами. Неистовая венецианская публика, вызывая актеров, вопила: «Браво, мертвецы!»

Чему так непрерывно, так щедро, так искрометно радовался Гете в Италии?

Популярности и заразительности искусства, близости художников к толпе, живости ее откликов, ее одаренности, восприимчивости. Больше всего ему претила отгороженность искусства от жизни.

Прислушайтесь к шагам иностранца по нагретому камню уже опустевшей набережной Большого венеци-

анского канала. Он не похож на человека, который вышел на свидание: слишком велик размах его прогулки, слишком решительно и круто он поворачивает, отмерив двести или триста шагов.

В упругом воздухе ночи непременно — сзади или спереди — звучат мужские голоса. Они передают друг другу мелодию, они продолжают и никак не могут закончить какой-то трепещущий рассказ в стихах.

Каждый раз, наталкиваясь на свежую волну напева, Гете сворачивает обратно к другому только что умолкшему певцу и, провожаемый мелодией, удаляется от нее — навстречу новой, ожидаемой волне ее продолжения.

Перекликающиеся лодочники поют стихи старинного поэта Торквато Тассо. Тассо знает вся Италия. Безумный Тассо, семь лет просидевший на цепи в темнице герцога в Ферраре, тот самый Тассо, которого хотели увенчать розами в римском Капитолии . . . Но не успели: он умер, не дожив. Певец средиземных просторов, он рассказывает, как рубили дерево в заколдованных рощах и строили башни на колесах для осады мусульманских городов.

Великодушный поэт смешал в одну кучу турок, арабов и европейских крестоносцев; волшебников и чертей он поставил чуть ли не выше христианского Бога и помешался от страха, что церковь и власть объявят его еретиком.

К Гете подошел старый лодочник:

— Удивительно, как трогает душу это пение, особенно, когда поют умеючи, по-настоящему.

14 октября 1786 года Гете выехал из Венеции в Рим. 18 июня он вернулся в Веймар.

РЕЦЕНЗИИ
И
«ВНУТРЕННИЕ РЕЦЕНЗИИ»

Игорь Северянин. Громокипящий Кубок. Поэзы. Предисловие Федора Сологуба. Изд. Гриф. Москва, 1913 г.

Поэтическое лицо Игоря Северянина определяется главным образом недостатками его поэзии. Чудовищные неологизмы и по-видимому экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского языка, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе «галантерейности». И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадежно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать «просто хорошие» стихи. Если «я» Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет. Он умеет быть своеобразным лишь в поверхностных своих проявлениях, наше дело заключить по ним об его глубине.

1913.

ЖАН-РИШАР БЛОХ

Как литературный жанр книга Жан-Ришара Блоха примыкает к «легкой и занимательной» философии. Это блестящая, подчас виртуозная болтовня на важные культурно-исторические и политические темы, фельетон с притязанием на пророческий размах.

По содержанию она из бесчисленной семьи так называемых «закатов Европы», но, в отличие от догматика и математика Шпенглера, автор рисуется свободомыслием: он над партиями и над классами. Радикальный интеллигент, глубоко потрясенный войной, он ищет мировоззрения, а пока что пробивается парадоксами.

Лейтмотив книги — все разбито. Демократия поругана. Свобода — жалкий призрак. Политика разит падалью. Мировая революция обанкротилась. Полиция — увы! — обнаглела и врывается в частные дома. Благородное поколение, воспитанное на Толстом, Ромен-Роллане и Ганди, не желает идти за коммивояжером политики, господином Вивiani. Распаду социалистических партий Жан-Ришар Блох посвящает немало язвительных страниц, но ни мало не сомневается в их искренности: он уважает всякий пафос.

Война и революция для Жан-Ришара Блоха отнюдь не закономерность, но явления стихийного катастрофического порядка. Во всей книге нет ни одного намека на какую бы то ни было подготовку этих сдвигов в прошлом. Идеи с рук на руки передает друг другу так называемое «человечество»; созерцательный Восток глядится в душу мятежного, деятельного Запада. Коммунизм ни что иное как предчувствие новой религии. Европейец — высшая порода человека, хозяин мира. Он наложит на себя узду, найдет новые слова — ясные магические формулы, и цивилизация будет спасена.

Как образец медитаций Жан-Ришара Блоха приведу эпизод на скамье шартрского собора. Для кого органная музыка, бушующие краски витражей? Для кучки лавочниц-прихожанок с деревянными лицами... Значит, народ не воспринимает больше великого искусства? [Так], научимся у средневековья большому стилю, перефразируем его на новый, пока еще неизвестный лад.

Массы демобилизованных пролетариев и буржуа колебались между Вильсоном и Лениным. Америка для Блоха жупел, автоматическое чудовище, но Вильсон благородный неудачник и библейский проповедник. Народ пошел за ним, потому что он обещал немедленную гармонию, а Ленин звал к гражданской войне.

Воплощенная революция уже не революция: дух от нее отлетает. О Троцком нежная страничка: он хранитель вечного перманентного пламени. И вообще, революция, как таковая, по Жан-Ришару Блоху умерла. Ее предал СССР, занявшись хозяйственным строительством. Зато воскресло античное язычество в спорте и религия в культе великих людей и государственных символов. Наполеон и Бетховен — европейские мифы. Ленин тоже. А большевики — изнанка наполеонизма.

Вся изощренность пускается в ход, чтобы создать колоссальное расстояние между Востоком и Западом и доказать, что пролетарская революция победила где-то в потустороннем мире.

В книге собран целый ворох цитат, имен, научных и псевдонаучных ссылок: Морис Баррес, Стравинский, Дягилев, Маркс, Фюстель де Куланж, Ферраро, Унамуно, Гладков и даже разговор Горького с Блохом в Летнем Саду. Все это похоже на сорочье гнездо, куда натасканы блестящие предметы.

Вывод следующий: книга Блоха при всей своей внешней левизне глубоко реакционна. Она огромный шаг назад от настроений Ромен-Роллана. Это ни что иное как разоружение пацифизма. Будущая война, — говорит Блох, — обойдется без армий, а потому с ней достаточно бороться при помощи идей.

ЖОРЖ ДЮАМЕЛЬ

Дюамель не хочет быть «гражданином» и политиком, не хочет быть публицистом или избирателем — он хочет быть туристом даже в собственной стране. Голландия, Греция или Финляндия — три «несерьезные» страны — их выбор уже демонстрация: долой политику и да здравствуют голландские тюльпаны и финские лыжи.

Поэт социальной симпатии и проповеди уважения к маленькому человеку объявил себя другом порядка. Книга занимательна. Дюамель принимает победу, он называет ее «наша горькая победа». В Греции он мчится по шоссе, проложенному французами в дни войны, и сердце его под фланелевой фуфайкой полно гордости. Впрочем, шовинизм это зряшная вещь, но старая грязноватая Франция с опаздывающими поездами, каштанами, префектурами и провинциальным уютом все-таки хороша, и к ней постоянно возвращаешься... Европа жива, потому что она конгломерат родин, уцелевших после войны и даже процветших по ее милости.

Обширное введение посвящено Америке. Автор извиняется перед Францией за то, что страна-спасительница ему не понравилась. Неуклюжий французский чемодан заменили стандартными американскими, и Дюа-

мель растерялся на перроне. Америка — очаг заразы, растлевающий органическую европейскую культуру. Мы живем среди вещей, сделанных машинами, а машинную технику избранники духа должны ненавидеть. В этом плоском конфликте предел глубокомыслия Дюамеля.

Для разбега Дюамель берет и придумывает поэтические легенды: для Финляндии немного из Калевалы — про Вайнемайнена; для Голландии историю с Саваофом и его архангелами, для Греции чуточку археологии. Греция подает ему повод к размышлениям о том, что французы истинные продолжатели эллинского духа; он умиляется корешкам французских книг в библиотеке новогреческого поэта: куда ни приедешь, всюду Расин и Мольер!

Если откинуть сладенькую погоню за поэзией и местным колоритом, в книге Дюамеля остается много добротного чувственного материала: голландские шлюзы и фарфор, покоящиеся на прочной базе свиноводства, возведены им в перл создания. Лишь бы голландки не отказались от четырнадцати национальных юбок! Голландцы в его изображении вышли домовитыми и опрятными животными, и собственник ночью, не вставая с постели, разглядывает через оптическое приспособление сверкающий электричеством хлев. Дюамель договаривается до того, что современная Финляндия чужда всякому лицемерию: маленькая страна наслаждается своей самостоятельностью и самобытностью, любовью, трудом и песнями Калевалы.

Вся книга — печальное зрелище социального ожирения у несомненного, хотя и некрупного, художника. Она имеет резкий политический тембр: истинная цивилизация сближает противоположности и стирает со-

циальные противоречия. Голландия — классическая страна индивидуализма: в ней, слава Богу, 146 партий, а в Амстердаме столько же автобусных компаний. Жена бургомистра бегает на коньках со своей служанкой, а директор нидерландского банка беседует запросто с последним из своих клерков.

Дюамель как писатель все время шел на помочах у перворазрядных творцов и законодателей французской литературы. Он постоянно снижал и Франса, и Ромен Роллана и даже Жюль Ромена до золотой середины. Наша критика никогда этого не замечала и была к Дюамелю слишком близорука и снисходительна. В своей новой книге Дюамель лягает своих же учителей подкованным каблуком туриста.

СКИПЕТР. — Абель Арман

— Что это — оперетка или Шекспир? — нередко спрашивает себя в патетические минуты не лишенный юмора и литературно образованный эрцгерцог Павел. — Оперетка? — подозрительно спрашивает он и без особой уверенности решает: — Нет, Шекспир.

Книга Абель Армана остроумное, подчас заразительно веселое издевательство дряхлеющего буржуазно-демократического мира над обломками феодализма, над горностаем, купленным на банкирские деньги, над августейшим «интернационалом» «царствующих» семейств Европы, над союзом короля и епископа, руки которых соединяет агент полиции, служащий проводником в первой классной гостинице: ловкий мальчик — новый Фигаро, — сочиняющий под веселую руку манифесты будущего повелителя.

«Скипетр» написан в 1896 году, когда политическая карта Европы была почти сплошь выкрашена в пестрые цвета монархий, когда политическое здание капитализма было еще аккуратно облицовано тонкой феодальной фанерой.

Скандальный успех [книги] был в свое время погашен лояльной республиканской цензурой. Пролежав двадцать лет под спудом, книжка Абель Армана не

только не утратила интереса, но даже выиграла, как гротескный портрет отошедшей эпохи.

Девяностые годы — эпоха политических скандалов в конституционной Европе: дело Дрейфуса, похищения коронованных особ, развязка Панамы, знаменитые шарлатанские побоища в Будапеште и Вене и помятая в парижских барах и цирковых уборных скромная тирольская шляпа Леопольда Бельгийского, короля — прожигателя жизни, любимца кокоток и ресторанных лакеев.

Для современного читателя политическая пряность этого памфлета только подчеркивается некоторым расстоянием: автомобиль еще неизвестен, высокопоставленные лица разъезжают в ландо; велосипед чуть ли не модная новинка . . . Аромат эпохи.

Невинное буржуазное зубоскальство по поводу человеческих слабостей высоких особ вещь весьма распространенная в девяностых годах. Властелины Монако, Люксембурга, Албании, Черногории и мелких немецких княжеств частенько выбирались опереткой и легкой литературой в качестве благодарной мишени, но политическая соль Абель Армана будет посильней. Это не просто бульварное зубоскальство.

Когда политическая философия монархии передается одним живописным восклицанием: [*пропуск в тексте*], — когда будущий король, подписывая манифест, подсунутый ему ловким шантажистом, читает: «Мы будем по-прежнему служить прочным оплотом европейского мира, но обязаны сокрушить наследственность врага», когда этот добродушный монарх, кроткая жертва шантажа, спрашивает у своего ментора, как это понимать и кого же он, собственно, должен сокрушить, и получает ответ: «Так принято писать в манифестах», — это уже не оперетка, это уже, если хотите, Шекспир.

Эрцгерцогу Павлу вовсе не хочется царствовать. Он — уклоняющийся. Он саботирует. Это поместь Леопольда Бельгийского, засидевшегося в наследниках, и матерого холостяка — принца Уэльского. Но не трудящийся да не ест! Как это ни странно, и здесь оказался применим этот суровый афоризм. У Павла был ребячески простой план, как у татарина в старом анекдоте, который на вопрос: «Что бы ты сделал, если б был царем?», — ответил: «Украл бы сто рублей и убежал». Оказалось, что инкогнито, скромная оболочка господина Леруа, не предохраняет его от превратностей, не дает безопасности в удовольствиях, не спасает от банкротства и уголовной ответственности. Комедия разворачивается с легкостью итальянской импровизации. Понемногу саботирующий наследник попадает в воронку шантажа.

Он не один. Даже в инкогнито ему сопутствует маленький дворик: преданный и дубовый фельдмаршал Лютсбург, придворная старуха Эшбах, кстати и некстати напоминающая его высочеству, что она его купала и пеленала, и, наконец, верный друг и спутник похождений, бежавший от своей латыни епископ, в миру буржуа Левек, опознанный в лотошном заведении и присоединенный к маленькой компании.

Горько приходится бедному Павлу в буржуазной оболочке. Курортный слет коронованных семейств. Павел с компанией по привычке затесался в августейшую группу, позирующую фотографу. Фотограф рывкает: «Отойдите, пожалуйста, вы в поле объектива». Даже князь «Ничего» его третирует, а какие-то голландские княжны, заехав ему мячом в физиономию, утешают себя: «Ничего, это глаз не голубокровного человека».

Судьбами Европы управляет тайный агент полиции — гид Континентала — Фигаро — шантажист Аль-

фред. Способ распутать денежные затруднения: его высочеству предлагается выступить в театре Альгамбра и пропеть национальный гимн своей страны. Конечно, на афише только инициалы. На другой день, для предотвращения позора, посольство вносит пятьсот тысяч, которые распределяются между кредиторами эрцгерцога, театром и остроумным гидом. Итак, выступление не состоялось . . . Альтернатива — престол или суд присяжных, престол или скандальный процесс . . .

ЛУИ ПЕРГО. РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

Рассказы из жизни животных? Да возможны ли такие рассказы? Либо героями их будут в конечном счете люди, либо животным будут приписаны человеческие свойства!

Но Луи Перго доказал, что возможно правдивое, драматическое проникновение во внутренний мир животных; он нащупал мост между психикой человека и темным бытием. Этот мост Луи Перго предоставила современная наука своим учением об условных рефлексах. Каждый рассказ Перго взят как шахматная задача: зверь не подменяется человеком, но человек, поставленный на место зверя, обремененный теми же условными рефлексамии, делает за него выбор, намечает линию его поведения в соответствии с обстановкой.

Почти все рассказы Перго построены на теме приспособления. Их драматизм в том, что он доводит зверя, вырванного из обычных условий существования, до ярчайших вспышек (ласка в капкане, обезумевшая сорока, опоенная водкой). — Потребности, — говорит Перго, — хозяева наших чувств и поступков. — И звери Перго правдивы, потому что поведение их определено ослепительной необходимостью.

Перго далек от фальшивого сюсюканья. Он не уподобляет животное детям. Он не боится сложных сцеплений. Он суров и вместе с тем прост. В минуту опасности и страдания человек ближе к зверю, но и зверь в такие минуты ближе и понятнее человеку. Старую невинную сказку о гадком утенке Перго развернул в зоосоциологический этюд. Люди в его рассказах не только не заслоняют животных, но и сами показаны по-новому, иногда с потрясающей силой и неожиданностью.

Рассказы Перго, сохраняющие внешнюю связь с традиционными формами басни, бесконечно далеко ушли от наивного морализирования; они скорее сродни темам здорового искусства примитива, что выражается, например, в увлечении негритянским искусством.

Социальный облик автора, пишущего о животных, проступает всегда необыкновенно ярко. Рассказы Киплинга империалистичны, его мангуст — слуга белых людей, англичан. Но так написать рассказы о животных, как написал Перго, мог лишь европеец с повышенным сознанием ответственности перед жизнью, с настроенной и разбуженной совестью. Его герои — ласка, ворон, сорока — никому не служат, но приобщают нас к ужасу и радостям бытия.

СТАТЪИ О ТЕАТРЕ И КИНО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР И СЛОВО

Художественный театр — дитя русской интеллигенции, плоть от плоти ее, кость от кости.

Театр русской интеллигенции! Это уже внутреннее противоречие! Такого театра быть не может! А между тем он был! Больше — он уже есть. С детства я помню благоговейную атмосферу, которой был окружен этот театр.

Сходить в «Художественный» для интеллигента значило почти причаститься, сходить в церковь.

Здесь русская интеллигенция отправляла свой самый высокий и нужный для нее культ, облекая его в форму театрального представления. Общество, которое всем своим складом было враждебно всякому театру, строило свой театр из всего, что ему было дорого, но если сложить в одно место все, что любишь, даже самое дорогое, все-таки театра не получится и любовь русской интеллигенции не стала театром.

Для всего поколения характерна была *литература*, а не театр. Это было типично литературное, даже «литераторское» поколение. Театр понимали исключительно как истолкование литературы. В театре видели *толмача литературы*, как бы переводчика ее на другой, более понятный и уже совершенно свой язык.

Источником этого театра было своеобразное стремление *прикоснуться* к литературе, как к живому телу, осязая ее и вложить в нее свои персты.

Пафосом поколения — и с ним Художественного театра — был пафос Фомы Неверующего. У них был Чехов, но Фома-интеллигент ему не верил. Он хотел

прикоснуться к Чехову, осязать его, увериться в нем. В сущности это было недоверие к реальности даже любимых авторов, к самому бытию русской литературы.

Когда художественники привезли «Вишневым сад» в один большой русский провинциальный город, по городу распространилась весть, что труппа не захватила с собой «пузатого комода». С искренним огорчением передавали друг другу обыватели эту подробность. Без комода ведь уже не то. Пальцам Фомы уже нельзя будет к нему прикоснуться.

Что такое знаменитые «паузы» «Чайки» и других чеховских постановок?

Не что иное, как праздник чистого осязания. Все умолкает, остается одно безмолвное осязание.

Путь к театру шел через литературу, но в литературу не верили, как в бытие, слова не слышали и не осязали.

К литературе потребовался *толмач*, переводчик. Эту роль навязали театру.

Вся деятельность Художественного театра прошла под знаком *недоверия* к слову и жажды внешнего осязания литературы.

Начиная с «Федора Иоанновича», кончая «Лизистратой», это один *цельный* путь. Доходило до курьезов: елизаветинский Шекспир на античный лад.

По-настоящему буйствовал народ, по-настоящему плакали и пели, и стрелялись. Но я помню «На дне». Ведь все-таки это был ситцевый и трущобный маскарад. Чистенький притон. Прилизанная трущоба. *Осязать* смрад и грязь им не удалось, как и многое другое. По-настоящему они осязали только себя.

Я говорю о Художественном театре без враждебности и с уважением: он не мог быть иным. Он был расплатой целого поколения за словесную его немоту, за

враждебное косноязычие, за недоверие к слову. Вместо того, чтобы *читать* в слове, искали, что просвечивает за ним (теория сквозного действия). Уж не проще ли было заменить текст «Горе от ума» собственными психологическими ремарками и домыслами?

Никогда не читали текст. Всегда свои домыслы. Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово, в слове скрыта режиссура. В строе-нии речи, стиха или прозы, дана высшая вырази-тельность.

Этого они не знали. Они исправляли слово, помога-ли ему. Они ошибались, запинаясь и путались в пуш-кинских стихах, беспомощно размахивая костылями декламации — выразительного чтения.

Несколько раз переделывали актерскую «азбуку чувств» и все-таки играли не правду, а актерский шифр.

Бытовой театр, МХТ, всегда был условным, теат-ром-толмачем, переводчиком текста на актерскую аз-буку чувств.

Вспоминаю «Месяц в деревне». Кажется, пустяк. Легкая безделушка. А как неестественно, развязно зву-чали голоса Верочки и других, с растяжкой, с истери-ческим смехом.

В «Лизистрате» все женщины читают по-старому, по актерской азбуке.

Почти все мужчины освободились от нее, и не слу-чайно движения всех женщин плохи, будто сошли с картины Семирадского, а движения мужчин превос-ходны.

В театре для того, чтобы двигаться, нужно говорить, потому что он весь дан в слове.

1923.

БЕРЕЗИЛЬ

(Из киевских впечатлений)

Я видел только проводы «Березиля» — мозаичный праздничный спектакль, составленный из отрывков. Это бесконечно мало, чтобы составить суждение о театре, но слишком достаточно, чтобы почувствовать его вкус.

Маленький Соловцовский театр был наэлектризован. Каждый фрагмент и провозглашаемая фамилия режиссера встречались аплодисментами. Я пришел к концу пира, а потому было трудно догнать восторг и опьянение обычных зрителей «Березиля».

Все фрагменты говорили об одном: это глубоко демократический театр, театр страны, где не может быть ни снобизма, ни дендизма, где любой эстет осужден быть посмешищем.

Несколько слов о технических средствах «Березиля». По словам близко стоящих к театру лиц, самая дорогая постановка обошлась «Березилю» в полторы тысячи рублей (!). Принимая во внимание достижения «Березиля», это обязывает почти к гениальности.

«Жакерия» по Мериме со своей готической конструкцией и пышной костюмерией производит впечатле-

ние оперной роскоши. Сама пьеса неузнаваема: актеры играют так, как у нас играли бы «Царя Максимилиана». Конечно, это нарочно, как и все в «Березиле» сознательно и нарочно.

Главный упор театра: коллективное, массовое действие. Все самовластие, весь неограниченный деспотизм современного режиссера сказались в «Джимми Хиггинсе». Рядовой актер угнетен и превращен в сомнамбулу. Сомнамбулы в прозодежде говорят нараспев, протягивают руки, шарахаются, мечутся, карабкаются на ящики, изображающие Америку, и на лестницы: все по строжайшему, обдуманному плану.

В этих толлеровских и кейзеровских клетках и в Синклере, отделанном под Толлера, украинские актеры задыхаются, как травленные мыши. Здесь не помогут никакие табуреты и лестницы — это не единый театр, а несколько борющихся направлений. «Березилю» предстоит почетный и благотворный распад: из него выйдут основные типы будущего украинского театра и, работая отдельно, продолжат его дело.

Необычайно важным для театра был момент его зарождения. Он родился в эпоху летучих, перегорающих как порох, постановок, в прифронтовой полосе, окруженный армейскими и клубными театриками; он родился в эпоху подневольной театральности, военно-революционной театральной повинности, когда режиссерствовал паек — и, право же, иногда не плохо.

К малым театральным формам революции «Березиль» отнесся без высокомерия. Он усвоил от них партизанскую подвижность, легкость свертыванья и развертыванья, умение перемигнуться с зрителями, завербовать его — и через месяц вернуться уже другим.

В работе «Березиля» есть течение, прямо идущее от непрофессионального клубного театра; оно сильно в

«Коммуне в степях» и в «Джимми Хиггинсе». Здесь «Березиль» — старший брат клуба.

Даже в самых праздничных и пышных постановках «Березиля» чувствуются «живая картина», самое примитивное достижение революционного театра. В «Гайдамаках» есть «живые картины», великолепные, как старый украинский лубок. И эта постановка принадлежит театру, который в «Шпане» показал, как театральное движение преобразует сырой «чаплинизм» в торжествующую новую комедию.

Другим могучим влиянием, сформировавшим «Березиль», было влияние театральной Москвы. В «Березиле» борются театры Мейерхольда и «Камерный»; отдаленно чувствуются отголоски всевозможных «старинных» театров, процветавших еще до войны и переваливших в лице «Камерного» и многих студий через революцию.

Скелетообразность конструкции и цветущая пышность живописи — вот два полюса режиссуры «Березиля». Среди конструкций постоянно движутся разряженные цветные шахматы — действующие лица; в отвлеченной клетке мечутся живые фигуры . . .

Общее признание увенчало «Шпану». Получилась комедия большого стиля. «Березиль» вышел на новую и увлекательную дорогу.

Этот молодой и глубоко рассудочный театр, осторожно увлекающийся биомеханикой, никак не может, однако, освободиться от обезьяньих лап экспрессионизма и театрального лжесимволизма — от толлеровщины.

Я видел злостный по своей рассудочности трюк: актер Бучма (Джимми) переправлялся на канате из американского застенка в толпу, изображающую коллектив. Канатная переправа — Джимми черпает утешение

в коллективе и возвращается в застенки. Безумно точно, а потому безумно скучно.

Украинский актер по природе своей никогда не потерпит обезличенья. Ему претит деспотизм режиссера. В жилах его течет рассудочная, но солнечная мольеровская кровь. Ему бы самому писать пьесы, а в советчицы взять хоть курьершу, хоть зеленщицу с Бессарабки.

Не надо ужасов, не надо украинской табуретной Америки, не надо мистики, хотя бы социальной, символических групп и канатных прыжков в коллектив.

Украинский театр хочет быть рассудочным и прозрачным, чтобы на него изливалось румяное солнце Мольера.

Наша советская комедия — «Мандаты» и «Воздушные пироги» — через голову Островского тянется к Гоголю. Украинская комедия движется вокруг мольерова солнца. Трагедию и высокие жанры пока заволакивают тучи.

1926.

МИХОЭЛС

По деревянным мосткам невзрачного белорусского местечка — большой деревни с кирпичным заводом, пивной, палисадником и журавлями пробиралась долгополая странная фигурка, сделанная совсем из другого теста, чем весь этот ландшафт. Я смотрел из окна вагона, как этот единственный пешеход черным жуком пробирался между домишками через хлюпающую грязь, с растопыренными руками, и золотисто-рыжим отливали полы его сюртука. В движениях его была такая отрешенность от всей обстановки и, в то же время, такое знание пути, словно он должен пробежать «от» и «до», как заводная кукла.

Экая, подумаешь, невидаль — долгопольый еврей на деревенской улице! Однако я крепко запомнил фигурку бегущего реббе, потому что без него этот скромный ландшафт лишился оправдания. Случай, толкнувший в эту минуту этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного фарфорового пешехода, помог мне осмыслить впечатление от Государственного Еврейского театра, который я видел незадолго в первый раз.

Да, незадолго перед тем на киевской улице я готов был подойти к такому же почтенному бородачу и спросить его: «Не Альтман ли делал вам костюм?» Я спро-

сил бы без всякой насмешки, очень искренно — у меня перепутались все планы. Какой счастливый Грановский! Достаточно ему собрать двух-трех синагогальных служек с кантором, позвать свата-шатхена, поймать на улице пожилого комиссионера — и вот уже готова постановка, и даже Альтмана в сущности не надо.

Так ли это просто? Конечно, не так. Еврейский театр исповедует и оправдывает уверенность, что еврей никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и одухотворенного лапсердака.

Этот парадоксальный театр, по мнению некоторых добролюбовски-глубокомысленных критиков объявивший войну еврейскому мещанству и только и существующий для искоренения предрассудков и суеверий, пьянеет как женщина при виде любого еврея и сейчас же тянет его к себе в мастерскую — на фарфоровый завод, обжигает и закаляет в чудесный бисквит, раскрашенную статуэтку зеленого шатхена-кузнечика, коричневых музыкантов еврейской свадьбы Радлова, банкиров с бритыми накладными затылками, танцующих как целомудренные девушки, взявшись за руки, в кружок.

Пластическая основа и сила еврейства в том, что оно выработало и перенесло через столетия ощущение формы и движения, обладающее всеми чертами моды — непреходящей, тысячелетней... Я говорю не о покрое одежды, который меняется, которым незачем дорожить, мне и в голову не приходит эстетически оправдывать гетто или местечковый стиль. Я говорю о внутренней пластике гетто, об этой огромной художественной силе, которая переживает его разрушение и окончательно расцветет только тогда, когда гетто будет разрушено.

Скрипки подыгрывают свадебному танцу. Михоэлс подходит к рампе и крадучись, с осторожными движениями фавна прислушивается к минорной музыке. Это фавн, попавший на еврейскую свадьбу, в нерешительности, еще не охмелевший, но уже разбуженный кошачьей музыкой еврейского менуэта. Эта минута нерешительности, быть может, выразительнее всей дальнейшей пляски. Дробь на месте, и вот уже пришло опьянение — легкое опьянение от двух-трех глотков изюмного вина, но этого уже достаточно, чтобы закружилась голова еврея: еврейский Дионис нетребователен и сразу дарит весельем.

Во время пляски лицо Михоэлса принимает выражение мудрой усталости и грустного восторга, как бы маска еврейского народа, приближающаяся к античности, почти неотличимая от нее.

Здесь пляшущий еврей подобен водителю античного хора. Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски, единственным побуждением которой, в конечном счете, является сострадание к земле, — все это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь.

Михоэлс — вершина национального еврейского дендизма — пляшущий Михоэлс, портной Сорокер, сорокалетнее дитя, блаженный неудачник, мудрый и ласковый портной . . .

А вчера на той же сцене — англазированные жockeyские лапсердаки на стройных девушках-танцовщицах, патриархи, пьющие чай в облаках, как старики на балконе в Гомеле . . .

... и человек-то подбитый ветром и все — сущая чепуха: просроченная командировка и пять кусков сахара. Откуда же взялась демоническая самовластность, страстная убедительность? Шиндель гипнотизирует нас, заставляет желать, чтобы у него был сахар и настоящая командировка.

Температура игры Михоэлса реальна как физическое тепло и холод. Но так же реально он передает температуру исторического дня, и в устах Шинделя — «наркомпрос! наркомпрос!» — звучит, как вздохи золотой арфы.

Когда Шиндель с конструктивной площадки, изображающей комнату, выходит на улицу, вся фигурка пайкового чертика съезживается и слышно, как снег хрустит под наркомпросными валенками. Такого актера нельзя выпускать на реалистическую сцену — вещи расплавятся от его прикосновений. Он создает предметы — иголку с ниткой, рюмку с перцовкой, зеркало, быт, когда ему вздумается. Не мешайте ему — это его право, не отнимайте у него творческой радости. Иногда, утомившись прыжками, утомившись мудрым своим беснованием на беспредметной сцене, Михоэлс садится на пол: «Довольно! Прекратим игру!» ... Это часовщик, созерцающий зубчики в лупу, это еврей, созерцающий свой внутренний мир, — совсем одинокий, с горячей свечой в руках и с выражением страдальческого восторга, как в «Колдунье».

Михоэлсу близки эпилептические крайности: иногда он бывает на грани припадка падучей («Ночь на станции Ры»), но здесь его спасает воистину ...

Михоэлс однажды сказал: «Я умоляю художников сохранить мне мое лицо». И все пьесы Госета построены на раскрытии маски Михоэлса, и в каждой из них

он проделывает бесконечно трудный и славный путь от иудейской созерцательности к дифирамбическому восторгу, к освобождению, к раскованности мудрой пляски.

. . . . .

На днях в Киеве встретились два замечательных театра — украинский Березиль и Еврейский Камерный из Москвы. Великий еврейский актер Михоэлс на проходах Березиля, уезжающего в Харьков, сказал, обращаясь к украинскому режиссеру Льву Курбасу: «Мы братья по крови»... Таинственные слова, которыми сказано больше, чем о мирном сотрудничестве и сожительстве народов.

Между тем оба театра непохожи, даже полярны. Еврейский Камерный, приехавший в Киев на шестинедельные гастроли, прикоснулся к родной почве: здесь он у себя дома и бесконечно выигрывает, когда кругом кипит еврейская толпа, звучат еврейские голоса, царит еврейский вкус, покррой одежды, жест...

Березиль мог возникнуть только на Украине. Его молодая рассудочность, трезвость театральной мысли, его балаганная живость, достигшая апофеоза в украинской....

1926.

ЯХОНТОВ

Яхонтов — молодой актер. Он учился у Мейерхольда, Станиславского и Вахтангова и нигде не привился. Это — «гадкий утенок». Он сам по себе.

Работает Яхонтов почти как фокусник: театр одного актера, человек-театр.

Всех аксессуаров у него так немного, что их можно увезти на извозчике: вешалка, какие-то два зонтика, старый клетчатый плед, замысловатые портновские ножницы, цилиндр, одинаково пригодный для Онегина и для еврейского факельщика.

Но есть еще один предмет, с которым Яхонтов ни за что не расстанется — это пространство, необходимое актеру, пространство, которое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его как фокусник яйцо из цилиндра.

Не случайно Яхонтов и его режиссер Владимирский облюбовали Гоголя и Достоевского, то есть таких писателей, у которых больше всего вкуса к событию, происшествию.

Игра Яхонтова, доведенная Владимирским до высокого графического совершенства, вся проникнута тревогой и ожиданием пространства, предчувствием события и грозы.

Наши классики — это пороховой погреб, который еще не взорвался. Чудак Евгений недаром воскрес в Яхонтове; он по-новому заблудился, очнулся и обезумел в наши дни.

На примере Яхонтова видим редкое зрелище: актер, отказавшись от декламации и отчаявшись получить нужную ему пьесу, учится у всенародно признанных словесных образцов, у великих мастеров организованной речи, чтобы дать массам графически точный и сухой рисунок, рисунок движения и узор слова.

Ничего лишнего. Только самое необходимое. По напряжению и чистоте работы Яхонтов напоминает циркача на трапеции. Это работа без «сетки». Упасть и сорваться некуда.

Чудаковатый портной Петрович кроит ножницами воздух так, что видишь обрезки материи, чиновничек в ветхой шинелишке семенит по тротуару, так, что слышишь щелканье мороза, кучера у костров хлопают в рукавицы, а вдруг на тебя медведем навалится николаевский будочник с алебардой или промаячит с зонтиком ситцевая Машенька из «Белых ночей» у гранитного парапета Фонтанки.

И все это могло быть показано одним человеком, все это течет непрерывно и органически, без мелькания кино, потому что спаяно словом и держится на нем. Слово для Яхонтова — это второе пространство.

В поисках словесной основы для своих постановок, Яхонтов и Владимирский вынуждены были прибегнуть к литературному монтажу, то есть искусственному соединению разнородного материала. В некоторых случаях это был монтаж эпохи (Ленин), где впечатление грандиозности достигается соединением политических речей, отрывков из Коммунистического манифеста, га-

зетной хроники и так далее. В других случаях монтаж Яхонтова — это стройное литературное целое, точно воспроизводящее внутренний мир читателя, где рядом существуют, набегая друг на друга и заслоняя друг друга, различные литературные произведения. Таков «Петербург» — лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков «Шинели» Гоголя, «Белых ночей» Достоевского и «Медного Всадника».

Основная тема «Петербурга» — это страх «маленьких людей» перед великим и враждебным городом. В движениях актера все время чувствуется страх пространства, стремление заслониться от набегающей пустоты.

На большой площадке Яхонтов играет в простом пиджаке, пользуясь уже указанными аксессуарами (плед, вешалка и проч.)

Показывая, как портной Петрович облачает Акакия Акакиевича в новую шинель, Яхонтов читает бальные стихи Пушкина — «Я черным соболем одел ее блистающие плечи», подчеркивая этим убожество лирической минуты. В тексте еще рукоплещет раек, но Яхонтов уже показывает гайдуков с шубами или мерзнущих кучеров, раздвигая картину до *цельного* театра, с площадью и морозной ночью. В каждую данную минуту он дает широко раздвинутый перспективный образ. Редкому актерскому ансамблю дается так наполнить и населить пустую сцену.

Яхонтов при своем необыкновенном чутье к рисунку прозаической фразы ведет совершенно самостоятельно партию чтеца в то время, как режиссер Владимирский зорко следит за игрой вещами, подсказывая Яхонтову рисунок игры до такой степени четкий и математически строгий, словно он сделан углем.

Яхонтов — единственный из современных русских актеров движется в слове, как в пространстве. Он играет «читателя».

Но Яхонтов — не чтец, не истолкователь текста. Он — живой читатель, равноправный с автором, спорящий с ним, несогласный, борющийся.

В работе Яхонтова и Владимирского есть нечто обязательное для всего русского театра. Это возвращение к слову, воскрешение его самобытной силы и гибкости. Нужна была революция, чтобы раскрепостить слово в театре. И все же ее оказалось мало . . . Яхонтов — один из актеров будущего и работа его должна быть показана широким массам.

1927.

КУКЛА С МИЛЛИОНАМИ

Скучно жить в трудовой республике, граждане и господа! Пресная жизнь. Никчемная. Какая серость, какое убожество! Чего стоят одни названия магазинов: справа — «Коммунар», слева — «Сорабкооп». Один только парикмахер «Жорж» звучит по-европейски — да и какой это Жорж! — просто паскудный человечешко: хватает клиента за нос, курит и бреет, бреет и курит прямо в лицо и сует посетителю на предмет ожидания пропыленный и засаленный, жирный от многих прикосновений «Огонек» — продукт американцев с Петровки — Кольцова и Зозули. Скучно жить в одной стране, господа, а какая это страна вы сами догадываетесь. Какие-нибудь последние болгары или чехо-румыны шьют костюмы на заказ у портного, а мы как вешалки пялим на себя готовую стандартную одежку — без примерки — в плечах топорщится, в проймах жмет.

А есть другой мир, куда в профсоюзной толстовке и на порог не пустят. Вот извольте надеть наушнички радио, послушать, как заливается гавайская гитара, или купите переводный роман в железнодорожном киоске. Парижская штучка! Дейл-тейл!.. Жанна Дарк без мистики с трюфелями. Есть мир светящихся рек-

лам... «Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха»... Петуха фирмы Пате и Ко, горластого любителя курочек, темпераментного кинопетуха...

Но, друзья мои, не дают нам виз на выезд, так нельзя ли как-нибудь приспособить на парижский манер Петровку? Нет, не спорьте, у Москвы есть кое-какие данные, и комсомолочки бывают недурны... Не смейтесь над физкультурой... Пожалуйте сюда, хрюкающие граждане в толстовках, в государственный кинотеатр — кино-паек выдается как хлеб по заборным книжкам... Сегодня премьера. Сейчас будет проведена над Москвой безобидная маленькая операция — очень пикантная и вполне лояльная... Москва будет показана из номера «Отель Савой», где проживает некто, приехавший в международном вагоне с неопределенной целью и весьма большими средствами.

Не беспокойтесь, граждане, ничего преступного не произойдет. Когда же жить, граждане? Раз в жизни надо полной грудью вздохнуть... Кинорежиссер — Сергей Комаров, сценарист — Олег Леонидов, оператор — К. Кузнецов, художник — Родченко и актеры Ильинский и Фогель «сжигают Москву».

«Кукла с миллионами» — новый фильм Межрабпома — это военный клич, это славный боевик, это веселая советская комедия — это вторая часть другой замечательной картины по сценарию Федора Михайловича Достоевского, на одном петербургском кладбище разыгранной свеженькими покойничками — очень молодыми людьми — с участием тайного советника и одной девицы — отнюдь не комсомолочки. «Бобок» называлась та фильма. Помнишь, читатель, словечко «бобок» — бессмысленное словцо кладбищенского веселья?

Вот уж подлинно: на реках профсоюзных сидели и плакали . . . Ну кто бы мог догадаться, что на Петровке под самым ЦИТ'ом (Центральный Институт Труда), где Гастев учит, как гвозди заколачивать по Тэйлору, можно устроить кино-бобок, заголить по весеннему советскую Москву — «комсомолочку» — ничего, она молоденькая!

В Париже умирала старуха-миллионерша. На кардинальской четырехспальной кровати пригорюнилась обезьянка — символ дряхлеющего мира. Начало заграничное, эпохи Макса Линдера. Первые, но весьма обнадеживающие шаги Великого Немого. Ильинский в гостях у Макса Линдера.

— Что, брат Линдер, есть о чем поговорить . . . Тебя, брат Линдер, скоро Чаплин покроет, а у нас, брат Линдер, еще Глупышкин семенит . . .

— Я — французская миллионерша — завещаю три миллиона не беспутному племяннику, которого дубасит мужеподобная балерина, а двоюродной внучке, русской девчурке, которую рассеянная мать обронила на советском вокзале. Документы защиты в куклу . . .

Родственники плачут и уходят. Племянники жарят прямо из Парижа в Москву (момент получения виз Ленидовым опущен).

Впрочем, я, наверное, ошибаюсь. «Кукла с миллионами» должно быть задумана, как очень тонкий идеологический гротеск. Родченко, сбежавший из Леф'а, даст павильон эпохи ампирного Пате-Людовика. Режиссер будет долго потеть, выколачивая из Ильинского дурь; еще нелепей, еще беспомощней, еще жалчей, чтобы слезы сострадания к великому десятилетию Глупышкина — довоенного, дофокстротного Чарли — хлынули из глаз умиленного зрителя.

И Москва обернулась подлейшей экзотикой.

Двое французов ищут в Москве комсомолочку с родинкой на плече, чтобы, сочетавшись в ней в ЗАГС'е и в костеле, получить теткинны миллионы. На Александровском вокзале французик, как зверь, бросается на кустарный ларек и начинает потрошить русских кукол. Смешно, Олег Леонидов!.. Другой французик выстраивает в коридоре отеля «Савой» русских девушек, вызванных по объявлению (шестнадцать лет) для сепаратного осмотра на предмет означенной родинки. Недостаточно смешно, Олег Леонидов... Московский школьник — этакий беззаботный гамен, каждый день смакующий на улице расклеенные на подобие стенгазеты объявления о натурщицах, перемарывает шестнадцать на шестьдесят шесть, и к французикам являются жуткие старухи. Ох, не надо... Ужас... Отвращение... «Скажите, вам уже исполнилось шестнадцать лет?» Старух вышибают за дверь. Смешно, Олег Леонидов...

Другой французик натаскал тем временем в свой номер со всей Москвы кукол и рубит, режет, потрошит, засучив рукава, как мясник. В «Кукле с миллионами» много кадров, вызывающих физическую тошноту, но этот, помимо воли авторов получивший грубо сатирическую окраску, один из самых мерзких. А вместо четырех десятков муштрованных по военному образцу герльс, вместо этих повзводных цапель высокогородного ревью, авторы «Куклы с миллионами» нам покажут физкультурных юношей и девушек, стреляющих руками и ногами за здоровье Семашки и Подвойского и в усладу «французикам из Бордо».

Граждане-авторы «Куклы с миллионами», кино — страшное, правдивое и мстительное искусство. Здесь все идет за чистую монету. Ваши французики сошли с

экрана и пошли по реальным улицам Москвы. Тень пущена, ловите ее. А ваши комсомольцы . . .

Нам покажут комсомольцев из «Куклы с миллионами». Это родные братья огорченных французских родственников. Это какие-то бараны, жующие резину в роскошных ампирных общежитиях и бодающие невидимой клюкой гранит науки. Эти «комсомольцы» гораздо хуже фривольных парижан. Это пшюты, алаши и сутенеры наизнанку. «Вместо юбки — третий том Бухарина» . . . Вместо кокаина — стенгазета с кощунственным распределением миллионов: 500 000 франков на МОПР, остальное на Авиаким, Автодор и прочих святых советского календаря. Вместо поцелуя в диафрагму — вузовская стипендия имени господина Свидригайлова, в чьем сизом мозгу только и мог зародиться весь этот бред.

Нет, Глупышкин здесь не при чем. Глупышкин — не лакей. Он родоначальник плодотворного кино-безумия, дервиш города, пьяный без вина, нелепый Заратустра асфальтовых площадей.

Сорок тысяч героев Зощенки с подтяжками в одной руке и пирожным, на котором сделан «надкус» — в другой, приветствуют «Куклу с миллионами».

А кстати, у парижского редактора типаж московского пройдохи из кабачка в «Доме Герцена». Можно так изолгаться, что и подлинная борода покажется приклеенной.

Любопытен все же в этой картине ее звериный атавизм, ее мышьяная гонка, младенческое ощущение кино-темпа не как скорости, а как спешки, столь памятной по временам, когда в иллюзиях шел целлулоидный дождь, а горничная с метелкой лезла на стену.

1928.

СТАТЬИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

ГОСУДАРСТВО И РИТМ

Организовывая общество, поднимая его из хаоса до стройности органического бытия, мы склонны забывать, что личность должна быть организована прежде всего. Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность есть величайший враг общества. В сущности все наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного Комиссариата по Просвещению, есть организация личности. Социальное воспитание prepares синтез человека и общества в коллективе. Коллектива еще нет. Он должен родиться. Коллективизм возник раньше коллектива. И если социальное воспитание не придет к нему на помощь, нам угрожает опасность остаться с коллективизмом без коллектива.

В настоящую минуту мы видим перед собой воспитателей-ритмистов, пока еще слабых и одиноких, предлагающих государству могущественное средство, завещанное им гармоническими веками: ритм, как орудие социального воспитания. Мне представляется глубоко поучительным, что эти руки протянуты сейчас с надеждой к государству. Они возвращают ему то, что принадлежит ему по праву. Верный инстинкт подсказывает им, что ритмическое воспитание должно стать

государственным. Они повинуются внутреннему голосу своей педагогической совести и находятся сейчас почти у цели: в нашей власти помочь им достигнуть этой цели или отбросить их далеко назад.

Что общего между государством и женщинами и детьми, исполняющими ритмические упражнения, между суровыми преградами, которые ставит нам грубая жизнь, и той шелковой веревочкой, которая протягивается во время этих грациозных упражнений. Здесь готовят победителей, — вот в чем заключается эта связь. Детям, которые сумели так перепрыгнуть через тень, не страшны никакие социальные преграды. Они господают своим усилием. Они сумели соразмерить напряжение своих мускулов во время бега с трудностью препятствий. Трудность задачи может непомерно возрасти. Навык ритмического воспитания остается. Он неисчерпаем, он присутствует и в мирной обстановке гражданского очага и в военной буре, он всюду, где человеческое усилие побеждает сопротивление, он всюду, где нужны победители.

Новое общество держится солидарностью и ритмом. Солидарность — согласие в цели. Необходимо еще согласие в действии. Согласие в действии само по себе есть уже ритм. Революция победила своим ритмом. Он сошел, как огненный язык, на ее голову. Нужно его закрепить навсегда. Солидарность и ритмичность это — количество и качество социальной энергии. Солидарна масса. Ритмичен только коллектив. И разве не устарело это понятие массы, это чисто количественное измерение социальной энергии, разве оно не из потерянного рая сборщиков голосов?

История знает два возрождения: первый ренессанс во имя личности, второй — во имя коллектива. Тяготение нашей эпохи к гуманизму сказалось в этом ре-

нессансном его характере, но гуманистические интересы пришли в нашу эпоху, как бы освещенные морской пеной. Те же идеи, но покрытые здоровым загаром и пропитанные солью революции.

Наблюдая и сравнивая школьную реформу в новой России с «Реформой Школы» первого гуманистического ренессанса, бросается в глаза преодоление филологии. Тот раз филология выиграла и сделалась надолго фундаментом общего воспитания; в этот раз интересы филологии определенно пострадали, с этим никто не станет спорить. Филологическое оскудение школы, которого следует ожидать в ближайшем будущем, в значительной степени плод сознательной школьной политики, это — неизбежное следствие нашей реформы; отчасти в этом ее дух. Однако, антифилологический характер нашей эпохи не мешает считать ее гуманистической, поскольку она возвращает нам самого человека, человека в движении, человека в пространстве и времени, ритмического, выразительного человека. Итак: с одной стороны филологическое предательство, с другой — увлечение человеком в системе Жака Далькроза и в новой философии. Над нами варварское небо, и все-таки мы эллины. Однако, увлечение человеком в системе Далькроза не имеет ничего общего с эстетической идеализацией. Вообще, эстетизм совершенно чужд системе и является случайным налетом, благодаря моде Хеллерау у европейской и американской буржуазии. Скорее, нежели эстетизм, системе свойствен дух геометричности и строгого рационализма: человек, пространство, время, движение, четыре основных ее элемента. Но чему же удивляться, если ритм, на целое столетие изгнанный из общежития, вернулся более анемичным и отвлеченным, нежели он был в Элладе на самом деле. Нет никакой системы Далькроза. Его открытие при-

надлежит к числу гениальных находок, вроде открытия пороха или силы пара. Раз сила найдена, она должна развиваться сама по себе. Имя изобретателя может быть забыто ради ясности принципа, хотя ученики не хотят с этим примириться. Если ритмическому воспитанию суждено стать народным, произойдет чудо претворения отвлеченной системы в плоть народа. Там, где вчера была только схема, — завтра запестреют ткани хоровода и послышится песня. Школа идет впереди жизни. Школа лепит жизнь по своему образу и подобию. Ритмичность школьного года определяется ударениями, выпадающими на праздники школьной олимпиады, вдохновителем и организатором которой будет ритм. На этих праздниках мы увидим новое, ритмически воспитанное поколение, свободно изъявляющее свою волю, свою радость и печаль. Значение гармонических, одушевленных общей идеей, всенародных ритмических выступлений бесконечно велико для творчества будущей истории. До сих пор история творилась бессознательно в муках случайностей и слепой борьбы. Сознательное творчество истории, ее рождение из праздника, как изъявление творческой воли народа, отныне непререкаемое право человечества. В будущем обществе социальная игра займет место социальных противоречий и явится тем ферментом, тем бродильным началом, которое обеспечивает органическое цветение культуры.

Итак, как ни благоприятно ритмическое воспитание для эстетического развития, как ни благодарны будут нам все музы за введение ритмики в школьную программу — ритмика еще не эстетика. Но еще более неправильно считать ее гигиеной, гимнастикой. Ритм требует синтеза, синтеза духа и тела, синтеза работы и игры. Он родился из синкретизма, то есть из слиянного

существования недифференцированных элементов. Но прежде, чем они воссоединились, прежде чем окрепла наша молодая монистическая культура, не тяните ритмики ни в ту, ни в другую сторону, не сватайте ее ни за физическую культуру, ни за психологию, ни за трудовые процессы. Наше тело, наш труд, наша наука еще не таковы, чтобы принять в себя без оговорок ритм. Мы еще должны подготовиться к его приятию. Дайте же ритмике занять то промежуточное, самостоятельное положение, какое подобает социальной силе, проснувшейся от продолжительной летаргии и еще не овладевшей всеми своими возможностями.

1920.

КРОВАВАЯ МИСТЕРИЯ 9-го ЯНВАРЯ

Когда режиссер затевает массовую постановку, он бросает в действие толпы людей, указывает им место, могучим электрическим током вливает в них движение, и они живут под его перстами, шумят, плачут, шарахаются как тростники под напором ветра. У исторических событий нет режиссуры. Без указаний, без сговора выходят участники на площади и улицы, глухим беспокойством выгнанные из укромного жилья. Неведомая сила бросает их на городские стогны во власть неизвестного.

Хорошо, если найдется трибун, чей голос укажет строй — порядок человеческой стихии, если есть могучая цель — крепость, которую нужно взять, Бастилия, которую нужно разрушить. Тогда муравейник, разрыхленный палкой, превращается в стройную систему сосудов, бегущих к центру, где все должно разрешиться, где должно произойти событие.

В трагический день девятого января — эта величественная массовая постановка обошлась без центра, без события; людские толпы не докатились до Дворцового плаца.

Петербургским рабочим не пришлось встретиться с царем, массовое движение, задуманное по строго опре-

деленному плану, было обезглавлено волей истории, и ни один из актеров великого дня, не выполнил указаний режиссера — не дошел до огромной как озеро подковообразной площади с мраморным столпником-ангелом в середине.

Сколько раз разбивалась процессия петербургских рабочих, докатившись до последней тыловой заставы, сколько раз повторялась мистерия девятого января? Она разрослась одновременно во всех концах великого города — и за Московской, и за Нарвской заставой, и на Охте, и на Васильевском, и на Выборгской... Вместо одного грандиозного театра получилось несколько равноправных маленьких. И каждый из них справлялся самостоятельно со своей задачей — обезглавливанием веры в царя, цареубийственным апофеозом, начертанным кровью на снегу.

Любая детская шапочка, рукавичка или женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургском снегу, оставались памяткой, что царь должен умереть, что царь умрет.

Может, во всей летописи русской революции не было другого такого дня, столь насыщенного содержанием, как девятое января. Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятный смысл, тяготело над ними, как нечто грозное, тяжелое, необъяснимое.

Урок девятого января — цареубийство — настоящий урок трагедий: нельзя жить, если не будет убит царь. Девятое января — трагедия с одним только хором, без героя, без пастыря. Гапон ступал; как только началось действие, он был уже ничем, он был уже нигде... Сколько убитых, сколько раненых — и ни одного известного человека... (Только профессору Тарле поранили голову саблей. — единственная знаме-

нитость) . . . Хор, забытый на сцене, брошенный, представленный самому себе . . . Кто знает законы греческой трагедии, тот поймет — нет более жалкого, более раздирающего, более сокрушительного зрелища. В ту самую минуту вспыхнула вся трагическая глубина сознания народных масс, когда засвистали пули, люди бросились врассыпную и попадали на землю, в зверином страхе забывая друг о друге.

Характерно, что никто не слышал сигнальных рожков перед стрельбой. Все отчеты говорят, что их прослышали, что стреляли как бы без предупреждения. Никто не слышал, как прозвучал в морозном январском воздухе последний рожок императорской России — рожок ее агонии, ее предсмертный стон. Императорская Россия умерла как зверь — никто не слышал ее последнего хрипа.

Девятое января — петербургская трагедия — она могла развернуться только в Петербурге, — его план, расположение его улиц, дух его архитектуры оставили неизгладимый след на природе исторического события. Девятое января не удалось бы в Москве. Центростремительная тяга этого дня, правильное движение по радиусам от окраины к центру, так сказать, вся динамика девятого января обусловлена архитектурно-историческим смыслом Петербурга. Архитектурная идея Петербурга неизбежно приводит к представлению мощного центрального единства. Всеми своими улицами, облупленными, желтыми и зелено-серыми, Петербург естественно течет в мощный гранитный водоем Дворцовой площади, к красной подкове зданий, рассеченной надвое глубокой меднобитной аркой с взвившейся на дыбы ристалищной четверкой.

Люди не пошли к Медному Всаднику на Сенатской площади, потому что с ним тягаться под стать только всей России и тяжба с ним еще впереди.

Люди шли на Дворцовую площадь, как идут каменщики, чтобы положить последний кирпич, венчающий их революционное строение. Рабочие построили Зимний Дворец — теперь они шли испытать царя.

Но это не удалось — царь рухнул. Дворец стал гробом и пустыней, площадь — зияющим провалом, и самый стройный город в мире — бессмысленным нагромождением зданий.

Что теперь делать? Огромная желтая Обуховская больница со своими палисадниками, двориками и покойничками одна не растерялась — она знала, что ей делать. Как старуха тетка, появляющаяся в семье в дни смертей и рождений, эта старая желтая повитуха приняла тысячи случайно убитых — подстреленную дичь с незаметной раной или свинцовым грузиком в теле.

Никто не знал в этот желтый зимний день, что она принимает новорожденную красную Россию, что каждое убийство было рождением.

Даже хитрый мужичонка в далекой Сибири еще не знал, кого ему предстоит спасать, и не снаряжался в дальний путь.

Мрачно стоял обезглавленный Петербург, дымилась костры на улицах, мерзли на углах запоздалые, ненужные патрули, но город без души немислим, и освобожденная новая душа Петербурга как нежная сиротливая Психея уже бродила на снегах. Первое шествие рабочих от кирпичных и деревянных застав к гранитной чаше Невы, к цельному, как дарохранительни-

ца, архитектурному слитку с ковчегом Адмиралтейства и саркофагом Исаакия не удалось. Но оно началось снова — весь Петербург, грязный, желтый, с домами-ящичками, с лачугами, фабриками и пустырями поднялся и снова со всех сторон пришел через двенадцать лет к Дворцовой площади, чтобы достроить дело рук своих и последним свободно положенным кирпичом оправдать на рабочих костях стоящую мощную и прекрасную твердыню рабочего труда.

22 января 1922.

ВОКРУГ НАТУРАЛИСТОВ

1

Писатель-натуралист не выбирает своего стиля и не получает его готовым. Всякий научный метод предполагает особую организацию научного материала: форма служит мировоззрению и его задачам. В естествознании эти проблемы научно-литературной формы особенно наглядны. Во все критические эпохи естественные науки были ареной борьбы за мировоззрение. Только внимательно изучив историю воззрений на природу, мы поймем закономерность в смене литературных стилей естествознания.

Нигде и никогда Дарвин не называет себя философом природы. Дарвин не навязывает природе какой бы то ни было цели, он отрицает за ней какую бы то ни было благодать. Всего более далек он от мысли приписывать ей волю или разумные зиждущие свойства. Форма его научных трудов, вся совокупность его логических и стилистических приемов вытекает из биологической концепции.

Дарвин выступил в эпоху широчайшего распространения естественно-научного дилетантства. И в Англии, и на континенте процветало любительское изучение

природы. Просвещенные бюргеры и джентльмены коллекционировали, гербаризировали, наблюдали и описывали. Над ними издеваются немецкие романтики и английский сатирический роман. Знаменитый «Пиквикский клуб» Чарльза Диккенса не что иное, как едкая сатира на это любительство. Мистер Пиквик и его собратья по клубу, как известно, натуралисты. Но делать им в сущности нечего. Они занимаются черт знает чем. Они смешат молодых девушек и уличных мальчишек. Почтенные джентльмены, вооруженные сачком и ботанической сумкой, не имели руководящей цели. Описательство и погоня за наблюдениями вылились в карикатуру. Наряду с этим чисто домашним любительством эсквайров и пасторов ширилась и росла волна мироведческих интересов. Кругосветные путешествия вошли в педагогическую моду. Не только финансовая аристократия, но сплошь и рядом средняя буржуазия старалась доставить своим детям случай объехать на торговом или военном судне земной шар.

Новый вид любопытства к природе, с которым мы здесь сталкиваемся, в корне отличается от любознательности Линнея или от пытливости Ламарка. Начиная Дарвином и его путешествием на «Бигле», кончая знаменитым художником Клодом Монэ с его кругосветным путешествием на «Бригитте», мы здесь имеем колоссальную тренировку аналитического зрения и жажду накопления мирового опыта на твердом стержне практической деятельности и личной инициативы.

С удивительным постоянством Дарвин призывает себе на помощь свет и воздух, внимательно учитывает расстояние, пользуется при этом пленерными эффектами, дает захватывающие снимки животного или насекомого, застигнутого врасплох в самом типическом для него положении.

«Щелкун, брошенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает голову и грудь назад, так что грудной отросток выдается наружу и помещается на краю своего влагалища. Пока продолжается это загибание назад, грудной отросток действием мышц сгибается подобно пружине; в это время животное опирается на землю краями головы и надкрыльев».

Нам уже трудно оценить всю небывалую свежесть этого описания, которое так и просится на пленку кино. Для того, чтобы понять всю глубину художественно-научной революции, осуществляемой Дарвином, сравним эту хищную, насквозь функциональную зарисовку кузнечика с одним из описаний Палласа, натуралиста линнеевской школы, автора [книги] «Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи 1769—70 гг.» «Азиатская козявка»: «Величиной с сольтициального жука, а видом кругловатая с шароватой грудью. Стан и ноги с прозеленью, грудь темнее, голова медного цвета. Твердокрылья гладкие, лоснящиеся, с примесью фиолетового цвета — черные. Усы ровные, передние ноги несколько побольше. Поймана при Индерском озере».

Насекомое костюмировано и загримировано под китайский придворный театр, под крепостной балет. Оно преподнесено, как драгоценность в оправе, как живопись в медальоне. Систематика Линнея нуждалась в таких описаниях: в природе есть мудрый план, он постигается непосредственно через классификацию, познавать и восхищаться — одно и то же. «Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственным побуждением к кровообращению», — говорит Линней.

Почти столетие отделяет Линнея от Дарвина. Между ними эволюционисты — Кювье, Бюффон, Ламарк.

Структурные и анатомические признаки в натуралистических сочинениях возобладали над чисто живописными приметами. Искусство дворянско-феодалной миниатюры пришло в упадок. Но по существу мало что изменилось.

На место неподвижной системы природы пришла живая цепь органических существ, подвижная лестница, стремящаяся к совершенству. Вместо Бога-архитектора у деиста Ламарка конституционный монарх, не вмешивающийся во внутренние дела природы. Классификация по Ламарку — нечто искусственное, как бы волосная сетка, накинутая человеком на разнообразие явлений. Что же остается теперь натуралисту, как не восхищаться по-прежнему, но уже не единичными феноменами природы, но ее классами, расположенными в порядке поступательного развития?

Между тем французская революция оставила глубокий след на стиле естествоведов. Тот же Бюффон в своих научных трудах выступает в роли революционного оратора. Он восхвалял естественное состояние лошади, ставил людям в пример табуны диких лошадей, воздавал почести гражданской доблести коня.

А Ламарк, пишущий свои лучшие труды как бы на гребне волны Конвента, постоянно впадает в тон законодателя и не столько описывает, сколько декретирует законы природы.

Замечательный прозаизм трудов Дарвина был глубоко подготовлен историей. Дарвин раз навсегда изгнал из естествознания всякое красноречие и всякую риторику, всякий телеологический пафос во всех его видах. Он имел мужество быть прозаичным, потому что имел многое и многое сказать и не чувствовал себя никому обязанным ни благодарностью, ни восхищением.

«Происхождение видов» состоит из пятнадцати глав; каждая из них расчленяется на десять-пятнадцать подглавок, размером не больше воскресного фельетона Таймса. Книга построена с таким расчетом, чтобы читатель с каждой точки обзирал все целое труда. О чем бы ни говорил Дарвин, куда бы его ни уводили извилины научной мысли, проблема всегда стоит в полном своем объеме. Факты наступают на читателя не в виде одиночных примеров-иллюстраций, а развернутым фронтом, сериями. Приливы и отливы научной достоверности, подобно ритму фабульного рассказа, оживляют дыхание каждой главы и подглавки. Только в совместном дыхании, только в созвездиях научные примеры Дарвина получают значимость.

«Происхождение видов» ошеломило читателей революционностью содержания, новизной мысли. Сила и новизна формы литературных трудов Дарвина прошла незамеченной, хотя много способствовала освоению широчайшими кругами его теории.

Научный стиль старой линнеевской натуралистики знал только два элемента: красноречие общих мест и метафизические и богословские рацеи и пассивно-созерцательную описательность. С Бюффеном и Ламарком в научный стиль ворвалась гражданская, революционная, публицистическая струя.

Дарвин вступает с природой в отношение военного корреспондента, интервьюера, отчаянного репортера, которому удалось подсмотреть событие у самого истока. Он никогда ничего не описывает, он только характеризует, и в этом смысле Дарвин как писатель принес в

натуралистику вкусы современного ему английского читателя. Не следует забывать, что одновременно с Дарвином читали и Диккенса — и тот и другой нравились публике по тем же самым причинам.

Дарвин никогда не выписывает весь длинный «полицейский» паспорт животного или растения со всеми его приметами. Он пользуется природой, как великой организованной картотекой. Классификация поставлена им на место, она перестала быть самоцелью. В результате — изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения.

Питая неизъяснимое отвращение к догматике, Дарвин только рассказывает о том, как сложились его убеждения. Так, рассказывая о том, как сухопутные хищники могут превращаться в земноводных, и поясняя это превращение, он тут же оговаривается: «Если бы меня спросили, как некоторые насекомоядные четвероногие превратились в летучих мышей, я бы, пожалуй, смутился, но это не важно».

Дневник путешествия на «Бигле» с его новым принципом естественно-научной вахты продолжается в «Происхождении видов» с той разницей, что Дарвин протягивает свои корреспондентские нити к бесчисленным адресатам, несущим ту же самую службу, во все концы земного шара. Коневодства, птичники, пчельники, оранжереи, принадлежащие специалистам, людям самостоятельного и органического опыта, расширяют лабораторию Дарвина. Больше того — они оплодотворяют его труд. Автор в постоянной переписке с этими добровольными помощниками. Он их благодарит, он ссылается на них.

Солидарность Дарвина с международной верхушкой естествоведов придает его научному стилю тепло-

кровность, самоуверенность и сообщает его аргументации силу дружеского рукопожатия: весь мир — хозяйство натуралиста. Торговый флаг великобританского флота реет над страницами его книги.

Необходимо отметить тягу Дарвина к читателю-средняку, его желание раскрыться перед средним джентльменом, каким-нибудь сэром Эллиотом, который прислал ему в подарок голубей. Дарвин пишет, как человек, рассчитывающий на поддержку неуборимой толщи читателей.

Не обращать внимания на форму научных произведений так же неверно, как игнорировать содержание художественных: элементы искусства неутомимо работают и здесь и там. Блестяще разработанная столетними усилиями терминология в зоологии обладает исключительно впечатляющей образной силой. У Дарвина названия животных и растений звучат как только что найденные меткие прозвища.

Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина был в некоторой своей части и литературным. Читатель испытывал жесточайшую реакцию против поучительного, сентиментального, кисло-сладкого жанра, которым обкормили его предшественники Диккенса. Этот читатель всему на свете предпочитал характерное — картины природы, социальные контрасты.

Прозаизм Чарльза Дарвина пришелся как нельзя более кстати. Его научная проза с ее географической сухостью, с ее атмосферической зоркостью, с ее характеристиками в действии на взрывающихся пачками примерах была воспринята, как автобиографический литературный документ. Быть может, больше всего подкупало читателя то, что Дарвин не высказывал ни-

какого литературного телеологического восторга перед законами и тенденциями, которые с ясностью утверждал.

Глаз натуралиста — орудие его мысли, так же, как и его литературный стиль. Бодрящая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать хорошей научной погодой, в меру приподнятое хорошее настроение автора заражают читателя, помогают ему освоить теорию Дарвина.

Никто не сумеет популяризировать теории Дарвина лучше его самого. Его научный стиль необходимо изучать, но подражать ему бесплодно, потому что историческая ситуация, при которой он возник, никогда больше не повторится.

1932.

**ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ, ЗАМЕТКИ,
ЧЕРНОВИКИ**

К СТАТЬЕ «ФРАНСУА ВИЛЛОН» (1910)

Французский стих по природе своей, как никакой другой, приспособлен к тончайшим ритмическим нюансам. Нельзя говорить о ямбе, о хорее во французском стихе, точно так же бесполезно разбивать его на стопы. Ведь каждая строчка французского стиха живет собственной, независимой жизнью в силу того основного положения французской поэтики, что долгота и ударение суть величины переменные.

Если говорят, что прелесть „Testaments“ Виллона в неожиданных переходах, в чередованиях настроений, как волн, смывающих друг друга, то одинаково следует видеть ее в разнообразии ритмическом. „Testaments“ Виллона — это настоящий ритмический калейдоскоп. Кажется, он взял «вафельницу» huitain только для того, чтобы разбить ее вдребезги. Читая Виллона, трудно поверить, что имеешь дело с неизменным восьмисложным huitain. Ритм всегда в строгом соответствии с содержанием. В легкомысленной части своего произведения он жонглирует словами проворно и небрежно, как настоящий фокусник, пользуясь даже enjambements:

Beaulx enfans, vous perdez la plus
Belle rose de vo chapeau.

К «ЗАМЕТКАМ О ШЕНЬЕ» (1922)

„O Eta, mont ennobli...“, относимый к fragments d'Idylles...

Между глаголом, существительным и эпитетом на всем протяжении этой небольшой поэмы развертывается напряженная борьба за действительную силу, за обладание временем, тонической мерой стиха, за гегемонию образа и действия. Если выписать в порядке расположения стихов — от первого до последнего — приходящиеся на каждый эпитет, получается следующая картина: при средней для нормального александрийца насыщенности двумя эпитетами — 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 9-й, 10-й и 13-й стихи несут только по одному эпитету; 8-й, 11-й и 12-й дают ноль эпитета, — то есть пропорционально нарастанию действия эпитет сходит на нет, а кульминационные стихи дают как бы зияние эпитета — 11-й и 12-й, рассеченные паузой.

Особенно интересен в смысле безэпитетности одиннадцатый стих —

Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.

... Он держится на дополнении, следующем после союза «и» и зависящем от глагола „attend“, именно „l'heure d'être un dieu“, причем существительное „l'heure“ исполняет функции глагола, то есть насыщено самым чистым действием и по температуре своей есть уже как бы существительное, расплавленное в глагол.

Внутреннее разнообразие элегии Шенье: глаголы, существительные, эпитеты постоянно выпадают в своем первоначальном и естественном значении; они «зияют» или несут службу другой части речи.

Возьмем, например, первую половину двенадцатого стиха поэмы:

Le vent souffle et mugit...

Здесь два глагола — „souffle“ и „mugit“ определенно несут службу эпитетов, и все построение фразы не что иное, как замаскированное предложение двух эпитетов: «свистящий» и «стенающий» — в приложении к ветру.

Десятый стих:

Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique, — характеризуется активностью существительного „mas-sue“ — палица. Существительное взято в действенном глагольном значении, скорее как потенция действия и напряженная готовность мышечной силы героя, чем как вещь.

В стихе девятом:

Étend du vieux lion la dépouille héroïque, — происходит зияние эпитета „héroïque“, который несет службу глагола, ибо истинное, незамаскированное значение фразы таково: Алкид «геройствует», расстилая шкуру.

Таким образом, недостаток синтаксической гибкости александрийца возмещается разнообразием стилистических ходов, выход из золотой клетки александрийского стиха найден, и выход этот очень национальный.

Очень близкое к Пушкину место («Поэт и чернь») — Гомер в „L'Aveugle“:

Chante...

Amuse notre ennui; tu rendra grâce aux dieux...

... А мы слушаем тебя.

ЗАПИСИ 1931 ГОДА

2 мая 31 г. Чтение Некрасова. «Влас» и «Жил на свете рыцарь бедный».

Некрасов

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду.

Пушкин

Он имел одно виденье,
Недоступное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

«С той поры» — и дальше как бы слышится второй потаенный голос:

Lumen coelum, Sancta Rosa . . .

Та же фигура стихотворная, та же тема отозвания и подвига.

Здесь общее звено между Востоком и Западом. Картина ада. Дант лубочный из русской харчевни:

Черный тигр шестокрылат . . .
Влас увидел тьму кромешную . . .

**

[О Пастернаке] 1. Набрал в рот вселенную и молчит. Всегда-всегда молчит. Аж страшно.

Набравши море в рот,
Да прыскает вселенной.

2. К кому он обращается?

К людям, которые никогда ничего не совершат . . .

Как Тиртей перед боем, — а читатель его — тот слушает и побежит . . . в концерт . . . .

**
*

В современной практике глаголы ушли из литературы. К поэзии они имеют лишь косвенное отношение. Роль их чисто служебная: за известную плату они перевозят с места на место. Только в государственных декретах, в военных приказах, в судебных приговорах, в нотариальных актах и в завещательных документах глагол еще живет полной жизнью. Между тем глагол есть прежде всего акт, декрет, указ.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1931—1932 ГОДОВ

1. (ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ)

СЕВАН

Жизнь на всяком острове — будь то Мальта, Святая Елена или Мадера — протекает в благородном ожидании . . . . . Ушная раковина истончается и получает новый завиток /в беседах мы обнаруживаем больше снисходительности и терпимости к чужому мнению, все вместе оказываются посвященными в мальтийский орден скуки и рассматривают друг друга с чуть глуповатой вежливостью, как на вернисаже.

Даже книги передаются из рук в руки бережнее [чем] стеклянная палочка градусника на даче . . . /

/При этом местность обнажена/

А ночью можно видеть, как фары автомобилей, пожирающих проложенное с римской твердостью шоссе, пляшут по зигзагам его огоньками святого Эльма.

Там же на острове Севане учительница А. Х. вызвалась обучить меня армянской грамоте. Ее фигурку

заморенной львицы вырезала из бумаги семилетняя девочка: к энергичному платьицу, взятому за основу, были пририсованы жестко условные руки и ноги и еще после минутного раздумья прибавлена неповорачивающаяся голова.

Ненависть к белогвардейцам, презрение к дашнакам и чистая советская ярость одухотворяли А. Смелая и понятливая, красной солдаткой бросила мужа-комсомольца, плохого товарища; воспитывала двух разбойников, Рагина и Хагина, то и дело поднимавших на нее свои кулачки.

То был армянский Несчастливцев . . . . . Уже пожилой мужчина, получивший военно-медицинское образование в Петербурге — и оробевший от голоса хриплой бабки . . . . . родины своей; оглохший от /ее/ картофельного кашля, ее честнейших в мире городов; навсегда перепуганный глазастостью и беременностью женщин, лвиным напором хлебных, виноградных и водопроводных очередей.

Кто он? Прирожденный вдовец — при живой жене. Чья-то сильная и властная рука еще давным-давно содрала с него воротничок и галстук.

И было в нем что-то от человека, застигнутого врасплох посещением начальника или родственника и только что перед тем стиравшего носки под краном в холодной воде . . .

Казалось, и жена ему говорит: «Ну какой ты муж, — ты вдовец» . . . . .С. являл собой пример чистокровной мужской растерянности. Его мучила собственная шея. Там, где у людей воротничок и галстук, у него было какое-то стыдливое место. То был мужчина, беременный сознанием своей вины перед женою и детьми . . .

С каждым встречным он заговаривал с той отчаянной, напропалую заискивающей откровенностью, с какой у нас в России говорят лишь ночью в вагонах.

Хоровое пение — этот бич советских домов отдыха — совершенно отсутствовало на Севане. Древнему армянскому народу претит бесшабашная песня с ее фальшивым былинным размахом, заключенным в бутылку казенного образца.

МОСКВА

Никто не посылал меня в Армению, как, скажем, граф Паскевич грибоедовского немца и просвещеннейшего из чиновников Шопена (см. его «Камеральное описание Армении», сочинение, достойное похвалы самого Гёте).

Выправив себе кой-какие бумажонки, к которым по совести и не мог относиться иначе, как к липовым, я выбрался с соломенной корзинкой в Эривань в мае 30-го года /в чужую страну, чтобы пощупать глазами ее города и могилы, набраться звуков ее речи и подышать ее труднейшим и благороднейшим историческим воздухом/.

Везде и всюду, куда бы я ни проникал, я встречал твердую волю и руку большевицкой партии. Социалистическое строительство становится для Армении как бы второй природой.

Но глаз мой /падкий до всего странного, мимолетного и скоротечного/ улавливал в путешествии лишь светоносную дрожь /случайностей/, растительный орнамент /действительности/ . . . . .

Неужели я подобен сорванцу, который вертит в руках карманное зеркальце и наводит всюду, куда не следует, солнечных зайчиков?

. Нельзя кормить читателя одними трюфелями! В конце концов он рассердится и пошлет вас к черту! Но еще в меньшей степени можно его удовлетворить деревянными сырами нашей кегельбанной доброкачественной литературы.

По-моему, даже пустой шелковичный кокон много лучше деревянного сыра... /Давайте почувствуем, что предметы не кегельбаны!/ Выводы делайте сами.

Первый урок армянского языка я получил у девушки по имени Марго Вартаньян. Отец ее был важный заграничный армянин... ..и, как мне показалось, консул сочувствующих советскому строительству с национальной точки зрения буржуазных кругов. В начале советизации он состоял комиссаром в Эчмиадзине. По словам Марго последний католикос кормился одними цыплятами. О священничестве, богатстве и правительстве Марго говорила с наивным ужасом пансионерки.

В образцовой квартире Вартаньян электрический чайник и шербет из лепестков роз тесно соприкасался с комсомольской учебой. Даже свой недолеченный в Швейцарии туберкулез бедняжка Марго /растила в Армении как драгоценный тепличный цветок/ остановила пылью эриванских улиц: «Дома умирать нельзя!»

Она руководила пионерами, кажется, и хорошо владела /изученным после итальянского/ наречием бузы и шамовки.

Бывая у Вартаньян, я неизменно сталкивался с другом ее отца — обладателем столь изумительного габсбургского профиля, что хотелось спросить его, как делишки святой инквизиции.

В общем, я ничему не научился у древне-комсомольской царевны. Мало того, что она лишена была всяче-

ских педагогических способностей, Марго наотрез не понимала таинственности и священной прелести /красоты/ родного языка.

Урок, заметанный на живую нитку любезностей, длился не более получаса. Донимала жара. Коридорные метались по всей гостинице и ревели, как орангутанги. Помнится, мы складывали фразу: «Муж и жена приехали в гостиницу».

Женские губы, прекрасные в болтовне и скороговорке, не могут дать настоящего понятия . . .

Это был гребень моих занятий арменистикой — год спустя после возвращения из Эривани — /печальная/ глухонемая пора, о которой я должен теперь рассказать еще через год и снова в Москве и весной.

Москва подобрела: город чудный, подробный, дробный, с множественным и сложным, как устройство /глаза у комнатной мухи/ мушиного глаза, зрением.

Что мы видим? Утром — кусок земляничного мыла, днем . . .

В январе мне стукнуло 40 лет. Я вступил в возраст ребра и беса. Постоянные поиски пристанища и неудовлетворенный голод мысли.

А. Н., подняв на меня скорбное мясистое личико измученного в приказах посольского дьяка, собрав всю елейную невинность и всю заморскую убедительность интонаций москвича, побывавшего в Индии, вздев воронью бороденку . . . .

Я сейчас нехорошо живу. Я живу, не совершенствуя себя, а выжимая из себя какие-то дожимки и остатки.

Эта случайная фраза вырвалась у меня однажды вечером после ужасного бестолкового дня вместо всякого так называемого «творчества».

Для Нади.

К тому же легкость вторглась и в мою жизнь, — как всегда, сухую и беспорядочную и представляющую мне щекочущим ожиданием какой-то беспроигрышной лотереи, где я мог вынуть все что угодно, — кусочек земляничного мыла, сиденье в архиве в палатах первопечатника или вожаденное путешествие в Армению, о котором я не переставал мечтать.

Хозяин моей временной квартиры, молодой белокурый юрисконсульт, врывался по вечерам к себе домой, схватывал с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на «юнкерсе» то в Харьков, то в Ростов.

Его нераспечатанная корреспонденция валялась по неделям на неумытых подоконниках и столах.

Постель этого постоянно отсутствующего человека была покрыта украинским ковричком и подколота булавками.

Вернувшись, он лишь потряхивал белокурой головой и ничего не рассказывал о полете.

/Соседи мои по квартире были трудящиеся довольно сурового закала. Мужчины умывались в сетчатых майках под краном. Женщины туго накачивали примуса, и все они яростно контролировали друг друга в соблюдении правил коммунального общежития./ Бог отказал этим людям в приветливости, которая все-таки украшает жизнь...

Вряд ли эти люди были достойными носителями труда — энергии, которая спасает нашу страну...

... Им не был чужд и культ умерших, а также некоторое уважение к отсутствующим. /Мы напоминаем и тех и других/. Ежики, проборы, височки, капустные прически и бороды...

Табаки на дворике торчали как восклицательные знаки. Цветы стояли, прикуривая друг у друга по старинному знакомству. Между клумбами был неприкосновенный воздух, свято принадлежавший небольшому жакту. Дворик был проходной. Его любили почтальоны и мусорщики. И меня допекала его подноготная с конюшнями, сарайчиками и двумя престарелыми черствыми липами, давно состоявшими на коричневой пенсии. Их кроны давно отшумели.

Старость ударила в них казницей молнией.

Приближался день отъезда. К. купил дьявольски дорогой чемодан, заказал плацкарту на Эривань через фисташковый Тифлис...

Я навсегда запомнил картину семейного пиршества у К.: дары московских гастрономов на сдвинутых столах, бледно-розовую, как испуганная невеста, семгу (кто-то из присутствующих сравнил ее жемчужный жир с жиром чайки), зернистую икру, черную, как масло, употребляемое типографским чертом, если такой существует.

Разлука — младшая сестра смерти. Для того, кто уважает резоны судьбы, есть в проводах зловеще свадебное оживление. А тут еще примешался день рождения... Я подошел к старухе К., тихой как моль, и сказал ей несколько лестных слов по поводу сына. Счастье и молодость собравшихся почти пугали ее... Все старались ее не беспокоить.

Коричневая плиточная московская ночь... Липы пахнут дешевыми духами.

Ситцевая роскошь полевых цветов смотрела из умывальных кувшинов. Сердце радовалось их демократической азбучной прелести... . . . Сколько раз за ними нагибались с веселыми восклицаниями, столько раз они отработывали в кувшине — колокольчиками, лапочками, львиной зевотой.

Цветы — великий народ и насквозь грамотный. /Волнующий/ их язык состоит из одних лишь собственных имен и наречий.

СУХУМ

Шесть недель, назначенные мне для проживания в Сухуме, я рассматривал как преддверие и своего рода карантин — до вызова в Армению. Комендант по имени Сабуа, ловко скроенный абхазец с ногами танцора и румяным лицом оловянной куклы, отвел мне солнечную мансарду в «доме Орджоникидзе» /который стоит как гора на горе, вынесен как на подносе срезанной горы; так и плывет в море вместе с подносом/.

Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмотрел владения окоема: мне были видны, кроме моря, все кварталы Сухума, с балаганом цирка, казармами... . . .

Не потому ли с такой отчетливостью запоминаются места, где нас... . . .

Там же, в Сухуме, в апреле я принял океаническую весть о смерти Маяковского. Как водяная гора жгутами бьет позвоночник, стеснила дыхание и оставила соленый вкус во рту.

Три недели я просидел за столом напротив Б[езыменского] /и так и не разгадал, о чем с ним можно разговаривать/.

Однажды, столкнувшись со мной на лестнице, он сообщил мне о смерти Маяковского. Человек устроен наподобие громоотвода. Для таких новостей мы заземляемся, а потому и способны их выдержать. И новость, скатившись на меня в образе Б., ушла куда-то вниз под ступеньки.

Б. изобрел интересный способ общаться с людьми при помощи сборной граммофонной пластинки, приуроченной к его настроению.

Наливая себе боржому в стакан, он мурлыкал из «Травиаты». То вдруг огреет из «Риголетто». То расхохочется шаляпинской «блохой» . . .

«Рост» — оборотень, а не реформатор. Кроме того, он фольклорный дурень, плачущий на свадьбе и смеющийся на похоронах — носить вам не переносить. Недаром мы наиболее бестактны в возрасте, когда у нас ломается голос.

Критики Маяковского имеют к нему такое же отношение, как старуха, лечившая эллинов от паховой грыжи, к Гераклу . . .

В хороших стихах слышно, как шьются черепные швы, как набирает власти /и чувственной горечи/ рот и

/воздуха лобные пазухи, как изнашиваются аорты/ хозийничает океанской солью кровь.

Общество, собравшееся в Сухуме, приняло весть о гибели первозданного поэта с постыдным равнодушием. /Ведь не Шаляпин и не Качалов даже! В тот же вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля студенческие вихрастые песни.

Как и всегда бывает в дороге /в пути/, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся просто так — на здоровье . . .

Я говорю о собирателе абхазских народных песен М. Коваче. Еврей по происхождению и совсем не горец, не кавказец, он обстругал себя в талию, очинил, как карандаш, под головореза.

Глаза у него были очаровательно наглые, со злющинкой и какие-то крашенные, желтые . . .

От одного его приближения зазубренные столовые ножи превращались в охотничьи.

/Мир для него разделялся надвое: абхазцы и женщины. Все прочее — нестоящее и ерша. Ему приводили коротконогих крестьянских лошадей . . . Эка важность . . . Было бы седло. Смотрите: он уже прирос к коню, обнял его ляжками — и был таков . . . /

Абхазские песни удивительно передают верховую езду. Вот копытится высота; лезет в гору и под гору, изворачивается и прямится бесконечная, как дорога, хоровая нота — камертонное бессловесное длинное а-а-а! И на этом ровном многокопытном звуке, усевшись на нем, как в седле, плывет себе запевала, выводя озорную или печально-воинственную мелодию . . .

Песни, изданные Ковачем, чрезвычайно просто аранжированы. Мне запомнилась одна: музыкальная мельница или дразнилка. /Она, как и все прочие, написана на случай./ Старик в Очемчирах замучил сход: говорил-говорил и кончить не мог.

Ее наиграл для меня на рояле /непривычными/ наглыми пальцами этнограф и горец — Ковач.

/В Сухуме меня пронзил древний обряд погребального плача. Шел я под вечер . . . /

Совсем другое впечатление производил грузин Анатолий Какавадзе, директор тифлисского национального музея, гостивший на той же оцепленной розами, никем не заслуженной, блаженной даче. Губы его были замечаны шелковой ниткой, и после каждого сказанного слова он как бы накладывал на них шов.

Впрочем, никогда не растолковывайте человеку символику его физического облика. Этой бестактности не прощают даже лучшему другу.

С Какавадзе — он был крупнейшим радиоспецом у себя на родине — мы ходили в клуб субтропического хозяйства ловить /средиземную/ миланскую волну на шестиламповый приемник.

Он смахнул с аппарата какого-то забубенного любителя, из тех, что роются в домашнем белье эфира, вздел наушники с монашеским обручем и сразу — нащупал и подал нечто по своему вкусу.

/А вкус у него был горький, миндальный. Раз как-то он сказал: — Бетховен для меня слишком сладок, — и осекся . . . /

Удивительна судьба наших современников, — судьба сынов и пасынков твоих, СССР.

Человека разрабатывают, как тему с вариациями, ловят его на длину волны.

Так, инженер Какавадзе сначала принял постриг электротехника, потом распутывал клубок неправды в РКИ, а ныне он заведует грузинской фреской с ее упаси меня Боже какими огромными малярными глазищами.

Уже потом, значительно позже, я /познал и/ разгадал духовную формулу Какавадзе.

Казалось /где-то и когда-то/ из него выжали целую рощу лимонов. За ним волочилась сама желтуха и малярия. Свою собственную усталость он вычислял во сне. Он боролся с нею, — но выздоравливал /от нее как только его о чем-нибудь интересном спрашивали/. Его усталость была лишь скрытой формой энергии.

У него было сонное выражение математика, производящего на память, без доски, многочленный . . .

Веки с ячменным наростом . . .

В приемной Совнаркома я видел жалобщиков-крестьян. Старики-табаководы в черной домотканной шерсти похожи на французских крестьян-виноделов.

У Нестора Лакобы — главы правительства — движения человека, стреляющего из лука . . . Это он /привез медвежонка на автомобиле/ получил медвежонка в подарок от крестьянского оратора на митинге в Ткварчелах. Слуховая трубка глухого Лакобы воспринимается как символ власти.

.. /Он убивает кабанов и приносит великолепные . . . /

Абхазцы приходят к марксизму /минуя христианство Смирны, минуя ислам/ не через Смирну и не обливав лезвие, а непосредственно от язычества. У них нет

исторической перспективы, и Ленин для них первее Адама. Их всего горсточка — 200 000.

Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку — слава!

ФРАНЦУЗЫ

Художник по своей природе — врач, исцелитель. Но если он никого не врачует, то кому и на что он нужен?

Такая определенность света, такая облизывающаяся дерзость раскраски бывает только на скачках /в которых ты заинтересован всей душой... . . . /

Каждый дворик, подергивавшийся светотенью, продавали из-под полы.

Посетители передвигаются мелкими церковными шажками.

/В углу на диване сидит москвичка с карими глазами в коротком платье цвета индиго и смотрит на Монэ/. Каждая комната имеет свой климат./ Они так отличаются, что глаз, переходя от Гогена к Сезанну, может простудиться. Еще чего доброго надует ему ячмень от живописных сквозняков./

В комнате Клода Монэ /и Ренуара/ воздух речной. /Входишь в картину по скользким подводным ступенькам дачной купальни. Температура 16° по Реомюру... Не заглядывайся, а то вскочат на ладонях янтарные волдыри, как у изнеженного гребца, который ведет против течения лодку, полную смеха и муслина./

Назад! Глаз требует ванны. Он разохотился. Он купальщик. Пусть еще раз порадуют его свежие краски Иль-де-Франс . . . .

Венецианцы смеялись, когда Марко Поло рассказывал, что в Китае ходят бумажные деньги. На них купишь разве что во сне. Золото не прилипает к шелковистой бумаге.

Что-то шепелявила тень, но никто ее не слушал. Липки стояли с мелко нарубленной рублевой листвою.

. . . В основном — эта широкая и сытая улица барского труда давала все то же движение, — /катышечки-волны чуть-чуть подсиненных холстов, обгоняемые ситцевыми тенями;/ ленивые фронтоны дрожали, как холст, и обтекали светом.

Клод Монэ продолжался, от него уже нельзя было уйти.

. . . Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс, сплюснутые из звездочек в пористую, как бы известковую губку, сложившиеся в грозную лепестковую массу; дивные пчелиные сирени, исключившие /из мирового гражданства все чувства/ все на свете, кроме дремучих восприятий шмеля, — горели на стене самодышащей купиной /и были чувственней, лукавей и опасней огненных женщин/, более сложные и чувственные, чем женщины.

ВОКРУГ НАТУРАЛИСТОВ

С тех пор, как друзья мои — хотя это слишком громко, я скажу лучше приятели — вовлекли меня в круг естественнонаучных интересов, в жизни моей об-

разовалась широкая прогалина. Передо мною раскрылся выход в светлое деятельное поле.

Мы приближаемся к тайнам органической жизни. Ведь для взрослого человека самое трудное — это переход от мышления неорганического, к которому он приучается в пору своей наивысшей активности, когда мысль является лишь придатком действия, к первообразу мышления органического.

Задача разрешается в радужном чечевичном пространстве в импрессионистской среде /где художники милостью воздуха — лепили один мазок в другой/.

Самый спокойный памятник из всех, какие я видел. Он стоит у Никитских ворот, запеленутый в зернистый гранит. Фигура мыслителя, приговоренного к жизни.

Ламарк чувствует провалы между классами. /Это интервалы эволюционного ряда. Пустоты зияют. /Он слышит синкопы и паузы эволюционного ряда. Он предчувствует истину и захлебывается от отсутствия подтверждающих ее фактов и материалов. (Отсюда легенда о его конкретобоязни). [Ламарк] прежде всего законодатель. Он говорит как Конвент. В нем Сен-Жюст и Робеспьер. Он не столько доказывает, сколько декретирует природу.

/В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данте. Низшие формы органического бытия — ад для человека./

Ламарк заплакал глаза в лупу. Его слепота равна глухоте Бетховена.

У Ламарка /умные/ басенные звери. Они приспособивались к условиям жизни по *Лафонтену*. Ноги цапли, шея утки и лебеда/, — все это милая разумная находчивость покладистой и трезвой басни/.

В эмбриологии нет смысловой ориентации и быть не может.

Самое большое — она способна на эпиграмму.

Линней ребенком в маленькой средневековой Упсале не мог не заслушиваться объяснений в странствующем зверинце . . . . .

Слушатели воспринимали зверя очень просто: он показывает людям *фокус* /одним только фактом своего существования/ в силу своей природы, в силу своего естества. Звери резко разделялись на малоинтересных домашних и заморских. А позади заморских, привозных угадывались и вовсе баснословные, к которым не было ни доступа, ни проезда, ибо их затруднительно было сыскать на какой бы то ни было географической карте.

[ПАЛЛАС]

Никому, как Палласу, не удавалось снять с русско-го ландшафта серую пелену ямщицкой скуки. В ее /мнимой/ однообразности, приводившей наших поэтов то в отчаяние, то в унылый восторг, он подсмотрел /неслыханное разнообразие крупиц, материалов, прослоек/ богатое жизненное содержание. Паллас — талантливый почвовед. Струистые шпаты и синие глины доходят ему до сердца . . . . .

Он испытывает натуральную гордость по случаю морского происхождения бело-желтых симбирских гор и радуется их геологическому дворянству.

Я читаю Палласа с одышкой, не торопясь. Медленно перелистываю акварельные версты. Сажу в почтовой карете с разумным и ласковым путешественником. Чувствую рессоры, пружины и подушки. Вдыхаю запах нагретой солнцем кожи и дегтя. Переваливаюсь на ухабах. Паллас глядит в окошко на волжские увалы. Вот я ворочаюсь, сдавленный баулами. Ключ бежит, вясь по белому мергелю. /Кремнистые глины . . . Струистые глины . . . А в карете-то . . . .

Вообразите спутником Палласа никого иного, как Н. В. Гоголя. Все для него иначе. Как бы они не перегрызлись в дороге. Карета все норовит свернуть на сплошную пахотную землю./

/Картина огромности России слагается у Палласа из бесконечно малых величин. Ты скажешь: в его почтовую карету впряжены не гоголевские кони, а майские жуки. Не то муравьи ее тащат цугом, с тракта на тракт, с проселка на проселок, от чувашской деревни к винокуренному заводу, от завода — к сернистому ключу, от ключа — к молошной речке, где водятся выдры./

Палассу введома и симпатична только *близь*. От близи к близи он вяжет вязь. Крючками и петельками надставляет свой горизонт. Незаметно и плавно в карете, запряженной муравьями, переселяется из округи в округу.

Паллас насвистывает из Моцарта. Мурлычет из Глюка. Кто не любит Генделя, Глюка и Моцарта, тот

ни черта не поймет в Палласе. Вот уж подлинно писатель не для длинных ушей. Телесную круглость и любезность немецкой музыки он перенес на русские равнины. /Он писал не тонко измельченными растительными красками. Он красит и дубит и вываривает природу с красным сандалом. Он вываривает крутиком и смолчугом. Симбирские пашни, березники и киргизские степи — в арзамасском фабричном котле. Он гонит краску из березовых листьев с квасцами — на китайку для нижегородских баб и на синьку для неба./

/Нравы, обычаи, ритуалы, свадебные и похоронные культы, уборы женщин, ремесла и промыслы жителей/ все что видит путешественник — лишь краски и узоры, отпечатанные на холстах земли, на ее полотенцах.

Удивительный был немец этот Паллас. Мне кажется, он умудрился объехать всю Россию от Москвы до Каспия — с большим избалованным сибирским котом на коленях. /Уйму видел/ /Видел метко, записывал остро; был он и географ, и аптекер, и красильщик, и дубильщик, и кожевенник, был ботаник, зоолог, этнограф, написал полезную и прелестную книгу, пахнущую свежерашенной холстиной и грибами, — а все не стрягивал своего кота с колен и чесал ему глухое с проседью ухо — и так всю дорогу ни разу его не беспокоил./ Кот, наверно, был глухой, с проседью за ухом.

А ведь его благородие, вздумай он прокатиться еще раз, мог попасть в лапы и к Пугачеву. То-то он писал бы ему манифесты на латинском языке или указы по-немецки. Ведь Пугачев жаловал образованных людей. Он бы в жизни Палласа не повесил. В канцелярии Петра Федоровича сидел тоже немец, поручик Швангыч или

Шванвич. И строчил: ничего . . . А потом отсиживался в баньке.

Светлая и объемистая книга Палласа отпечатана на удивительно сухой китайской бумаге. Страницы ее набраны широко и зернисто. Чтение этого натуралиста прекрасно влияет на расположение чувств, выпрямляет глаз и сообщает душе минеральное кварцевое спокойствие.

Физиология чтения еще никем не изучена. Между тем — эта область в корне отличается от библиографии, и надлежит ее относить к явлениям органической природы.

Книга в работе, утвержденная на читательском пюпитре, уподобляется холсту, натянутому на подрамник.

Она еще не продукт читательской энергии, но уже разлом биографии читателя; еще не находка, но уже добыча. Кусок струистого шпата . . .

Наша память, наш опыт с его провалами, тропы и метафоры наших чувственных ассоциаций достаются ей в обладание бесконтрольное и хищное.

И до чего разнообразны ее военные уловки и хитрости ее хозяйничанья.

Демон чтения вырвался из глубин *культуры-опустошительницы*. Древние его не знали. В процессе чтения они не искали иллюзию. Аристотель читал бесстрастно. Лучшие из античных писателей были географами. Кто не дерзал путешествовать — тот и не смел писать.

Новая литература предъявила к писателю высотное требование, /к сожалению, плохо соблюдаемое и многократно поруганное/ от которого у многих авторов закружилась голова: не смей описывать ничего, в чем

так или иначе не отобразилось бы внутреннее состояние твоего духа.

/Итак авторский замысел вторгается в пережитое./

Мы читаем книгу, чтобы запомнить, но в том-то и беда, что прочесть книгу можно, только припоминая.

Будучи *всецело* охвачены деятельностью чтения, мы больше всего любимея своими *родовыми* свойствами. Испытываем как бы восторг классификации своих возрастов.

/В темном вестибюле зоологического музея на Никитской улице валяется без призора челюсть кита, напоминающая огромную соху. Навещаая ученых друзей на Никитской, я люблюсь на эту диковину./

И если Ламарк, Бюффон и Линней окрасили мою зрелость, то я благодарю */никитского/* кита за то, что он пробудил во мне ребяческое изумление перед наукой.

Действительность носит сплошной характер.

Соответствующая ей проза, как бы ясно и подробно, как бы деловито и верно она ни составлялась, всегда образует прерывистый ряд.

Не только та проза действительно хороша, которая всей своей системой внедрена в сплошное, хотя его невозможно показать никакими силами и средствами.

Таким образом, прозаический рассказ не что иное, как прерывистый знак непрерывного.

Сплошное наполнение действительности всегда является единственной темой прозы. Но подражание этому сплошняку завело бы прозаическую деятельность в мертвый тупик, потому что */она имеет дело только с*

интервалами/ непрерывность и сплошность нуждаются все в новых и новых толчках—определителях. /Нам нужны приметы непрерывного и сплошного, отнюдь не сама воспроизводимая материя./

Безынтервальная характеристика невозможна.

Окончательное дотошное описание материи упирается в световой эффект: так называемый эффект Тиндаля (косвенный показатель молекулы в ультрамикроскопе) . . . а там все сначала, описывай свет и т. д.

Идеальное описание свелось бы к одной-единственной пан-фразе, в которой сказалось бы все бытие.

/Но речь прозаика никогда не составляется, не складывается, как не подбирается . . . ./

Для прозы важно содержание и место, а не содержание — форма.

Прозаическая форма: синтез.

Смысловые словарные частицы, разбегающиеся по местам.

Неокончателность этого места перебежки. Свобода расстановок. В прозе — всегда «Юрьев день».

АШТАРАК

Я хочу познать свою кость, свою лаву, свое гробовое дно /как под ним заиграет и магнием и фосфором жизнь, как мне улыбнется она: членистокрылая, пенящаяся, жужжащая/. Выйти к Арарату на каркающую, крошащуюся и харкающую окраину. Упереться всеми . . . . . фибрами моего существа в невозможность выбора, в отсутствие всякой свободы. Отказаться добро-

вольно от светлой нелепицы воли и разума. /Если приму, как заслуженное и присносущее, звукоодетость, каменнокровность и твердокаменность, значит я не даром побывал в Армении./

Если приму, как заслуженное, и тень от дуба и тень от гроба и твердокаменность членораздельной речи, — как я тогда почувствую современность?

/Что мне она? Пучок восклицаний и междометий! А я для нее живу.../

Для этого-то я и обратился к изучению древнеармянского языка . . . .

АЛАГЕЗ

Усталости мы чувствовать не смели. Солнце печенегов и касогов стояло над нашими головами.

Книг с собой у меня была одна только „Italienische Reise“ Гёте в кожаном дорожном переплете, гнущемся, как бедкер.

/Вместо кодака Гёте прихватил с собой в Италию краснощекого художника Книппа, который с фотографической точностью копировал по его указаниям примечательные ландшафты./

/Тамерланова завоевательная даль стирает всякие обычные понятия о близком и далеком. Горизонт дан в форме герундивума./ Едешь и чувствуешь у себя в кармане пригласительный билет к Тамерлану.

Книжка моя говорит о том, что глаз есть орудие мышления, о том, что свет есть сила и что орнамент есть мысль. В ней речь идет о дружбе, о науке, об интеллектуальной страсти, а не о «вещах».

Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан. Величайшая награда для художника — подвигнуть к деятельности мыслящих и чувствующих иначе, чем он сам.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ДАРВИНА

/К статье «Вокруг натуралистов»/

С детства я приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум. Его теория казалась мне подозрительно краткой: естественный отбор. Я спрашивал: стоит ли утруждать природу ради столь краткого и невразумительного вывода. Но, познакомившись ближе с сочинениями знаменитого натуралиста, я резко изменил эту незрелую оценку.

И вот что сейчас необходимо отметить: Дарвин раз навсегда изгнал красноречие, изгнал риторику, изгнал велеречивость из литературного обихода натуралиста.

/Золотая валюта фактов поддерживает баланс его научных предприятий, совсем как миллион стерлингов в подвалах британского банка обеспечивает циркуляцию хозяйства страны./

Организация научного материала — стиль натуралиста.

Серийно-массовый характер научного опыта Дарвина.

Едиичное явление в центре внимания линнеевского натуралиста. Описательность. Живописность. «Миниатюры» Бюффона и Палласа. Теология. Благодарность. Умиленность. Похвала природе.

Красноречие — Линней, Бюффон, Ламарк.

Прозаизм Дарвина. Популярность. Установка на среднего читателя. Тон беседы.

Метод серийного разворачивания признаков. Пачки примеров. Подбор гетерогенных рядов. Помещение действенных примеров в центре доказательства.

Приливы и отливы достоверности, как ритм в изложении. (Происхождение видов). Автобиографичность. Элементы географической прозы. Школа кругосветного путешествия (Бигль).

Роль зрения. Глаз как орудие мысли.

Линней превозносил с кафедры проповедника изящное и целесообразное строение живых тварей. /Его систематика служила обедню/ /Он демонстрировал — во славу и в доказательство разумности Творца — всякие всячины, курьезы, редкости и красоты органической природы./ Бюффон строил свои блестящие трактаты . . . .

«Творец природы снабдил человека пятью орудиями, известными под именем чувственных и преизящно устроенными». Линней.

«Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственно к побуждению кровообращения». Линней. «Всеконечно, нельзя не удивляться Промыслу Божьему, видя как он костями оградил сердце, легкие и прочие внутренности». Линней. «Кожа, облегающая наше тело, состоит из тончайших волокон, удивительным образом между собой переплетенных и усеянных кровяными сосудами и чувствительными жилками. Она удивительно растягивается, а потом сжимается». Линней. «Система природы».

«Происхождение видов» ошеломило современников. Книгу читали всасос. Ее успех у читателей был равен успеху гётевского «Вертера». Ясно, что ее приняли как литературное *событие*, в ней почуяли большую и серьезную новизну формы.

/В противоположность другим/ эта книга была рассчитана на завоевание широчайших читательских масс. /Она была прямым продолжением газеты, публицистики, политической статьи./ И ее восприняли как научную *публицистику*.

Дарвин всегда обращается к натуралистам по профессии или к широким любительским кругам. У него есть тенденция сделать так называемую «публику», понимая под ней верхушку образованной буржуазии.

Естественнонаучные труды Дарвина, взятые как литературное *целое*, как громада мысли и стиля, — не что иное, как кипящая жизнью и фактами и бесперебойно пульсирующая *газета природы*.

Дарвин организует свой материал как редактор-издатель большого и влиятельного, скажем прямо — политического, органа.

Он не один. У него множество сотрудников — корреспондентов, разбросанных по всем графствам, колониям и доминионам Соединенного Королевства, по всем странам земного шара.

«Я раздобыл себе, — говорит он, — все породы (голубей), какие только мог купить или так или иначе заполучить с помощью друзей в разных странах. Особенно я благодарен сэру Эллиоту» . . . .

[Торговый флаг] великобританского флота реет над страницами его трудов.

Купеческое здравомыслие, чувство инициативы, солидарности, бесстрашие перед конкурентами, самоуверенная и несколько ограниченная жизнерадостность — вот рычаги, движущие его научной изобретательской мыслью.

Но эти факторы в не меньшей степени влияют на стиль и манеру, на деятельную форму его изложения, они напитывают собой и определяют литературную структуру его *жизненного труда*.

Конечно, *стиль натуралиста* — один из главных ключей к его *мировоззрению*, так же как *глаз его*, его *манера видеть* — ключ к его *методологии*.

«Когда я проникся этими истинами и захотел сообщить их моим ученикам, то понял, что прежде чем углубляться в детали и в частности, надлежит установить общие принципы касательно всех животных, показать целое . . .» («Философия зоологии»).

Сравните с этими богословами, ораторами и законодателями в естественной науке скромного Дарвина, по уши влипшего в факты, озабоченно листающего книгу природы — не как Библию — какая там Библия! — а как деловой справочник, биржевой указатель, индекс цен, примет и функций.

Система карточных записей, та гигантская текучая картотека, о которой говорит Дарвин в своей автобиографии, оказала решающее влияние на его научную стилистику.

Дарвин избегает выписывать весь длинный «полицейский» паспорт животного или растения. Он вступает с природой в отношения военного корреспондента, интервьюера, отчаянного репортера, которому удается подсмотреть событие у самого его истока. Он никогда не описывает, — он только характеризует, и в этом смысле . . . . .

Систематика — гордость и слава линнеевского естествознания — благоприятствовала искусству описаний. Она породила замечательное мастерство детальных и замкнутых в себе созерцательных характеристик. У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет, у художественно одаренных натуралистов расцветали в узор, в миниатюру, кружево . . . . .

Самостоятельное мастерство и своеобразное искусство пассивно-созерцательных натуралистических описаний достигли наивысшего расцвета во вторую половину XVIII столетия. Один из самых блестящих примеров этого жанра — «Путешествие по разным провинциям Российской Империи», составленное академиком Палласом в 1767 году. . . . .

Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры. /Описанная Палласом азиатская козявка костюмирована под китайский придворный театр, под крепостной балет. Натуралист преследует чисто живописные феерические задачи./

«Азиатская козявка (*Chrisomela asiatica*). Величиной с сольтициального жука, а видом кругловатая с шароватой грудью. Стан и ноги с прозеленью золотья, грудь темнее, голова медного цвета. Твердокрылия гладкая, лоснящаяся, с примесью фиолетового цвета черная. Усы ровные, передние ноги несколько побольше. Поймана при Индерском озере».

..... Натуралист преследует чисто живописные феерические задачи. /Он забывает упомянуть анатомическую структуру насекомого./

Ко времени Дарвина искусство этих миниатюристов дворянского естествознания пришло в окончательный упадок. Устои классической линнеевской систематики были расшатаны рукою Ламарка.

Буржуазия уже не нуждалась в естественнонаучной идеологии, восхвалявшей разумность действительности.

Ту же самую развенчивающую работу проделал Диккенс над обществом тогдашней Англии. В тогдашней Англии с ее молодыми мануфактурами и феодальными судейскими машинами.....

На смену кропательству и составлению каталогов Дарвин выдвинул новый принцип: принцип естественнонаучной вахты. «Происхождение видов» — такой же точно путевой дневник, как «Путешествие на Бигле». /Натуралист — дозорный, несущий службу на капитанском мостике./

... Молодая буржуазия охотно посылала своих детей в кругосветное плавание. Путешествие на фрегате вокруг света входило в большой план воспитания молодого человека, которому прочили серьезное будущее. Ряд художников, ученых и поэтов прошли кругосветную школу. Вот почему в научных сочинениях Дарвина мы видим элементы географической прозы, начатки колониальной повести и морского фабульного рассказа. /Он искусно перемежает показания живых свидетелей, показания очевидцев с выписками из учебных трудов./

Для Дарвина характерна нелюбовь к цитатам. Он очень редко выписывает тексты буква в букву. Чаще всего он приводит то или иное чужое мнение в самом лапидарном виде, в краткой, энергичной и абсолютно объективной формулировке.

Если мы захотим определить тональность научной речи Дарвина, то лучше всего назвать ее *научной беседой*. Это не профессорская лекция в обычном смысле и не академический курс. Вообразите ученого садовода, который водит гостей по своему хозяйству и, останавливаясь между грядками и клумбами, дает им объяснение; или зоолога-любителя в питомнике, принимающего добрых друзей.

Необычайная дружественность Дарвина к большинству образованных представителей его класса, уверенность в их поддержке, особая открытость, приветливость его научной мысли и самого способа изложения — все это не что иное, как результат классовой солидарности и жажды широкого сотрудничества с международными научными силами буржуазии.

Кроме того, надо отметить тягу Дарвина к читателю-средняку, его желание быть понятным среднеобразованному буржуа, джентльмену средней руки, каким он считал самого себя. Величайший эрудит своего века не случайно говорил с широкой публикой через голову касты ученых. Ему важно снестись непосредственно с этой публикой. Она лучше его поймет, чем ученые педанты. Он несет читателям нечто насущное, социально необходимое, поразительно гармонирующее с их самочувствием.

Поэтому Дарвин добродушен, поэтому он избегает научной терминологии в своей раздвижной, панорамной и медленно выпрямляющейся книге.

«Происхождение видов», как литературное произведение, — большая форма естественнонаучной мысли. Если сравнить ее с музыкальным произведением, то это не соната и не симфония с нарастанием частей, с замедленными и бурными этапами, а скорее сюита. Небольшие самостоятельные главы . . .

Энергия доказательства разряжается «квантами», пачками. Накопление и отдача, вдох и выдох, приливы и отливы.

Дарвин строго следит за профилем своего доказательства. В поисках различных опорных точек он создает настоящие гетерогенные ряды, то есть группирует несхожее, контрастирующее; различно окрашенное.

Здесь требования науки счастливо совпадают с одним из основных законов художественного воздействия. Я имею в виду закон гетерогенности, который по-

буждает художника соединять в один ряд по возможности разнокачественные звуки, разнородные понятия и отчужденные друг от друга образы.

В поле зрения Дарвина всегда находится целиком весь органический мир. С удивительной свободой и легкостью он оперирует самыми отдаленными разновидностями кивых существ.

Глаз натуралиста обладает, как у хищной птицы, способностью к аккомодации. То он превращается в дальнобойный военный бинокль, то в чечевичную лупу ювелира.

В «Происхождении видов» животные и растения никогда не описываются ради самого описания. Книга кишит явлениями природы, но они лишь поворачиваются нужной стороной, активно участвуют в доказательстве и сейчас же уступают место другим. Больше всего и охотнее Дарвин пользуется *серийным разворачиванием признаков* и сталкиванием пересекающихся рядов. Сплошь и рядом, постепенно накапливая существенные приметы, он дает усиливающуюся гамму.

Свое научное доказательство Дарвин строит объемно. Он протягивает координаты примера в ширину, в глубину, в высоту, воздействуя при этом с помощью подлинной селекции материала.

«Я назову только три случая инстинкта: побуждающий кукушку откладывать яйца в чужих гнездах, рабовладельческий инстинкт у муравьев и строительство пчелиных сот».

Лишь сочетание мысли с могучим инстинктом естествоиспытателя позволило Дарвину добиться таких

результатов. Я имею в виду истинный отбор, скрещивание и селектирование фактов, которые приходят на помощь научному доказательству, создают благоприятную среду для обобщения.

Приливы и отливы достоверности оживляют каждую маленькую главу «Происхождения видов».

Но самое замечательное и поучительное для всех писателей — это забота Дарвина о том, чтобы читатель в фактах, в «натуралиях» не задохнулся /чтобы прослойкам воздуха и света . . ./; это бесперебойная забота Дарвина-писателя о наиболее выгодном физическом освещении каждой детали.

Здоровое расположение духа естествоиспытателя сказывается в свободном расположении научного материала. Дарвин располагает факты с изумительным вкусом. Он позволяет им дышать. Он рассыпает их в фигурные созвездия, группирует в светящиеся сгустки.

Бодрящая атмосферическая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать «хорошей научной погодой»; не что иное, как *хорошее*, в меру приподнятое настроение автора заражают читателя, помогают ему освоить теории Дарвина.

ЗАПИСЬ 1932. — ЗАПИСЬ ОБ АПОЛЛОНЕ ГРИГОРЬЕВЕ

Наша память, наш опыт с его провалами, тропы и метафоры наших чувственных ассоциаций достаются ей [книге] в обладание бесконтрольное и хищное.

Тут достигается «цель очищения и цель самосоздания», о которой говорил наш Ап. Григорьев, охрипший от ненависти к пересказчикам . . . . . описателям.

«Вывод» в поэзии нужно понимать буквально — как закономерный по своей тяге и случайный по своей структуре *выход* за пределы всего сказанного.

«РАЗГОВОР О ДАНТЕ» — ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
РЕДАКЦИИ, ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ
И ЗАМЕТОК. (1932)

«Незнакомство русских читателей с итальянскими поэтами — я разумею Данта, Ариоста и Тасса — тем более поразительно, что не кто иной, как Пушкин воспринял от итальянцев взрывчатость и неожиданность гармонии.

В понимании Пушкина, которое он свободно унаследовал от великих итальянцев, поэзия есть роскошь, но роскошь насущно необходимая и подчас горькая, как хлеб.

„Da oggi a noi la cotidiana manna . . .“

(Purg. XI, 13)

Великолепен стихотворный голод итальянских стариков, их зверский, юношеский аппетит к гармонии, их чувственное вожделение к рифме — *il disio!*

Славные белые зубы Пушкина — мужской жемчуг поэзии русской!

Что же роднит Пушкина с итальянцами? Уста работают, улыбка движет стих, умно и весело алеют губы, язык доверчиво прижимается к нёбу.

Пушкинская строфа или Тассова октава возвращает нам наше собственное оживление и сторицей вознаграждает усилие чтеца.

Внутренний образ стиха неразлучим с бесчисленной сменой выражений, мелькающих на лице говорящего и волнующегося сказителя.

Искусство речи именно искажает наше лицо, взрывает его покой, нарушает его маску.

Один только Пушкин стоял на пороге подлинного, зрелого понимания Данта.

Ведь, если хотите, вся новая европейская поэзия лишь вольноотпущенница Алигьери. Не воздвигалась ли она резвящимися шалунями национальных литератур на закрытом и недочитанном международном Данте? *

Никогда не признававшийся в прямом за него влиянии итальянцев, Пушкин был тем не менее втянут в гармоническую и чувственную сферу Ариоста и Тасса. Мне кажется, ему всегда было мало одной только вокальной, физиологической прелести стиха и он боялся быть порабощенным ею, чтобы не навлечь на себя печальной участи Тасса, его болезненной славы, его чудного позора.

Для тогдашней светской черни итальянская речь, слышимая из оперных кресел, была неким поэтическим щебетом. И тогда, как и сейчас, никто в России не занимался серьезно итальянской поэзией, считая ее вокальной принадлежностью и придатком к музыке.

Русская поэзия выросла как, как будто Данта не существовало. Это несчастье нами до сих пор не осознано. Батюшков — записная книжка нерожденного Пуш-

---

* В другой редакции после этого следует цитата:
Зорю бьют. Из рук моих ветхий Данте...

кина — погиб оттого, что вкусил от тассовых чар, не имея к ним дантовой прививки.

[Начало первоначальной редакции «Разговора о Данте» — ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 630, ед. хр. 125; список рукой Н. Я. Мандельштам].

У Блока: *Тень Данта с профилем орлиным о новой жизни мне поет . . .* Ничего не увидел кроме гоголевского носа!!

Дантовское чучело из девятнадцатого века! Для того, чтобы сказать это самое про заостренный нос, нужно было обязательно *не читать Данта!*

Что же такое образ — орудие в метаморфозе скрепленной поэтической речи?

При помощи Данта мы это поймем. Но Дант нас не научит орудийности: он обернулся и уже исчез. Он самое орудие в метаморфозе свертывающегося и развертывающегося *литературного времени*, которое мы перестали *слышать*, но изучаем и у себя и на Западе как пересказ так называемых «культурных формаций».

Здесь уместно немного поговорить о понятии так называемой культуры и задаться вопросом, так ли уж бесспорно поэтическая речь целиком укладывается в содержание культуры, которая есть не что иное, как соотносительное приличие задержанных в своем развитии и остановленных в пассивном понимании исторических формаций.*

Любители понятия культуры втягиваются поневоле в круг, так сказать, неприличного приличия: Оно-то и

---

* В другой редакции после этого следует:

«Египетская культура» означает, в сущности, египетское приличие, средневековая — средневековое приличие. Несогласные по существу с культом Амон-Ра или тезисом Триентского собора втягиваются поневоле в круг, так сказать, «неприличного приличия». Оно-то и есть содержание культурпоклонства... [и т. д.]

есть содержание культурупоклонства, захлестнувшего в прошлом столетии университетскую и школьную Европу, отравившего кровь подлинным строителям очередных исторических формаций и, что всего обиднее, сплошь и рядом придающего форму законченного невежества тому, что могло бы быть живым, конкретным, блестящим, уносящимся и в прошлое и в будущее знанием.

Втискивать поэтическую речь в «культуру» как в пересказ исторической формации несправедливо потому, что при этом игнорируется ее сырьевая природа. Вопреки тому, что принято думать, поэтическая речь бесконечно более сыра, бесконечно более неотделана, чем так называемая «разговорная». С исполнительской культурой она соприкасается именно через сырье. Я покажу это на примере Данта и предварительно замечу, что нету момента во всей Дантовой «Комедии», который бы прямо или косвенно не подтверждал сырьевой самостоятельности поэтической речи.

Узурпаторы папского престола могли не бояться звуков, которые насылал на них Дант, они могли быть равнодушны к орудийной казни, которой он их предал следуя законам поэтической метаморфозы, но разрыв папства как исторической формации здесь предусмотрен и разыгран, поскольку обнажилась, обнаружилась бесконечная сырость поэтического звучания, внеположного культуре как приличию, всегда не доверяющего ей, оскорбляющего ее своею настороженностью и выплевывающего ее, как полосканье, которым прочищено горло.

[Черновой набросок]

Существует средняя деятельность между слушаньем и произнесеньем. Эта деятельность ближе всего к исполнительству и составляет как бы его сердце. Не-

заполненный интервал между слушанием и произнесением по существу своему идиотичен. Материал не есть материя.

[Из черновых записей]

Ребенок у Данта — дитя, „il fanciullo“. Младенчество как философское понятие с необычайной конструктивной выносливостью.

Хорошо бы выписать из „Divina Commedia“ все места, где упоминаются дети.

А сколько раз он тычется в подол Вергилия — „il dolce padre“! Или вдруг посреди строжайшего школьного экзамена на седьмом этаже неба — образ матери в одной рубаше, спасающей дитя от пожара.

[Текст, исключенный автором из последней редакции «Разговора о Данте»].

Причина, почему их оскорбили бурсацкой кличкой «классиков», заключается именно в том, что с ними нужно куда-то бежать по эллипсу динамического бессмертия, что пониманию нет границ, и это-то и заставляет бегать вокруг труда, подмигивать, искать молодого смысла старой мудрости уже не в книге, а в прищуренных зрачках...

[Из чернового текста «Разговора о Данте»].

Дант может быть понят лишь при помощи теории квант.

[Фраза, исключенная автором из последней редакции «Разговора о Данте»].

... В ответе Вергилия самый вопрос Данта уже набухает. Со свойственной ему педагогической, профессорской зоркостью он отвечает на стимул к вопросу, вылуцивая его из самой формулировки Данта. Все они, говорит Вергилий, будут прикрыты, гробницы будут

опечатаны, когда воскресшая плоть этих персонажей, согнанная трубой архангела на Страшный суд в долину Иосафата, вернется оттуда, но уже не в реальные могилы, а сюда — с костью и с мясом — и здесь приляжет к теням. Это удовольствие предстоит Эпикуру и его приверженцам.

[Из чернового текста «Разговора о Данте»]

То, что было сказано о множественности форм, применимо и к словарю. Я вижу у Данта множество словарных тяг. Есть тяга варварская — к германской шипучести и славянской какофонии; есть тяга латинская — то к „Dies irae“ и к „Benedictus qui venit“, то к кухонной латыни. Есть огромный порыв к говору родной провинции — тяга тосканская.

[Из черновых записей].

Вот вам пример. Песнь XXXII „Inferno“ внезапно заболевает варварской славянщиной, совершенно невыносимой и непотребной для итальянского слуха.

... Дело в том, что „Inferno“, взятый как проблематика, посвящен физике твердых тел. Здесь в различной социальной одежде — то в исторической драме, то в механике ландшафтного сновидения — анализируется тяжесть, вес, плотность, ускорение падающего тела, вращательная инерция волчка, действие рычага и лебедки и наконец человеческая походка, или поступь, как самый сложный вид движения, регулируемый сознанием. (Мысль принадлежит Б. Н. Бугаеву).

Чем ближе к центру Земли, то есть к Джудекке, тем сильнее звучит музыка тяжести, тем разработаннее гамма плотности и тем быстрее внутреннее молекулярное движение, образующее массу.

[Из чернового текста «Разговора о Данте»]

Дант никогда не рассматривает человеческую речь как обособленный разумный остров. Словарные круги Данта насквозь варваризованы. Чтобы речь была здорова, он всегда прибавляет к ней варварскую примесь. Какой-то избыток фонетической энергии отличает его от прочих итальянских и мировых поэтов, как будто он не только говорит, но и ест и пьет, то подражая домашним животным, то писку и стрекоту насекомых, то блеющему старческому плачу, то крику пытаемых на дыбе, то голосу женщин-плакальщиц, то лепету двухлетнего ребенка.

Фонетика употребительной речи для Данта лишь пунктир, условное обозначение.

[Из черновых записей].

Вопросы и ответы «путешествия с разговорами», каким является „Divina Commedia“, поддаются классификации. Значительная часть вопросов складывается в группу, которую можно обозначить знаком: «ты как сюда попал?». Другая группа встречных вопросов звучит приблизительно так: «что новенького во Флоренции?»

Первый тур вопросов и ответов обычно вспыхивает между Дантом и Вергилием. Любопытство самого Данта, его вопрошательский зуд обоснован всегда так называемым конкретным поводом, той или иной частностью. Он вопрошает лишь, будучи чем-нибудь ужален. Сам он любит определять свое любопытство то стрекалом, то жалом, то укусом и т. д. Довольно часто употребляет термин „il morso“, то есть укусы.

[Текст, исключенный автором из последней редакции «Разговора о Данте»].

Сила культуры — в непонимании смерти, — одно из основных качеств гомеровской поэзии. Вот почему средневековые льнуло к Гомеру и боялось Овидия.

[Из чернового текста «Разговора о Данте»]

Необходимо создать новый комментарий к Данту, обращенный лицом в будущее и вскрывающий его связь с новой европейской поэзией.

Фальтерона (Convivio, IV, 78; Purgatorio, XIV, 17). И тут, и там пронзительная личная интонация. Истоки мои темны. Меня еще не знают. Я еще себя покажу. Арно вниз по течению обрастает грязью, звереет.

Convivio, IV — апология возможной значительности бедняка-созерцателя экономических промыслов. Неучастника. Вызов потребительству и накоплению во всех видах (сравнить с Савонаролой).

Более благосклонен к купцам. Симпатизирует честной, разумной торговле: *quando per arte o per mercantazia o per servizio meritato ...* Единственным правильным источником дохода полагает *награду*; *per servizio meritato*. Он глух к системе современного ему хозяйства и товарооборота. Огулом осуждает все. Ему мерещится сначала флорентийская, потом все-итальянская и, наконец, *мировая* система распределения наград. В своих экономических воззрениях Дант не опирается ни на одну из активных общественных групп, но через голову производящих тянется к распределяющим. Он стремится к снятию всех посредников между трудом (заслугой) и ценностью (наградой). Отсюда трагизм его концепции современного хозяйства.

В „Convivio“ кое-где вкраплены живые крупички личного разговорного стиля Данта; вот одна из них:

Veramente io vidi lo luogo, nelle ceste d'un monte in
Toscana,

che si chiama Falterona, dové il piu vile villano di tutta
la contrada,
zappando, piu d'uno staio di i Santelene d'argento finissimo
vi trovo,
che forse piu di mille anni l'avevano aspetatto.

(IV, 11, 76—91)

Он не любит земледелия. Всегда отзывается о нем пренебрежительно и даже раздраженно:

... gizi Fortuna la sua rota
Come le piace, e il villan la sua mazza.

(Inferno, XV, 15, 95—96)

Кажется, техника земледелия была ему недостаточно интересна. Он оживляется, лишь касаясь виноделия. К пастушеству и пастбищному хозяйству нежен и внимателен (pescozelle ... mandrian ... многочисленные пасторали в „Purgatorio“) ...

Между тем его знатные и полужнатные покровители были почти все *помещики*. Он плохо понимал, чем они живут в сущности ...

Né la diritta torre
Fa piegar rivo, che da lungi corre —

(Canz. III, 54—55)

«Течение реки не наклоняет прямой башни».

Здесь („Convivio“ IV) пространно разъясняется внеположность «благородства» (le nobiltà) сословным и экономическим преимуществом. Река: наследственные «богатства». Башня: благородство само по себе.

Обычное школьное уподобление с положительным и отрицательным членами доказательства несет дополнительную нагрузку: сравнение в целом борется с детерминизмом в применении к поэзии, а может быть, и к науке. Оно анализирует христианско-феодалную добродетель как живописную композицию.

В „Purgatorio“ V, 14—15:

Sta come torre fermo, che non crolla
Giammai la cima per sofflar de'venti.

Река и башня постоянное созвучие тосканского пейзажа. Башня у живописцев подчеркивает излучину реки и как бы ведет реку.

Дант не довольствуется тем, что башня и река каузально не соподчиняются. Ему определенно хочется, чтобы башня вела за собой реку, угадывала ее.

Все знают, что Дант «уважал» погоду и работал в этом смысле не хуже образцовой альпийской метеорологической станции с прекрасными наблюдателями и хорошим оборудованием. Не менее знамениты световые эффекты „Inferno“ и „Purgatorio“ — облачность, влажность, косое освещение, горное солнце и т. д.

Пиротехническая выдумка „Paradiso“ целиком устремлена к общественным празднествам и фейерверкам Возрождения.

Огромная активная роль света в новом европейском театре — будь то драма, опера или балет — была, конечно, подсказана Дантом.

До чего у него развито концертное чувство, виртуозность! В XVIII песни „Paradiso“ Карл Великий, Роланд, Готфред и Роберт Гискаардо, фосфоресцирующие в алмазном кресте, не могут удержаться, чтобы не ответить Беатриче, перечисляющей их имена световыми сигналами: они раскланиваются, они бисируют... А душа доброго флорентийского старосты — Дантова прадеда Гвидо Каччагвиды — напрашивается на комплимент со стороны тут же присутствующего правнука: — Мой прадед, — говорит Дант, — дал мне понять, что он далеко не последний артист в сонме прочих вокальных исполнителей.

Принято думать, что Дант часовщик, строитель планетария с внепространственным центром — эмпиреем, разливающим силу и качество через посредство круга с неподвижными звездами по семи прочим плавающим сферам. Не говоря уже о том, что дантовский планетарий в высшей степени далек от концепции механических часов, потому что перводвигатель хрустальной инженерной машины работает не на трансмиссиях и не на зубчатых колесах, а неутомимо переводя силу в качество, не говоря уж об этом . . . Сам перводвигатель уже не есть начало, а лишь передаточная станция, коммуникатор, проводник . . . Следующее небо, к которому пригвождены неподвижные звезды, отличные от своей сферы, но вкрапленные в нее, разливает по этим звездам зарядку бытия, полученную от перводвигателя, то есть распределителя. Семь прочих подвижных сфер имеют внутри себя уже качественно расчлененное бытие, которое служит стимулом к многообразному происхождению конкретной действительности. И подобно тому, как единый виталистический поток создает для себя органы — слух, глаз, сердце — конкретизирующие сферы являются рассадниками качеств, внедренных в материю.

Обратили ли внимание на то, что в дантовой Комедии автору никак нельзя действовать, что он обречен лишь идти, погружаться, спрашивать и отвечать?

Но в основе композиции десятой /всех/ песен *Inferno* лежит движение грозы, созревающей как метеорологическое явление, и все вопросы и ответы вращаются по существу вокруг единственной стороны — был или не был гром.

Точнее, это движение грозы, проходящей мимо и обходной стороной.

У итальянцев тогдашних было сильно развито городское любопытство. Сплетни флорентийские солнечным зайчиком пробегали из дома в дом, а иногда через покатые холмы из города в город. Каждый сколько-нибудь заметный гражданин — булочник, купец, кавалерствующий юноша . . .

Действительные тайные советники католической иерархии — сами апостолы, и что стоит перед ними не потерявшийся или раскричавшийся от зеленой гордости или чаемой похвалы школяр, но важный бородастый птенец, каким себя рекомендует Дант, — обязательно бородастый — в пику Джотто и всей европейской традиции.

[Из первоначальной редакции «Разговора о Данте» ИРЛИ, ф. 630, ед. хр. 125]

— Я сравниваю — значит я живу, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение.

[Из черновых записей].

Позвольте мне привести наглядный пример, охватывающий почти всю «Комедию» в целом.

Inferno — высший предел урбанистических мечтаний средневекового человека. Это в полном смысле слова мировой город. Что перед ним маленькая Флоренция с ее „bella cittadinanza“, поставленной на голову новыми порядками, ненавистными Данту! Если на место Inferno мы выдвинем Рим, то получится не такая уж большая разница. Таким образом, пропорция Рим—Флоренция могла служить порывообразующим толчком, в результате которого появился „Inferno“.

[Из чернового текста «Разговора о Данте»]

ЗАПИСИ И ОТРЫВКИ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

... Прообразом исторического события — в природе служит гроза. Прообразом же отсутствия событий можно считать движение часовой стрелки по циферблату. Было пять минут шестого, стало двадцать минут... Схема изменения как будто есть, на самом деле ничего не произошло. Как история родилась, так может она и умереть; и, действительно, что такое, как не умирание истории, при котором улечивается дух события, — прогресс, детище девятнадцатого века? Прогресс — это движение часовой стрелки, и при всей своей бессодержательности это общее место представляет огромную опасность для самого существования истории. Всмотримся пристально вслед за Тютчевым, знатоком жизни, в рождение грозы. Никогда это явление природы в поэзии Тютчева не возникает как только . . .

. . . . .

[Отрывок из неразысканной статьи] [?]

Я утверждаю, что множество молодых поэтов училось на стихах «Огонька», «Красной Нивы» и «Прожектора» в гораздо большей степени, чем у так называемых классиков и мастеров. Существуют ученики безответственных оборотней, профессиональных путаников и поставщиков неопределенной, подлаживающейся, уродливой сдельщины.

Большинство новых эмоций никем еще не выражено. Иной начинающий поэт сознает историческую правоту своего поколения. Но что же ему делать в этой правильности? Только ли поддакивать и кричать: верно? Конечно, нет! С радостью отмечаю, что у некоторых поэтов есть свой подход к миру, начатки своей лирической темы . . .

ЗАПИСИ 1935—1936 ГОДОВ

Когда писатель вменяет себе в долг во что бы то ни стало «трагически вещать о жизни», но не имеет на своей палитре глубоких контрастирующих красок, а главное — лишен чутья к закону, по которому трагическое, на каком бы маленьком участке оно ни возникло, неизбежно складывается в *общую картину мира*, — он дает «полуфабрикат» ужаса или косности — их сырье, вызывающее у нас гадливое чувство и больше известное в благожелательной критике под ласковой кличкой «быта».

Внимание — доблесть лирического поэта, расстрепанность и рассеянность — увертки лирической лени.

ПИСЬМА

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

С крайним изумлением прочел я ваше письмо. В нем вы говорите о своем намерении держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих. Не смея судить о ваших отношениях к футуристам и «примыкающим», как акмеист я считаю долгом напомнить вам следующее: инициатива вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним. К участию в «Цехе поэтов» (независимо от вашего желания) привлечены вы не были, равно как и к сотрудничеству в журнале «Гиперборей» и к изданию ваших книг в издательствах: «Цех поэтов», «Гиперборей» и «Акмэ». То же относится и к публичным выступлениям акмеистов, как таковых. Что же касается до моего к вам предложения участвовать в вечере, устроенном Тенишевским училищем в пользу одного из лазаретов, то в данном случае я действовал как бывший ученик этого училища, а не как представитель определенной литературной группы. Действительно, некоторые из акмеистов, и я в том числе, в ответ на приглашение вами и А. Н. Чеботаревской посещали ваш дом, но после вашего письма я имею все основания заключить, что это было с их стороны ошибкой.

Искренне вас уважающий Осип Мандельштам.

Многоуважаемый Сергей Константинович!

В ноябре прошлого года мною была предложена «Аполлону» статья о Таашаеве, принятая к напечатанию. В течение полугода эта статья не была напечатана. Мне неизвестно, каковы были причины, ежемгновенно мешавшие включению этой статьи в очередной номер; однако, не желая ждать, пока прекратится действие этих причин, я считаю мою статью свободной и прошу мне возвратить ее в виде оттиска, так как в настоящее время я не помню, где находится рукопись этой статьи.

С истинным уважением
Осип Мандельштам,
Б. Монетная д. 15, кв. 38.

№ 3. К матери

20 июля 1915 [Феодосия]

Дорогая мама!

Вчера получил телеграмму о приезде Шуры, которая скрестилась с моей. Жду Шуру завтра. Очень одобряю его приезд. Август и сентябрь здесь отличные. Жить он будет на даче Волошиной.

Целую папу Женю, бабушку

Твой Ося.

№ 4. К матери

20 июля 1916.

Дорогая мамочка!

У нас все установилось благоприятно. Шура оправился и вошел в колесо мирной жизни. Больше не ску-

чает и смотрит совсем иначе. Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой: автомобили, ужин с губернатором; я читал, сияя теннис-белизной, на сцене летнего театра, вернулись утром, отдохнули за вчерашний день. Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай пожалуйста сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского. Получили вторую комнату. Милая мама, напиши мне, как ты смотришь на мое возвращение — могу ли быть нужным в П. Поздравляю с политехником! Молодец Женя! Целую папочку!

Ося.

№ 5. К Н. Я. Мандельштам

5 декабря [1919] —

Феодосия.

Дитя мое милое!

Нет почти никакой надежды, что это письмо дойдет. Завтра едет в Киев через Одессу Колачевский. Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя; это для меня просто, как Божий день. Ты мне сделалась до того родной, что все время я говорю с тобой, зову тебя, жалуясь тебе. Обо всем, обо всем, могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «кинечка» и для меня такая же «кинечка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что Он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело.

Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик — все мне памятно, ничего не забыл . . .

Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю.

Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь — я бы от радости заплакал. Звереньш мой, прости меня! Дай лобик твой поцеловать — выпуклый детский ло-

бик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине.

Вчера я мысленно, произвольно сказал «за тебя»: «Я должна» (вместо «должен») его найти», то есть ты, через меня сказала... Мы с тобою, как дети, — не ищем важных слов, а говорим, что придется.

Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому, что ты дашь мне жизнь, сама того не зная — голубка моя, — «бессмертной нежностью своей»...

Наденька! Я письма получил четыре сразу; в один день, только нынче... Телеграфировал много раз: звал.

Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; все ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок. Мочульскому. Из Одессы может проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь...

Я уже пять недель в Феодосии. Шура все время со мной. Был Паня. Уехал в Евпаторию. В Астории живет Катюша Гинзбург. В городе есть один экземпляр «Крокодила»!! А также Мордкин и Фроман. (Холодно. Темно. «Фонтан». Спекулянты). Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!

Твой О. М.: «уродец».

Колачевский едет обратно. Умоляю его взять тебя до Одессы. Пользуйся случаем!!

№ 6. К Н. Я. Мандельштам

9 марта 1921.

Надюша, милая!

Получил вашу записочку. Буду в Киеве через несколько дней. Не унывайте, друг милый. Подумаем как

устроить, чтобы вам не было плохо. До очень скорого свидания, дружок! У меня все готово к отъезду. Только никуда не уезжать и спокойно ждать моего приезда!

Ваш О. Мандельштам.

№ 7. К В. Я. Хазиной

[Май-июнь] 1921.

Милая Вера Яковлевна!

Рад вам сообщить, что у нас все благополучно. Должно быть в субботу мы с Надей едем в Тифлис, в хороших условиях и на определенное обеспечение.

Я встретил здесь своего приятеля, Особоуполномоченного по эвакуации Кавказа, и он нас берет с собой на службу в Грузию. Это очень хороший человек, художник Лопатинский, когда-то он работал со мной в Наркомпросе. Теперь он во главе огромного учреждения на Кавказе. Отношения у нас прочно-дружеские, и он все для меня сделает, что может. Я съездил без Нади в Петербург. Голодать не пришлось. Живем у Жени. Ковер будет продан на дорогу очень скромно. Сейчас ковры не в цене и продать очень трудно, тысяч двести думаем получить. Надя здорова, сырой воды не пьет и ничего сырого есть не будет в пути. Настроение бодрое.

Адрес наш: Ростов, Управление Особоуполномоченного Центроэвака на Кавказе, для Мандельштама. Это центр. Оттуда едем дальше. Оттуда же перешлют ваше письмо по пути нашего следования.

Проезжая Харьков, телеграфируем в Киев.

Перед отъездом подаем заявление в литовскую миссию. Основания (мои бумаги) признаны *достаточными*. Это продлится месяц и механически будет сделано в наше отсутствие.

Сердечный привет Якову Аркадьевичу и Анне Яковлевне.

С истинной преданностью

О. Мандельштам.

№ 8. К отцу

[Ранняя весна 1923].

Дорогой папочка!

Сегодня к вам едет на два-три дня Шура. Мне ехать сейчас бессмысленно, потому что я должен ждать ответа Бухарина. Я у него был вчера. Он был очень внимателен и сегодня говорит по-телефону с Зиновьевым о Жене. Обещал сделать все возможное и предложил мне систематически поддерживать с ним связь.

Он сказал между прочим: «Я не могу дать поручительства... На днях ЦК запретил это делать своим членам. Остается только окольный путь».

Потом он сказал: «Возьмите его на поруки вы (то есть — я?), вы человек известный (?)». Завтра я узнаю от Бухарина как отнесся Зиновьев к его просьбе и какие „auspicii“: виды на будущее (выражение Бухарина). Еще он спрашивал, кто из коммунистов (видных) знает Женю, очевидно рассчитывая поддержать их выступление со стороны. Если можно достаньте от Ком-ячейки института заявление характеризующее Женю. Отзыв о его поведении и настроении за последний год. Я передам его Бухарину, и это облегчит его действия. Повторяю: прием был исключительно хороший. Беседа продолжительная: минут двадцать. Он сказал, что Зиновьев еще приедет в Москву. Жалел, что не узнал вчера утром, когда Зиновьев был здесь. Сами Зиновьева не беспокойте.

У нас все благополучно. Одно плохо. Хотя *необходимое есть, денег последнее время в обрез*. Не могу послать *сейчас* ни гроша. Не задерживайте Шуру — он должен вернуться к сроку — иначе потеряет службу, которая для него — *все*.

Панин приезд дня на три (чтобы не оставлять Марию Николаевну одну) очень желателен. Сам я могу выехать, как только будет смысл. Меня никто не задержит . . .

№ 9. К отцу

[Зима 1923—1924].

Дорогой папочка!

Получили твое последнее письмо-фельетон. И оно доставило нам большую радость. Ты смотришь в корень и проявляешь большую проницательность. Мы тебе немедленно ответили телеграммой. А сейчас, в ожидании приезда твоего, хочу тебе подробно на все ответить.

Приехав в Москву, мы три недели жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. Это было довольно уютно и весело благодаря его милому характеру и тому, что он как раз перед этим развелся с женой — но не очень удобно.

Я несколько растерялся. Выпустил вожжи. Ни работы, ни денег, ни квартиры, Надюша ездила четыре раза за город (о городе мы и не думали). Все напрасно. Там лачуги, чепуха, дорого, слякоть. В городе комната стоит червонцев сорок. Мы хоть уезжать — но куда? — были готовы! Хотели снять с учета *магазин*, чтобы жить.

И вдруг приходит человек и говорит: немедленно поезжайте на Б. Якиманку. Через двадцать минут мы

за Москвой-рекой. Тихая улица. Дом — «особняк с колонками». Квартира профессора, который живет круглый год на даче. Комната огромная — 8×8 аршин, два окна, светлая... Тихо... Рядом живет какой-то чудак, что-то вроде музыкального критика или стихотворного эстета... Бедность в доме, как в двадцатом году.

Просят за комнату 15 червонцев и сдают ее до осени. Разумеется мы взяли. Там видно будет. Очевидно, мы купим ее совсем. Сейчас мы уже месяц, как переехали, прописались, перевезли мебель. У нас тепло, невероятно тихо. До центра 20 м. трамвая. Ни одна душа к нам не заходит.

Своя кухня... дрова... тишина... Одним словом — рай... Акушером переезда был Евгений Яковлевич. Он занял у кого-то для нас пять червонцев в нужную минуту. На %/%?! Остальное я наскреб. Все вещи целы.

Что я делаю? Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выравнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр... «Литература» мне омерзительна. Мечтаю бросить эту гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом — ни-ни...

У нас, папочка, есть все необходимое для зимы: обувь, калоши, пальто, шапки, перчатки. Надюшу я одел заново, вообще (два платья). Я хожу в стареньком костюме, но он еще держится. К нам ходят только братья — Шура и Евг. Як...

Шура живет у моего приятеля Парнока. Трое в одной комнате. Беспорядок. Грязь. Холод. Комната эта около «Союза» на Тверском бульваре. Он очень устает. Почти каждый день у нас...

Наденька родная моя! Душенька милая!

Ты сейчас из Москвы уедешь, а я на почтамте тебе пишу в 6 ч. вечера. Вчера на обратном пути я заехал к Выгодскому. У него было заседание домкома, а потом мы говорили о Прибое, и я предложил Эдгара По (?). А у Лившица мне открыл рыжий мужчина, похожий на повара, и сказал: «никого нет». Вечером я даже перевел три страницы. Аня была кроткая. А сегодня мы в восемь встали, до 12 работали, и я потом пошел повсюду: в Прибой и в Гиз. В газете мне обещали выписать завтра 60 р... Горлин дал какого-то «Билля» — 100 строк — 50 р., а Прибой захотел Эдгара По(?)...

Родненькая моя, я тебе пишу все это оттого, что я этим уезжаю, еду к тебе и уж вот ближе — птица моя, воробушек с перчаточками. Я целую твои перчаточки и шапчонку.

Теперь послушай: я в самом деле могу выехать во вторник и завтра это выясню. Завтра я подам заявление фину и пошлю в Лугу.

А Саша все плачет... Надюша, я очень веселый и совсем здоров. Не мечусь, а спокойно все делаю — и все, все, все время думаю о тебе, о Наде моей родной...

Надичка! Ау! Дитенька, береги себя. Жди меня... Я тебе телеграфирую день отъезда. Господь с тобой, Наденька. И колечко привезу...

Ося.

Дитя мое, мы вернулись домой — не хватило 20 копеек. Я глупо написал про Горлина: договор подписан сегодня, а кроме того «Билли» — 100 строк.

Детка, будь спокойна — у нас тепло и солнце сегодня было. Я хочу к тебе и буду у тебя . . .

[Надька моя, Надюшок, Нануша! Я буду писать завтра два раза.

Целую тебя, Доня пиши каждый день хоть по открытке. О. Э. в хорошем настроении. Я нервничаю без тебя. Как здоровье? Аня.]

№ 11. К Н. Я. Мандельштам

5/Х—25, 6 вечера.

Нануша моя родная!

Вот в четыре часа я пришел домой, пообедал традиционными тефтелями и затопили камин и ванну. Аня получила письмо, но от своей Женечки. А я, Надичка, завтра плачу страховые и часть Саше. Я был сегодня на Московской в страхкассе, и мне сказали, что можно все это сделать и оформить здесь. Сегодня мы внесли проценты за часы. «Красная» дает мне завтра 60 р., а Горлин в среду 21-го экстренных за стихи 50. Значит 110 из 200 уже есть. Вопрос с Прибоем почти решен. Ищу Эдгара По в переводе Бальмонта, чтобы показать им. Надичка, я смогу выехать к тебе на той неделе, не дожидаясь вторника. Ведь из Москвы есть поезда. 1002-й ночи осталось 20 страниц, но завтра Гиз дает всего 100 р., а 20-го числа — 125.

Вот, родненькая, дела. Книжечку я тебе привезу обязательно: уж что-нибудь выдумаю.

Наночка, почему ты не написала из Москвы? Разве так делают Няки? Надик, завтра будет телеграмма от тебя? А Мариетта вернулась, и я хочу к ней завтра зайти.

А как ты ехала в поезде?

Надик, у меня кружится голова, так я хочу тебя видеть. Дета моя, радуйся жизни, мы счастливы, радуйся как я нашей встрече. Господь с тобой, Надичка. Спи спокойно. Помни мои советы, детка: 1) к доктору, 2) лучший пансион, 3) мышьяк и компрессы.

Вчера встретил на улице Фогеля, он искал квартиру в наших краях. Он говорит, что для тебя особенно важна неподвижность. Не ходи! Не гуляй! На почту бери извозчика или посылай кого-нибудь. Дета, целую твои волосики. До встречи, родная пташка моя.

Надик, прошу тебя, не кури!

№ 12. К Н. Я. Мандельштам [Начало ноября 1925]

Нежниночка моя! Я пишу за пять минут до закрытия почты. Родная, спасибо за нежные словечки. Что с тобой там? Не давай себя в обиду. У меня все хорошо. 15-го поеду к тебе. Это почти наверно... Не могу без тебя, ласточка моя. Но будь спокойна — я живу правильно, я здоров. В делах у меня удача. Целую тебя, ненаглядная.

Храни тебя Бог, солнышко мое.

Твой Няня...

Часы целы. Выкупаю.

№ 13. К Н. Я. Мандельштам [Конец января 1926]
Севастополь. Буфет.

Радость моя ненаглядная! Я не хочу писать тебе открытки, потому что я хочу сказать, что ты нежняночка — милая моя в худых туфельках — как стояла на набережной ангелом родным...

Целую, целую, целую и радуюсь, что ты со мной, что ты со мной!

Я прекрасно доехал. Поездка бодрящая... Телеграммы отправлены. Билет в кармане.

Был очень сонный и замерз. Сейчас отогрелся и отдохнул.

Надичка, спокойной ночи. Спи, дружок, и проснись умницей.

Все время буду писать с дороги. Сейчас без десяти девять.
/Конец января 1926/

№ 14. К Н. Я. Мандельштам [Ленинград,] 2 февраля [1926]

Родная моя нежненька!

Здравствуй! Няня твоя с тобой говорит и целует тебя в лобик. Мне хорошо, детка. А тебе как? Не скупись на письма.

В Москве меня встретил донкихотообразный и страшно милый Шура. Потом я поехал к Пастернаку и видел их мальчишку. Он сказал: «Я еще маленький». Ему 2¹/₂ года. Он требует участвовать в общем разговоре. Твоему Жене Шура не успел передать. С Аней говорил по телефону. Она сказала: «У меня частная служба». Пояснить не пожелала. Подробности узнаю завтра. Дела так... (Да, между прочим, в Москве меня заговорил Пастернак, и я опоздал на поезд. Вещи мои уехали в 9.30, а я, послав телеграмму в Клин, напутствуемый Шурой, выехал следующим поездом в 11. Приехал, и в ГПУ мне выдали мой багаж. Вот приключение!). Вот, Надик, дела:

Ленгиз развороченный муравейник. Тенденция не то сжать, не то уничтожить. Никто ничего не знает и не понимает. Горлин разводит руками с виноватой

улыбкой. Около него только ближайšie сотрудники. Публика и дамы уже перестали ходить. Рецензии еще есть, но книги посылаются на утверждение в Москву. Первая партия уже послана. Как только вернется, будет новый разговор. Лозунг такой: быть ко всему готовыми и пользоваться последними неделями для обеспечения себя работой. Мне выписали на завтра в Гизе 125 рублей в окончательный расчет. Сегодня получил 100 р. за «ничего» в «Звезде». Устроил это Белицкий. Ионов уезжает. Белицкий остается — пока. . . Получил три книги на рецензию. На субботу «включен» по горлинской заявке. В «Прибое» абсолютно спокойно. Они переписывают, я правлю. Обещают не задерживать. Нашел машинистку. Сегодня приступил к диктовке.

Деду нашел бедного, сжавшегося в комочек, с головной болью. Развеселил его.

А Женя безукоризнен. М. Н. вежлива как пустое место. Вчера мне ванну топили. Женя предлагает мне 1) столовую, 2) светлую людскую, 3) комнату поблизости. Категорически отказываюсь от комнаты. Мы сделаем так: я компенсирую 10-15 рублями Надежду, и она переедет на месяц в темную людскую. Женя подтверждает, что это самое лучшее, так как мне нужен «дом».

Погода очень мягкая — 3-4°. Переход был очень легкий.

Итак, роднуша, февраль уже оплачен сполна (Прибой + 225 Гиза). Заклучу еще договор-другой, и опять мы свободны и с марта можем быть вместе. Сегодня звоню Фогелю о кварце и сообщу тебе телеграммой.

Помни, к 1-му марта я могу быть с тобой в любую минуту.

Пташенька бедная, что там с тобой? Телеграфируй подробно.

Нет, детка моя, я могу быть с тобой в любую минуту — только скажи!

Господь с тобой, родная . . . Твой друг, брат, муж . . .

№ 15 К Н. Я. Мандельштам [Ленинград, февраль 1926]

Родная пташечка!

Вот мой сегодняшний день: с утра три часа гулял в Гизе. Касса была закрыта. Ждали артельщика из банка. Потом в два часа на телеграф. Потом обратно в Гиз — завтрак у Гурмэ. Сегодня Горлин сказал, что, как только Ангерт привезет утвержденный план, мы заключим договор. Потом поехал в Сеятель, показал им горлинские новые книжки: берет. Если попрошу — Горлин их отдаст.

Ну, деточка — довольно о делах. Я знаю, как это тебя волнует — потому пишу наперед. Не об этом, ласточка, с тобой говорить! Я тебя люблю, зверенок мой, так, как никогда — не могу без тебя — хочу к тебе . . . и буду у тебя . . .

Ненаглядная моя, ты за тысячи верст от меня в большой пустой комнате с градусничком своим! Жизнь моя: пойми меня, что ты моя жизнь! Как турушка твоя? Весела ли ты? Смеешься ли? Да понимаешь ты или нет, что я только февраль согласен быть без тебя и больше ни денечка!

Аню, детка, я, свинья, еще не видел. Занят. И она тоже. Только перезваниваемся. У Выгодских и Бенов был. Давид с Эммой невозмутимые испанцы. Бены жалуются на дитиньку: его зовут Кирилл (?). У него злые профессорские желтые глазки. Он не улыбается и сердится очень. Им теперь тесно. А в доме Выгодских может освободиться для нас квартира.

Пока что, деточка, я сплю в столовой. На диван кладут мне волосяной *наш* тюфяк. Засыпаю в 1 час и до десяти глубокая тишина. Тепло и хорошо.

Сейчас был у Пуниных. *Там живет старушка*; лежала она на диване веселая, но простуженная. Встретила меня «сплетнями»: 1) Георгий Иванов пишет в парижских газетах «страшные пашквили» про нее и про меня; во 2) «Шум Времени» вызвал «бурю» восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати, с чем можно нас поздравить. Еще курьез: сегодня в Вечерней я прочел, что «вчера я ходил в финотдел жаловаться на налоги». И не думал я ходить! Врет газетка — но это хорошо: я эту вырезку посылаю тебе и сохранию газетку для фининспектора!

Нежняночка: я еще не имел от тебя писем. Знаешь, где я пишу? На Николаевском вокзале в десятом часу вечера, после Пуниных...

До завтра, детуся! Господь с тобой, родная! Целую нежно, долго много... лапушки твои и волоски и глазки...

Становлюсь в очередь с письмом... Пиши ежедневно, родная.

Твой Нянь.

Надя, не скрывай от меня *ничего*. Слышишь, родная!

№ 16. К Н. Я. Мандельштам [Ленинград,] 7 февраля,
6 ч. в. [1926]

Родная моя!

Получил сегодня твое грустненькое письмо и к вечеру жду ответа на телеграмму. Детушка-зверушка, неужели тебе там плохо? Вели хорошо топить в ком-

нате. Какие купила туфельки? Ходишь ли в город? Как твой вес? Я, родная моя, уже четвертый день не выхожу: у меня «легонький грипп» — на 37,3 — уже прошел. Да и морозы кстати полегчали. Завтра уже выйду. Деда мне даже не пробует читать философию: все—равно видит — я не о том... Женя над ухом бубнит по телефону... Модпик цветет! Татка на коленях у меня тебе написала письмо своей рукой... Сегодня, маленький мой, я дошел до листочков твоей работы, и мне весело их перебирать.

Пташенька, беляночка нежная, каждый день, засыпая, я говорю себе: спаси, Господи, мою Наденьку! Любовь хранит нас, Надя. Нам ничто не страшно. Радость моя! Нам нет расстояния. Но я безумно хочу быть с тобой.

Дней через десять я кончу свои петербургские дела и через Москву поеду к тебе. Детуська! Зверенок! Не смей тревожиться. Я стал человеком довоенной крепости. Мне все легко сейчас дается.

Тут у Жени мир и скука. М. Н. страдает припадками. Папа-дедушка все время обижается: все его обходят, обносят будто бы и т. п. . . . Да, он прав, милая, но у них вообще холодно. Я, Нануша, мечтаю, как я завтра в город выйду, зайду к Горлину, увижу людей, похлопочу о новом договоре, пошлю тебе газетки и спешное письмо.

А сейчас, родненькая, папа отбирает у меня это письмо — опустить. Целую тебя, ненаглядная, ночью с тобой, ни на минуту не отхожу от тебя.

Твой Няня.

Что ни день, от тебя письмо... Спасибо тебе, нежняночка. Ты жизнь моя, а еще спрашиваешь... Знаешь, детка, быстро, быстро пройдут эти недели. Нас оторвали друг от друга. Это какая-то варварская нелепость: мы не можем не быть вместе.

Уже два дня я не выхожу. Больше 20 мороза. С сильным ветром. Окна замерзли. Сижу в кожаном кабинете. Тепло. Тихо. Татка. Тихонечко работаю. Мне уже переписали всю книгу. Не кривя душой, скажу: ты умница, хорошо перевела — совсем, совсем не плохо. Очень мне помогла. С завтрашнего дня Женя нашел мне машинистку — работать у меня.

Деда — ангел. Ходит для меня в Прибой и на почту. Рецензии есть, но деньги за них не сразу выдают: они выписываются и накапливаются. Завтра приезжает Бройде — завгиза. Ждем полной ясности.

Аню все еще не видел, но каждый день с ней говорю. Оказалось, что она (пришлось тянуть ее за язык) служит гувернанткой при двух детях — девочка 9 и мальчик — 7 — в «средне-буржуазной» семье. Это она называет «частной службой». Голос у нее веселый и по телефону я слышал, как ее теребят дети. «Они зовут меня смотреть на их представление».

Надюшок, как ты распорядилась деньгами? Не давай в восьмой номер больше 30 рублей... Оставь себе 50 на расходы. На днях вышло еще 100.

Детка моя, хоть бы карточка твоя со мной была! Я твой чесучовый шарфик обмотал и ношу вроде жабо. Наш плед — это тоже ты.

Пиши мне правду, только правду о своем здоровьи. Жена Пунина не советует кварц, а лучше дожидаться

солнца. Сейчас говорил по телефону с Шкловским. Он здесь. Приедет ко мне завтра. «У меня, — говорит: — есть дело к вам». Я думаю, Наденька, что, кончив «Прибой», поеду в Москву, а оттуда так близко к тебе, что я не устою... Что ты скажешь? Впрочем, я буду рассудительным, пока нужно, пока можно быть рассудительным.

Господь с тобой, ненаглядная моя, радость моя, — жена моя без колечка... Люблю тебя, как только можно любить, то есть дурею и ни с кем, ни о чем не могу говорить, жизнь моя...

Завтра подпишусь на Вечернюю для моей детушки газету и вышлю Трамвай.

Ты не поверишь, но мне у Жени очень славно. Татка ходит в детский сад. «Дама» с нее сошла. Она тощая и очень шальная девчонка. Читает все, даже на днях прочла «аборт». «Бабушка, что это?» и правительственный Сенат. Деда тебя целует. Анна Андреевна шлет привет. Кат. Конст. тоже.

Нанушка, не кури (и я), кушай яйца, масло, пей какао. Подтягивай старуху. Дразни ее червонцами...

№ 18. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Родная, ненаглядная Наденька!

Вчера папа опоздал отправить спешное письмо, и я сегодня дописываю. Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его книгоиздательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить. Поеду я только кончив Прибой. Сейчас жду машинистку, которая звонила, что уже выехала с машинкой. Вчера поздно вечером говорил с Горлиным. Мы не расформированы. Работа будет продолжаться.

Ангерт вернулся из Москвы. А еще, нежняночка моя, могу тебе сказать: я без тебя не могу, мне просто дышать нечем. Я считаю дни, но здоров и что называется бодр. Пташенька, телеграфируй мне чаще. Не терпишь ли ты лишений? Не утесняют ли тебя? Целую рученьки... Твой...

№ 19. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Родная моя голубка, слышу твой жалобный голосок! Не плачь, ребеночек мой, не плачь дочурка. Вытри глаза — слушай свою няню: приблизительно через месяц можно думать о Киеве. Я сделаю все, чтобы выволить тебя от старухи. На этой неделе я имею от Горлина 80 р... III-го Прибой дает первые сто. Весь этот месяц и даже следующий прекрасно обеспечен. Я постараюсь занять и выслать тебе своевременно, чтобы ты могла переехать, сразу рублей 200—250. Дета, у тебя правда не болит? Умоляю, не скрывай. А вес? Если я паче чаяния пришлю меньше денег, оставь себе на вкусности, на прикупочки: мандарины, икру, хорошее масло, печенье, ветчину. Скрась свою грустную жизнь. Ходи в город.

Фогель очень доволен моим отчетом. Кварц одобряет: «Почему нет?» — говорит; советует избегать здешней весны, особенно марта.

Родненький, знай, что я могу достать для тебя денег. Здесь Рыбаковы. Пунин попробует достать под Прибой. Я еще не просил. Не знал, что тебе там худо. Держусь пока независимо. Но после сегодняшнего письма сейчас же поговорю с Пуниным и с Женей и, конечно, они помогут мне.

Вчера была Аня. Ее не узнать. Бойкая, поздоровевшая. Служит она гувернанткой у крупного трестовика. Ходит в твоём старье — в сером балахоне и тифлисской кацавейке. Через пороги прямо прыгает. Мама ей связала розовый шарф.

А я, дёта, весело шагаю в папиной еврейской шубе и Шуриной ушанке. Свою кепку потерял в дороге. Привык к зиме. В трамвае читаю горлинские французские книжки.

Надик, не смей не спать. Вели ежедневно топить, как следует.

Часов в одиннадцать мне кладут наш «волосяной» на диван в столовой. Я стелю постельку. Жени никогда нет дома. Тишина. Бродит деда. Только успею сказать — спаси, Господи, Наденьку — и засну.

Сейчас, родная, я здоров как никогда: спасибо тебе, ангел мой, за жизнь, за радость, за словечки твои. Завтра шлю тебе подарочки читательные.

Горлин поручил мне писать рецензии (на утверждение) для Москвы. Что пройдет — будет мое. Первая же утвержденная книга. Кончив Даудистеля — (вчера я сдал всю *нашу* работу) еду в Москву, где Шкловский подготовил мне почву.

Нарисуй мне рисуночек, свое неуклюжее что-нибудь, дочка. Дочурка, я люблю тебя и этим счастливы здесь. Твой муж, нежняночка.

№ 20. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Родная моя ненаглядная дочурка!

Что с тобой? Радость моя, не волнуйся, не тревожься. Сегодня жду твоей телеграммы о здоровьи. Вечером консультирую Фогеля (вторично). Пока он нахо-

дит, что тебе лучше до Киева подождать здесь. От Тарховой я тебя во всяком случае возьму. Деньги есть. Прибой еще не тронут. Все пока дал Гиз (300 рублей). Это хорошо. Прибой мне авансирует. Москва даст тоже. Новый договор будет. Я могу — и это очень серьезно — или приехать к тебе или выехать навстречу в Киев (если Фогель позволит).

Пташенька, моментально перейди на диету... Это я, а не доктор. Сейчас у меня стенографистка (конечно, Прибой). Писать буду и много, много... и сегодня второе напишу. Здоров как бык. Погода смягчилась. Целую любимую...

№ 21. К Н. Я. Мандельштам

12 февр. [1926]

Родная доченька, я случайно зашел к Выгодским и пишу у них это письмо. Посмотрел на нашу горку и сижу в красном кресле-ушане. Говорил с Фогелем, доложил ему все твои жалобы. Он считает, что тошнота у тебя желудочная, что громадное значение имеет кухонное масло и жир. Во что бы то ни стало ты должна найти в Ялте хороший стол. Возьми в гиды Емельяна и отправляйся на поиски. Деньги на переезд ты будешь иметь к 15-му — я знаю, тебе нужно 190+100 — пока что, не считая 75, посланных сегодня.

В Киев ехать он разрешает хоть сейчас, но рекомендует весну в Ялте — конечно с хорошим столом — и запрещает весну на севере, у нас... Последнее слово, конечно, за местным врачом, скажем, за Цановым. Он был у тебя, детка?

Я, детуся, живу спокойно и работаю во всю: завел манеру стенографировать. В два часа делаю 20 стра-

ниц. Стенографистка приходит ко мне днем, а вечером я работаю еще часок с машинисткой на 8-й линии.

В Ленгизе мне идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый дядя-одессит, с которым у нас приятельские отношения. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил.

Сегодня я обедал у Пуниных. Там девочка Ирина — замечательно честная и добродушная. Читает Трамвай, перекладывая его на прозу. Чудовищно рисует. Рыбаковы предлагают 200 рублей. Если Прибой задержит, я возьму, а может и обойдусь. Каково! Пока я не задолжал ни одной копейки.

Родная сестричка, ты мне мало и невнятно пишешь про себя. Как проходят твои дни? «Лежачая» ты или «ходячая»? Сходишь ли в город? Пойди к парфюмерам и свесься для своей няни и телеграфируй мне — будет похоже на коммерческую телеграмму.

Надик, что значит «боли обычные»? Я хочу знать, как часто, как долго, когда . . . Лежишь ли с бутылочкой? Кто около тебя, родная, когда тебе нехорошо? Кругом, Надюша, только и слышишь, что о мезентериальных железах. Страшно модно. В Царском есть, говорят, хороший санаторий, где можно жить в отдельной комнате и куда меня пустят. Там лечат, между прочим, железы вливанием кальция в жилы. Я узнал это случайно. Проверю. На лето. А пока, нежняночка, тебе предоставляется полная свобода выбора: Ялта или Киев. Только хорошенько обдумай и посоветуйся с Цановым.

Если останешься в Ялте, я на март, очевидно, приеду, предварительно съездив в Москву, а в Киев приеду и подавно.

К деду звонит вчера и сегодня какой-то чудак «инженер» — зовет работать по козам. Деда бедный сменил сегодня валенки на сапоги и пошел на «совещание». А Аня и вправду стала нянькой (я привык Няня с большой буквы). Надька, знай, прелесть моя, больше-ротик мой, что я весь насквозь ты и о тебе! Как твой золотой волос-борода? Дай поцелую его. Люблю тебя как сумасшедший, так, что не чувствую расстояния. У меня твоей карточки нет. У тебя есть «касса» — снимись. Пташенька, самая трудная разлука прошла — мы уже идем друг к другу. Я считаю дни. Храни тебя Господь, мою нежняночку.

№ 22. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Ненаглядная, родная, любимая, когда ты получишь это письмо, у тебя уже будет много денежек — «касса» — и тебя уже никто, мою славную, не будет обижать.

200 рублей для меня взял у Рыбакова Пунин. Прибой еще не тронут — на днях ты его весь получишь. У Рыбаковых я мог взять и больше. Сроком не связан. Осложнение, что ему должна . . . . .

Родная, я схожу с ума: на расстоянии все так страшно, хотя я знаю, что ты пишешь правду. Умоляю тебя — возьми постоянного врача и слушайся его. Этого требует Фогель. Это просто необходимо. Пошли мне всю запись температуры и вес, когда сойдешь в город. Сколько дней ты лежишь? Как твоя тошнота? Что ты ешь? Общее или диету? Умоляю, напиши подробно, до глупости, до смешного подробно. *Я иначе не могу.* Когда болит? Сколько минуток? Родненькая, напиши.

Мой приезд, пташенька, не такая уж нелепость и невозможность. Большие шансы на договор в Гизе. Ка-

жется, я смогу приехать на март с работой и остановкой в Москве. Мы опять с тобой процветаем! А на апрель детку мою в Киев. А с мая я няней в Царском Селе.

У Жени «злоба дня» его отношения с Наташей — вернее злоба дня М. Н. и деды. Их объединяет суровый протест. М. Н. — умная и добрая женщина (Женька на нее все валит). — Пусть, — говорит, — женится, как мне ни тяжело! Она по ночам отводит душу со мной, и мне приятно слушать ее меткую, очень образную речь. У Жени растерянный и виноватый вид, у Наташи просто глупый.

Татьяка для меня слишком взрослая. Она сказала Наташе: «Что ты смотришь на моего папу, словно он твой ребенок!»

Деточка, я опять пишу на вокзале: это вошло у меня в привычку, словно я хожу в гости к тебе. А по утрам я сижу на кухне у Надежды и жду письма... Милая, будет ли от тебя сегодня телеграмма? Эти дни я усердно стенографирую и диктую. Осталось 17 страниц. Бра-бра! Завтра конец. Потом со всей энергией на Горлина и Вольфсона, чтобы поскорее отпустили к тебе... Целую большой ротик и родные волосенки. Слышу ночью голосок...

Някушка-пташечка! Я иду к тебе... Храни тебя Господь. Будь веселенькая. Не могу и не буду без тебя. Люблю...

№ 23. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Родная моя глупышка! Да что с тобой такое? Сегодня я утром в 10 часов телеграфирую: абсолютно здоров и т. д... Ты в шесть еще не получила телеграммы!

Чудеса! Нанушка, что я наделал своей безалаберностью: ты мучаешься уже три-четыре дня, когда твоя няня здоровехонька и процветает между Горлиным и Грюнбергом. Детка моя, успокой свою душу милую — да нечего, нечего тревожиться. Я даже не переутомлен. Чувствую себя несравненно лучше, чем в Ялте. Мне просто совестно писать о себе. Но довольно об этом, Надик, поцелую твою головенку и слушай разные разности... Во-первых, цикл моих работ закончится дней через десять. Я останусь тогда с новым большим договором от Горлина (завтра из Москвы придут книги и ответы) и, конечно, приеду к тебе. Скажи, родная, хорошо ли к весне в Ялте? Ты ведь рада будешь пожить там у собак и морюшка с няней? Разве Киев поздно к 1-му мая?

Вчера у деда была трагикомедия: он собрался в гости на «пурим» к еврею-часовщику и попал в «засаду». Посидел с 9 вечера до 2¹/₂ дня с множеством случайных людей. Страшно волновался бедненький, ссылался на то, что он отец «писателя Мандельштама». С ним общались бережно и его не обидели. Но как жалко деду: подумай, пошел раз в год в гости. Он умудрился даже позвонить (не объясняя причины), что «остаётся ночевать». Вот наше событие.

В Ленгизе без перемен. Я называю это «стабилизацией». Белицкий и новый зав. редсектора выписали мне все деньги по очередной работе. (Последние 200 рублей). Очень внимательно, правда? Я теперь опять стенографирую дома: это очень удобно — два часа двадцать страниц, а потом правлю, а потом весь день хоть гуляй.

Сегодня первый весенний день. Все растаяло. Припекло даже, особенно в кабинете у Горлина было жарко, жарко... Мне портной за два с полтиной починил

штаны, но срезал красоту — нижние заворотушки... Собираюсь покупать ботинки. А тебе, Надик, не надо ли чего? Напиши своей няне, она тебе привезет. Это правда, Нанушка, я привезу часы, колечки и подарочек, какой ты скажешь. Някушка, скажи, у тебя устроилось с Тарховой? Неужели нельзя к весне найти другого места, если так плохо? Только осторожно, милый не рискуй. Я в сущности консерватор, ты знаешь. Заказывай меню. Прикупай в городе хорошие вещи. Не жалей денег. Будут. Дружок мой, нежный, пришли температурную кривую, восстановив ее по памяти, и в каждом письме сообщай свою температуру. Хорошо, Някушка?

Родная моя, я слышу твое дыхание, как ты спишь и говоришь во сне — я всегда с тобой. Я люблю тебя нежную мою. Господь с тобой, дружочек мой. Будь весела, женушка моя. Твой муж, няня, твой Окушка глупый. Ну, до свидания, нежняночка, люблю...

№ 24. К Н. Я. Мандельштам

17/II [1926]

Надик, где ты? Два дня от тебя ничего нет, и я два дня не писал. Третьего дня я был сам не свой. Ждал телеграммы. Звонил домой каждую минуту и пришла хорошая телеграммушка. Я тогда встретил Шилейку на Литейном, и он проводил меня в Сеятель позвонить — нет ли телеграммы. Он был в наушниках и покупал книги XVI века. Когда мне прочла какая-то тетка по телефону твои словечки я так развеселился, что принял Шилейкино приглашение пить портер в пивной и полчаса с ним посидел: пил черный портер с ветчиной и слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люб-

лю только тебя — то есть я так *не сказал*, конечно — и евреев. Он понимает, что я совершенно другой человек и что со мной нельзя болтать, как прочие светские хлыщии . . .

Надик, где ты? Я пришел опять к тебе в гости на вокзал. Меня еще душит перевод Даудистеля: я правлю последнюю часть. Работы на два дня.

Надичка, я *не могу не слышать каждый день твоего голоса*. Родная, что с тобой было? Установилось ли твое здоровье? Как проходит последняя треть месяца! Я на днях пришло тебе денег на весь март. Хочешь знать, что у меня намечается: Горлин проводит для меня одну забракованную книгу с поддержкой Вольфсона. Маршак заключает договор на биографию Халтурина — плотника — народовольца: 1—1½ листа, 150—200 р(ублей). Это очень легко. Я напишу в пять дней. Затем Федин включил книгу стихов в «план» — пошлют в Москву (только список названий и аннотацию) — и . . . вычеркнут . . . Рецензии идут . . . Через неделю все эти узлы распутаются. В деловом отношении я совершенно спокоен. Лишь бы мне удалось поскорее к тебе. Так не хочется тебя трогать в эти проклятые снеготаялки-города . . .

Надик, ты ходишь к собакам гулять? По моей дорожке над армянскими кипарисами!

У Татьянки сегодня жарок. Я все жалуюсь ей, что хочу к тете Наде, а она говорит: — Ну так поезжай, я тебя отпускаю.

Деда ездил в Лугу «по делу» и привез насморк. Приходила Саша: без работы, продавала бублики, и все мечтает о «союзе».

Надик! Нежненький мой! Я был у Бенов: они повели меня в кино. Они ходят по понедельникам, как в баню . . .

Прости мне, голубок, что два дня не писал... Пташенька, как твое личико сейчас? Ты не бледная, не грустная?

Детка! стучат штемпелями на почте... Без десяти одиннадцать. Сдал письмо. До завтра, любимая моя, ненаглядная. Целую тебя. Слышу каждую минуту... Господь тебя храни! Люблю. Няня. Надик! это я.

Твой Няня.

№ 25. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Надик, доченька моя, здравствуй, младшенький! Няня с тобой говорит. Ты мне в письмах не написала температуры и пр... Так нельзя, ласковый мой. Каждый день пиши.

У Татки ветряная оспа. Она лежит в жару веселенькая: «Напишите тете Наде, что я немного простудилась. Больше ничего не придумаю». Над губой у нее уже маленькая пустула. Болезнь пустяковая.

Сегодня, Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву, потом с Горлиным решили все-таки оформить в Москве. (Это займет десять дней), а пока я получаю маленькую легкую книгу — французскую — о судах и судьях — 6 листов по 35 рублей. Я весь день спокойненько сижу дома. Завтра кончаю Прибой. Вечером меня потянуло на вокзал — к тебе — с «Трамваем» и газетками. Для меня эти поездки отдых — прямое сообщение «четвертым». Деда все ходит по евреям-каплунам. М. Н. — она очень неплоха — настоящая умница — велит вставить ему челюсть. Эта бабушка прекрасно ухаживает за дедой и Таткой, все понимает, меня приняла без всякой натяжки — хорошо.

(Ужасная бумага — покупаю новый листок).

Вот. Надик на новом листе: М. Н. — умница. Женя вешает на нее всех собак. В истории с комнатой (теперь это ясно) она совершенно была не при чем. Женя сдал комнату какой-то пожилой актрисе с дочкой. Его почти никогда нет дома. Он забросил Татьку. Она обижается и ревнует его.

Иногда я уйду работать в светлую людскую — потому что люблю кухню и прислугу. И потому еще, что я «немножечко» курю, а в чистых комнатах из-за астмы нельзя...

Но «немножечко», Надик! Ты не поверишь: ни следа от невроза. Пятый этаж — поднимаюсь, не замечая, мурлыкая.

Три дня уже оттепель. Черный снег. А днем два градуса тепла. Сегодня Федин спросил, сколько я хочу за книгу стихов. Сказал, 600 рублей. Посмотрим. Но это ерунда.

Прибой начнет платить вероятно во вторник. Знаешь, Наденька, положение наше в начале марта будет ничуть не худшим, чем в октябре.

Если тебе хорошо, не уезжай из Ялты. Мы еще с тобой погуляем. Надик родной. Целую: пора сдавать письмо. Н... Все время помню...

№ 26. К Н. Я. Мандельштам

Пятница. [Февр. 1926]

Родная моя! Я сижу в маленькой людской, потому что здесь «уютненько» — и кончаю буквально последние пять страниц проклятого немца. Как меня душила и тебя, мой маленький, эта работа. Завтра я о ней забуду. Утром я еще ездил на Лиговку к машинистке. К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и

Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложениями книг. Я мельком прочел: «один из лучших современных поэтов» . . . Стараются! В числе других стараются протащить «Рвача» Эренбурга. Надик, мне надоело это проталкивание и протаскивание! Эти няньки и спасители-охранители! Мне грустно, деточка моя.

Горит красная лампочка и Надежда поет «Кирпичики». Мне не мешает. Подошел деда и развил план насчет заимки: нужно ему написать «доклад». Татуська вся в ветряных оспинках. Замучила свою бабушку, требует: «играй»! А у меня требует Трамвай — зачем я у нее отнял! — для тебя, Надик.

Сегодня от тебя не было письма. Что с тобой, Надик? Ответь своим голоском! . . . Надик, я совсем не представляю себе, как ты живешь. Следит за тобой врач? Это необходимо.

Сегодня вечером, отправив это письмо, я зайду к Бену. Все ужасно боятся, чтобы я к тебе не сбежал, — неблагоразумно. Ты, родненькая, не беспокойся, я это сделаю лишь тогда, когда можно будет. Как взрослый. Первую неделю я, Надик, прохворал — очень легко — простудой. От нее сейчас нет и следа. Вот я говорю с тобой и не знаю, как тебе. Голубок младшенький, кинечка родная, ты не хочешь в Ялте? Нет? А у тебя, скажи, весна? Ты просишься в сырость, в снег . . . Не надо, Надик, Киев хорош в апреле. Через неделю твоя няня заключит договоры и скажет: может ли он приехать? Надик, у тебя никого там нет? Ласковый мой, ручной, о чем ты думаешь? Митя ли тебя мудрости учит? В карты тебя мучают? Родненький, в Ялте, наверное, длинные светлые дни. Надик, я хочу увидеть нашу комнату-фонарь, пустить зайчика в большевиков, полежать на постели — узенькой и твердой. Я родная, сплю теперь просто: не думаю о сне. В час засну.

В семь проснусь. А ты, Надик, хорошо? Звереньши ху-
денький... Не сдобровать тебе... Будут от меня те-
леграммы... Сколько тебе денег надо? У меня будет
«порядочно». Прямо забросаю...

Все твои письма, родная, я ношу всегда с собой. На
ночь говорю: спаси, Господь, мою Наденьку... Еще
пришли мне последнее письмо твоей мамы. Я их всегда
ведь читаю. Целую волосенки и лапы, и лобик, и гла-
за. Мне грустненько без тебя. Надик светленький, от-
веть мне. К тебе, к тебе... Няня.

№ 27. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Родненький мой, я наверное тебя растревожил. Я не
писал по глупости, по бестолковости. Хотел исправить
телеграммой, а вышло хуже. Дочка, поверь, мне хо-
рошо, то есть насколько может быть хорошо без тебя,
то есть, ужасно. Я живу спокойно, уютно. Все у меня
ладится. Я здоров. Никто меня не раздражает, но я не
могу этого больше выносить и вырвусь к тебе при пер-
вой возможности. Маленькая Наденька, кривуша род-
ная, я все вижу твою фигурку на солнышке, зажму-
рившись... Ты такая смешная, чудесная, когда идешь
одна... Дета моя, не нужно огорчаться, надо еще по-
терпеть недельку-другую — и мы будем опять вме-
сте. Как я мог, Надичка, без тебя целый месяц? Я сам
не понимаю.

Вот, что я сейчас делаю: я теперь даже к Горлину
редко хожу. Два раза в день, в 10 и в 7, я медленно вы-
ползаю в темпе прогулки — днем к многосемейному в
мещанской квартире машинисту на Первой Линии, а
вечером — в громадной с хорошим воздухом зале у ма-
шинистки на Пятой Линии. Завтра поведу Бена знако-

мать в Прибой, а вечером мы пойдем в кино. И ты пойдешь, Надик, за свою няню, когда захочешь. Да? Работку, что у меня на руках, кончаю через 10 дней. Потом я свободен. Ничего спешного не возьму. Только — к тебе, к тебе . . . Где твоя карточка?

Родная моя, родная . . . Слушай, мой кроткий, свеченька, зайнышка: ты мне, знаю, не веришь, а я тебе — я не болен и переутомления с последствиями тоже не было. Я живу ритмично, работаю охотно. Верь мне. Это так. Но что я с тобой сделаю . . . Ты за подснежниками далеко ходила? Устала?

Дома никого нет. Бабушка ушла к Радловым. Татка пришла ко мне на диван, и я стал читать ей Шары и прочее. Она же пела «Кухню». Говорила разные сентенции — «Взрослым от шалостей одни неприятности» и т. п. Деда ходит и ищет папирос, которых вообще нет. Сегодня к нему подошел посланец из Риги от «Пермана», некий провизор, друг детства, тоже Мандельштам. Папу серьезно зовут в Ригу. Виза и проезд необычайно доступны и дешевы. Мы решили обязательно его весной отправить . . . Весной! . . . Ах, Надик мой, иностранец из-под развесистой ялтинской клюквы! 10° мороза ты принимаешь за 10° градусов тепла. У нас здесь 1 марта, зима во всю — 5-6° минус, а не плюс. Зима всюду, детка моя . . . До весны еще месяц.

Дружочек, скажи мне, отчего ты не сообщал своей температуры в каждом письме? Надик, почему ты не делаешь так?

Надичка, когда я скажу твое имячко, мне весело. Ты моя. Я тебя люблю как в первый, первое первое, день. Мне легко дышать, думая о тебе. Я знаю, что это ты научила меня дышать. Как я побегу к тебе в горку. Ведь я могу теперь и в гору бегать.

Во вторник я выясню вопрос с антигероином. Я тебе завтра вышлю перевод 1002-й ночи. Здорово сделано. Приятно перечесть. Это мы с Анькой сделали. Подошел дед. Тебе дед. Тебе кланяется.

Надюша, скажи, пожалуйста, снимать домик в Царском или нет? Бен говорит, что это нужно сделать в марте. Я согласен на Царское к 15-20 мая. Не раньше. Ты получаешь мои газетки? Правда я их смешно заклеиваю?

Надик, голубка, любовь моя, до свиданья. Я на ночь целую тебя в лобик и говорю: храни Господь Наденьку... Люби меня, Надик, я твой...

№ 28. К Н. Я. Мандельштам

[Февр. 1926]

Наденька, радость моя, сейчас послал тебе телеграмму, очень бестолковую, но ты ведь все понимаешь. Не уезжай, голубка, из Ялты. Может я к тебе приеду. Ты не знаешь — забыла — как холодно на свете и как сыро. У тебя здесь уголочек оранжерейный. Во всей России и на Украине то мороз, то грязь, то оттепель... От такого перехода, Надик, никому не поздоровится... Даже я первое время прохворал. Давай дождемся ну хоть апрельского тепла, чтобы каблучками по сухим тротуарам... Да, Надик? Слушай ты, беленький, ты, правда, герой? Где твоя тура?

Детка моя, я хочу тебе жаловаться и начну с того, что у Жени по утрам дают ужасный кофий, такой мерзкий, что никаким сахаром его не заглушишь. И больше, пожалуй, не на что. Дед требует, чтобы я с ним «занимался», а Женя — его никогда не бывает дома. По целым дням я в «пустой» квартире с Таткой и М. Н... С ней легко себя чувствуешь — славная ба-

бушка. Все мои выходы, родная, к машинисту — теперь у меня «дяденька» — и к Горлину. Прибою очень понравился наш переводик. Они за мной ухаживают, идиотушки... Просят работать.

Надик, мы как птицы кричим друг другу — не могу, не могу без тебя!.. Вся моя жизнь без тебя остывает — я чужой и ненужный сам себе. Я твою телеграмму положил под щеку третьего дня и так вечером, устав, засыпал... Таткина «оспа» проходит. У меня была лет двадцать назад — не заражусь. Вместо тебя, родная, я жалуюсь Татке. Она делает серьезное личико и говорит: «Дядя Ося, ну поезжай к тете Наде, я тебе тут никак не могу помочь».

Хочешь, мальш, о делах? Я заключил договор с Горлиным на 4½ листа — 210 р... Страшно легко... Прибой выписывает 200, остальные в марте. Рецензии дают 30 р. в неделю. Книга стихов зарезана. Детский договор отвергнут. Не люблю Маршака! Большая книга будет в Гизе в начале марта. Как видишь, неплохо. Да, еще забыл: взял курьезную редактуру в Прибое по 15 р. — 6 листов.

Надик, голубка моя, возьми меня к себе. Я здесь заблудился без тебя. Уже я не в папиной шубе хожу. Морозит. Сухо. Даже весело на улице. Дета моя, как я погляжу на наши магазины — Елисеевы — так мне грустно, грустненько. На Невском ревут радики на всю улицу. Женя сегодня едет в Москву. Его выживают московские пройдохи. Он полночи вчера со мной советовался, бедный. Боится потерять положение, страшно волнуется.

Надя, кинечка мамина, Аня звонила. Здорова.

Что ты думаешь, маленький, приехать мне к тебе с большой работушкой? Ты на солнце лежишь на пле-

тенке, Надик? Родной мой, ты, как ты меня провожала в зачиненных туфельках? Надик, встретить меня, птишенька на днях. Жди меня! Жду, не дождусь . . .

Спаси, Боже, Наденьку. Господь с тобой . . .

№ 29. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Спасибо, Наденька за письмецо. Добрый мой, ласковый, никто так не напишет. Много листочков. За картинку спасибо: это ты. Я улыбался тебе, родной, я и смеялся, читая.

Сегодня событие: Прибой дал 200. Я сейчас же перевел тебе. По всем аптекам и складам искал антителироидин. Нигде нет. Партия разошлась. Советуют звонить по телефону во все районные аптеки — там скорее останется . . . Вечером этим займусь.

1-го марта получил 200 за новую книгу в Гизе. Затем еще 170 в Прибое. Сеятель сегодня дал ответ: очень хотят горлинскую книгу, но колеблются, просят вернуться, если Гиз не возьмет (это большая книга). Я, родная моя, решил три дня отдохнуть. Посидеть с Таткой, хоть в кино сходить с Бенами или просто гулять по улицам. 10° . . . . Хожу в дедовой шубе, а его арестовал дома. Он обижается, но ему лучше у печки, старенькому деду. Женя вчера уехал в Москву на пять дней. Вчера звонила Аня. У нее совсем здоровый, уверенный, не тягучий, твердый голос. Одно дитеньку ее увезли в Москву, то есть воспитанника . . . Надька, ты чувствуешь, что я найду твой мудреный «тироидин»?

Сегодня я пил кофе с Горлиным в «Гурме». Правда, это был предел мечтаний в Ялте? Смотри, не беги с деньгами в Киев: тогда я от тебя откажусь! Сиди мирно, Надик маленький!

Мы с Беном решили написать сценарий по «делу Джорыгова». Прочти в Вечорке. Это фантастика, но Эк. Конст. просит. Я ей отдал твое письмоце.

Надюшок, 1-го мая мы будем опять вместе в Киеве и пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю. Я так рад этому, так рад... В начале марта выяснится, могли я приехать (думаю, смогу). Не забывай еще Москву по пути. Это будет только весело. Что пишет мама? Дай мне ее письмоце...

Ты поздно встаешь, если письма тебя не будят? Где ты снималась — в саду или у настоящего? Для Панова вышлю тебе завтра второй Трамвай, а кстати куплю Шары для Иринки Пуниной — Анна Андреевна с Пуниным сегодня на Невском искали эту книжонку.

Рыбаковым отдам 100 р. 1-го марта. Остальное условлено в конце месяца. Не тревожься, милый. Твой няня умный.

Надик, говорят, что в Ялте Клычков. Хоть это не Бог весь кто, отъщи его, тебе приятно будет. Не стало ли много хуже у Тарховой? Тогда брось, но осторожно...

№ 30. К Н. Я. Мандельштам

5 марта [1926]

Надичка, жизнь моя, спасибо тебе за карточку. Детка моя: какое милое личико, болезненно грустное, растерянное. Что ты, Надик, думал? Что с тобой, кроткая моя друженька? Я никому не покажу твоей карточки. Никто не знает, что она у меня. Когда я увидел твое грустное личико, я бросился к дверям — сейчас же к тебе... Я знаю, что ты улыбнулась бы мне, но карточка не может. Спасибо, Надик нежненький, целую лобик твой высокий. Какая ты прелестная, родная. Нет

такого другого личика. «Встреча?» Ты — моя встреча, вся жизнь моя. Я жду встречи с тобой, я живу тобой. Пойми меня, ангел мой грустный. Смешно сказать, но меня отделяют от тебя 1½ листа перевода для «Прибоя». Затем я в Москве и у тебя. Я таскаюсь по городу, сжимая твои письма в портфеле. Не бойся: не выпущу из рук, не потеряю, не отойду от них. Радость нежняночка, я люблю тебя. Чтобы так любить стоит жить, Надик-Надик!

Ну вот, дружок мой, послушай меня: последние дни я не могу проследить твоего состояния: не знаю веса, температуры, ничего. Одни общие места. Умоляю: подробно. Можно телеграммку.

Я дурак не понял твоей телегр[аммы]. Это о трех днях без писем. *Заработался я тогда, но был здоров.* Просто к вечеру разомлевал.

Физически был крепок. *Сердце прошло бесследно.* Никаких припадков. Прекрасно хожу. Да ну его! О чем тут говорить!

Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для вас что-нибудь придумаем». В *Прибое* и *Сеятеле* очень много шансов. Во всяком случае до 20 апр[еля] мы уже обеспечены — с моей дорогой, вдвоем.

Деда вполне здоров. Снялся. Взял «анкету». Собирается в Ригу. М. Н. мне все больше нравится. Она все понимает: просто бабушка! Надик мой! Сегодня от тебя не было письма? Ты сердисься? Нет? Родненькая, пиши мне. Скоро мы будем вместе — так пиши, моя нежная, пока я далеко. Няня твоя.

№30а (Продолжение или отдельное письмо?)

Нануша, вышла книга Вагинова. Какая-то беспомощная. Я ее пришло тебе. В печати хуже. Много смешно. А[нна] Андр[еевна] с Пуниным уехали в Москву. Я воспользуюсь и зайду к Шилейке. Надечка моя. Вот я побыл с тобой. Мне весело стало. Да, ангел мой: будем вместе, всегда вместе, и Бог нас не оставит. Целую тебя, счастье мое. Твой лобик на меня смотрит. Ты волосенки откинула так — они у тебя не держатся... Целую. Твой, родная. Твой Няня.

Надичка, как сейчас у Тарховой? Когда станет дороже? Есть ли куда переехать? *Твой вес? Температура?*

Надик, если морозы, — *сильно, сильно* топи. — Не жалея денег. Топи ежедневно. Турушку [температуру] пиши за все дни. Самое главное телеграфируй.

№ 31. К Н. Я. Мандельштам

(7 марта) [1926]

Родная моя, если бы ты знала в какой я тревоге! Уже сутки нет ответа на мою ответную телеграмму. Солнышко мое, я безумно за тебя боюсь и, главное, не знаю, что с тобой. В телеграмме переврали одно слово: «если» значит очевидно «боли». Опять боли? Да, Надик? Как я могу тебе посоветовать, не зная всего? потом я писал спешные: 28-го, 1-го, 3-го, 5-го и сегодня 7-го. Неужели ты не получила. Буду писать каждый день, родная. Я все боюсь, что простое письмо пойдет долго, а к спешному опаздываю: вот и ключ к перебою писем.

Наденька, в городах сейчас эпидемия гриппа ужасная. Слякоть, вред. Куда ты рвешься? Ты и всякая дру-

гая на твоём месте заболевает через три дня. Подожди хоть до апреля, если не хочешь весны в Ялте. Не будь сумасшедшенькой. Я тебе писал не жалеть денег. Это не пустые слова: у меня их достаточно. Потрать в марте хоть 400 р. Апрель все равно обеспечен. Не знаю как, но за деньги можно все устроить. Тебе виднее как. Не бросай только Ялту. Если ты останешься надолго, я приеду на апрель. На днях я оборачиваю свое колесо. Беру новые заказы и еду в Москву. Оттуда к тебе. Умоляю, пиши мне подробно о здоровье. Ты знаешь, голубчик, как писать. За меня беспокоиться нелепо. Я очень поздоровел. Если бы ты знала, каким молодцом я работаю и делаю все, что нужно. Вот няня сама себя похвалила . . .

Надик я согласен на твой переезд в номер восьмой. Все чепуха, лишь бы мою Някушку не кормили дрянью. Может быть ты откажешься от пансиона и объединишься с Тюфлиньми?

Надик родненький, может я советую глупости, — тебе виднее — но не бросай Ялту в опасное время года.

Нежняночка, слушай свою няню: покупай в городе вкусные завтраки. Плюнь на тарховские штучки. Плати ей хоть даром деньги. Здешний весенний холод безвреден, а у нас и в Киеве — отравка . . . Слушайся, родная, няню и Цанова. Милая моя, я весь день сегодня сумасшедший — жду телеграмму . . . Спаси Господи Наденьку мою . . .

№ 32. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Родненькая, целую твои гранатики. Надик, что это было? Три дня я сходил с ума. С субботы на телеграмму до вторника — ничего . . . Что с тобой, жизнь моя?

Значит простуда прошла. А боли? А тошнота? Надик мой, все мне мало, все не подробно. Письма, письма жду. Какая ты умница, что осталась в Ялте. Ты *дождешься теперь меня — няни!* Ты знаешь, я завтра кончаю работу. Прибой мне должен 300 р. Я сумею их сразу взять. Родная, уже март идет. Как нам легко теперь . . .

Если б ты знала, как я томился эти дни. Вчера я не писал — сил не было от тревоги. Ты ведь понимаешь. Сегодня я тел[еграфировал] Мите, потом хотел срочно Тарховой и позвонил по телефону. Мне прочли твою утреннюю телеграмму. А я тебя не разбудил своей? Все в доме смотрят на меня с нежным состраданием как на сумасшедшего . . . Деда меня неудачно утешал, М. Н. влияла и т. д. . Пташечка моя, если бы я знал, что с тобой! Теперь правда уж скоро я у тебя . . . но твои письма обходят здоровье. Где *кривая* температуры? Как пищеварение? Ведь ты же молчишь обо всем. Так нельзя. Одни обрывочки. Что говорит Цанов? Почему ты не *купишь* дров и не топишь во всю? Кто тебе смеет это запретить! Сейчас же купи хороший шерстяной свитер! Если не выходишь, поручи М[арье] Мих[айловне] . . .

Хочешь знать, как с моим отъездом. Пока еще нет новой работы. Но Горлин как родной: он пришлет ее, а затем возможно — Москва мне даст или даже здесь Ангерт с Вольфсоном. «Прибой» предлагает *непрерывную* работу, но с ними все-таки очень противно — хотя они ручные и почтительные, но какие-то сумбурные. Если я приеду с 400-500 р[ублей], я смогу с тобой прожить с 15-20-марта до 25 апреля и не спеша сделать работку. А если бы и не работать [в] Ялте? Чем худо? Но няня приедет с работкой . . .

Вчера меня затащили на заседание в Зуб[овский] Институт. Читал Тихонов. Меня встретили как Сологуба, молодежь уступала мне стулья как Франс Энгру, и я был оракулом-младенцем — сумасшедший какой я был думая о тебе, только о тебе, Надик-Нежняночка. Выпей за свою няню рюмочку портвейна. Целую твои гранатики, родная моя, и твой новый плохой, но тоже нянин светер. Нет такой силы, чтобы удержала меня теперь к тебе приехать. Самое большое я здесь промешкаю неделю (да вот Москве!). Ты моя милая, моя прелесть с лобиком высоким, мой друг, мой ангел, жди меня . . . Спаси Господи, мою Наденьку! Няня твоя с тобой. —

P. S. Я совершенно здоров и все время был здоров.

№ 33. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Родная моя, ненаглядная — ты мне подснежничек нашла . . . Я, Надик, чудовище: три дня не писал. Не скрою: я эти дни *слишком много работал* — сделал из работы — спорт. Две книги параллельно для Гиза и Прибоя . . . Все откладывал на вечер, на «спешное», а вечером *уставал*. Надик, ты прости меня: никогда это не повторится. Это просто *не нужно*. Мы *прекрасно обеспечены*. Этот курьезный Прибой стал для меня вторым Гизом, и сейчас у меня два Горлина (один Грюнберг).

Родненькая, ты от 26 телеграфировала, что здорова, а 22 у тебя 37,6 (?). Что это значит? Только один день? или держится? Родная, *подробнее, подробнее* и не сердись на телеграммы. Это моя натура! Детка моя, я здоров. Это правда. Очень работоспособен. Очень бодр. Физически бодр. Я очень наволновался с твоей теле-

граммой. Мы тут ломали голову, особенно изощрялся деда. Значит опять Тархова? Это хорошо. Сохрани нашу комнатку до моего приезда. Я люблю наши кровати «капоцал». Что он какает? Надик, вот на чем основаны мои планы на приезд:

1) с 15 марта в Крыму до 15 мая чудесно. Это настоящие лечебные и целебные месяцы. Мы же устроены в Крыму и жалко не использовать. Это, наконец, попросту будет весело.

2) Кроме 200, присланных тебе, я уже имею заработанных в Гизе и Прибое 400 (Остаток с Даудистеля /130 р./ не считается, он пойдет Рыбакову).

3) К 15 марта я заключу два новых договора с Гизом (крупных) и с Прибоем. Высылку денег наладим.

4) На два-три дня я остановлюсь в Москве и перехвачу там кроме всего некоторую толику. Итак, у нас будет обеспечен с «гаком» месяц, а на второй нам вышлют. Может будет и еще лучше.

Ты бы меня сейчас не узнала бы в Ялте. Я дурак, что сидел сиднем как маниак какой-то. Я бы сейчас лазил по горам, бегал в город, гулял ежедневно у моря. А ведь я «боялся» к переписчику сходить! Вот дурак-то был? Надичка, а Лев Платоныч еще есть? Его не зацапали? Справься: мне он очень нужен.

Сегодня приехал из Москвы Женя. Ихнее общество как-то грандиозно оскандалилось. У них враги Кугель и Щеголев. Свирский устроил в подвале на Тверском [бульваре], где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала, грандиозный ресторан.

У Татки все прошло. Вчера ее купали в большой ванне. Я для отдыха читаю Мертвые Души с картинками. Твоего переводика я не выбросил, а поцеловал и поправил: он очень славный.

Ты, Надичка, стала душой общества и председателем клуба? Да?

Мне простынки дала М[арья] Н[иколаевна]. На диване мне очень уютненько с тюфячком нашим. Сплю хорошо. Бываю я, Надичка, нигде. Раза два-три у Бена и Выгодского . . . Поэт Комаровский «тот самый». Он очень хороший. Достань стихи. Объясни Безобразовой.

Надичка, что с тобой сейчас? Тебе не плохо? Я сейчас даю телеграмму. Дня не оставляю без письма. Все твои заботушки исполню. Лекарство я почти достал на Проспекте Юных Пролетариев (!)

Надик мой любимый, храни тебя Бог!

Сейчас звонил Грюнбер[г]: прочел обо мне в каком-то английском magazine. Уважает . . . А[нна] Андр[еевна] прочла в „Mercure de France“.

Люблю. Твой Няня. Я с тобой, родная. Люби меня, Надик. Целую головку твою и глаза твои и морщиночки!

№ 34. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Родная моя, Наденька, мы пишем тебе с Аней — я у нее в гостях (увы, в первый раз). У нее беленькая приличная комнатка рядом со спальней хозяев. Дети уже легли спать. Хозяин ее уже больше не любит. В доме есть радио.

Сегодня я получил твое сердитое письмецо: что у тебя, Надик, 37,6 от простуды или просто так? А телеграмму с Митиной визой я получил. Спасибо, ангел мой. Голосок твой даже в телеграмме. Вот ты послушалась меня, умница, но смотри не жалеяй денег. Заставь кормить себя хорошо . . . Хоть за свой счет каждый день подкупай . . . Главное, чтобы до моего приезда тебя не

смели обижать. Я думаю, как много значит для тебя волнение: от него и тошнота и даже боль. Будь же спокойна, солнышко мое нежное. И купи дрова и свитер.

Прибой я терроризовал: они все заплатят, потому что боятся, что я их опозорю. Так и сказали. Я думаю очень серьезно через неделю, то есть 17, выехать в Москву и дальше к тебе, родная. Сегодня я писал деду анкету в Ригу. Днем у меня разболелась голова на 2-3 часа, а не на сутки как раньше. М. Н. — бабушка — вылечила меня порошком и вкусным обедом.

Надик, родной, спи спокойно. Няня тебе велит. Главное, засыпая, не думай о сне. Думай о горушке в Киеве и домике в парке в Царском. Ну, мой дитенок, до свиданья . . . Передаю перо Ане.

Надюша, я недовольна. О. Э. ходит без запонок, манжеты завернуты (выругай его) и весь в пуху. Аня.

Надик мой, нежняночка! Я приписываю на вокзале (Анька живет около). Это бумага ее детей . . .

Ты, мой родненький, спи крепко, спи сладко, не думай ни о чем грустненьком. Деточка, воздух твой — я им дышу — он мой, он нем!

№ 35. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Надик, дружок мой ласковый, как мы быстренько переговорились телеграммами. Я действительно во вторник выеду в Москву, но не знаю, сколько дней там останусь. Боюсь тебе советовать насчет Лоланова. Ну, а как ты там будешь совсем одна? Даже без Мити и прочих? Если там копошатся хоть какие-нибудь люди, так обязательно переезжай. Брось эту трущобу. Как ведь славно и открыто у Лоланова. Но только не сов-

сем одна! Мы с тобой обеспечены вдвоем, если я приеду 20-го, на весь апрель. Но я хочу обязательно приехать — лучше позже — но с работой, чтобы не было перебоев в мае. Это мне безусловно удастся. Прибой с конца апреля гарантирует постоянную работу, как раньше в Гизе. А Горлин советует съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. Это *очень верное* дело. Во всяком случае, если у меня будет наличными 500 р., а они почти уже есть, я к тебе еду немедленно из Москвы. И Горлин, и Грюнберг вышлют мне книги и подпишут договоры без меня. В мае я тебя оставлю на недельку одну — выеду вперед подготовить твой приезд в Киев. Да вот еще: детский отдел Прибоя просит детскую книжку. С ними очень легко. Они немудреные. Если завтра сговорюсь, напишу в один день. Пойми, моя милая, что под самое лето мне стоит приехать к тебе на месяц. Но я бы уже давно приехал, если бы не заботился о плавности твоего возвращения и о хорошей жизни в Киеве и в Царском... Ну довольно, пташенька, о делах. Как видишь, я не рассчитываю на неожиданности, хотя они и могут быть в Москве.

Посылаю тебе деду. Правда, какой он миленький... И книжку Вагинова... Ты знаешь, там есть строчка: «О, море, нежный братец человечий»...

Я дам тебе телеграмму в день выезда в Москву. А из Москвы о дальнейшем. Пиши пока до телеграммы на петербургский адрес, а после на адрес твоего Жени. Остановлюсь я, если на два-три дня, у Пастернака, если на неделю, то у Шуры. Надик, мне портной на Невском великолепно починил брюки, и у меня «приличный» вид. Вот ботинки я куплю. Это надо. Надик, неужели ты смотришь в Ялте на набережной для своего

няни шерстку? Ах ты заботливый, мой друженька, — о чем ты думаешь! А светер у тебя есть? У нас опять зима. Сухо. Снежно. Сегодня утром ели блины с одной сметаной только . . .

№ 36. К Н. Я. Мандельштам

[Март 1926]

Няня твоя с сегодняшнего дня отдыхает: она кончила две книжки для Гиза и Прибоя. Я часто сижу за кухней в тепленькой комнате, хотя вся квартира пустая. Но там я как-то дома и там мне ближе к тебе. Личико твое уже не кажется мне таким болезненным. Оно проясняется на карточке. Я смотрю на нее две секундочки — утром и вечером. Понимаешь почему? Чтобы не сбежать к тебе раньше времени. Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться насчет Москвы и условиться с моим спутником.

Роденький мой, беленький, нежненький, береги себя. Меньше ходи. Дай поцелую желтые волосики. Наверное, ты без меня воспользовалась и перекрасила. Надик мой, я к тебе еду . . . У меня нерешительный тон, потому что я очень осторожный. Только оттого. Я с тобой. Родная моя, не смей плакать. Спи хорошо. Я с тобой. Улыбнись мне и скажи: «Я твоя Някушка, иди ко мне» — и я приеду — твоя Няня . . .

№ 37. К Н. Я. Мандельштам

16/III [1926], Москва.

Родная моя, я пишу из квартирки Шкловского. Утром приехал в Москву. Сразу в Гиз. Меня встретили очень хорошо, ничуть не хуже чем у Горлина и Белицкого. Дело мое, т. е. утверждение книги, почти улаже-

но. Остаются разные московские мелочи: Воронский и Шум Времени, у которого возрастает успех. На эти делишки я ассигную несколько дней и выеду в Ялту. Может быть придется съездить на два дня в Петербург оформить с Ленгизом. Это будет, пожалуй, благо-разумно.

Надичка, нежняночка, невестушка моя, я сейчас еду к твоему Жене (я по ошибке дал тебе неверный номер — не 8, а 6 по Страстному бульвару). Нет ли от тебя телеграммы?

Твой няня безукоризненно здоров. Ехал в жестком вагоне и рвется к тебе. Ночую (выбор большой) сегодня у Пастернака.

Не писал в предотъездных хлопотах. 500 рублей Прибой в два приема вышлет тебе в Ялту.

Родненький мой, прости, что мало пишу. Я рвусь к тебе и хочу все сразу сделать. Даже дня ждать не могу. Мне и весело и беспокойно. Я уже ближе к тебе, Надик мой, любовь моя, спаси тебя Господи, родную. Няня твоя к тебе едет. Целую твою карточку бедненькую. Ау, Надик . . .

Я в Петербург не поеду. Договор заключит Лившиц. Скорее к моей любимой, к Надику моему . . . А сейчас к Жене. Завтра напишу подробнее.

№ 38. К Н. Я. Мандельштам

17/III [1926], Москва.

Родной мой Надик, что ты не отвечаешь? Два дня я в Москве и нет от тебя телеграммы. Детка моя, мне все очень легко удалось. Я уже получил санкцию Гиза на договор. В кино-печати тоже дают фантастические деньги — 150-200 р. ни за что. Остается поговорить завтра с Нарбутом и Воронским. Это уже мне не нуж-

но. Мы обеспечены до самого лета. В субботу я еду прощаться в Петербург. На все дела мне нужен только один понедельник. А во вторник я думаю выехать в Ялту.

Вчера я ночевал у Пастернака в комнате с его братом на ужасном одре-диване, а сегодня буду у твоего Женички. Какой он славный! Он, правда, поссорился со стариками: Женю не вызывают к телефону и не открывают к нему. Лена была на днях в Киеве. А мы с тобой поедem в Киев в мае. Няня твоя здорова вполне и безумно волнуется отсутствием твоей телеграммы.

Родненькая моя, я хожу по московским улицам и вспоминаю всю нашу милую трудную жизнь. Ангел мой, у Жени висит твой портрет работы Сони. Когда я ехал к тебе в первый раз — как я ему обрадовался! Солнце мое, как я люблю тебя! Со мной Шура на почте. Надик-жизнь, я иду к тебе . . .

[Целую вас, потому что давно не видел. Корреспондент А. Мандельштам. (Это по служебной привычке)].

№ 39. К Н. Я. Мандельштам

Осень, 26 год
Пятница

Родненький мой дитенок, Надик мой светленький! Зачем я тебя сослал к морю, как Овидия какого-нибудь? Ты ведь хочешь домой к няне и к котику и к Ане? Я понимаю. Ну потерпи немножко: там видно будет . . . Получил телеграмму. Ты совсем здоров? Да? И циклон прошел? А ваннушки ты берешь? А к Юнгу гулять ходишь? — Далекo! Не ходи! Лучше гуляй по бережку в другую сторону, где раньше были турки-рыбаки. Главное не жалея денег.

У меня же разные события. Во-первых, вчера я приехал вечером к Ане в Китайскую: она там 2 дня одна сторожила — и в боевом порядке, в темноте, заставил сложить все вещи и перевез в полуциркуль (Завхоз предложил мне въехать, не дожидаясь отъезда жильцов). Дама-мегера обиделась: «У вас Якобсон — у меня Луначарский», но я покори́л ее обходительностью, и она нас пустила, то есть вещи; а нас *просила переехать в воскресенье, т. е. завтра . . .* (У них все еще ремонт не готов). Завтра мы с Аней водворимся. Там электричество, тепло и славненько. Мебель нам дадут после освобождения квартиры. Мы будем *пока* жить в 2-х комнатах. Еще новость: Леонов арестовал мой Гиз. Тогда я *пошел в Прибой, получил там все деньги и смеюсь теперь*, а в Гизе всего 30 р. Но я отработаю Гизу в одну неделю.

Аня вчера со мной приехала в город и ночует две ночи у дяди. В Китайской пусто — никого. Ключи сдал. Котик у сторожа. Дежурит часовой, стережет нашу посуду, которую завтра в корзиночке будем переносить.

Третья новость: я вдруг, без всяких поводов, занялся налогами. Пошел — справился. 400+66+? (три полочки). Мне это все надоело.

Посоветовали Федин и Войтоловский пойти в Смольный к председателю Ц.К. печати при губкоме. Я сейчас оттуда — любезнейший джентльмен. *Обещает* пригласить к себе человека из финотдела и устроить, *пока что*, рассрочку на год-два. Это кажется очень серьезно. А еще я ему обещал записку об авторском праве. Сейчас все это кипит и назревает, вообще «весна». Миша Слонимский зав. в Прибое — с 15 октября! Уже одного этого достаточно! Мы спасены! Давидка — редактор журнала иностранной литературы при Красной Газете! Портфель мой туго набит книгами от Прибоя на исклю-

чительно выгодных условиях. Я взялся им писать рецензии для газеты по 30 р. с книги — 10-20 стр... В Детском появился мой бывший богатый дядя — Абрам Капелянский — из заграницы — старый и облезлый — рядом с пансионом Белицкого они живут в чудесной квартирке. Дочка служит в Кр[асной] Газ[ете]. Приятельница Ев[гения] Эм[ильевича].

Заходила на днях в Кит[айскую] Анна Андреевна. Отдала твою розовенькую шаль и испугавшись тет-а-тета вскочила и убежала.

Надик, я не получил камушка: он выпал из конверта. А погода у нас райская — на солнце 18°. У меня сильнейший насморк от холодной ночи в Царском.

Бенов я с переезда не видел — они мне не нравятся — то есть он, а разве она человек без него? То есть именно без него... Я, Надик, хотел бы сберечь наши вещички и думаю, что это удастся.

Надик нежненький, ты ведь именинник! Дай же мне лобик свой и дешевое платье-фланельку и лапушки... Целую тебя... Рождество, Надька, мы будем вместе. Это я так решаю. И ты? Да, Надик? Господь с тобой, родная! Будь веселенькой, мой котик. Няня хочет к тебе. Это я няня твоя. — Тебе не холодно, родной? Послать жакетик-вязанку? Напиши. Не жалей «няньку».

№ 40. К Н. Я. Мандельштам

[1926]

Родная моя, женушка, я больше не могу без тебя, светленький мой Надик. Зачем я тебя отпустил? Я знаю, что так нужно было, но мне так грустно, так грустно... Вчера я принес домой твои часики. Я пошел

к секретарю ломбарда и мне разрешили частичный выкуп. Часики теперь останутся с нами и никогда не уйдут, а скоро и цепочка вернется. В Царское я поеду только завтра, в понедельник. Аня эти дни у дяди. Вчера он купил ей ботинки.

У меня большая перемена в работе: в Прибое назначен Слонимский, *он предлагает мне fixe*, как Горлин Бену. Завтра я с ним договарюсь. Но я хочу, мой роденький, сделать иначе: взять работу от Прибоя и от Маршака и приехать к тебе. Я не знаю, удастся ли это без продажи какой-нибудь мебелишки? Но ведь стоит, милый . . . Зачем нам вещи, когда мы не вместе. Разве мы можем долго не быть вместе!

Я думаю, что в ближайшие 10 дней распутаются все дела — и квартира будет закреплена договором (там уже стоят наши сундуки) и работа (большая) будет. Тогда я к тебе, мой маленький! Или ты хочешь домой? Милый, милый, как тебе? Неужели ты совсем одна? Кого ты видишь? С кем говоришь? Опиши мне хоть свой денек какой-нибудь.

Я сейчас у Жени. Вчера был бал ночью у Варв[ары] Кир[илловны] с гитарой и мне мешали спать. Погодка у нас все время ясная, хорошо должно быть в Царском. Я куплю много дров, чтоб тебе было тепленько приехать, и много цветов поставлю для Надика.

Ты видела Макса или нет? Я не верю, что ты без меня в Коктебеле этот раз и вообще не верю что ты уехала. Надик, Надик, нежняночка моя оборванная (рукавчики пальто бедные)! тебе холодно? Скажи мне, что ты ждешь няню . . . Господь с тобой, детка моя. Я муж твой, люблю тебя. Няня.

У меня даже карточки нету твоей в городе.

Родненький Надик, больше всего меня мучит неизвестность — что с тобой. Всего, что ты пишешь, мне мало. Я ни разу не слышал голоску твоего. Надичка, подай мне голос, откликнись и скажи, хорошо ли тебе. А мне, родной мой, не плохо — только неимоверно грустно, как никогда. Я живу как машина, делаю все, что нужно, и совершенно не чувствую себя. С минуты, как ты уехала, во мне все остановилось и так и осталось. Знаешь, Надечка, я еще не был в Царском. Вчера по телефону говорил с Лаврентьевым. Завтра поеду заключать договор и платить. Сговорился. Ведь у меня одна забота, чтоб встретить тебя, чтоб приютить мою бедную нищенку светленькую. Я все книжки читаю — много, много — для Прибоя и Горлина. Уже почти отработал Леонову 90 рублей. Я живу в той комнатке, где мы с тобой ночевали. Там топят и не сыро. Аня уже у дяди.

Бен попал в зажим: его описал фининспектор, он бегал к Гефту, говорит, что получает 20 р. в неделю. Ника болел. Ты еще любишь его, Надик? Надик, пожалей меня с моими французскими книжками и твоими часиками без цепочки (она осталась отдельно — перезаложена).

Надичка, я жду от тебя настоящей правды: ты здорова? Отвечай мне, детка моя, ничего не таи. Может я дня через два поеду в Москву. Конар пошел в гору: он сейчас в Гизе, но уходит на Украину председателем совнархоза.

Надик светленький, улыбнись мне, поцелуй меня, скажи мне: я с тобой, няня. Родненькая, Господь с тобой... А мы скоро ведь, скоро, жизнь моя, с тобой встретимся. Да? Няня твоя...

Родненький мой, сейчас я приехал из Царского и нашел твое сердитое письмо; другое носит с собой дед. Маленький, не сердись на меня — я три дня тебе не писал оттого, что мне было очень, очень трудно. Все одно к одному подошло. В Гизе мне *показалось*, что редактор саботирует мою работу, то есть попросту выживает меня. Эти идиоты-чиновники говорили со мной какими-то недомолвками: «характер наших отношений должен, вообще, перемениться и т. д.», а на поверку оказалось, что они *всего-навсего просят не торопиться*, «не *нервировать*» их с деньгами. Ты знаешь как я до глупости мнителен. Я заразил даже Горлина, который советовал мне съездить в Москву. Маршак, заметив мое волнение, выяснил всю эту чепуху. *Работа идет полным ходом.*

Но это еще не все. Квартира в циркуле оказалась негодной — холодно! Все вросло в землю. Служащие меня остерегли. И вот я каждый день разрывался между городом и Царским. В управлении шла грандиозная ревизия. Никто не хотел разговаривать. Два дня я искал с Аней квартиру в городе Царском — все по твоим следам, Надик, — только у старушки уже сдана... Я уже отчаялся, но выручил тот же Максимыч: он под секретом показал мне квартиру № 7 (мы ее с тобой не смотрели) — второй этаж.

черный ход
Парадный / №7 / / №6 / парадный.

Это та же шестая, только в обратном порядке комнаты и есть двери и лишняя печка. Вот план:

большая комната без печки	спальня печка	столовая печка	ванная печка	кухня печка
------------------------------	------------------	-------------------	-----------------	----------------

В полуциркуле мы с Аней замерзали, а в новой квартирке тепло и сухо, как у Евгения Эмильевича, хотя там ни разу не топили. В ванной есть еще отдельно печь и стоит кровать для Ани. Чистенькие белые стены.

Когда я это узнал, я пошел к Лаврентьеву, и совсем неожиданно он отдал нам квартирку, передал ключи и поручил Максимычу ее обставить. Кровати там лучше, чем в Китайской, а остальное *он мне подберет, получив три рубля*. Сегодня вечером он придет за списком мебели.

Мы с Аней моментально перетащили все наше имущество, пригласили поденщицу, я принял ванну (купили дрова), и ты не поверишь, как я отдохнул за одну ночь рядом с твоей кроватью. Детка моя, мы живем против Кикиной колокольни. Она звонит в 9 часов утра, а в двенадцатые праздники (их немного) в 6 ч. . Но это ничего. Мы будем с тобой *рано ложиться*. Да, Надик? Это нас дисциплинирует . . . И это бум-бум продолжается 15 минут.

Третьего дня я шел отправить тебе спешное письмо: и что же! — захожу в магазинчик купить носки — и хлоп! — Г.П.У. ищет там контрабанду. Меня продержали три часа и даже вывернули мои карманушки, где была по обыкновению всякая дрянь. Я, волнуясь мешал агентам работать и требовал, чтобы меня отпустили, цитируя свое звание и показывая за неимением документа книги из Госиздата (?). Ну а потом уж я пошел домой, натерпевшись сильных ощущений, и письмецо так и не отправил. Видишь, Наденька, сколько приключений у твоего няни.

Я думаю, пташенька моя, что ты можешь, если температуры не будет, на свой *праздничек вернуться*, т. е.

30-го? Да? Только не скрывай от меня температурушку свою. Тебя ждет прием у своей няни!

Надик мой, как ты мог на меня рассердиться! Твоя телеграмма заблудилась на 3-ю линию (?) Еще проводочка ответа . . . А наш котик заболел глазами. Завтра мы ведем к доктору его.

Евгений Эмильевич тащил меня (тоже в эти дни) в Москву: помогать на каком-то собрании Модпика (перевыборы). Я чуть не согласился, дед метал громы. Чтоб я ехал в Москву. Полный идиотизм! Понимаешь, как это кстати! Повторение истории с Грановским . . .

Надик, светлый звереньш у моря, пусть камушки морские скажут тебе, что няня твоя с тобой. Мне дико странно, что ты одна в Коктебеле. Не сердись на меня, люби меня, ты жена моя, ты жизнь моя. Господь с тобой, родная. Так я говорю, когда ложусь спать. Няня твоя.

На днях вышлю денежное подкрепление. Можно?

№ 43. К Н. Я. Мандельштам

[1926]

Надик, мы с дедом на Николаевском вокзале. Я проводил его в кафе, а теперь мы едем в Царское смотреть нашу квартирку, где хозяйничает Аня. Мне страшно жалко Аню, что она в твоей серой шинели дантовой ходит. Я научился с ней обращаться: просто, коротко и ласково, но решительно. Мы ссорились и помирились. Это было вчера.

Наденьш родной, я боюсь, что ты не выдержишь своей ссылки. Как тебе? Умоляю, правду пиши. У меня все хорошо. Масса работы. На этой неделе вышлю тебе сто рублей . . . Хватит тебе с возвращением 30-го?

Детик мой, я тебя напугал дурацкой телеграммой. Как сделать, чтобы ты поверила. Ни одной серьезной

неприятности! Знаешь, как я умею вертеться волчком — мнительный, нетерпеливый, глупый . . . Эти три дня, что я не писал, целиком ушли на квартирные хлопоты и Госиздат. Как глупо, детка! Но я «кипел» эти дни. Будь абсолютно за меня спокойна. Положение с твоего отъезда сильно улучшилось. Упрочился и оживился Горлин, расцвел Маршак, завоеван Ангерт, а Прибой стал земным раем.

Нанушка, напиши, купить ли тебе к приезду шубку, что мы смотрели за 150 р.? Я хочу с ней выехать на вокзал тебя встречать. Милый, милый котик далекий, что твоя фланелевая дешевая? А туфельки бедные? У нас тепло и сыро. А у тебя не холодно? Надик, скоро няня тебя возьмет. Ты как зверек скребешься ко мне. Да? Подожди, мой ласковый, женушка родная. Господь с тобой. Люби няню.

Шлю сердечный привет. Холода не боюсь и ветры мне не страшны. Целую крепко. «Дед».

Дед написал про холод и ветер «иносказательно». Надик-солнышко, напиши фельетонушку. Ты так чудно рассказывала про «направо и налево» . . .

№ 44. К Н. Я. Мандельштам

[1926]

Надик, я беспокоюсь, хватит ли у тебя денег. Думаю, что пока ты получишь это письмо, вышлю тебе рублей 50. Во всяком случае при малейшем стеснении телеграфируй. Я не продал вещей, а полочки начинаются на той неделе. Хорошо ли тебе, дружок, возвращаться в ноябре? у нас теперь очень хмуро и холодно. Подумай, родненькая! Может махнешь через Джанкой (морем не надо) в Ялтушку? Детка, я тебя не уговари-

ваю. Тебе виднее. А если вернешься, мы прямо с вокзала поедem в Ленинградoдежду и купим шубку за 150 р.! Квартира наша в Лицее еще не устроена. Лаврентьев кочевряжится с мебелью. Это пустяки: я его кретина обломаю. Кровати очень хороши. Остального пока что нет. Была какая-то дрянь. Я ее выставил. В комнатах довольно тепло и очень сухо. Если закрыть большую прихожую, то на две жилых приходится полу-камин и кафельная печь . . . В кухне, кроме плиты, хорошая круглая печка. Очень чисто, светло и уютно. Нануша, я думаю, что ты в Феодосии будешь жить у своей коктебельской хозяйки? Я угадал? Да? А что ты скажешь о моем плане встретиться в Москве? Мне безумно хочется! Дела мои такие:

1) Книга в Прибое, 3 листа.

2) Масса рецензий там же.

3) Маршак предлагает *пересказ* Тартарена по 80 р. с листа (это чепуха: турысы на колесах).

4) Слонимский берет в Прибой *простой* перевод Тартарена (это лучше).

5) Редактура у Маршака по 50 р. . .

6) 220 уже заработано в Гизе и Прибое (из них 80 Леонову), выплачивают на днях.

7) Вторая книга (Вильдрак) в Прибое будет на днях (3 листа).

Теперь, родненький, ты знаешь, чем живет твой няня. У меня большой друг — деда. Он чудесный и добрый. Я все время у него на зеленом диване. Мне там лучше. Пташенька! Солнышко! Эта наша разлука не настоящая. Она самая дикая. Я не верю в нее. Ты со мной, дружок.

Здравствуй, Надюша! Няня тоскует. Не скучает, а тоскует по своей родине, по жизни своей. Милый, неужели тебе хватило твоих грошиков? Неужели ты не замерз? Ведь ты такой заброшенный, голенький, с корзиночкой, как у солдата-призывника. И воду ты покупаешь по гривеннику?.. Надичка, я сейчас вспомнил, что у тебя наше веселое московское одеяло. Оно вернется ко мне. Как бы мне хотелось в Феодосию на зиму! Впрочем, нет. Лицей с Надиком лучше! Разве что очень хороший на юге будет ноябрь... Не исключена возможность моего приезда... Но это, Наденька, я только так говорю. Ведь ты настроилась на возвращение и я не хочу тебя огорчать... Дитятко мое, прежде, чем выехать, обязательно сообщи мне температуру и вес. Разве в Коктебеле нет лавочных больших весов?.. Не верю, чтобы весь месяц была нормальная... Если опять была температурная вспышка вроде последней, то приезжать на ноябрь довольно легкомысленно. Умоляю, Надик, не скрывай. Если бы тебе понадобилось остаться в Крыму до снега, я приеду к тебе. Это очень серьезно. Вообще мы теперь недурно обеспечены. Положение сильно улучшилось, хотя Бены, заброшенные Горлиным, жалуются и кричат. Узнаешь злобную няню? Фу, нехорошо!.. Их кормит прислуга Шура. Наши вещи целы (кроме кресел красного дерева). Я их сохранил для домика твоего. Завтра еду к Ане... Добывать у Лавреньева мебель. Я надавил через Главнауку, и кретин этот уступает. У нас будет очень уютно, но еще не поздно взять квартиру в третьем этаже: комнаты меньше, две выходят на солнце, более изящная отделка, фанерные облицовочки, высокие потолки, хорошая

печь и . . . вода зимой под вопросом, а у нас навверное. Я люблю зимнее солнце в комнатах, и ты, Нануша, любишь, но я умный. Знаю, что ты не позволишь менять и остаюсь там, где мы живем. Все, что я делаю, Надик для тебя и с тобой вместе. Ты бы сам так сделал. Помнишь, как ты в Ялте . . .

Сегодня я спросил Татьку, любит ли она пьяных, но она оборвала разговор: «Лучше не будем о них говорить: они того не стоят!»

Инженеры деда испортили 1000 кож. Трагедия!

Ну, родненький, дай тебя поцелую на целую ночь и погляжу в твои глазки-плакуны веселые. Люблю тебя. Господь с тобой, женщина моя и жизнь . . .

№ 46. К Н. Я. Мандельштам

[1926]

Надик, солнышко мое далекое! Ты пальто не снимаешь? Тебе холодно, детка? Нежненький мой, я согрею тебя. Ты вернешься скоро. Как жить без тебя? Мне пусто и нехорошо. Я немного боюсь тебя раньше времени трогать. Пока что здесь чудесная осень. Дойдет ли до тебя мое письмецо? Родная, ты здорова? Решай, моя умница, правильно. Я поцелую твой лобик большой. Когда ты поедешь, я встречу тебя в Москве, хочешь?

Нанушка моя! Твоя Аня живет в Лицее как муха, а я у Татьки сегодня и вчера. Получил много работы. Здоров. Надик, ненаглядный мой, вчера я видел Кику. У него чудная улыбочка, очень добрая. Надик милый! Я подумал сейчас знаешь о чем? . . Я все помню. Где ты? Надик, как мы обрадовались! Радость моя, сол-

нышко! Отвечай мне. Господь с тобой, Надик. Люблю тебя. Няня.

Часики твои целы. Квартирка тоже. Котик болен (глаза). Аня хорошая и кроткая.

№ 47. К Н. Я. Мандельштам

[1926]

Надик, спасибо за ласковое письмецо. Я пишу вечером на почте после телеграммы. Слышу, как ее выстукивают. Родненькая, будь осторожнее. Началась настоящая осень. Слякоть, мразь, и в Царском тоже. Я сегодня побывал там у Ани. К удивлению моему она завела себе прислугу. Блестели вымытые полы. Что-то шипело на примусе. Знаешь, она потеряла котика! Мне это страшно больно. Ведь он был твой. К твоему приезду я приготовлю щеночка-щенка, которого ты хотела. Чтоб ты не плакала, Надик. Не сердись на меня, друженька, что я отговариваю тебя ехать. Ведь я не знаю, как ты можешь устроиться в Феодосии. Но, кроме шуток, я в состоянии послать тебя в Ялту. Ведь это от Крымушки тебе лучше стало, ведь ты хоть полдня на воздухе даже в холод. Или нет? Ведь тебе это нужно, Надик. Урви еще кусочек, сократи нашу зиму: она длинная, длинная . . . *Если в Феодосии не резкая, пронзительная погода, задержись там на хорошем пансионе, пока не надоест.*

А я люблю тебя и жду, но терпеливо. Ведь ты все ближе и ближе. Твой голосок со мной, Наночка. Умненькая! Ты хочешь, чтобы няня за тебя решила. А няня хочет, чтобы ты! Скоро, родненькая, скоро! Пташенька светленькая, ты скоро вернешься.

Господь с тобой, женушка, друг, доченька, жена. Я твой . . .

№ 48. К Н. Я. Мандельштам (15. X. 1926. Ленинград).

Надик, нежняночка далекая! Неужели это последнее письмо? Ты уже на отлете. Так послушай, детка, няниного совета: если конец месяца дал бурную температурную вспышку, не возвращайся, а сообщи мне, и я тебя переправлю в Ялту. Еще большее значение имеет вес. Боюсь, что ты жила впроголодь и похудела. Если же все благополучно, то с Богом, выезжай! Погода у нас хорошая, хотя холодно. Даже снег выпал, «непрактичный». Дни солнечные. На дорогу постарайся купить себе теплое некрасивое бельишко и чулки в Феодосии. Это няня обязательно велит. А я буду ждать тебя с материалом для шубки: мы в тот же день отдадим шить. Готовая мне не нравится. Не лукавь, мой маленький, не будь хитрой лисичкой — я очень обижусь, если ты вернешься обманом. Мои дела хороши. Прибой должен был утвердить мои новые договоры, но заседание не состоялось.

В Царское сегодня я не выбрался. Еду завтра вечером. Я решительно за второй этаж в Лицее. Там уже сделана уборка и это будет наша квартирка. Жду тебя, родной, целую тебя, умный дружок. Ни на минуту не отрываюсь от тебя. Твой муж.

№ 49. К А. А. Ахматовой

25 августа 1928

Дорогая Анна Андреевна,

Пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с

Вами. Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется. В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П. Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам.

№ 50. К Н. Я. Мандельштам

[Февраль 1930]

... все как было: и легче стало. Дай мне, деточка, горе твое понести. Моя бесстрашная, светленькая моя...

Твой новый голосок, Наденька, слышу, узнаю тебя снова — не плачь горькая моя Наденька, не плачь ласточка, не плачь, желтенький мой птенчик.

Береги маму, побудь дома, сколько надо, и привези маму к нам. Мы ее никуда не отпустим, скажи ей, что никуда не отпустим.

Пиши сразу, когда приедете, сколько денег надо. Я все достану. Христос с тобой, жизнь моя. Нет смерти, радость моя. Любимого никто не отнимет. Твой... Твой... Сейчас приду домой родная — напишу все подробно.

Ося.

№ 51. К Н. Я. Мандельштам

[Февраль 1930]

... Сейчас придет Шашкова (я пишу в редакции) и я тебе выправлю мандат на очерковые изыскания.

Если хочешь поговорить со мной по телефону, телеграфируй, узнав переговорные часы, когда будешь на квартире Иваницкого (жены Джигача).

Не зайти ли мне в Пионер поговорить о твоих делах? Надик мой, поскорее бы вместе быть... Подумай, как быть... Твой брат очень долго не сумеет вернуться в Киев — это ты пойми. Надо принять решение. Иначе начнется развал: или мне отказаться от квартиры и взять под Москвой две комнаты, и тебе с мамой приехать. Это надо сделать к 15 марта, не позже. Пиши, родненький. Целую твою маму. Господь вас хранит. Ося.

№ 52. К Н. Я. Мандельштам

24/2 30.

Родной мой птенец, Надик маленький! Тяжко мне без тебя, но стыдно жаловаться. Ничего, родненькая. Вот главные новости. У моего Жени процесса пока нет. Никаких злоупотреблений. Но травля и шельмование грандиозные. Пока — домашняя склока. Приехала из Москвы вторая комиссия — для углубления ревизии. Вот к примеру обвинения: вводил в заблуждение правление о действительном положении вещей (ложь), маневрировал отчетностью (ложь), подписался на заем в $1/2$ размера оклада (правда) — и, наконец, «подтасовка кассы»: Григорьева и он взяли зарплату на два дня раньше срока. Пришла ревизия, и Григорьева по мальчишески пыталась это скрыть, но он об этом заявил и взял на себя ответственность. Далее: подменял собой Бюро, зажимал сотрудников, ссорил Москву и Ленинград, недостаточно ревизовал агентуру (злоупотреблений нет — но, говорят — могли быть) — и это все. В заключении первой ревизии: «исключительная бесхозяйственность», которая «неизбежно должна была повлечь финансовую катастрофу». Исхода углубленной ревизии не знаю. На днях по телефону Наташа сказа-

ла — *ничего нового, ничего агрессивного* . . . Он исключен из Модпика без всяких средств. Хочет по врачебной линии, когда все выяснится. Пошел было в Совкино (его пригласили *после* начала травли — дружески — демонстративно — но под *чьим-то* давлением сняли).

Таня уехала на работу по специальности в Ростов. Наташа работает (?!?) в Модпике (?!). Это характерно для склочной природы дела . . . Вся шайка писателей Женю предала, разбежалась . . . Слабо поддерживают лапповцы. Ячейка дрожит за себя, пассивна . . . Дед здоров. Я пока ничем ему не помог — буквально *ничем*. Комната пожирает всю зарплату. Как быть, Надик, как быть . . .

Ближайшая получка: 15 подотчетных — вычет (остаток старого) — 30 (долг в буфет) — Литфонд (?) — Что я сделаю с 90 рублями минус 60 за комнату (не считая недоплаты в 25 р., образовался «хвост»). Надик, Надик, посоветуй, как быть.

В газете положение улучшилось. Прилив «уважения». Начинают понимать, что дали мне маниловское задание невыполнимое. Хотят теперь, чтоб я учил и поднимал аппарат. Веду рабкоровский кружок в Вечерней Москве. Дружу с рабочей молодежью. Как раз вчера *после* телеграммы ответственный секретарь наговорил мне комплиментов — они от меня ждут, чтоб я вклинивался в работу отделов и помогал им органически. Но товарищей в газете — нет. Бюрократизм и бездарность отчаянные. Сделал громадный монтаж о Красной Армии (23 февраля). Это укрепило и очень сильно позицию. Показал, что *могу*.

Юрасов уезжает 1-го. Твердо зовет с собой, то есть — вызвать с подъемными через месяц. Это абсолютно серьезно. Там большие возможности. Комсомолец Востока в центре всей краевой политической работы —

хлопок, Турксиб и т. д. . . . Очень увлекательно. Но можем ли мы на это решиться? Тебе работа там тоже обеспечена. Помещение тоже. Но ведь мы не можем бросить стареньких! Ведь не можем, Надик? Надичка, как быть?

Теперь дело «Дрейфуса». Сразу по приезде — вызов на пленум комиссии. Четырехчасовой допрос, вернее моя непрерывная речь. Был ужасно собой недоволен. На утро: «Вы нам дали много ценных указаний, не волнуйтесь, не требуйте от себя невозможного. Мы это дело затягивать не собираемся». Дальше: дело разбито на секторы. Каждый следователь работает со мной отдельно. Был вызов по линии Фоспа. Допрос — три часа. Следователь — женщина, старая партийка, редактор «Молодой Гвардии». Тянула из меня формальные пункты обвинения. Вытянула, как зубной врач, — 17 штук. Осталась недовольна. Велела организовать себя дома и дослать почтой. Сделано. У Березнера на комиссии прорвалось: «Имейте в виду, что фельетон был заказан» . . . Третьего дня четырехчасовой допрос по Зифу. Метод — письменные ответы на месте в строгих рамках вопроса. Терпенье колоссальное. До чего я не умел до сих пор сказать главное! Любопытно: я не взял бумаг, послали меня домой, дождались (слетал на такси). Дважды списал твою копию протокола К. К. Важнейший документ. Третьего следователя отослали обратно: «очередь» — «Вы нарасхват», — говорит Березнер.

Ну вот, моя родненькая, наиболее существенное. Нигде не бываю (зашел к Шифриньым). Он говорил в Озете. Там готовы подумать. Но о чем? Хорошо бы в Северный Крым? Да, мой Надик? Зайду опять к Ниссену. Здесь Маргулис.

Да забыл: писателям не подаю руки — Асеев, Адуев, Лидин и т. д. Асеев *не обиделся*. Смутился. Долго расспрашивал: «Ну пока не подали руки друг другу». Адуйка был неподражаем. Встретил Лифшица у Жени и повернулся спиной.

В Ленинграде ни с кем *не встречался*. Письмо сейчас рассылать нельзя.

№ 53. К Н. Я. Мандельштам

[1930]

Родная Наденька! Я совсем потерялся. Мне очень тяжело, Надик, я должен был быть все время с тобой. Ты моя сильная, моя бедненькая, моя пташечка. Целую тебя в лобик твой, старенькая моя, молоденькая, ненаглядная. Ты работаешь, ты что-то делаешь, ты — чудесная, Надик маленький. Я хочу в Киев к тебе. Я не прошу себе, что покинул тебя одну в феврале. Не догнал тебя, на твой голос по телефону сразу не приехал — и не писал, не писал ничего почти все время. Как ты бродишь, родной, по комнате нашей — все родное и вечное с тобой. Держаться, держаться за это милое, за бессмертное до последнего дыхания. Не отдавать никому, ни за что. Родная, мне тяжело, мне всегда тяжело, а сейчас не найду слов рассказать. Запутали меня, как в тюрьме держат, свету нет. Всё хочу ложь смахнуть — и не могу, всё хочу грязь отмыть — и нельзя.

Стоит ли тебе говорить, какой бред, какой дикий тусклый сон всё, всё, всё . . .

Мучили с делом, пять раз вызывали. Трое разных. Подолгу: 3-4 часа. Не верю я им, хоть ласковые. Только Ругер по ФОСП'у верю вполне: откровенна, серьезна и большая теплота человеческая. Зачем я им? Опять

я игрушка. Опять не при чем. Последний вызов к какому-то доценту: рассказать всю свою биографию. Вопрос: не работал ли в белых газетах? Что делал в Феодосии? Не было ли связи с Освагом? (??) . . . Ведь это бред. Указал на феодосийских коммунистов(?!). Прочел я ему стихи про Керенского и др. . . Указал ему сам все неладное в стихах. Шум Времени он изучил. На машинке цитаты принес — мне показывает, просит объяснений, тон дружеский. Говорит, мы знаем все про Ионова и других. Должны и про вас все знать . . . Не позже, чем через десять дней будет созвано заседание для оглашения выводов комиссии. Пригласят всех — Зиф, Фосп и т. д.. Дадут высказаться: «Пусть узнают свое место на общем фоне и сделают свои замечания; у нас не Федерация; полемики между ними не допустим». А решение вынесет другой состав — высший — и напечатает. Потребовал прислать ему все мои книги и хронологический листок биографии. В заключение — «Мы достаточно авторитетны — вашим прошлым (писательским или вроде того?) никто вас не попрекает. Плюньте на княгиню Марью Алексеевну» . . . О самом деле — ни слова. Вызывали Зенкевич: о деле ни слова. («все и так ясно»). Только общая характеристика и особенно период у белых (прямо анекдот). Похоже, что хотят со мной начисто договориться: кто я, чего хочу и т. д. — если бы так, то это хорошо. Но знаю одно: я не работник, я дичаю с каждым днем. Боюсь своей газеты — здесь не люди, а рыбы страшные . . . Мне здесь невыносимо, скандально, не ко двору. Надо уходить. Давно . . . Опоздал . . . Хочу отдохнуть. Иду завтра в амбулаторию. Попробую отпуск? Но это — не то. Надо уйти. И сейчас же. Но куда уйти? Кругом пустота. Жалко книги остановившейся. Жалко. Со мной один Апель ходит. За комнату 1-го ничего не мог уплатить. Как быть

15-го? Буфет — 20 р.. Останется — 100 р. М. Ром. возьмет 10 р. = 90 р.

Надик, родной, надо решать — минута такая! (Сегодня в Фоспе запрос Асеева. Сутырин «пишет» резолюцию. Канатчиков снят. Почему?).

Я один. Ich bin arm. Все непоправимо. Разрыв — богатство. Надо его сохранить. Не расплескать. Твой Женя задержится наверное — так я думаю. Но, друг мой милый — ты не спеши приездом, он *ничего не изменит*. Маму свою береги. Напиши мне только, как быть, помоги взять твердую линию, помоги уйти от всякой лжи и нечисти — мне люди нужны, товарищи как в Моск[овском] Комс[омольце]. Мы еще найдем друзей, найдем опору. Совсем не обязательно Ташкент. Попробуем в Москве. Возьмем маму. Решай — подходит ли мне газетная работа. Не иссушит ли мой старый мозг в конец? Но работа нужна. И — *простая*. Не хочу «фигурять Мандельштамом». Не смею! Не должен!

Родная, Господь с тобой. Не покинет тебя, любовь родненькая. Узнаешь меня? Слышишь? Твой Ося.

№ 54. К Н. Я. Мандельштам

[1930-е гг.]

Надик, я пошел в амбулаторию. Врач по внутренним нашел некоторое ослабление сердечной мышцы, — «в сущности, — сказал он, — миокардит» . . .

Некомпенсированных дефектов не нашел. Предписал санаторий по соглашению с невропатологом. Тут же направил к нервному врачу. Этот отнесся очень серьезно. Знает, кто я (?). «Шесть недель *minimum* специального санатория» и направил к профессору невропатологу для совещания с ним (после моего осмотра) о способах лечения. Завтра пойду к профессору. «Потом,

— сказал врач, — *мы раскачаем всю громоздкую машину* для получения срочного санатория». Рассказал секретной] части. Он: «Ничего, мы все сделаем». Я ни на что не жалуясь. *Ничего не болит*. Здоров. Честное слово Надик, я здоров как всегда. Родная моя! Оставайся в Киеве. Там тебе лучше! Может, родная, надо вправду отдохнуть? Целую. Твой няня.

№ 55. К Н. Я. Мандельштам

[Весна 1935]

Наденька, дитя мое!

Посылаю исправленные стихи в начало цикла (2, 3, 4). «Каменноугольный — добровольный» — сохранить. Готовую рукопись (без добавочного) кончил черномозгом, сдал Плотникову. Это было естественно и нужно.

Скучаю по тебе, мой друг, но живу спокойно. Еще на *несколько* дней терпения моего хватит. Целую тебя, мой милый, хороший дружок Надик . . . А под дружкой написано почему-то «верный». Верно. О. М.

Хорошо ли «железьясь»?

№ 56. К Н. Я. Мандельштам

[Весна 1935]

Надик, мой родненький! Только что говорил с тобой. 8.30 вечера. Вот тебе четыре чистовика вещей, сделанных без тебя. Как это грустно. «Стрижка детей» вчера. Нынче купался. Клопы завелись. И третьего дня в ванну ходил. Вот . . . Все у меня складно. Вчера по телефону взывал к Стоичеву. Все не знаю, брать ли службу. Неудобно бросать и занят сочинением. И мало

дадут. Ай радио запущено. Помоги. Дай материалы: к Шервинскому (молодость Гете).

Сейчас иду в кино. Но совершенно жеребенок.

Надик, поиздевайся над Ахматовой по телефону. Так еще не ехал никто. Или: митрополит, он же и еврей, боящийся судьбы. Целую тебя, родная! Твой Ося.

№ 57. К Н. Я. Мандельштам

26 мая 1935

Надюшок! Прости за тревогу. Телефонистка — буйная дрянь — сказала «по инструкции», что «ошибок не бывает». Я дурак поверил. Вот фефела! Ей досталось от товарок. Ночью не ложился. Черт знает что! Ты прости, Наденька.

В Подъем [Воронежский журнал. Ред.] сдал то, что на машинке. Тут есть тенденция благожелательно снижать мою работу. Сказал: ни буквы больше не изменю. Все или ничего. Денег пока не беру. Поступать ли на службу в библиотеку?

К «подборке» прибавь «Стансы» плюс «Железо». Выясни печатание. Для Москвы условие: все или ничего. Широкий показ цикла. Хорошо бы в Литгазете. Все варианты окончательные. Только в начале «Стансов» могут быть изменения, но давай так.

Мне сейчас необходима прямая литературная связь с Москвой. Передай стихи между прочим Левину. Скажи ему: нельзя честно писать прозу в моем теперешнем воронежском положении. Абсурдно!

Вот что: предлагаю принять командировку от Союза или Издательства на Урал по старому маршруту. Напишу замечательную книгу (по старому договору). Это чудесная мысль.

Детка моя, будь совершенно спокойна. Я живу хорошо. *Правду о твоём здоровьи.* Целую тебя, родная моя. Ося.

Подумай о структуре цикла. Скажи по телефону.

№ 58. К Н. Я. Мандельштам

[1935]

Сегодня я здоров. Я был у Стоичева и сказал ему все, что думаю о своем положении. Он вызвался написать письмо Марченко как председатель Союза и проявил впервые подлинное участие и интерес.

Посылаю справку доктора Глаубермана (крупнейший здесь ларинголог). Он сказал: «Если у вас не пройдет через три-четыре дня, вы ляжете у меня, если ничего не имеете против, и я вас поскоблю». Только тогда я попросил справку.

Никто не может сказать, когда понадобится операция. И насколько срочно. Во всяком случае последний припадок был самый сильный.

Целую тебя, дружок, приезжай скорее. Все будет хорошо. Ося.

№ 59. К Н. Я. Мандельштам

[1935]

Надик! Я уже очень, очень скучаю. Так хочу, чтоб приехала — не сказать. Ося.

Мир должно в черном теле брать.

Ему жестокий нужен брат.

От семиюродных уродов

Он не получит ясных всходов.

Май.

Родная Наденька! Прости за грубый отвратительный разговор по телефону. Я чего-то требовал от тебя. Петушился. Вот причина: одно мне важно — когда тебя увижу. Ты сразу говори: надеюсь приехать тогда-то. Если этого не слышу, то сам не свой становлюсь.

Надюша: никого ни о чем не проси. *Никого*. Но постарайся узнать, как отвечает союз, то есть Ц.К. партии, на мои стихи, на письмо. Для этого достаточно разговора с Щербаковым.

Больше ничего не надо. Я не хочу, чтобы ты сделалась искательницей работы. Не морочит ли тебя Детгиз? Куда девалось предложение Эфроса? В крайнем случае встретимся в Воронеже к 20 января. За Воронеж мы ведь спокойны. А жаль! Здесь вдвоем — зимний рай, красота неописанная. Слушай, как я сюда ехал: ты на вокзал, я — в театр. Сказал дельную «режиссерскую речь». Актеры ко мне начали тяготеть. Режиссеры всерьез у меня спрашивали. Два-три дня держался на посту. Потом расклеился. Произошел обычный старинный «столбняк» на улице. Меня подхватил заслуженный комик и доставил в театр. Вольф при мне звонит Генкелю: «у нас работает такой-то: его здоровье внушает мне лично серьезные опасения... Мы должны и т. д. . . .» Это Вольф-то! Дальше я бродил тенью, но вполне благополучно. Дал консультацию в Радио-Комитете. Получил 100 р. у Горячева, а 50 — прибавил Вольф. За полчаса до отъезда ко мне приехала машина с заместителем директора и управляющим. Машину они взяли в НКВД и шофер был военный. Усадили в вагон. Несли чемодан. Трогательная забота. В вагоне было скверно, т. е. гадко. Без плацкарт. Про-

водник взял в свое купе. В Мичуринске телеграмма тебе и сразу пересадка. Тамбов в 2 часа ночи. Трескучий мороз. Сказочно спокойный, с виду губернский город. Меня везут куда-то бесконечно на дровнях (это здесь извозчики) — и привозят в палаццо, напоминающее особняк Кшесинской, увеличенный в 10 раз и охраняемый стариком с ружьем и в тулупе. По мраморной лестнице ведут в подвал и сажают в теплую (холодную) ванну. Тут же нянюшка забирает белье в стирку, поют часы, — и укладывают в огромном кабинете. Здесь живут бригадиры и трактористы, испортившие сердце, два-три летчика, учителя. В общем — не плохо. Ежедневно сосновые ванны и два вида электризации через день: «франклин» и электризация позвоночника. Директор позволяет мне привередничать (с помещением). Пока вдвоем в пустой палате на десять человек. Это счастье временное. Комплекты — ужасны. Пять человек — это привилегия (без вентиляции, но с зеркальными окнами. В моей палате окно растворяется).

На утро я снял в двух шагах, полминуты ходу, чудесную комнату — с коровой, диваном, чехлами, граммофонной трубой и кактусами. Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильно-синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслаждение. Очень настоящие места. До центра — 10 минут автобусиком. Каланчи, одичавшие монастыри, толстые женщины с усами.

У меня было письмо от Горячева к директору музтехникума Реентовичу. Сегодня после завтрака поехал в город. Два старика (скрипка и рояль) сыграли мне ужасную сонату местного композитора, назначенную к исполнению в Воронеже. Они плакали. Жаловались.

Реентович — заслуженный артист. Явился и Сметанин — живой композитор области. Знает меня. Сговорились на вечер. Сейчас еду к ним. Письмо пишу из своей комнаты, куда еще не переехал.

Надик, скучаю по тебе безумно. Сделай какую-нибудь глупость и приезжай ко мне. Надик, я так тебя люблю, что нельзя сказать! У меня нет твоей карточки. Где ты, родная? Скорей ко мне! Ау, детка?

Надик, люблю тебя. Отвечай. Няня твоя.

Скажи, можно ли тебе звонить утром в 8.30.

Адрес: Тамбов, Набережная 9. Нервный Санаторий, тел. 1.55.

№ 61. К Н. Я. Мандельштам

[Конец 1935]

Родная Наденька!

Вчера я чуть было не решил возвращаться в Воронеж. Кормят хуже, чем в маленькой дешевой столовой. Скучно. — И все-таки за четыре дня я прибавил кило и хорошо отдохнул. Надо терпеть. Главное это остановка невероятного движения, в котором я находился. Переход к «статике». Консультация состоялась. Директор (не врач) и два доктора. Тема: «как вам сделать лучше» и «как бы вам не сделать хуже», — приняв во внимание, что «мы очень мало можем, но все-таки и т. д.». Сделают рентген сердца и легких. Хотят вызвать консультанта из города. А насчет «справки» жмутся (Понаблюдаем . . . дней через десять . . . сразу неудобно . . .). Старая история! Думаю, что надо уехать отсюда к 5-му январю, когда начинается официальный срок моей путевки, сговорившись о получении обратно денег с вычетом прожитого. Если у тебя к 5-му что-нибудь выяснится, хорошо бы бросить это неуклюжее место.

Получил второе письмецо. Спасибо! Пиши каждый день. Если будут новости — телеграфируй. Имей в виду — тамбовский санаторий — лишь полумера. Лучше Воронежа (без тебя) — и только.

Температура у меня по-прежнему немного подпрыгивает. Мерил вчера вечером: 37,2. Возбудимость сердца велика. Пульс иногда ускоряется. При этом я вполне бодр, хочется гулять. Но встречи с людьми волнуют. Разговоры утомляют. Чтение — тоже. Надо ставить вопрос серьезно, — вплоть до особого заявления в НКВД о необходимости лечения в полноценной обстановке. Воронеж больше не может возиться со мной. Они сделали все — от силы . . .

Я думаю после свидания с Щербаковым не затягивай пребывания в Москве. Положение слишком простое. Да и нет обнажены. Если будет «нет», продержимся в домашней обстановке. Я вернусь в театр (очень дружеский, берегущий, неутомляющий) и на мое родное радио (чуть-чуть)! а ты возьмешь работку. Главное — быть нам вместе. Твое возвращение для меня огромное, ничем неизмеримое счастье.

А пока, моя деточка, до свидания.

Я отпросился с мертвого часа в красный уголок. Написал письмецо и снесу его на почту.

До свиданья, дружок. Целую. Шуру и Шурика и В. Я. Няня.

P.S. Не взирая на все нытье — я здесь лучше, чем в Воронеже!

№ 62. К Н. Я. Мандельштам

№ 3 [Конец 1935]

Родная Наденька!

Получил твое письмо № 3. Скажи, тебе не холодно в шубке? У вас тоже морозы? Выходи в маминую: обе

одинаково уродливы, т. е. мамина шуба и твоя (маме не показывай) . . .

Если Щербаков тебя не примет, может это быть? А? Дни идут хорошо. Привыкаю. Сегодня был голубой мороз. Я достал Пушкина. Это у меня редкость. За него, знаешь, почти никогда не хватаюсь.

Рентген вчера состоялся. Сердце — возрастная норма. Никаких, говорят, аномалий. В легких уплотнение желез. Спрашивали, не перенес ли недавно гриппа или воспаления.

Внимательны очень. Самое серьезное наблюдение. Слушают, стучают каждый день. Диету дали особую. Ванны ежедневно. Электричество тоже. Скучно мне, дружок, без тебя, слов не найду. Ты обо мне брось тревожиться. Я капризник. А ты-то как живешь? Ты себя, радость моя, береги. И пиши мне каждый день. И позвони разок. До свиданья. Твой . . .

Можно мне написать Лупполу 20 строк о «Мопассане и французской метафоре и дураке-редакторе»? Теоретически? А?

Вишневному привет.

№ 63. К. Н. Я. Мандельштам

№ 4 [Конец 1935]

Родная моя! Сегодня от тебя письма не было. 40 рублей телеграфом получил. Всего у меня пятьдесят (50) . . . (Между прочим: договорился с директором — он «покупает» у меня путевку /месячную/, удерживает за прожитые дни и выплачивает разницу. Эта воображаемая сделка сразу меня освободила). Ох, и нудно же здесь! Спать не дают. Деликатные молодые люди на цыпочках в русских сапогах с трех часов ночи ходят через палату.

А вчера слегка отморозил уши и синим светом кварцевой лампы был исцелен. Вот и все новости. В нанятую комнату не решаюсь переехать: холод там. Дал десятку задатка и отбираю молоком. Хожу туда, когда невтерпеж. Все-таки что-то свое.

Надик, не кажется ли тебе, что я должен обратиться к Щербакову или Горькому с письмом или телеграммой, то есть с просьбой ответить на мое далеко не шуточное обращение. Это не исключит твоего прихода, мой друг. Но дело, как бы его не обернули, слишком известно, чтобы разговаривать по-домашнему.

Если это мое предположение не запоздало, немедленно телеграфируй, как ты на него смотришь. Я имею в виду только вопрос.

Хочется тебе сказать еще раз, какое для меня счастье быть вместе. Неужели после пятого мы встретимся? Похоже, что да. Надик, бесконечно мой родной, слышишь меня?

№ 64. К Н. Я. Мандельштам

1 января 1936.

Деточка моя родная! С Новым годом, ангел мой! За наше несчастное счастье: за что-то новое, что будет, за вечное старое, что моложе нас! Да здравствует моя Наденька, жена моя, мой вечный друг! С Новым Годом, дитя!

А я, дурной, два дня тебе не писал: третьего дня на радостях от телефона, а вчера от бестолочи.

У нас вчера ночью гремел военный оркестр и были разные игры: Чехов в больничном халате, удочки с кольцами. Здесь так плохо, что очень многие уезжают до срока: неизбалованные работники районов. Все за счет организации. Чай без сахара. Шум. Врачи — вро-

де почтовых чиновников. Главный мне вчера сказал: вам нужно заведение закрытого типа, где лечат средние формы легких психопатий (там-де комнаты на одного и двух). Честное слово, он так сказал! — послушав меня две минуты.

За десять первых дней я прибавил 600 грамм веса (для младенца недурно). За месяц здесь многие теряют в весе. Похоже на школу-пансион из Диккенса. Другой врач говорит: «Вес для невротиков неважен». Да еще: гл. врач меня спросил: в каких клиниках я был до Тамбова. Завтра я должен оформить с директором продажу путевки. Выезжаю пятого или даже раньше. С блаженством! Эти дни вроде дурного сна! Какой-то штрафной батальон... Денег мне в В[оронеже] до 20-го хватит. 15-го жалованье в Театре. 15-го же вернусь на работу.

Физически я здоров (думаю, что не только физически). Надо лишь окрепнуть. Я лишь *могу* заболеть, если *придавленность* не будет устранена!

Стоичев мне сказал, что письмо переслано 20-го дек[абря]. Подобедов утверждал, что с какой-то перепиской об отношении Обл[астного] Отд[ела] Союза к моей деятельности («уж плохого мы не напишем»). Где письмо? Кем получено [?] Выясни точнейшим образом. Если оно затеряно — передай копию: 1) Марченко, 2) в Секцию Поэтов и 3) в ЦК партии. Вообще это *хорошо* сделать. О стихах: что такое «принципиально»? Надо конкретно об этих стихах. Почему давала без отбора? я *против* наушников. Марченко прав.

Вспомни и скажи ему: я требую ответа на стихи *действенные*. Они — целое. Качество же иным снится, иными — делается. [В] Тамбов — пиши и *телеграфируй*. Обо всем кратко. Поговорим из Воронежа.

Друг, до свиданья! Твой няня.

Я тут брожу, с одним пареньком. Он тракторист. Способный, открытый, но думает, что во Франции Советы и что Францию переименовали в Париж. Я его крою, а он ко мне привязался, большевиком меня зовет.

№ 65. К Н. Я. Мандельштам

2 января [1936]

Родная Наденька!

Все письма твои получил. Посылаю спешным два заявления и справку. Врачи меня отказываются здесь держать. Говорят: вас по ошибке формально к нам загнали. Со мной ничего худого нет, но мне не лучше. Буду объективен: то же самое, а обстановка здесь просто вредна (мнение врачей). Если будет билет, уезжаю завтра (3-го). Деньги возвращают. Попутчики есть до Воронежа. Я очень доволен. Радуюсь Воронежу, как родному. Так или иначе — ты скоро приедешь. Это все. Будь весела. Спешу с почтой. Пишу завтра. Твой...

№ 66. К Н. Я. Мандельштам

3 января [1936]

Родная Надюша!

Спасибо за звоночек. Да ведь проще простого успокоить меня. Что со мной? Что болит? Ничего не болит. Кишечник здоров, как никогда. Катар горла прошел. Как настроение? Неровное. Санаторий вызвал депрессию. Ожидание обострено. Обстановка не переваривается. Ассоциации протекают болезненно (как и обычно без тебя). Физическое самочувствие? От ходьбы сердцебиение (не сразу; иногда приступ ускорения пульса, с которым справляюсь, сознательно борюсь и побеждаю).

Вчера съездил на вокзал с письмом — освежился, купил Красную Новь с дрянными стихами доброго Зенкевича и Талмудом Зоценки. Температуру мерил два раза наугад: 37,2, как вылитые. Очевидно — это норма. Сон — хороший, когда не мешают. Ночью самовольно перебрался в пустую комнату на пятерых. Закрепил ее за собой. Гораздо лучше. Днем подремываю. Могу уехать в *любой день и после пятого* с возвратом денег. (Заверение главврача, сегодня).

Я все-таки думаю выехать пятого. В Воронеже как-то ближе к тебе. И перемена будет полезна. Дальше . . . Вес — 66 кило и ни с места. Слабостью я называю «комнатную легкость в теле» — и только. Внешний вид — довольно дрянной. Вот, Надик мой, вся, вся правда.

Надик, надо все время помнить, что письмо мое в воронежский союз бесконечно обязывает, что это не литература. После этого письма, разрыва с партией большевиков у меня быть не может — при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор. Для автора такого письма всякое ее решение обязательно. Мне кажется, ты еще не сделала достаточных выводов из данного моего шага и не научилась продолжать его в будущее.

Сейчас, что бы ни было, я уже свободен. Воронежа мне очень жалко, но я боюсь, что мое дальнейшее там пребывание окажется вредным *не только* для меня. Пятого утром я тебе позвоню. Еще о старом Крыме: чтоб не было уходом, бегством, «цинцинатством». Я не Плиний Младший и не Волошин. Объясни это кому нужно. Еще вопрос, на первый взгляд, мелкий: свобода передвижений *по тому району в целом*. Без нее —

будет ужасно. Выясни обязательно.

Ну вот, Надик, целую тебя несчетно и радуюсь и горжусь своей женой; Надик мой, до-свиданья!

Твой няня.

№ 67. К Н. Я. Мандельштам

[Начало янв. 1936]

Надик милый, мой новорожденный дружок! Горячо целую. Невероятно, как хочу тебя видеть.

Скоро, скоро мы будем вместе. Я никогда так по тебе не скучал и так к тебе не рвался. Слышишь, Надик?

До свиданья. Твой . . .

Я еще много, много буду тебя нянчить, как прежде, по-настоящему, беречь, радовать . . . Надик, маленький, приходи ко мне . . .

№ 68. К Е. Э. Мандельштаму

8 янв. [19]36

Евгений Эмильевич!

Ты мою жизнь давно оценил и для тебя она предмет далеко не первой необходимости.

Но у тебя есть дети. Когда-нибудь они поймут, что ты делаешь. Им придется краснеть за отца.

Узнай следующее: в конечном счете мне предложено жить на средства родных (?) или обратиться в любую больницу, откуда меня вышвырнут в дом инвалидов (к бродягам и паралитикам).

Чтобы остаться на свободе я последнее время просил милостыню. Ты понимаешь, что ты делаешь?

Ося.

Денег я у тебя не прошу, но запрещаю тебе где бы то ни было называть себя моим братом.

Слушай, Женя: дело не в том, пришлешь ты эти деньги или нет. Такой вид помощи, такое безбрежное равнодушие становится чудовищным. Ты скажи: тебе просто плевать на меня? Так что ли?

Далеко он, не видно брата... «Наглядности» нет. Поставишь свечечку за 60 р[уб.] на три месяца и еще умиляешься своему благородству.

На меня — нет у тебя. Значит, я для тебя лишний. Давай скажем просто: моя жизнь для тебя не стоит того, чтобы систематически урезать свой бюджет, бюджет всей своей семьи на 10%, а то и меньше. Против фактов не пойдешь. Разные бывают братья. Но очень редко, очень редко любовь к своей семье (понимая под ней *только* жену и детей и себя самого) выражается в форме такой малодушной и *постыдной* судороги, такого зажмуриванья глаз. Пока я скажу тебе: ты ведешь себя как скверный мальчишка, надеющийся избежать ответственности. Вряд ли я заставлю тебя спасти меня от голода и болезней. * (Ты ведь сам болен и тяжело работаешь: жалею тебя), но знай, что ты перешел границу *простой* небрежности.

Я рад, что ты не испытал и не испытываешь и со-той доли того что суждено мне. (А как бы я тебе помогал! Здорово! Сам знаешь. Я бы *бредил* такой помо-

---

* По мнению врачей я могу еще немного «протянуть» при условии «полного покоя». Мы дошли до черной нищеты.

щью). Но ты человек трезвый и найдешь себе оправдание. Тяжко иметь брата-врача. Прощай доктор.

Ося.

Не посоветуешь ли ты мне разумное *нищенство*? Этот месяц мы живем на 100 р. на двоих.

№ 70. К Е. Э. Мандельштаму   Воронеж, 4 февраля
[19]37 г.

Здравствуй брат. Впрочем — кажется уже не брат. Это — уже *не* брат. Это — что-то другое.

Ося.

№ 71. К В. Я. Хазиной   [Начало 1937]

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить [в Москву] по неотложным делам. Ехать ей придется на этот раз надолго. Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное нервно-физическое заболевание. Оно сводится к следующему: за последние годы у меня развилось астматическое состояние. *Дыхание всегда затруднено*. Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать — я начинаю буквально задыхаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью. Один не могу сделать шага. Приехать нельзя. В прошлый отъезд (7 дней) со дня на день делалось хуже. Остаться со мной некому. Успокаивают меня только *свои* люди. А у нас и чужих знакомых по-

чти нет. В прошлый раз я перенес это как острую болезнь. Дошел накануне Надиного приезда до того, что хотел явиться в любую больницу. Цеплялся за людей. Сидел часами в чужих местах (в учреждении, среди рабочего дня) — лишь бы быть около кого-нибудь. Я тогда заклился, что больше этого не перенесу. Потом остается глубокий след.

Это заболевание имеет много глубоких причин. Что делать? Вся надежда на ваш приезд. В остальном я совершенно нормальный человек. Поверьте, что я не буду вам в тягость и вы даже не догадаетесь, не поверите мне, какую услугу вы оказываете мне и Наде.

Побыть со мной придется *минимум* две недели. Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Все близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с вами поедем.

А без вас — болезнь и невыносимое по остроте и физическое и психическое состояние.

Я прошу вас не замалчивать моего письма. Прошу ответить на него немедленно телеграммой. Письмо покажите Евг[ению] Як[овлевичу] и Шуре. Они вам помогут выехать. Крепко верю в ваше желание нам помочь.

Ваш Ося.

№ 72. К К. И. Чуковскому

[Начало 1937?]

Дорогой Корней Иванович!

Я обращаюсь к Вам с весьма серьезной для меня просьбой: не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег.

Я больше ничего не могу сделать, кроме как обратиться за помощью к людям, которые не хотят, чтобы я физически погиб.

Вы знаете, что я совсем болен, что жена напрасно искала работы. *Не только не могу лечиться, но жить не могу: не на что. Я прошу Вас, хотя мы с Вами совсем не близки.* Что же делать? Брат Ев[гений] Эм[ильевич] не дает ни гроша. Здесь на месте нельзя предпринять *абсолютно ничего.* Это — только место чтоб жить и *ничего* больше. Вы понимаете, что со мной делается?

Только одно еще: если не можете помочь — телеграфируйте отказ. Ждать и надеяться слишком мучительно.

О. Мандельштам.

Воронеж областной,
ул. 27 февр., д. 50, кв. 1.

№ 73. К К. И. Чуковскому

[Начало 1937]

Дорогой Корней Иванович!

То, что со мной делается — дальше продолжаться не может. Ни у меня, ни у моей жены нет больше сил длить этот ужас. Больше того, созрело твердое решение все это любыми средствами прекратить. Это не является «временным проживанием в Воронеже», «ад-м[инистративной] высылкой» и т. д. Это вот что: человек, прошедший через тягчайший психоз (точнее, изнурительное и мрачное сумасшествие), — сразу же после этой болезни, после покушений на самоубийство, физически искалеченный — стал на работу. Я сказал — правы меня осудившие. Нашел во всем исторический смысл. Хорошо. Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я все-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю

нашу жизнь. Через полтора года я стал инвалидом. К тому времени у меня безо всякой новой вины отняли все: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса... Я тень. Меня нет. У меня есть только право умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. В Союз писателей — обращаться бесполезно. Они умоют руки. Есть один только человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. Ему пишут только тогда, когда считают своим долгом это сделать. Я за себя не поручитель, себе не оценщик. Не о моем письме речь. Если Вы хотите спасти меня от неотвратимой гибели — спасти двух человек — помогите, уговорите других написать. Смешно думать, что это может «ударить» по тем, кто это делает. Другого выхода нет. Это единственный исторический выход. Но поймите: мы отказываемся растягивать свою агонию. Каждый раз, отпуская жену, я нервно заблеваю. И страшно глядеть на нее — смотреть как она больна. Подумайте: ЗАЧЕМ она едет? На чем держится жизнь? Нового приговора к ссылке я не выполняю. Не могу.

О. Мандельштам.

Болезнь. Я не могу минуты остаться «один». Сейчас ко мне приехала мать жены — старушка. Если меня бросят одного — поместят в сумасшедший дом.

№ 74. К Ю. Н. Тынянову

21 января 1937. Воронеж.

Дорогой Юрий Николаевич!

Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное:

Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века,

как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе.

Не отвечать мне легко. Обосновать воздержание от письма или записки невозможно. Вы поступите, как захотите.

Ваш О. М.

№ 75. К Н. Я. Мандельштам.

19 апреля [1937]

Надюшенька!

Утром получил твое вокзальное письмо. Почтальон невероятно громко постучал в окно. Потом кошка прогнала Тому. Утром мама говорила о врожденности характера детей. Вчера история семьи Корнгольдов. Вчера мы оба, понадеявшись друг на друга, вышли в лавку без денег: дошли и вернулись. Бабушка погасила свет выключателем. Я нечаянно исправил.

Вчера мы с мамой пошли в дом Красой Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2р. 50 к. Концерт оказался бесплатным по особым пропускам. Я взял два — себе и маме. Но пришла Наташа — и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив свой Наташе) очень неохотно: так ей понравился дом Красной Армии. Себастьян плясал, как сириец, нубиец и фракиец плюс еврей. А играли очень хорошо.

Сейчас я заказал с утра срочный телефон Жени на 12 ч. ночи с предупреждением. И то не наверное. Надик, ты живи у нас дома, а то устанешь по гостям. Я буду стараться звонить по утрам, от 8 ч. 30 м. — до 9 ч. Если что невозможно, — телеграфируй. Дедушке скажи, что я хочу его видеть. Пусть он мне напишет. Болезнь «быть без Тебя» протекает довольно мирно (бла-

годаря маме), но все-таки болезнь. Считаю дни и минуты до возвращения Твоего. Если обстоятельства на это укажут, зайди в Знамя. А то и нет? Буду писать каждое утро. А ты телеграфируй, если звонить не удастся. Зайди к врачу обязательно. Целую тебя, моя родная. Ося, няня, твой...

№ 76. К Н. Я. Мандельштам

23 апреля [1937]

Родная Наденька: это второе письмо. Я конечно дурак — не так ли? — но я не понимаю, чего ты ждешь в Москве. Ну и пусть не понимаю. А если ты сидишь в Москве — значит нужно. Этот раз твой отъезд переносу трудно, но спокойнее. Мама твоя очень помогает — всем своим существом, вплоть до раздражающих моментов. Все это отрезвляет и прикрепляет к жизни. Мы не ссоримся. Я очень молчалив и ничего не могу поделывать, хотя знаю, что ей это неприятно. Много времени на воздухе. Хожу один возле дома. Стихи мои наверно гораздо хуже прежних. Ты не скрывай. Беда не велика. Перескочим через них. Будем жить — так и стихи будут. Здоровье мое хорошо, если бы не одышка. Но это настолько серьезно, что я могу только с тобой и при тебе. Вторая поездка меня очень смущает. А при тебе и одышка гораздо легче. Впрочем от воздуха облегчение несомненное. Читать почти не могу. Всякая книга неприятна. И читать могу только при тебе. Вопрос ясен: можем ли мы быть вместе? Остальное по-моему неважно. Никто не заходит. И Наташа была всего два раза.

Снова я равнодушен ко всему кроме твоего приезда. Выясни свою болезнь. Как можно тщательнее. Неделя кажется мне огромным сроком. Писем твоих нет. Го-

лос твой звучит как будто из недели выйдет две и т. д.

Не считай моего письма упадочным. Просто ты уехала и я притих. Все что мы с тобой говорили — правильно. Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так как нужно. Не рассчитывай на телефон. Москвы почти не дают. Каждый звонок — случайность. В случае заминки телеграфируй несколько слов. Шуре скажи: «То что он не ответил на мое письмо — непоправимо — может больше не тревожиться». Обязательно точно передай.

Ну, до свиданья, мой родной друг. Жду тебя. Люблю тебя. Твой Ося — Няня.

№ 77. К Н. Я. Мандельштам

26 апреля [1937]

Надик, здравствуй!

Мои новости: утром купаться ходил. От петуха раму вставили. Мама уступила мне заварку чая и обещала не трогать электрическую машину, которая в великолепной опасности: трещит и пахнет разноцветным жареным. Подметку мне армянин гвоздиком прибил. Держится. Не верь, когда хвалят гладкие стишки. Хвалитель у нас мелкий. Сады у нас зеленеют. Очень хорош... через задворки соседний. Я там много брожу... Вообще стал сильный холодок. Небольшие маршруты гуляю один. Внешность после-курортная. С деньгами — осталось 40 р. Долгов нет. Пеллагее Герасимовне дал вперед 30 р. Девочка Рая пришла с жалобной запиской — ей 5 руб. Из 4-х телефонов — три срочные. Утром всегда срочные. Вот почему мало денег. Да еще прачке — 5 р. Да сапожнику — 4 р. Да, признаюсь, у Эмминой мамы взял вначале 15 р. — так и не отдал. Вот это плохо.

Надик, ты, кроме дел, в Москве живи. Смотри картины. Все, что я хочу видеть, — ты смотри. Даже в театр для курьеза пойди. Не скучай. Так или иначе, чтоб приехала освещенная. Ты что написала: «здесь» и зачеркнула? Кто, что здесь, то есть в Москве?

Вчера снова водил маму в концерт. Она сидела в ложе бенуара и была горда. Удивлялась, что так легко дали контрамарку. Последние дни она совсем спокойна и уютна.

Извел бутылку одеколона (с мамой вместе). Ячмень в сухом виде остался. Глаза здоровые. Если без очков. Теперь нет пыли. А то висели над степью космические тучи. Мама сегодня чинила брюки. Интересно и безобразно. Прошу тебя ничем не обольщаться. За подарки спасибо. Целую мою родненькую и жду ее. Ося.

Шурика целую. Ему подарок, чтоб от меня. Спроси его наедине. Он скажет, что.

Мама кричит: «Вы мне надоели!» и рвется одна опускать письмо. Я стремлюсь за ней.

№ 78. К Н. Я. Мандельштам

28 апр[еля] [1937]

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи и целую тебя сонную уставшую или вымытую свеженькую деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наизусть знаю и ты всегда новая и всегда слышу тебя радость. Ау! Наденька!

А у нас тишь да гладь. И только я тихо киплю. Мне весело. Я жду тебя. Я ничего не хочу кроме тебя.

Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегает. И вербочки зеленые.

Подметка чуть отстаёт уже на гвоздиках. Но дня три прохожу. Долгов у нас нет. Мы не растратчики. Только телефон много съел. Продержимся до 2-го мая. Вчера я гулял с Наташей в парке. Очень далеко забрался, дальше того павильона. Оттого подметка отвалилась.

Я видел на улице «дядю Леню», который воскрес и задыхаясь бегает. Я ему давал медиц[инские] советы, как товарищ по болезни.

На самом же деле я сейчас на редкость здоров и готов к жизни. Мы ее начнем куда бы и где бы ни бросила судьба. Сейчас я буду сильнее стихов. Довольно им помыкать нами. Давай-ка взбунтуемся! Тогда-то стихи запляшут по нашей дудке и пусть их никто не смеет хвалить. Целую твои умные ясные глаза, твой старенький молоденький лобик. Мама временами остроумна. Ей начинает нравиться наша жизнь. Какой ужас! Надик, приезжай к нам и не отпустим маму.

Целую детку мою и жду. Няня.

Ты не обиделась, что лобик стареньким назвал?

№ 79. К Н. Я. Мандельштам

30 апреля [1937]

Родненькая моя Наденька!

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому.

Я здоров и спокоен. Ты приедешь, как только сделаешь все необходимое. Думаю, что дольше 5-го оставаться не надо. В крайнем случае приедешь без денег. Не все ли равно? Лишь бы маму отправить.

Заявление свое в Союз Сов[етских] Пис[ателей] я считаю крайне важным.

Но если Ставский найдет, что не стоит подымать вопроса по вздорному поводу — я соглашусь. Я — не склочник.

Во всяком случае — покажи ему. Важно то, что после этого в Воронеже оставаться физически невозможно. Это — объясни.

Целую тебя, мой родненький. Спешу отправить. Твой Ося.

А.

30 апр. 37 г.

Выписка из статьи О. Кретовой в газете «Коммуна» (Воронеж) от 23 апр. [19]37 г. (Отчет о Пленуме обл[астного] Отд[еления Союза Советских Писателей] и статья о задачах литературы).

...«За последние годы в организацию (воронежск[ого] обл[астного] отд. союза сов. писат[елей]) пытались проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены...» *

* «Совершенно иным было отношение Союза к людям, совершившим ошибки в прошлом, но старающимся честной работой их исправить (воронежские писатели Песков к Завадовский)».

О. Э. Мандельштам.

Б.

Тов. Ставскому.

30 апр. 37 г.

Прошу Вас обратить внимание руководства Союза Сов. Писат[елей] на безответственное обращение с моим именем Воронежского Обл. отд. Союза.

Союз напрасно приписывает себе мое разоблачение. Этого разоблачения *никогда* не бывало.

Союз отказался от сотрудничества со мной полтора года тому назад, мотивируя это «отсутствием директив».

Одновременно он выдал мне *общественную рекомендацию* (пост[ановление] правл[ения]: протокол) для получения мной работы. Выпады (второй печатный) — происходят задним числом.

Вор. Обл. Отд. Союза инкриминирует мне фактически то, что я искал в Союзе и через Союз советского и партийного мнения и руководства.

Включение же трех имен в одни скобки — с тем, чтобы читатель *произвольно* в них разобрался — абсолютно недопустимо.

О. Мандельштам.

№ 80. К Н. Я. Мандельштам

[Конец апреля 1937]

Родная моя доченька Надик!

Сейчас пришли твои сто рублей. А у нас еще было, и все на 1-е Мая было уже куплено. Новость: курица клюнула маму в щеку и поцарапала. Чуть-чуть. Сегодня я сам стоял в бакалейной очереди, а маму усадил на улице на скамейке. Утром отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой в «Коммуне» от 23 апреля и заявление мое Ставскому по поводу воронежцев. На всякий случай посылаю в адрес Евгения Яковлевича вторую выписку и сокращенное заявление в Союз Советских Писателей.

Не знаю, как быть с обувью. Спрошу тебя. Будущее меня не смущает.

Приезжай не позже шестого. Можно без денег. Совершенно *все равно*.

Бесконечно жду Тебя.

Твой Ося.

№ 81. К Н. Я. Мандельштам

2 мая [1937]

Родная Наденька!

Прости, что пишу на обороте твоих списков. Сохрани листки и привези. Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру и постулировать характер будущего мужа. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж, это вполне реально.

Как видишь, я занимаюсь вздором и далек от мрачных мыслей. Впрочем день на день не похож. Сегодня утром начали искать с мамой туфли на улице Сити (sity street — так?). Я купил страшные синие — 25 р. К ним хотел купить зеленые носки (при коричневых брюках), но мама не позволила. При этом старик приказчик поговорил со мной о музыке (концертный знакомый).

Неужели нашлись любители на «Солдата»? Я хочу поблагодарить лично этих добряков. У нас испортился штепсель от «машины» и Адриан Федорович приделал к ней сложную висюльку, которая тоже портится. Но свет вообще отсыхает, и я пишу при лампе и свече.

Родненькая, прости, что я болтаю, когда ты накануне напряжения и т. п. Мне кажется, что мы должны перестать *ждать*. Эта способность у нас иссякла. Все что угодно, кроме ожидания. Нам с тобой ничего не страшно. (Свет зажегся). Мы вместе бесконечно, и это

до такой степени растет и так грозно растет, что не боится *ничего*.

Целую тебя, мой вечный и ясный друг. Увижу тебя скоро, увижу и обниму.

Твой муж.

№ 82. К Н. Я. Мандельштам

4 мая [1937]

Надик, родной!

Приезжай поскорей. Дышать без тебя трудно. Весна не в радость. Приезжай скорей. Сегодня пришли два твоих письма от 29 и 30. У тебя сразу трое гостей. Почти как дома. Казалось, что я тоже? Да? И что я ругаю Эмму? Ты меня, дружок, не ругай: я все понимаю — только очень глупый. Детка моя, ты минуты лишней не останешься. В крайнем случае, еще поедешь (?) *Нет, не поедешь!* Неопределенно ты сидеть не будешь. Если переговоры примут бесформенный характер. Мне кажется: то что можно и хотят — сделают *сразу*.

Вчера ночью я сбежал от мамы как испанка от старой дуэньи. В 12 ч[асов] в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайком выкрался и пошли в «Бристоль». Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку бордо. Я купил маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая. Она *не заметила*, что я уходил.

Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?) что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии. Да!

Сейчас был в книжном магазине — большом. Там изумительные «Металлы Сассанидов» Эрмитажа — 50 р. Добрая продавщица мне отложила. Как видишь, я сумасшедший дурак. А эти блюдечки персов мы все-таки купим. Такие уж мы уроды. Деточка, приезжай скорее — няня без тебя задохнется. Он больше не может мотаться и ждать. Ау! Надик! Ау! Скорей!

Няня.

№ 83. К Н. Я. Мандельштам 4 мая (второе письмо) [1937]

Надик — солнышко! Только что пришел домой и сочинил безделицу. Ее прилагаю. Горько и пусто мне сочинять без тебя. Мама равнодушна к «квакушам», «Наташу» хвалит, «Черемуху» промолчала.

Дней десять назад я поссорился с хозяйкой (я кричал о петухе в пространство: — она приняла на свой счет... Очень деликатно, но все же говорила кислые слова) из-за петуха. Все это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брали. Терпенье сверх меры.

По поводу же нападения курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает, какой вздор пишу! Гоголь такого не выдумает!..

Солнышко мое, если неудача тебя постигнет, умоляю тебя, приезжай веселая. Помни, что нам отчаиваться стыдно. Кто его знает, что еще будет... Что-нибудь... Переживем. Вот как, дитя мое. И еще умоляю: если удержишься, не отказывай себе, не балуй нас.

Целую тебя, мою родную...

Надик, дитя мое родненькое!

Вчера пришло твое письмо от 4-го, сегодня от 2-го. Детка, да тебе там делать нечего. У тебя Москва пустая! Куда ты тычешься? Как время тянешь? А я совсем скис. И стихи побросал. И места себе не нахожу. Телефон взяли сегодня вечером под радио, а то бы услышал голос твой. Не хочу новостей. Хочу Надин голос. Последние дни я почти свободно выхожу один, изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае № 3 чуть-чуть испугался. На сватовские стихи Наташа говорит, что они «что-то знакомое — вроде Лермонтова», то есть вторичная литература. Маленький парк ценит. А «Железо» это и есть железо. Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит. Мы с мамой абсолютно одни. Мы да кошка с сыном. Мама разучилась со мной ссориться. Царапина от куриной лапы почти исчезла. Мама постирала мне синюю рубашку и твое бельишко. На персов я тоже облизываюсь. Ничему хорошему не верю. Так лучше. А твоя звездочка — у-у — очень как хороша. Все больше. Надик, привези мою прозу. Если будем жить — выучи меня английскому. 75 р. пришли сегодня. Прошлый раз телеграфист пил у нас чай. Надик, от письма легче: начинаю болтать и улыбаться. Я жду тебя, моя жена, моя дочка, мой друг, скорей, скорей. Твоя няня.

№ 85. К брату Александру Эмильевичу Мандельштаму
(и жене) [Двадцатые числа октября 1938]

Дорогой Шура! Я нахожусь — Владивосток, УСВИТЛ, 11 барак.

Получил 5 лет за к. р. д. по решению Осо. Из Москвы из Бутырок этап 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое, истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. очень мерзну без вещей.

Родная Наденька, жива ли ты, голубка моя? Ты, Шура, напиши мне о Наде сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои. Целую вас. Ося.

Шурочке, пишу еще. Последние дни ходили на работу. Это подняло настроение. Из лагеря нашего, как из транзитного, отправляют в постоянные. Я очевидно попал в «отсев» и надо готовиться к зимовке. И я прошу, пошлите мне радиogramму и деньги телеграфом.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

**КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЦК РКП(б)**

ПИСЬМО ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ЦК РКП(б)

Мы, писатели, узнав, что Отдел печати ЦК РКП организует Сопещание по вопросам литературной политики, считаем нужным довести до сведения Сопещания нижеследующее:

Мы считаем, что пути современной русской литературы, — а стало быть, и наши — связаны с путями Советской послеоктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, — в которой мы живем и работаем, — а с другой стороны, созданием индивидуального писательского лица, по-своему воспринимающего мир и по-своему его отражающего. Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе — две основные ценности писателя: в таком понимании писательства с нами идет рука об руку целый ряд коммунистов — писателей и критиков. Мы приветствуем новых писателей, рабочих и крестьян, входящих сейчас в литературу. Мы ни в коей мере не противопоставляем себя им и не считаем их враждебными или чуждыми нам. Их труд и наш труд — единый труд современной русской литературы, идущей одним путем и к одной цели.

Новые пути новой, советской литературы — трудные пути, на которых неизбежны ошибки. И наши

ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких журналов, как «На Посту», и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы. Писатели Советской России, мы убеждены, что наш писательский труд и нужен, и полезен для нее.

П. Сакулин, Н. Никандров, Валентин Катаев, Александр Яковлев, Михаил Козырев, Бор. Пильняк, Сергей Клычков, Андрей Соболев, Сергей Есенин, Мих. Герасимов, В. Кириллов, Абрам Эфрос, Юрий Соболев, Вл. Лидин, О. МАНДЕЛЬШТАМ, В. Львов-Рогачевский, С. Поляков, И. Бабель, Ал. Толстой, Ефим Зозуля, Михаил Пришвин, Максимилиан Волошин, С. Федорченко, Петр Орешин, Вера Инбер, Н. Тихонов, М. Зощенко, Е. Полонская, М. Слонимский, В. Каверин, Вс. Иванов, Н. Никитин, Вяч. Шишков, А. Чапыгин, М. Шагинян, О. Форш.

[Май 1924]

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

**ПИСЬМА В. Я. ХАЗИНОЙ
К ДОЧЕРИ — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ**

[1935—1936?]

Дорогая Наденька!

Сегодня получили твое письмо. И то хорошо к[а]к ты пишешь, [что вы] будете ближе к нам. Не помню сколько часов езды — но даже, если В[оронеж] то можно часто ездить. Хорошо что есть самовар. Вам пригодится. Деньги уходят не столько на еду, сколько на табак — 2 р.-3 р. в день на двух нас. Спечь пирожки и что другое и в тот же день повезти. Нав[ерное] 200 р. в м-ц — это уже бюджет. Из-за таких расходов — нельзя удержать бюджет — телеф[онные] переговоры. Теперь [он] уже говорит в долг — и нельзя иначе — Ося волновался до слез. Сегодня (6-го) остались без денег, но я имею всегда небольшой запас — крупы, муки, подсолнечного масла — все, что не любит О[ся]. Он пошел к Эм[м]иной мамаше, она зарезала курицу в кредит, сварила велик[олепный] бульон — нам на два дня и велик[олепная] курица; всем интересуется великолепная Эм[м]очка и бегаёт туда и обратно, я ей вывязала мешочек и воротничок, но надо детскую книжечку, ей 7-й год, ей родители читают, но еще не учат ее читать. Ей конфискуй у Жени пару книжечек. А Витьке достань книгу подешевле — он не стоит того. Но девочке надо привезти. М[ожет] б[ыть] Осипа Трамвай или Примус, или попроси Женю. Он кажется имеет бесплатное приложение [Жук?] Я т[а]к беспокоилась, что ты там ходишь в своем пальто розовом, но хозяйка сказала, что оно у нее в шкафу, чему я очень обрадовалась. — Здесь адский холод. Я думаю не больше 5-6°. Бабушка предсказывает гибель фруктов, они в самом цвету.

Осип сегодня в хорошем настроении, я тоже. Он меня еще ни разу не ругнул. И я тоже. Целую Женю, исполнил ли он то, о чем я писала ему?

Целую тебя крепко и желаю, чтобы пошла полоса хороших дней. Все мы перенесли за эти годы и болезни, и невзгоды — может быть нас ждет цепь лучших дней?

II

19/IV [1937]

Дорогая Наденька!

Особенных событий за день не было. Мы гуляем делаем покупки — у нас вооруженный нейтралитет. В хозяйственных взглядах мы не сходимся. А Ося уверен, что он такой же хороший хозяйственник, как поэт. Он любит все более дорогое, я тоже, но я заглядываю в кошелек и даю обет воздержания... Он не сдастся, но бывает покорен, когда увидит дно кошелька.

Холодно, как в начале зимы, а пыль такая, что хватило бы на всю Москву. Не хватает блюдец. Возьмешь в шкаф худшие, лучшие оставишь. Не могу жить без картошки: 2 р. 10 штук. Привези хоть 10 кило в черном с розовым мешке, хоть Ося прикоснется к ней только пальцем и будет охать.

Он хотел, чтобы мы пошли на концерт, но я предпочла, чтобы пошла барышня с больной ногой...

В кухне, в шкафу стоит бутылка с маслом — привезешь и закутаешь в двадцать бумажек. Вчера сварила ему половину курицы за 4 р. 75 коп. Ему очень понравилось.

Может, перешьешь себе белое пальто? Посоветуйся с Леной.

Целую тебя и Женю.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

**
*

Публикуемый очерк поэта М. И. Цветаевой (1892—1941) «История одного посвящения» обращен к поэту О. Мандельштаму. Память о дружбе с ним, высокую и верную любовь к его творчеству Цветаева пронесла через всю свою жизнь. Знакомство их было непродолжительным — несколько встреч за два с небольшим года, — но оно подарило ревнителям русской поэзии такие прекрасные образцы лирики, как посвященные Цветаевой Мандельштаму стихотворения «Никто ничего не отнял...», «Собирая любимых в путь...», «Откуда такая нежность...» и другие (1916), как «Не веря воскресенья чуду...», «В разноголосице девического хора...», «На развалнях, уложенных соломой», написанных Мандельштамом Цветаевой.

Марина Цветаева и Осип Мандельштам познакомились зимой 1915—1916 г. в Петербурге. Вскоре после этого Мандельштам впервые приехал в столицу. «В эти дни, — вспоминала впоследствии Цветаева, — я дарила Мандельштаму Москву». Второй из ее «Стихов о Москве» начинается словами:

Из рук моих нерукотворный град

Прими, мой странный, мой прекрасный брат...

В июне 1916 г. Мандельштам гостил у сестер Цветаевых, в древней Александровской слободе Владимир-

---

Редакторы полностью перепечатывают вступительную заметку А. Саакянц из советского журнала «Литературная Армения» (1967, № 3), ввиду ряда интересных сведений, сообщенных в ней, и потому не сочли возможным изменить или смягчить текст автора.

ской области. Дальше пути обоих поэтов, скрестившись ненадолго в коктейбельском доме Максимилиана Волошина и в старом московском домике, где жила Цветаева с семьей, разошлись навсегда. Гражданская война задержала Мандельштама в Крыму, Цветаева же вскоре покинула Москву, в которую вернулась из эмиграции лишь в 1939 году.

Находясь за границей, Цветаева почти ничего не знала о том, как сложилась жизнь ее «странного и прекрасного» брата по поэзии. В ее памяти он сохранился вечно молодым поэтом, у которого — вся жизнь впереди. И память ее не погрешила против истины: жизнь каждого настоящего поэта всегда впереди, ибо каждое новое поколение по-новому и заново открывает его для себя.

«Друг есть действие», — говорила Цветаева. И она умела *действенно* дружить — «через сотни разъединяющих верст», через все препоны времени и пространства, поверх запретов, мод и вкусов нынешнего, то есть давно уже вчерашнего — дня; умела оборонять отсутствующих, непонятых, незащитных — живых и ушедших из жизни. Многие ее очерки и воспоминания о поэтах — это акты защиты их от старорежимных «белокровных» толкователей-критиков, от воинствующих верхоглядов и пустозвонов, от обывателей, пошляков, завистников, окопавшихся в эмиграции.

Именно таким актом защиты и является публикуемый очерк. История этого очерка такова.

22 февраля 1930 года в парижской русской газете «Последние Новости» появился очерк «Китайские тети». Принадлежал он перу поэта-белоэмигранта Георгия Иванова (1894—1958), еще в 1921 году названного Александром Блоком «эпигонствующим» и «опустошенным». Не смущаясь ничем и менее всего заботясь о до-

стоверности своих «воспоминаний», Г. Иванов во второй половине «Китайских теней» описывал жизнь Мандельштама в Коктебеле. Наделяя поэта прозвищами то «чудака», то «ангела», то «комического персонажа», он щедро угощал читателя не только недостоверными, но и неприглядными, вульгарными подробностями, якобы характеризовавшими «быт» Мандельштама и его коктебельского окружения.

Год спустя после появления в печати «Китайских теней» Цветаева случайно обнаружила этот «опус» в своих бумагах и написала опровержение на него. Однако газета, охотно предоставившая два своих «подвала» клеветнику, отказалась опубликовать ответ Цветаевой, который так и не появился в печати при жизни автора.

Как это свойственно цветаевской прозе, «История одного посвящения» шире своей темы. Здесь Цветаева пишет и о себе самой, о своих близких, о самых первых своих шагах в поэзию. Но в центре «Истории», конечно, стоит ее «герой» — Осип Эмильевич Мандельштам.

«История одного посвящения» — это живое слово о живом человеке, притом — поэта о поэте. Ставшая аксиомой мысль, что для поэта не может быть мелочей, получила здесь блестящее подтверждение. Цветаева обладала даром показать человека в «повседневности» так, что любая деталь, как бы она ни была мелка, говорила о большом, как бы ни была незначительна — всегда выражала самую суть, сердцевину смысла, торжество живой жизни. Именно так и вылеплен образ Мандельштама. «Ничтожным» пытался нарисовать поэта Г. Иванов. У Цветаевой он — трогателен, человечен, незащищен, по-детски открыт и непосредствен.

«История одного посвящения» печатается по рукописи, хранящейся в цветаевском архиве в Москве. В

подготовке публикации принимала участие А. С. Цветаева-Эфрон. Помимо этого очерка и нескольких стихотворений, Цветаева посвятила Мандельштаму еще один очерк, написанный в 30-е годы и оставшийся без заглавия.

А. Саакянц

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

*Дорогому другу Е. А. И. — *
запоздалый свадебный подарок.*

М. Ц.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ

Уезжала моя приятельница в дальний путь, замуж за море. Целые дни и вечера рвали с ней и жгли, днем рвали, вечером жгли, товарные составы, склады, трюмы писем и рукописей. Беловики писем. Черновики рукописей. — Это беречь? — Нет, жечь. — Это жечь? — Нет, беречь. «Жечь», естественно, принадлежало ей; «беречь» мне, — ведь уезжала она. Когда самой не жглось, давала мне. Тогда защитник становился исполнителем приговора.

---

* Очерк посвящен приятельнице М. И. Цветаевой, литератору и переводчице Е. А. Извольской.

Гори, гори ясно
Чтобы не погасло!
Глянь-ка на небо:
Птички летят!

Небо — черный свод камина, птички — черные лохмы истлевшей бумаги. Адовы птички. Небосвод, в аду, огнесвод.

Трещит очередной комок довоенной, что то же — навечной — и огонь не берет! — прохладной, как холст, скрипучей, как шелк, бумаги в кулаке, сначала в кулаке, потом в огне, еще выше растет, еще ниже оседает над и под каминной решеткой лохматая гора пепла.

— А какая разница: пепел и зола! Что чище? Что (сравнительная степень) последнее?

— Пепел, конечно, — золой еще удобряют.

— Так из этого, видите, черное? и видите, серое? что — пепел? и что — зола? что — что?

В горсти, черным по белому пустого бланка — «Министерство иностранных дел».

— Мы с вами сейчас министерство не иностранных, а внутренних!

— Не иностранных, а огненных! А еще, помните, в Москве: огневая сушка Прохоровых? ¹

Суши, суши сухо,
Чтобы не потухло!

Рвем. Жжем. Все круче комки, все шибче швырки, диалог усыхает. Беречь? Жечь? Знаю, что мне беречь уже пустая примолвка губ, знаю, что сожгу, жгу, не дождавшись: жечь! Что это я, ее или свое, ее или себя жгу? И — кто замуж выходит за море? Через красное

---

¹ Братья Прохоровы — известные в начале века московские торговцы сушеными фруктами.

море сожженного, сжигаемого, — сожженным быть — должного. Тихий океан — что! Canadian Pacific? ²

С места не встав: — Вы к жениху через огненное море едете!

«Когда ее подруги выходили замуж, она оплакивала их в свадебных песнях», — так я впервые услышала о той, первой, ³ от своего первого взрослого друга, переводчика Гераклита — рекшего: «В начале был огонь».

Брак—огонь—подруга—песня—было—будет—будет—будет.

Внезапно, как по команде, поворот всего тела и даже кресла: замечтавшись, вовремя не отвела колена. Руки знали свое, ноги — забыли, и вот, охлестнутая огнем, приплюсываюсь, прожгла или нет то, что дороже кожи!

Папки, ящики, корзины, портфели, плакаты, полки. Ключья, ключья, ключья. Сначала белые, потом черные. Посередке решетки кавказское, с чернью, серебро: зола.

Брала истлевшие листы
И странно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело. ⁴

Тело писателя — рукописи. Горят годы работы. Та только письма — чужое вчерашнее сердце, мы — рукописи, восемнадцатилетний труд *своих* рук — жжем!

Но — то ли германское воспитание, то ли советское — чего не могу жечь, так белой бумаги. Чтобы понять (меня — другому), нужно только этому другому себе представить, что эта бумажка — денежный знак. И дарю я белую бумагу так же скрепя сердце, как иные —

---

² Пароходная компания.

³ Сафо, древнегреческая поэтесса (VI в. до нашей эры).

⁴ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Она сидела на полу...»

деньги. Точно не тетрадку дарю, а все в ней написавшееся бы. Точно не пустую тетрадку дарю, а полную — бросаю в огонь! Точно именно от этой тетрадки зависела — никогда уже не имеющая быть — вещь.

«Вот деньги, пойдя и купи себе, а мою не трогай!» — под этот припев выросла моя дочь и вырастет сын. Впрочем, голод у меня на белую бумагу догерманский и досоветский: все мое детство, дошкольное, досеми-летнее, все мое младенчество — сплошной крик о белой бумаге. Утаенный крик. Больше взгляд, чем крик. Почему не давали? Потому что мать, музыкантша, хотела и меня такой же. Потому что считалось (шесть лет!), что пишу плохо — «и Пушкин писал вольными размерами, но у нее же никакого размера нет!» (NB! Не предвосхищение ли всей эмигрантской критики?).

Круглый стол. Семейный круг. На синем сервизном блюде воскресные пирожки от Бартельса. По одному на каждого.

— Дети! Берите же! — Хочу безз и беру эклэр. Смущенная яснозрящим взглядом матери, опускаю глаза и совсем проваливаю их, при:

Ты лети, мой конь ретивый,
Чрез моря и чрез луга,
И, потряхивая гривой,
Отнеси меня туда!

— Куда — туда? — Смеются: мать (торжествующе: не выйдет из меня поэта!), отец (добродушно), репетитор брата, студент-уралец (го-го-го), смеется на два года старший брат (вслед за репетитором) и на два года младшая сестра (вслед за матерью); не смеется только старшая сестра, семнадцатилетняя институтка Валерия — в пику мачехе (моей матери).

А я — я красная как пион, оглушенная и ослепленная ударившей и забившейся в висках кровью, сквозь

закипающие, еще не проливающиеся слезы — сначала молчу, потом ору: — Туда — далеко! Туда — туда! И очень стыдно воровать мою тетрадку и потом смеяться!

(Кстати, приведенный отрывок явно отзвук пушкинского: «Что ты ржешь, мой конь ретивый», с несомненным — моря и луга — копытным следом ершовского Конька-Горбунка. Что в нем мое? Туда).

Из-за таких стихов (мать, кроме всего, ужасалась содержанию, почти неизменно любовному) и не давали (бумаги). Не будет бумаги — не будет писать. Главное же то, что я потом делала с собой всю жизнь, — не давали потому, что очень хотелось. Как колбасы, на которую стоило нам взглянуть, чтобы заведомо не получить. Права на просьбу в нашем доме не было. Даже на просьбу глаз. Никогда не забуду, впрочем, единственного — потому и не забыла! — небывалого случая, просьбы моей четырехлетней сестры — матери, печатными буквами во весь лист рисовальной тетради (рисовать дозволялось).

— Мама! Сухих плодов пожалиста! — просьбы, безмолвно подsunутой ей под дверь запертого кабинета. Умиленная то ли орфографией, — то ли карамзинским звучанием (сухие плоды), то ли точностью перевода с французского (*fruits secs*), а скорее всего не умиленная, а потрясенная неслыханностью дерзания, — как-то сробевши — мать «плоды» дала. И дала не только просительнице (любимице, *Nesthäckchen*),⁵ но всем: нелюбимице — мне и лодырю-брату. Как сейчас помню: сухие груши. По половинке (половинки) на жаждущего (*un quart de poire pour la soif*).⁶

⁵ Здесь — птеник.

⁶ Четверть груши, чтоб утолить жажду.

Моя мать умерла в моем нынешнем возрасте.⁷ Узнаю во всем, кроме чужих просьб, — ее в себе, в каждом движении души и руки. Так же хочу, чтобы дочь была поэтом, а не художником (мать — музыкантом, а не поэтом), так же всего требую от своих и ничего от чужих, так же — если бы была книга, все строки бы совпадали.

Не могу не закончить заключительным (трагическим!) стихотворением первой моей детской тетради. Рисунок: я за письменным столом. Лицо — луна, в руке перо (гусиное) — и не перо, а целое крыло! — линия стола под самым подбородком, зато из-под стола аистовой длины и тонизны ноги в козловых (реализм!) сапогах с ушами. Под рисунком подпись: «Марина Цветаева за сочиненьями».

Конец моим милым сочиненьям
Едва ли снова их начну
Я буду помнить их с забвеньем
Я их люблю.

— Вы никогда не писали плохих стихов?

— Нет, писала: только — все мои плохие стихи написаны в дошкольном возрасте.

Плохие стихи — ведь это корь. Лучше отболеть в младенчестве.

Пустая тетрадь! Оду пустой тетради! Белый лист без ничего еще, с еще — уже — всем!

Есть у немцев слово *Sehen*, с частым эпитетом *heiliges*, вроде священного трепета — непере译имое. Так именно это священное *Sehen* я по сей день испытываю при виде пустого листа. — Несмотря на пуды исписанных?

---

⁷ Мать М. И. Цветаевой, Мария Александровна Мейн, скончалась в 1906 году, 36 лет; М. И. Цветаевой в 1931 году было 39 лет.

Да. — С каждой новой тетрадью — я заново. Будет тетрадь — будут стихи. Не смогут не быть.

Мало того, каждая еще пустая тетрадь — живой укор, больше: приказ (Я-то — есть, а ты?). Хотите больших вещей — дарите большие тетради.

Но — бумажный голод младенчества! — по сей день не решаюсь писать в красивых, кожаных и цветочных, даримых знакомыми для «черновики». (Свои-то — знают!). Сколько у меня их, одних пражских, по старинным образцам, из драгоценной, с рваным краем, бумаги. Так и лежат, в ожидании чистовиков, никогда не осуществляемых по недостатку времени, с единственной надписью на первой странице — для чистовика...

Первое чувство: недостойна! Второе: в такой тетради ничего не напишу, — страх дурного глаза, паралича роскоши; третье, уже вполне мысленное: писать в сафьяне то же самое, что пахать в атласе — не дело, игра в дело, дилетантизм, безвкусие.

(Пари держу, что большинство плохих стихов написано в сафьяновых тетрадях, купленных — имущественное положение не при чем — может быть, на последние деньги, равно как и персидский халат, в котором это священнодействие совершается, — чтобы хоть чем-нибудь восполнить сплошную прореху дара.

А Пушкин писал в бане, на некрашенном столе. — Да. — И исписанные листы швырял под стол. Но — будь у вас и баня, и некрашенный стол, под который швырять, — и это не поможет. Придет Время и сметет метлой).

Словом, либо сафьян — либо я. Тот же отскок, что — от ни разу не надетых и еще до Революции неизвестно куда девавшихся бриллиантов. Так и лежат (сафьяны) в ожидании дня, когда я буду не я. А стопа синих, конторских, весом пуд — растет. В России, до Ре-

волюции, у меня были почтальонские, из сурового холста, с завязками (для расписок). В Революцию — самосшивные, из краденой (со службы) бумаги, красными английскими чернилами — тоже краденными.

Не знаю, как другие пишущие, — меня советский бумажный голод не потряс: как в младенчестве: вожделем и воровала.

Но из колыбели в горящий камин (именно в). В начале сожжения — ожесточенный торг. — Как — это — жечь? — Ну, конечно: первый черновик перевода Обломова! — Да я не о написанном, я о белой бумаге говорю! — На что она вам? Я, по кратчайшей правдоподобия: — Рисовать — Муру.⁸ Словом, к стыду — или не к стыду? — пишущего в себе, — не рукописи выручала — руками из огня, а белую бумагу. Возможность рукописи.

Сначала приятельница, принимая за шутку, оспаривала, но поняв наконец — по непривычной грубости моих интонаций: «Сожгли?! Сожгли?!» что никакой тут игры нет — присмирив — и из деликатности не выясняя — покорно стала откладывая в мою сторону все более или менее белое. — Жечь. Жечь. А вот это вам. — Иногда, с сомнением: — И чековую книжку вам? — Да, если пустая. — Но если каждый листок разбирать, мы никогда не кончим — и я никогда не выйду замуж! — Я, с равнодушием вышедшей: — Каждый листок.

Так, на живом опыте Е. А. И. — какая помеха иногда чужая помощь! — Какой тормоз брачному паровозу — руки дружбы!

Есть, впрочем, в этом бумагопоклонстве еще нечто кроме личной обиды детства. Простонародное: такому добру — да даром пропадать? Кто-то эту бумагу делал,

---

⁸ Мур — сын М. И. Цветаевой, Георгий Сергеевич Эфрон (1925—1941).

над ней старался, — этой бумаги не было — она стала. Для чего? чтобы через дерзкий швырок рук — опять, вспять — не быть? Кроме крестьянского, чисто потребительского ценения вещи — рабочий, творческий вопль против уничтожения ценностей. Защита — нет: самозащита труда.

И надо всем — не была, стала, не быть? — исконный бой поэта — небытию.

Я — страница твоему перу,
Всё приму: я белая страница.
Я — хранитель твоему добру;
Возращу и возвращу сторицей.
Я деревня, черная земля,
Ты мне луч и дождевая влага,
Ты — Господь и господин, а я —
Чернозем и белая бумага.

Сознавала ли я тогда, в 18-м году, что уподобляя себя самому смиренному (чернозем и белая бумага); я называла самое великое: недра (чернозем) и все возможности белого листа? Что я, в полной бесхитростности любящей, уподобляла себя просто всему? Сознавала ли я и — признавал ли он?

1918 г. — 1931 г. Одна поправка: так говорить должно только к Богу. Ведь это же молитва! Людям не молятся. 13 лет назад я этого еще — нет, знала! — упорно не хотела знать.

И — раз навсегда — все мои такие стихи, все вообще такие стихи обращены к Богу. (Недаром я — вовсе не из посмертной женской гордости, а из какой-то последней чистоты совести — никогда не проставляла посвящений). — Поверх голов — к Богу. По крайней мере — к ангелам. Хотя бы по одному тому, что ни одно из этих лиц их не приняло, — не присвоило, к себе не отнесло, в получке не расписалось. —

Так: все мои стихи — к Богу, если не обращены, то: возвращены . . .

— Ну, уж этого я вам хранить не дам! На что будет похож ваш дом, если каждую бумажку . . .

Это моя кроткая приятельница вознегодовала и, разом, полный передник . . . (мы обе в передниках, она — полугерманского происхождения, я вполне германского воспитания).

— Моё? Моё? — Да не ваше вовсе — и не моё — сочинения одного старичка, который прислал мне их, умоляя напечатать, — читала: ужасно! — и тут же умер . . .

— Каак? Вы мертвого старичка жжете? — Я десять лет их берегла, наследников нет, не везти же с собой замуж! И уверяю вас, Марина Ивановна, что даже белые листы из его сочинений *vous porteraient malheur!*⁹

— Ну, Бог со старичком! Если явится — так вам! А это что жжете? — . . .

— А это старушки одной, генеральши, перевод — для собственного удовольствия, лермонтовского Демона в прозе. Тоже «напечатать» . . . — Тоже померла? — Нет, жива, но совсем впала в детство . . . — Жечь старушку! —

— Передохнем? А то — пожар!

— Пусть дом сгорит — вашим свадебным факелом!

Дом, знаменитый в русской эмиграции (*Avenue de la Gare*,¹⁰ все эмигрантские казармы, по ночам светящиеся, как бал или больница, каждое окно своей бессонницей,

---

⁹ Принесли бы вам несчастье.

¹⁰ Улица в Медоне, в парижском предместье, где жила Цветаева в 30-е годы.

дом, со всех семи этажей которого позднему прохожему на плечи, — как ливень — музыка, из каждого окна своя). Vous ne dormez donc jamais? ¹¹ — струнная — духовая — хоровая — рояльная — сопранная — младенческая — русская разноголосица тоски. Дом, где каждый день умирают старые и рождаются новые... дом с живыми ступеньками ног, лестницами шагов...

... И с нами неладное — уже никаких беречь, и никаких жечь — просто жжем, не разбирая, даже не разрывая, полными горстями и листьями. Секундами — уколы того, что было совестью: а вдруг — нужное? Но и уколам конец. Непроницаемость каминного мрамора. Гляжу на ее лицо, пляшущее красными языками, как и собственное мое. И слышу рассказ владимирской няньки Нади:

— У нас, барыня, в деревне мужик был, все жег. Режут хлеб — счистит со стола крошки — и жгет. Курю щиплют — жгет. И всякий сор. А когда и не сор, когда очень даже нужное. Все жег. Богу — слава.

... Если огонь дикарь, то и мы дикари. Огонь огне-люкклонника уподобляет себе...

— Который час? Как? Да ведь мне год как нужно быть дома!

Насилу оторвавшись, бегу, огненных дел мастер — нет, с вертела сорвавшаяся дичь! — и копчено-оленьими коленями и лососинными ладонями, в дыму, пламени, золе и пепле чужой — чужих жизнью — ибо три

---

¹¹ Вы что же, так никогда и не спите?

поколения жжем (здесь жгем!) — слепая от огня и ликующая, как он сам, — бегу по — когда белому, когда черному, был день по лунно-затменному — Медону — домой, к тетрадям, к детям — к строительству жизни.

Но чего-то явно нехватает. Рукам нехватает. (И глазам! И ноздрям!) Что-то нужно сделать, скорее сделать, сейчас сделать. Писать? Отскок от стола. Обед варить? Тот же отскок от стола другого.

И — знаю.

Ибо не дано безнаказанно жечь чужую жизнь. Ибо — чужой жизни нет.

Мои папки, ящики, связки, корзинки, полки. То на полу, на коленях и локтях, то на столе, на носках, «пунтах». Руки то вгребаются, то, вытянутые, удерживают неудержимо ползущее в них сверху. Держу подбородком и коленом, потяжелевшая на пуд бумаги, соскакиваю с двухаршинной высоты, как в пропасть.

Мой советник, мой тайный советник — дочь. — Мама, не жгите! — Пусть, пусть горит! — Мама, вы что-то нужное жжете. Вырезка какая-то. Может быть о вас? — О мне так долго не пишут. Фельетон целый.¹² Что это может быть?

Подношу к глазам. Двустипшие. Губы, опережая глаза, — произносят:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.¹³

---

¹² Здесь речь идет о воспоминаниях Георгия Иванова «Китайские тени», газ. «Последние Новости», 1930, 22 февр., Париж.

¹³ Из стихотворения О. Мандельштама «Не веря воскресенья чуду...» (1916).

ГОРОД АЛЕКСАНДРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Александров. 1916 г. Лето.

Город Александров Владимирской губ., он же Александровская Слобода, где Грозный убил сына.

Красные овраги, зеленые косогоры с красными на них телятами. Городок в черемухе, в плетнях, в шинелях. Шестнадцатый год. Народ идет на войну.

Город Александров Владимирской губернии, моей губернии, — Ильи Муромца губернии. Оттуда из села Талицы, близ города Шуи, наш цветаевский род. Священнический. Оттуда — Музей Александра III на Волхонке (деньги Мальцева, замысел и четырнадцатилетний безвозмездный труд отца),¹⁴ отсюда мои поэмы по две тысячи строк и черновики к ним — в двадцать тысяч, отсюда у моего сына голова, не вмещающаяся ни в один головной убор. Большеголовые все. *Наша* примета.

Оттуда — лучше, больше чем стихи (стихи от матери, как и остальные мои беды) — *воля* к ним, к ним и ко всему другому — от четверостишия до четырехпудового мешка, который нужно — поднять — что! — донести.

Оттуда — сердце, не аллегория, а анатомия, орган, сплошной мускул, сердце, несущее меня вскачь в гору две версты подряд — и больше, если нужно, оно же

---

¹⁴ Воспоминания М. И. Цветаевой об отце, проф. И. В. Цветаеве (1846—1913), основателе Московского музея изобразительных искусств им. Пушкина, см., в частности, в журнале «Простор», № 10, Алма-Ата, 1965.

падающее и опрокидывающее меня при первом выра-
же автомобиля. Сердце не поэта, а пешехода.

Пешее сердце только потому не мрущее на катя-
щихся лестницах и лифтах, что их обскакивающее. Пе-
шее сердце всех моих лесных предков от деда —
о. Владимира Цветаева до прапращура Ильи.

Оттуда — ноги, но здесь свидетельство очевидца.
Вандея, рыбный рынок, я с рыбного рынка, две рыбач-
ки. — *Comme elle court, mais comme elle court, cette dame?*
— *Laisse-la donc courir, elle finira bien par s'arrêter!*¹⁵

— С сердцем.

Оттуда (село Талицы Владимирской губ., где я ни-
когда не была), — оттуда — всё.

Город Александров Владимирской губ.

Домок на окраине (а что в таком городке — не за-
краина?), лицом, крыльцом в овраг. Домок деревянный,
бабы-ягинский. Зимой — сплошная печь (с ухватками, с
шестками), летом — сплошная дичь: зелени, прущей
в окна.

Балкон (так напоминающий плетень!), на балконе
на розовой «мещанской» скатерти (скатерке) громадное
блюдо клубники и тетрадь с двумя локтями. Клубника,
тетрадь, локти — мои.

1916 г. Лето. Пишу стихи к Блоку и впервые чи-
таю Ахматову.

Перед домом, за лохмами сада, площадь. На ней сол-
даты учатся — стрельбе.

Вот стихи того лета:

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост,
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.

---

¹⁵ «Нет, ты только посмотри, как бежит эта дама!» — «Пусть
себе бежит, когда-нибудь да остановится!»

И перевесившись через заборные кольца,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует.
Чем прогневили Тебя эти серые хаты,
Господи! — и для чего стольким простреливать
грудь?

Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запыллил, запыллил отступающий путь . . .
Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О Господи Боже ты мой!

(Александров, 3-го июля 1916 года).

Махали — мы — платками, нам — фуражками. Песенный вой с дымом паровоза ударял в лицо, когда последний вагон давно уже скрылся из глаз.

Помню, меньше чем год спустя (март 1917 г.), в том же Александрове, денщик мне: — Читал я вашу книжку, барыня. Все про аллеи, про любовь: а вы бы про нашу жизнь написали. Солдатскую. Крестьянскую.

— Но я не солдат и не крестьянин. Я пишу про что знаю, и вы пишете — про что знаете. Сами живете, сами и пишете.

(. . . Я тогда сказала глупость — не мужик был Некрасов, а «Коробушку» по сей день поют).

Город Александров. 1916 г. Лето. Наискосок от дома, под гору, кладбище. Любимая прогулка детей, трехлетних Али и Андрюши.¹⁶ Точка притяжения — проваленный склеп с из земли глядящими иконами. — Хочу в ту яму, где Боженка живет!

---

¹⁶ Аля — дочь М. Цветаевой, Андрюша — племянник.

Любимая детей и нелюбимая — Осипа Мандельштама. От этого склепа так скоро из Александрова и уехал. (Хотел — «всю жизнь!»).

— Зачем вы меня сюда привели? Мне страшно.

Мандельштам мой гость, но я и сама гость. Гощу у сестры, уехавшей в Москву, пасу ее сына. Муж сестры весь день на службе, семья — я, Аля, Андрюша, нянька Надя и Осип Мандельштам.

Мандельштаму в Александрове, после первых восторгов, неможется. Петербуржец и крымец — к моим косогорам не привык. Слишком много коров (дважды в день мимо-идущих и мимо-мычащих), слишком много крестов (слишком вечно стоящих). Корова может забодать. Мертвец — встать. — Взбеситься. — Присниться. — На кладбище я, по его словам, «рассеянная какая-то», забываю о нем, — Мандельштаме, и думаю о покойниках, читаю надписи (вместо стихов!), высчитываю сколько лет — лежащим и над ними растущим, словом: гляжу либо вверх, либо вниз... но неизменно от Мандельштама. Отвлекаюсь.

— Хорошо лежать! — Совсем не хорошо! Вы будете лежать, а по вас ходить. — А при жизни — не ходили? — Метафора! я о ногах, даже сапогах говорю. — Да не по вас же! Вы будете — душа. — Этого-то и боюсь! Из двух: голой души и разлагающегося тела, еще неизвестно, что страшней. — Чего же вы хотите? Жить вечно? Даже без надежды на конец? — Ах, я не знаю! Знаю только, что мне страшно и что хочу домой.

Бедные мертвые! Никто о вас не думает! Думают о себе, который бы мог лежать здесь и будет лежать там. О себе лежащем здесь. Мало, что у вас Богом отнята жизнь, людьми, Мандельштамом с его «страшно» и мною с моим «хорошо», — отнимается еще и смерть!

Мало того, что Богом — вся земля, — нами еще и три ваших последних ее аршина.

Одни на кладбище приходят — учиться, другие — бояться, третьи (я) — утешаться. Все — примерять. Мало нам всей земли со всеми ее холмами и домами, — нужен еще и ваш холм, ваш дом. Свыкаться, учиться, бояться, спасаться... Все — примерять. А потом невинно дивимся, когда на повороте дороги или коридора...

Если чему-нибудь дивиться, так это редкости ваших посещений, скромности их, совестливости их... Будь я на вашем месте...

Тихий ответ: «Будь мы на твоём...»

Вспоминаю другое слово, тоже поэта, тоже с Востока, тоже впервые видевшего со мною Москву — на кладбище Ново-Девичьего монастыря, под божественным его сводом:

— Стоит умереть, чтобы быть погребенным здесь.

Дома чай, приветственный визг Али и Андрюши. Монашка пришла — с рубашками.¹⁷ Мандельштам, шепотом: — Почему она такая черная? — Я, так же: — Потому что они такие белые!

Каждый раз, когда вижу монашку (монаха, священника, какое бы то ни было духовное лицо) — стыжусь. Стихов, вихров, окурков, обручального кольца — себя. Собственной низости (мирскости). И не монах, а я опускаю глаза.

У Мандельштама глаза всегда опущены: робость? величие? тяжесть век? веков? Глаза опущены, а голо-

---

¹⁷ Монашки принимали заказы на шитье и вышивание белья.

ва отброшена. Учтывая длину шеи, головная посадка верблюда. Трехлетний Андрюша — ему: «Дядя Ося, кто тебе так голову отвернул?» А хозяйка одного дома, куда впервые его привела, мне: «Бедный молодой человек! Такой молодой и уже ослеп?»

Но на монашку (у страха глаза велики!) покашивает. Даже пользуясь ее наклоном над рубашечной гладью, глаза распахивает. Распахнутые глаза у Мандельштама — звезды, с завитками ресниц, доходящими до бровей.

— А скоро она уйдет? Ведь это неудобно, наконец. Я совершенно достоверно ощущаю запах ладана. — Мандельштам, это вам кажется! — И обвалившийся склеп с костями — кажется? Я наконец хочу просто выпить чаю!

Монашка над рубашкой, как над покойником:

— А эту — венчиком . . . — Мандельштам за спиной монашки шипящим шепотом: — А вам не страшно будет носить эти рубашки? — Подождите, дружок! Вот помру и именно в этой — благо что ночная — к вам и явлюсь!

За чаем Мандельштам оттаивал.

— Может быть, это совсем уже не так страшно? Может быть, если каждый день ходить, — привыкнешь? Но лучше завтра туда не пойдем . . .

Назавтра неотвратно шли опять.

А однажды за нами погнался теленок. На косогоре. Красный бычок. Гуляли: дети, Мандельштам, я. Я вела Алю и Андрюшу, Мандельштам шел сам. Сначала все было хорошо, лежали на траве, копали глину. Норы. Прокапывались друг к другу и когда руки сходились, — хохотали, — собственно, он один. Я, как всегда, играла для него.

Солнце выедало у меня русость, у него — темность. — Солнце, единственная краска для волос, мною признаваемая! — Дети, пользуясь игрой взрослых, стягивали с голов полотняные грибы и устраивали ими ветер. Андрюша заезжал в лицо Але, Аля тихонько ныла. Тогда Андрюша, желая загладить, размазывал глиняными руками у нее по щекам голубоглазые слезы; — я, нахлобучив шапки, рассаживала. Мандельштам остервенело рыл очередной туннель и возмущался, что я не играю. Солнце жгло.

— До-о-мой!

Нужно сказать, что Мандельштаму с кладбища ли, с прогулки ли, с ярмарки ли, всегда, отовсюду хотелось домой. И всегда раньше, чем другому (мне). А из дому — непреложно — гулять. Думаю, юмор в сторону, что когда не писал (а не писал — всегда, то есть раз в три месяца по стиху!) томился. Мандельштаму без стихов на свете не сиделось, не ходилось, — не жилось.

Итак домой. И вдруг — галоп. Оглядываюсь — бычок. Красный. Хвост молнией, белая звезда во лбу. На нас.

Страх быков — древний страх. Быков и коров, без различия, боюсь дико, за остановившуюся кротость глаз. И все-таки, тоже, за рога. — «Возьмет да поднимет тебя на рога!» — кто из нас этим припевом не баюкан? А рассказы про мальчика — или мужика — или чьего-то деда, которого бык взял да и поднял? Русская колыбель — под *бычьим* рогом!

Но у меня сейчас на руках *две* колыбели! Дети не испугались вовсе, принимают за игру, летят на моих вытянутых руках, как на канатах гигантских шагов, не по земле, а над. Скок усиливается, близится, настигает. Не вынеся — оглядываюсь. Это Мандельштам скачет. Бычок давно отстал. Может — не гнался вовсе?

Теперь знаю: весь мой красный бычок оттуда,¹⁸ с той погони. Спал во мне с мая 1916 года и воскрес в 1929 году в Париже в предсмертном бреду эмигранта. Знаю, что его бычок был именно мой — наш — александровский — мой. И смех, которым он, умирающий, бычку смеялся — тот же смех Али и Андриюши: чистая радость бегу, игре, быку.

Смеясь, не знал, что смерть. И не 30-летним осколком несуществующей Армии, гражданином несуществующего государства, не на чужой земле столицы мира — нет! на своей, моей! — под всей защитой матери и родины — смеясь! — трехлетним — на бегу — умер.

— Барыня! чего это у нас Осип Емельич такие чудные? Кормлю нынче Андриюшу кашей, а они мне: «Счастливы у вас, Надя, Андриюша, завсегда ему каша готова, и все дырки на носках перештопаны. А меня, — говорят, — никто кашей не кормит, а мне, — говорят, — никто носков не штопает». И так тяжело-о вздохнули, сирота горькая.

Это Надя говорит, Андриюшина няня, тоже владимирская. Об этой Наде бы целую книгу, пока же от сестры, уехавшей и не взявшей, перешла ко мне и ушла от меня только в 1920 г., ушла насильно, кровохаркающая от голода (преданность) и обворовывая (традиция), заочно звала сестру Асей, меня Мариной, гордилась нами, ни у кого больше служить не могла. Приручившаяся волчиха. К мужчинам, независимо от сословия, относилась с высокомерной жалостью, все у нее были «жа-алкие какие-то».

Восемнадцатилетняя, крутосулая, желтолицая, брови углом, глаза как угли, вся — жила, вся — нерв. О нраве же: если «Осип Емельич» «чудной», она — ку-

---

¹⁸ Поэма М. Цветаевой «Красный бычок» (1928), одному из героев которой является смерть в образе «красного бычка».

да чуднее. Сестру же, впоследствии ее выгнавшую, любила с такой страстью ревности, что нарочно выдумывала у Андрюши всякие болезни, чтобы удержать дома. — Надя, я сейчас иду, вернусь поздно. — Хорошо, барыня, а что Андрюше дать, если опять градусник подымется? — Как подымется? Почему? — А разве я вам не говорила, он всю прогулку на головку жаловался... — И т. д. Ася, естественно, остается, Надя торжествует. И не благородная часто бывающая ревность няни к благополучию ребенка («Что за барыня такая, ребенка бросают» и т. д.), самая неблагородная, низкая, преступная ревность женщины — к тому, кого любит. Исступление, последний шаг которого — преступление. Врала или нет (врала — всегда, бесполезно и испуганно), но, уходя от меня (все равно — терять нечего! третьей сестры не было!), призналась, что часто кормила Андрюшу толченым стеклом (!) и нарочно, в Крыму, в эпидемию, поила сырой водой, чтобы заболел и этим Асю *прикрепил*, Асю, говоря со мной, всегда звала «наша барыня», колола мне ею глаза, — «а у нашей барыни» то-то так-то делается, иногда только в порыве умиления: «Ба-арыня! Я одну вещь заметила: как стирать — вы всё с себя снимаете! Аккурат наша барыня!» — Ко мне, на явный холод и голод, вопреки всем моим предостережениям (ни дров — ни хлеба — ни-ни), поступила исключительно из любви к сестре. Так вдовцы, не любя, любя ту, на сестре покойной женятся. И потом — всю жизнь — пока в гроб не вгонят — на не той вымещают.

В заключение — картинка. Тот же Александров. Сижу, после купанья, на песке. Рядом огромный неправдоподобно-лохматый пес. Надя: — Барыня, чудно на вас смотреть: на одном как будто слишком много надето, а другому нехватает!

Даровитость — то, за что ничего прощать не следовало бы, то, за что, всегда, прощаешь всё.

— ... А я им: а вы бы, Осип Емельич, женились. Ведь любая за вас барышня замуж пойдет. Хотите со сватаю? Поповну одну.

Я: — И вы, серьезно, Надя, думаете, что любая барышня? ..

— Да что вы, барыня, это я им для утехи, уж очень меня разжалобили. Не только что любая, а ни одна даже, разве уж сухоручка какая. Чудён больно!

— Что это у вас за Надя такая (это Мандельштам говорит), няня, а глаза волчьи. Я бы ей ни за что — не только ребенка, котенка бы не доверил! Стирает, а сама хохочет, одна в пустой кухне. Попросил ее чаю — вы тогда уходили с Алей — говорит, весь вышел. — Купите! — Не могу от Андрюши отойти. — Со мной оставьте. — С ва-ами! — И этот оскорбительный хохот. Глаза — щели, зубы громадные! Волк!

— Налила я им тогда, барыня, стакан типятку и несу. А они мне так жа-алобно: На-адя! А шоколадику нет? — Нет, говорю, варенье есть. А они как застонут: — Варенье, варенье, весь день варенье ем, не хочу я вашего варенья! Что за дом такой — шоколаду нет! — Есть, Осип Емельич, плиточка, только Андрюшина. — Андрюшина! Андрюшина! Печенье Андрюшино, шоколад Андрюшин, вчера хотел в кресло сесть — тоже Андрюшино! .. А вы отломите. — Отломить не отломлю, а вареньица принесу. Так и выпили типятку — с вареньем.

Отъезд произошел неожиданно — если не для меня с моим четырехмесячным опытом — с февраля по июнь — мандельштамовских приездов и отъездов (наездов и бегств), то для него, с его детской тоской по до-

му, от которого всегда бежал. Если человек говорит навек месту или другому смертному — это только значит, что ему здесь — или со мной, например, — сейчас очень хорошо. Так, а не иначе, должно слушать обеты. Так, а не иначе, по ним взыскивать. Словом, в одно — именно прекрасное! — утро к чаю вышел — готовый.

Ломая баранку, барственно: — А когда у вас поезд? — Поезд? У нас? Куда?

— В Крым. Необходимо сегодня же. — Почему? — Я — я — я — здесь больше не могу. И вообще пора все это прекратить.

Зная отъезжающего, уговаривать не стала. Помогла собраться: бритва и пустая тетрадка, кажется.

— Осип Емельич! Как же вы поедете? Белье сырое! — С великолепной беспечностью отъезжающего:

— Высохнет на крымском солнце! — Мне: — Вы, конечно, проводите меня на вокзал?

Вокзал. Слева, у меня над ухом, на верблюжьей шее взволнованный кадык — Александровым подавился как яблоком. Андрюша из рук Нади рвется под паровоз — «колесики». Лирическая Аля, видя, что уезжают, терпеливо катит слезы. — Он вернется? Он не совсем уезжает? Он только так? — Нянька Надя, блестя слезами и зубами, причитает: — Сказали бы с вечера, Осип Емельич, я бы вам на дорогу носки выштопала... пирог спекла...

Звонок. Первый. Второй. Третий... Нога на подножке. Оборот. — Марина Ивановна! Я, может быть, глупость делаю, что уезжаю? — Конечно, (спохватившись)... конечно, нет! Подумайте: Макс, Карадаг, Пра...¹⁹ И вы всегда можете вернуться...

---

¹⁹ Макс — поэт М. А. Волошин, Карадаг — гора в Крыму, Пра («праматерь») — мать М. А. Волошина.

— Марина Ивановна! (паровоз уже трогается) — я, *наверное*, глупость делаю! Мне здесь (иду вдоль движущихся колес), мне у вас было так, так... (вагон прибавляет ходу, прибавляю и я) — мне никогда ни с... — Бросив Мандельштама, бегу, опережая ход поезда и фразы. Конец платформы. Столб. Столбенею и я. Мимо-идущие вагоны: не он, не он, — он. Машу — как вчера еще с ним солдатам. Машет. Не одной — двумя. Отмахивается! С паровозной гривой относимый крик: — Мне так не хочется в Крым!

На другом конце платформы сиротливая кучка: плачущая Аля: — Я знала, что он не вернется! — Плачущая сквозь улыбку Надя — так и не выштопала ему носков! — ревуций Андрюша: — уехали его колесики!

ЗАЩИТА БЫВШЕГО

Медон. 1931 г. Весна. Разбор бумаг. В руке чуть было не уничтоженная газетная вырезка.

... Где обрывается Россия

Над морем черным и чужим.

— то есть как чужим? Глухим! Мне ли не знать. И, закрыв глаза:

Не веря воскресенья чуду,

На кладбище гуляли мы.

Ты знаешь, мне земля повсюду

Напоминает те холмы.

*(Выпадают две строки).*²⁰

Где обрывается Россия

---

²⁰ В первой публикации:

Я через овиди степные
Тянулся в каменистый Рим,
строки, в дальнейшем отброшенные Мандельштамом.

Над морем черным и глухим.
От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг.
Но в этой темной деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться — значит быть беде.
Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю, он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
От бирюзового браслета *
Еще белеет полоса.
Тавриды огненное лето
Творит такие чудеса.
Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла.
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была!
Нам остается только имя,
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Стихи ко мне Манделъштама, т. е. первое от него после тех проводов.

Столь памятный *моим* ладоням песок Коктебеля! Не песок даже — радужные камешки, между которыми и аметист и сердолик, — так что не таков уж ниц подарок! Коктебельские камешки, целый мешок которых хранится здесь в семье Кедровых, тоже коктебельцев.

---

* Впоследствии в «Tristia» неудачно замененное: «Целую кисть где от браслета» (Примечание М. Цветаевой).

1911 г. Я после кори стриженная. Лежу на берегу, рою, рядом роет Волошин Макс. — Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень.

— Марина! (Вкрадчивый голос Макса) — влюбленные, как тебе может быть известно, — глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе (сладчайшим голосом) . . . булыжник, ты совершенно искренне поверишь, что это твой любимый камень.

— Макс! Я от всего умнею! Даже от любви!

А с камешками сбилось, ибо С. Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли в первый день знакомства открыл и вручил мне — величайшая редкость! — генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной.

А с Мандельштамом мы впервые встретились летом 1915 года, в том же Коктебеле, т. е. за год до описанной мной гостьбы. Я шла к морю, — он с моря. В калитке волошинского сада — разминулись.

Читаю дальше:

«Так вот — это написано в Крыму, написано до беспамятства влюбленным поэтом».

— До беспамятства? Не сказала бы.

«Но поклонники Мандельштама, вообразив по этим данным (Крым, море, любовь, поэзия) картину достойную кисти Айвазовского — (есть, кстати, у Айвазовского такая картина и прескверная: «Пушкин прощается с морем») — поклонники эти несколько ошибутся».

Настороженная «влюбленным до беспамятства», читаю дальше: «Мандельштам жил в Крыму и так как он не платил за пансион и, несмотря на требования хозяев съехать или уплатить . . .»

Стой! Стой! Это каких хозяев требования, когда хо-

зьявами были Макс Волошин и его мать, замечательная старуха с профилем Гете, в детстве любимица ссыльного Шамиля за сходство с его младшим сыном. И какие требования, когда сдавали за гроши и им годами должны?

«... несмотря на требования хозяев съехать или заплатить, выезжать тоже не желал, то к нему применялась особого рода пытка, возможная только в этом 'жилописном уголке Крыма', — ему не давали воды». (Макс и Елена Оттобальдовна — кому-нибудь не давали воды? Да еще поэту?). «Вода в Коктебель привозилась издалека и продавалась бочками — ни реки, ни колодца не было — и Мандельштам хитростями и угрозами с трудом добывался от сурового хозяина или мегеры-служанки...»

Да в Коктебеле, жила в нём с 1911 по 1917 годы, отродясь служанки не было, был полоумный, сухорукый слуга, — собственник дырявой лодки «Сократ», по ней и звавшийся, — всю дачу бы по первому требованию отдавший!..

«Кормили его объедками»...

Кто? Макс? Макс вообще никого не кормил, сам где мог подкармливался, кормила добродушнейшая женщина в мире, державшая за две версты от дачи на пустыре столовую. Что же касается «объедков» — в Коктебеле было только одно блюдо: баран, природный объедок и даже оглодок. Так что можно сказать в Коктебеле необъедков не было. Коктебель до всяких революций — голодное место, там и объедков не оставалось из-за угрожающего количества бродячих собак. Если же «объедками» — то всех.

«Когда на воскресенье в Коктебель приезжали гости, — Мандельштама выселяли из его комнаты — он ночевал в чулане...»

Не в чулане, а в мастерской у Макса с чудесами со всех сторон света, то есть месте, о котором иные и мечтать даже не смели!

«Простудившись однажды на такой ночевке...»

Это в Коктебеле-то, с его кипящим морем и трескающейся от жары землей! В Коктебеле, где все мы спали на воле, а чаще и вовсе не спали: смотрели на красный столб встающего Юпитера в воде или на башне у Макса читали стихи. От восхода Юпитера до захода Венеры... «... на такой ночевке он схватил ужасный флюс и ходил весь обвязанный, вымазанный йодом, сопровождаемый улюлюканьем местных мальчишек и улыбками остального населения 'живописного' уголка...»

Живописный — да, если вести от живописцев: художников, друзей Макса, там живших: (Богаевский, Лентулов, Кандауров, Нахман, Лев Бруни, Оболенская). Но живописный в кавычках, — нет. Голые скалы, моррена берега, ни кустика, ни ростка, зелень только высоко в горах (огромные, с детскую голову, дикие пионы), а так — ковыль, полынь, море, пустыня. Пустырь.

Автор, очевидно, Коктебель (Восточный Крым, Киммерия, родина Амазонок, вторая Греция) принял за Алупку, дачу поэта Волошина за «Профессорский уголок», где по вечерам Вяльцева в граммофон: «Наш уголок я убрала цвета-ами...»

Коктебель — никаких цветов. И сплошной острый угол скалы. (Там по преданию в одной из скал, достигаемой только вплавь — вход в Аид. Подплывала. Входила).

«Особенно, кстати, потешалась над ним 'она', та, которой он предлагал принять в залог вечной любви 'ладонями моими пересыпаемый песок'».

Потешалась — я? Над поэтом — я? Я, которой и в Коктебеле-то не было, от которой он и уехал в Крым?!

«Она очень хорошенькая (что?), немного вульгарная (что?), брюнетка (???), по профессии женщина-врач (что-о-о???)» . . .

«. . . вряд ли была расположена принимать подарки такого рода: в Коктебель ее привез ее содержатель . . . купец, жирный, черномазый. Привез и был очень доволен: наконец-то нашел место, где ее было не к кому, кроме Мандельштама, ревновать . . .»

Женщина-врач на содержании . . . купца — (помимо того, что этой данной женщины никогда не было) — не наши нравы! Еврейская, то есть русская женщина-врач, то есть интеллигентка, — сама зарабатывающая. У нас не так легко шли на содержание, особенно врачи! Да еще в 1916 г., в войну . . .

Вот что значит — 10 лет эмиграции. Не только Мандельштама забыл, — но и Россию.

«С флюсом, обиженный, некормленный Мандельштам выходил из дому, стараясь не попасться лишний раз на глаза хозяину или злой служанке. Всклоченный, в сандалиях на босу ногу, он шел по берегу, встречные мальчишки фыркали ему в лицо и делали из полы свиное ухо . . .»

Кстати, забавная ассоциация: пола — свиное ухо. Еврей в долгополом сюртуке, которому показывают свиное ухо. Но у автора воспоминаний мальчишки из полы делают свиное ухо. Из какой это полы? Мальчишки в рубашках, а у рубашки полы нет, есть подол. Пола у сюртука, у пальто, у чего-то длинного, что распахивается. Пола это половина. Автор и крымских мальчишек и крымское (50°) лето, и просто мальчишек и просто лето — забыл!

«Он шел к ларьку, где старушка-еврейка торговала спичками, папиросами, булками, молоком» . . . (которое, в скобках, в Коктебеле, как по-всему Крыму, было ве-

личайшей редкостью. Бузой — да, ситро — да, «пеше-тепэ» — да, молоком — нет).

«Эта старушка» . . .

И не старушка-еврейка, а цветущих лет грек — владелец единственной во всем Коктебеле кофейни: барак «Бубны», расписанный приезжими художниками и поэтами — даже стишок помню — изображен белощтанный дачник с тростью и моноклем, и мы — все: кто в чем, а кто и ни в чем —

Стыдитесь, голые уроды!

Я скромный дачник, друг природы.

«Бубны», нищая кофейня «Бубны» с великодержавной, над бревенчатой дверью, надписью:

Славны Бубны за горами!

С Коктебелем-местом у автора воспоминаний произошло то же, что у Игоря Северянина с Коктебелем-словом: Игорь Северянин в дни молодости, прочтя у Волошина под стихами подпись: Коктебель — принял название места за название стихотворного размера (рондо, газель, ритурнель) и произвел от него «коктебли», нечто среднее между коктейлем и констэблем. Автор воспоминаний дикий Коктебель подменяет то дачной Алушкой, то местечком Западного Края с его лотками, старушками, долгополыми мальчишками и т. д.

«Эта старушка, единственное существо во всем Коктебеле, относилась к нему по-человечески . . .»

Позвольте, а мы все? Всегда уступавшие ему главное место на арбе и последний глоток воды из фляжки? Макс, его мать, я, сестра Ася, поэтесса Майя²¹ — что ни женщина, то нянька; что ни мужчина, то дядька — все женщины, жалевшие, все мужчины, восхищавшиеся, все мы, и жалевшие и восхищавшиеся, с утра

---

²¹ М. А. Кудашева-Кювилье, впоследствии жена Ромэна Ролана.

до ночи нянчившиеся и дядчившиеся... Мандельштам в Коктебеле был общим баловнем, может быть, единственным раз в жизни, когда поэту повезло, ибо он был окружен ушами — на стихи, и сердцами — на слабости.

«Старушка (может быть, он напоминал ей собственного внука, какого-нибудь Янкеля или Осипа) по доброте сердечной оказывала Мандельштаму 'кредит': разрешала брать каждое утро булочку и стакан молока 'на книжку'. Она знала, конечно, что ни копейки не получит — но надо же поддержать молодого человека — такой симпатичный и должно быть больной: на прошлой неделе все кашлял и теперь вот флюс.

Иногда Мандельштам получал от нее и пачку папирос 2-го сорта, спичек, почтовую марку. Если же он, потеряв чувствительность, рассеянно тянулся к чему-нибудь более ценному — коробке печенья или плитке шоколада, — добрая старушка, вежливо отстранив его руку, говорила грустно, но твердо: 'Извините, господин Мандельштам, — это вам не по средствам'».

А вот мой вариант, очевидно, неизвестный повествователю.

Поздней осенью 1915 года Мандельштам выехал из Коктебеля в собственном пальто хозяина Бубен, ибо по беспечности или иному чему, заложил или потерял свое. И когда, год спустя, в тех же Бубнах, грек — поэт: «А помните, господин Мандельштам, когда вы уезжали, шел дождь и я вам предложил свое пальто»; поэт — греку: «Вы можете быть счастливы: ваше пальто весь год служило поэту».

Не говоря уже о непрерывном шоколаде в кредит, — шоколаде баснословном. Так одного из русских лучших поэтов любило одно из лучших мест на земле: от поэта Максимилиана Волошина до полуграмотного хозяина нищей кофейни.

«Мандельштам шел по берегу, выжженному солнцем и выметенному постоянным унылым коктебельским ветром. Недовольный, голодный, гордый, смешной, безнадежно-влюбленный в женщину-врача, подругу купца, которая сидит теперь на своей веранде в розовом прелестном капоте и пьет кофе — вкусный жирный кофе, и ест горячие домашние булки, сколько угодно булок . . .»

Товарищ пишуций, я никогда не ходила в розовых прелестных капотах, я никогда не была ни очень хорошенькой, ни просто хорошенькой, ни немного, ни много вульгарной, я никогда не была женщиной-врачом, никогда меня не содержал купец, — в такую «меня» никогда не был бы до беспамятства влюблен поэт Осип Мандельштам.

Кроме того, повторяю, Коктебель — место пусто, в нем никогда не было жирных сливок, только художочное (с ковыля) и горьковатое (с полыни) козье молоко, никогда в нем не было горячих домашних булок, одни только сухие турецкие бублики, да и то не сколько угодно. И если поэт был голоден — виноват не «злой хозяин» Максимилиан Волошин, а наша общая хозяйка — земля.

Здесь — земля Восточного Крыма, где ваша, автора воспоминаний, нога никогда не была.

Вы, провозгласив эти стихи Мандельштама одними из лучших в русской литературе, в них ничего не поняли. «Крымские» стихи — написаны в Крыму, да, но по существу своему — Владимирские. Какие же в Крыму — «темные деревянные юродивые слободы»? какие «туманные монашки»? Стихи написаны фактически в Крыму, по существу же, изнутри владимирских просторов. Давайте по строкам:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.

Какие холмы? Так как две следующие строки выпадают — в тексте просто заменены точками — два возможных случая: либо он и здесь, на русском кладбище, вспоминает — с натяжкой — холмы Крыма, либо — что гораздо вероятнее — и здесь, в Крыму, не может забыть холмов Александрова. (За последнюю догадку двойная холмистость Александрова: холмы почвы и холмы кладбища).

Дальше, черным по белому:

От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг.
Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться, — значит быть беде.

Монашка, думается мне, составная: нянька Надя с ее юродивым смехом, настоящая монашка с рубашками и, наконец, я с моими вождениями на кладбище. Оттворящегося лица — туман. Но так или иначе — от этой монашки и уезжает в Крым.

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю, он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
От бирюзового браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды огненное лето
Творит такие чудеса.

Еще белеет полоса, т. е. прошлого (1915 г.) коктейбельского лета. Таково солнце Крыма, что жжет на целый год. Если бы говорилось о крымской руке — при чем тут еще и какое бы чудо?

Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А строгою в Москве была.

Не «строгою», а *гордою* (см. *Tristia*).²² Ведь это же совершенно искажает смысл! Не отрываясь целовала — что? — распятие, конечно, перед которым в Москве, предположим, гордилась. Гордой по молодой глупости перед Богом еще можно быть, но строгой? Всякая монашка строга. В данной транскрипции получается, что «она» целовала не икону, а человека, что совершенно обесмысливает упоминание о Спасе и все четверостишие. Точно достаточно прийти к Богу, чтобы, не отрываясь, зацеловать человека.

Нам остается только имя,
Блаженный звук, короткий срок.

Не «блаженный звук, короткий срок», а (см. книгу *Tristia*):

Чудесный звук, на долгий срок.

Автор воспоминаний, очевидно, вместо на долгий прочел недолгий и сделал из него короткий. У поэтов не так-то коротка память! — Но можно ли так цитировать, когда *Tristia* продается в каждом книжном магазине?

Кончается фельетон цитатой:

Где обрывается Россия
Над морем черным и чужим.

---

²² Сборник стихотворений О. Мандельштама («Петрополис», Москва—Берлин, 1922).

Это пишущему, очевидно, — чужим; нам с Мандельштамом — родным. Коктебель для всех, кто в нем жил — вторая родина, для многих — месторождение духа. В данном же стихотворении:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим
— глухо-шумящим, тем же из гениального стихотворения Мандельштама!

Бессонница, Гомер, тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины,
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладаю когда-то поднялся —
Как журавлиный крик в чужие рубежи!
На головах царей божественная пена.
Куда плывете вы, — когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
И море и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? Но вот Гомер молчит,
И море Черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Во избежание могущих повториться недоразумений, оповещаю автора фельетона, что в книге «Тристыя» стихи «В разноголосице девического хора», «На розвальнях, уложенных соломой» принадлежат («нам остается только имя — чудесный звук, на долгий срок!») принадлежат мне, стихи же «Соломинка» и ряд последующих — Саломее Николаевне Гальперн, рожденной кн. Андрониковой, ныне здравствующей в Париже и столь же похожей на ту женщину-врача, как я.

Что весь тот период — от Германско-Славянского льна²³ до «На кладбище гуляли мы» — мой, чудесные дни с февраля по июнь 1916 г., дни, когда я Мандель-

---

²³ Из стихотворения О. Мандельштама «Зверинец», 1916.

штаму дарила Москву. Не так много мне в жизни писали хороших стихов, а главное: не так часто поэт вдохновляется поэтом, чтобы так даром, зря уступать это вдохновение первой небывшей подруге небывшего купца.

Эту собственность — отстаиваю.

Но не о мне одной речь, мне — что; что эта брюнетка с купцом — я, никто не поверит. Что эти стихи — ей — а не мне, если даже и поверят — мне что! В конце концов! Знает Мандельштам и знаю я.

И касайся это только меня, я бы только смеялась. А сейчас не смеюсь вовсе. Ибо дело, во-первых, в друге (моем и, как выясняется из фельетона, и автора. N. V! Если так помнят друзья, то как же помнят враги?), во-вторых, — в большом поэте, которого выводят пошляком (Мандельштам не только данной женщины не любил, но любить не мог), в-третьих, — в другом поэте — Волошине — которого выводят скрягой и извергом (не давать воды), и, в-четвертых — в том, что все это преподносится в виде поучения молодым поэтам.

Закончим началом фельетона, вскрывающим повод, причину и цель его написания:

«На одном из собраний парижской литературной молодежи я слышал по своему адресу упрек: 'Зачем вы искажаете образ Мандельштама, нашего любимого поэта? Зачем вы представляете его в своих воспоминаниях каким-то комическим чудаком? Разве он мог быть таким?'

Именно таким он был. Ни одного слова о Мандельштаме я не выдумывал».

В данном фельетоне, как доказано, выдуманы все.

«Я очень рад за Манделъштама, что молодые парижские стихотворцы его любят и еще больше рад за них: эта любовь многих из них больше приближает к поэзии, чем их собственные стихи. Но и я, право, чрезвычайно люблю поэзию Манделъштама и, кроме того, на моей стороне есть еще то преимущество, что я его самого, чудаковатого, смешного, странного, — неотделимого от его стихов, — люблю не меньше и очень давно, очень близко знаю. Были времена, когда мы были настолько неразлучны, что у нас имелась, должно быть единственная в мире, визитная карточка: 'такой-то и О. Манделъштам'».

«И разве не слышали наши 'молодые поэты', что высокое и смешное, самое высокое и самое смешное часто бывают переплетены так, что не разобрать, где начинается одно и кончается другое».

Высокое и смешное — да; высокое и пошлое — никогда.

«. . . Приведу для наглядности пример из жизни того же 'чудака', 'ангела', 'комического персонажа' — из жизни поэта Манделъштама . . .».

Цену примера — мы знаем.

Большой фельетон у литераторов зовется подвал. Здесь, — правильно. Киммерийские утесы и мои александровские холмы, весь Коктебель с его высоким ладом, весь Манделъштам с его высокой тоской здесь низведены до подвала — быта (никогда не бывшего!).

Не знаю, нужны ли вообще бытовые подстрочники к стихам: кто — когда — с кем — где — при каких обстоятельствах и т. д. — жил. Стихи быт перемололи и отбросили, и вот из уцелевших осколков, за которыми ползает вроде как на коленках, биограф тщится воссоздать бывшее. Нужно ли нам знать, что Пушкину, чтобы написать Русалку, пришлось соблазнить — затем

бросить — крепостную девушку? Не дана ли вся тоска ее — в русалке? Все раскаяние Пушкина — в князе? Воссоздавать реальную атмосферу поэзии — уничтожать — (не ее самоё, ибо она этому уничтожению не подвластна; убивает поэта не биограф, а время) — уничтожать всю предварительную работу по созданию.

Сколько Пушкину пришлось забыть и отбросить, от сколького очистить, чтобы дать Русалку, а его биограф — опять с дрызгами и грязью. К чему? Приблизить к нам живого Пушкина? Да разве он, биограф, не знает, что поэт — в стихах живой! «Все мы люди, все человеки» — да, играя в бильярд и пия водку, может быть даже соблазняя девушек — крепостных и иных; дальше — Пушкин, через князя в Русалке — несет покаяние, его собутыльники же . . . живут дальше.

.. Разоблачение великого — только соблазн малых сих идеей ложного и невозможного равенства. У поэта — все по-иному.

Но — так или иначе — официальное право у биографа на быль (*протокол*) — есть. И уж наше дело — извлечь из этого протокола соответствующий урок. Нам остаются — выводы.

Если хочешь писать быль — знай ее, если хочешь врать свое, жди 50 лет, или не называй имен. Не померли же мы все в самом деле! Живи автор фельетона на одной территории со своим героем — фельетона бы не было. А так . . . за тридцать земель . . . да может никогда больше не встретимся . . . А тут — соблазн анекдота, легкого успеха у тех, кто чтению стихов поэта предпочитает сплетню о нем. Безответственность разлуки и безнаказанность расстояния.

— А зачем же, не признавая бытового подстрочника, взяли да все это нам и рассказали? Зачем нам знать, как великий поэт Мандельштам по зеленому косогору скакал от невинного теленка?

На это отвечаю:

На быль о Мандельштаме летом 1916 года я была вызвана вымыслом о Мандельштаме летом 1916 года. На свой подстрочник к стихотворению — подстрочником тем. Ведь нигде, никогда (1916—1931 гг.) я не утверждала этой собственности, пока на нее не напали. Оборона! — Когда у меня в революцию отняли деньги в банке, я их не оспаривала, ибо не чувствовала их своими... Эти стихи я — хотя бы одной своей заботой о поэте — заработала.

Еще одно: ограничившись одним опровержением вымысла, т. е. просто уличив, — я бы оказалась в самой ненавистной мне роли — прокурора. Противопоставив вымыслу живую жизнь — и не обаятелен ли мой Мандельштам, несмотря на страх покойников и страсть к шоколаду, а, может быть, и благодаря им? — утвердив жизнь, которая сама есть утверждение, я не выхожу из рожденного состояния поэта — защитника.

Медон, апрель-май 1931 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ОТРЫВКИ

Добавление к первому тому

492

... Но в Петербурге акмеист мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже.

493

Архистратиг вошел в иконостас,
В ночной тиши запахло валерьяном.

Архистратиг мне задает вопросы,
К чему тебе косы
И плеч твоих сияющий атлас ...

494

Коллективное (с Н. С. Гумилевым)

Полковнику Белавенцу
Каждый дал по яйцу.
Полковник Белавенец
Съел много яец.

Пожалейте Белавенца,
Умеревшего от яйца.

[1919 или 1920]

Мир должно в черном теле брать.
Ему жестокий нужен брат.
От семиюродных уродов
Он не получит ясных всходов.

Май 1935

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

Большинство публикаций третьего тома собрания сочинений О. Э. Мандельштама основаны на копиях с авторских машинописей. Поэтому нами не всегда точно установлены даты и номера газет (особенно — провинциальных), в которых были опубликованы те или иные очерки и статьи. Такие газеты, как «Киевская Вечерняя Газета», «Киевский Пролетарий», «Советский Юг», ростовский «Молот», оказались нам недоступными, и мы не смогли ни сверить наших текстов с текстами публикаций, ни, как сказано выше, установить точную дату тех номеров газет, в которых эти произведения Мандельштама были опубликованы. В некоторых случаях, при наличии журнальной публикации, мы все же придерживались машинописного текста, причем оговаривали расхождения между ними только в том случае, если это расхождение имело существенное значение: пропуск в печатном тексте отдельных слов авторской машинописи, если он мог быть вызван частыми в органах периодической прессы чисто техническими сокращениями (или небрежностью набора), нами не указывается в примечаниях.

КИЕВ. Очерк опубликован в «Киевской Вечерней Газете», вероятно, в мае 1926. Публикуется по копии с авторской машинописи. «М а н д а т» — комедия Николая Эрдмана (р. 1902), поставленная Театром Вс. Мейерхольда и — в 1925—1928 гг. — шедшая в театрах большого количества городов СССР. Еврейский Камерный театр — основан, в качестве театральной студии, в 1919 г. в Петрограде, в 1921 г. реорганизован в Еврейский Камерный театр под руководством А. Грановского и переведен в Москву, затем переименован в Государственный Еврейский театр (Госет). Душой этого театра, закрытого в 1948 г., был С. М. Михозлс. Д у р о в — Владимир Леонидович Дуров (1863—1934), знаменитый клоун и дрессировщик животных. Много гаст-

ролировал по России и Европе. Коллегия Павла Галагана — закрытое среднее учебное заведение в Киеве, соответствующее четырем последним классам гимназии.

БАТУМ. Впервые — газета «Советский Юг», в конце января 1922. Затем перепечатано в ряде газет юга СССР и — в сокращенном виде — в «Правде», 3 февраля 1922 (в этой сокращенной — почти вдвое! — версии опубликовано во 2-м томе нашего собр. соч., 1966): в редакции «Правды» выпущена целиком вся вторая главка очерка; изъяты полностью 4-й («Спекулятивная иерархия Батума...») и два последних («Вот случай...» и «Я был на этом представлении...») абзаца первой главки; абзац 5-й («Если вечер грузинский...») главки третьей. Нами публикуется по копии с авторской машинописи. В 1918—1921 гг. Мандельштам, как и многие, вел кочевую жизнь — в поисках менее голодного города. В своих «Записках на манжетах» («Возрождение», альманах, том 2, изд. «Время», М., 1923; в извлечениях перепеч. в журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1967, № 3, стр. 12) Мих. Булгаков повествует о том, как мечутся по России писатели — в поисках заработка, спокойствия, просто — хлеба: «Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один — из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь. Лезет взъерошенный Осип с чемоданом и сердится: — Вот не доедем, да и только! — Натурально, не доедешь, ежели не знаешь, куда едешь! ... Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью: — Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас не покупают? — ... но денег не пла... — начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...» В хронике библиографического берлинского журнала рассказывается, что Мандельштам «... жил в 1920 г. в Крыму, в Коктебеле, близ Феодосии. В настоящее время находится в Закавказье. Устраивал вместе с И. Эренбургом в Батуми и Тифлисе вечера стихов, на которых читал свои стихи...» («Русская Книга», 1921, № 1, стр. 25).

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Публикуется, очевидно, впервые по копии с авторской машинописи. Этот незаконченный очерк перекликается с автобиографическим очерком «Меньшевики в Грузии», опубликованным в журн. «Огонек», 1923, № 20, 12 августа (см. второй том наш. собр., 1966), в некоторых случаях (разговор с генералом, напр.) просто повторяя его. Возможно, «Возвращение» является первой редакцией «Меньшевиков в Грузии». «Вновь очутившись в Крыму в разгар гражданской войны, Мандельштам был арестован отступающими врангелевцами, которые сочли его большевистским шпионом. Лишь усилия Максимилиана Волошина спасли поэта от расстрела. Из Крыма Мандельштаму удалось выбраться в Батуми, где меньшевистские власти умудрились принять его уже за двойного агента — и Врангеля, и большевиков — и тоже засадили в тюрьму, из которой его вызволили опять-таки поэты — на этот раз грузинские, случайно приехавшие в Батуми и прочитавшие в газете сенсационную версию о 'двойном агенте'. Так очутился Мандельштам в Тбилиси»... (Георгий Маргвелашвили. Об Осипе Мандельштаме. «Литературная Грузия», 1967, № 1, стр. 90). В Тбилиси с Осипом Мандельштамом и его братом Александром встретился Илья Эренбург: «Навстречу нам (т. е. Эренбургу и его жене «Любе», — ред.) по Головинскому проспекту шел Осип Эмильевич Мандельштам. Мы обрадовались ему, он — нам. Он уже чувствовал под ногами почву и деловито сказал: 'Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан...'. Мандельштам рассказал нам о своих злоключениях. В Батуми опасались эпидемии чумы, и квартал, в котором нашли комнату Осип Эмильевич и его брат, был оцеплен. Мандельштам гадал, от чего он умрет: от романтической чумы или от вульгарного голода. Его размышления были прерваны меньшевистскими охранниками, которые отвели Осипа Эмильевича в тюрьму. Напрасно он пытался еще раз объяснить, что не создан для тюремного образа жизни, — это не произвело никакого впечатления. Он говорил, что он — Осип Мандельштам, автор книги 'Камень', а ему отвечали, что он агент генерала Врангеля и большевиков... Случайно в Батуми приехали грузинские поэты и прочитали в газете, что 'двойной агент Осип Мандельштам' выдает себя за поэта. Они добились освобождения Осипа Эмильевича.

Рассказав это, Мандельштам не стал философствовать над особенностями эпохи, а повел нас к Тициану Табидзе, который восторженно вскрикивал, обнимал всех, читал стихи, а потом побежал за своим другом Паоло Яшвили. Мы обомлели, увидев на столе духана различные яства, о существовании которых успели давно позабыть. ... На следующее утро я пошел с Мандельштамом в советское посольство. Нас ласково приняли, обещали переправить в Россию; придется, однако, подождать неделю-другую. Паоло устроил нас в старой, замызганной гостинице. Свободных комнат в городе не было, и нам пришлось поместиться в одном номере: братья Мандельштамы, Люба, Ядвига и я. Осип Эмильевич от кровати отказался — боялся клопов и микробов; спал он на высоком столе. ... Мы прожили в Тбилиси две недели; они показались мне лирическим отступлением. Каждый день мы обедали, — более того, каждый вечер ужинали. У Паоло и Тициана денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей, выбирали самые знаменитые духаны, потчевали изысканными блюдами. Порой мы шли из одного духана в другой — обед переходил в ужин. ... Мы проверяли, какое вино лучше — телиани или кварели. (Ср. стих. «Мне Тифлис горбатый снится» в первом томе наш. изд. — Ред.) ... Мы восхищались в духанах картинами Пиросманишвили, грузинского Руссо, художника-самоучки, который за шашлыки и вино расписывал стены погребков. Он был прост, поэтичен, поражал умелой композицией и полнотой цвета. ... В конце 1937 года я приехал из Испании, прямо из-под Теруэля, в Тбилиси ... Паоло и Тициана не было. ... Тициана арестовали, а Паоло, когда за ним пришли, застрелился из охотничьего ружья. ... Но я сейчас пишу всего-навсего о двух коротких неделях осени 1920 года, когда грузинские друзья приютили, пригрели нас. Друзей этих уже нет ... (Советский посол в Грузии) сказал мне, что я поеду из Тбилиси в Москву как дипломатический курьер. Это не было ни почетной синекурой, ни маскировкой, чтобы пересечь границу, нет, я должен был отвезти пакет с почтой и три огромных тюка, снабженных множеством печатей. Мне часто приходилось и приходится ездить за границу; если со мной едут другие товарищи, среди них обязательно имеется 'руководитель делегации'. А вот из Тбилиси я отправился

с семью лицами; одни из них в документе именовались 'сопровожающими' (Люба, Ядвига, братья Мандельштамы...), другие числились моей 'охраной'. — краснофлотец и молодой актер Художественного театра. ... Осип Эмильевич читал стихи нашим попутчицам. ... (По пути, за Владикавказом, когда) ... мы отъехали сорок или пятьдесят километров, поезд остановился. Мы услышали выстрелы. Затараторил пулемет. Военные сказали, что белые разобрали путь и собираются напасть на поезд; мы должны взять винтовки и стрелять. Все это вывело из себя Осипа Эмильевича, который чувствовал к любому виду оружия непреодолимое отвращение. В его голове созрел фантастический план: он с Любой уйдет в горы... Люба не поддавалась его увещаниям, а белых скоро отогнали. ... Где-то между Ростовом и Харьковом к поезду подошли махновцы. Я знал по опыту, что это значит... Все... обошлось. Мы доехали до Москвы. ... Осип Эмильевич уже успел с кем-то поговорить по телефону, нашел ночевку для себя и брата и объявил нам, что вечером мы должны прийти в Дом Печати на Никитском бульваре — там дают бутерброды. ... Вечером мы пошли в Дом Печати; я увидел многих знакомых. В буфете действительно давали крохотные ломтики черного хлеба с красной икрой и воблой; кроме того, там можно было получить чай, который благоухал не то яблоками, не то мятой, разумеется, без сахара. ... Несколько огорчил нас инцидент с Мандельштамом. Он сидел в другом углу комнаты. Вдруг вскочил Блюмкин и завопил: 'Я тебя сейчас застрелю!' Он направил револьвер на Мандельштама. Осип Эмильевич вскрикнул. Револьвер удалось вышибить из руки Блюмкина, и все кончилось благополучно». (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. — Собр. соч. в 9 тт., т. 8, ГИХЛ, М., 1966, стр. 319—329).

М а з у р к е в и ч — Владимир Александрович Мазуркевич (1871—1942) — стихотворец, автор популярных романсов («Дышала ночь восторгом сладострастья», и т. п.).

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ. Публикуется впервые по копии с авторского черновика. Два последних абзаца опубликованы в «Вопросах Литературы», 1968, № 4, стр. 199—200. «А л ь м а н а х М у з», изд. «Фелана», Петроград, 1916. В этом альманахе принимал участие и Мандельштам (стих.

наш. собр. №№ 44, 84, 85). Может быть, это и было причиной того, что статья «О современной поэзии» не была опубликована.

ПИСЬМО О РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Опубликовано в газете «Молот», Ростов-на Дону, 1922. Отрывок — об Ахматовой — цитировался в книге Л. Озерова «Работа поэта», М., 1963, стр. 185, и в ряде других книг и статей. Включен и во второй том наш. собр. сочинений, 1966.

КОЕ-ЧТО О ГРУЗИНСКОМ ИСКУССТВЕ. Опубликовано в ростовской газете «Молот» в январе 1922. «... Осенью 1920 года дружба Осипа Мандельштама с грузинскими поэтами завершилась довольно своеобразным конфликтом: Мандельштам, восхищенный неповторимым колоритом Тифлиса и ярким своеобразием жизни грузинской столицы, искренне недоумевал, почему друзья его, щедро заселяя свои стихи образами, навеянными европейской литературой, и славословя Париж, недостаточно пристально вглядывались стихом в образы родной земли. Для такого вывода поэзия грузинских символистов-голубороговцев той поры действительно давала известный повод. И Мандельштам, уже выехав из Грузии, написал и опубликовал очерк, в котором, быть может, слишком заострил эту тему, вызвав обиду друзей, выступивших даже с ответной полемической статьей. Позднее этот эпизод представлялся в ином, разумеется, свете — было забавно и даже приятно вспомнить, как русский поэт старался преподать урок патриотизма своим товарищам по перу...» (Г. Маргвелашвили. Об Осипе Мандельштаме. «Литературная Грузия», 1967, № 1, стр. 92). **Нико Пироманишвили** (1860?—1918) — одареннейший художник-самоучка, писавший преимущественно на клеенках самодельными красками вывески и картины — пейзажи и жанровые, натюрморты и изображения животных. **Важа Пшавела** — о нем см. в первом томе наш. собр. соч.

РЕВОЛЮЦИОНЕР В ТЕАТРЕ. Опубликовано в журн. «Театр и Музыка», 1923, № 1-2, 5 января. **Эрнст Толлер** (1893—1939) — немецкий поэт, драматург, прозаик. Его пьесы «Человек-масса» (1921), «Освобожденный Вотан» (1923),

«Эуген Несчастный» 1923), «Гоп-ля, мы живем!» (1927) и др. ставились в 1920—1930-х гг. в театрах СССР.

ОГЮСТ БАРБЬЕ. Опубликовано в журн. «Прожектор», 1923, № 13. О Барбье см. в первом томе наш. собр. соч. Мандельштама, где опубликованы и переводы ряда стихотворений Барбье.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Опубликовано посмертно (публикация Н. Я. Мандельштам) в журн. «Детская Литература», 1967, № 6, стр. 64. У нас — по копии с машинописи автора.

«Детская литература» не могла быть опубликована в те годы (очевидно, 1928—1930), когда была написана автором. Это были годы официального гонения на сказку, гонения, возглавлявшегося вдовой Ленина — Н. К. Крупской, писавшей глупейшие статьи против сказки вообще и, в частности, против сказок Корнея Чуковского: «Крокодила» в особенности... Чуковский вспоминает о той поре в своей книге «От двух до пяти»: «Сказка 'Мойдодыр', например, была осуждена Главсоцвосом за то, что в ней я будто бы оскорбил... трубочистов. С этим приговором вполне согласилась обширная группа тогдашних писателей, в числе двадцати девяти (!) человек, которая так и заявила в 'Литературной Газете' в 'Открытом письме М. Горькому': 'Нельзя давать детям заучивать наизусть:

А нечистым трубочистам

Стыд и срам, стыд и срам! —

и в то же время внедрять в их сознание, что работа трубочиста так же важна и почетна, как и всякая другая'. С 'Крокодилом' обошлись еще проще: возвестили публично (в газетах и на многолюдных собраниях), будто я изобразил в этой сказке — что бы вы думали? — мятеж генерала Корнилова. То обстоятельство, что 'Крокодил' написан годом раньше, чем был поднят мятеж, не отменило этой неправдоподобной легенды. Запрещение 'Крокодила' в 1928 году вызвало протест ленинградских писателей и ученых. В моем архиве сохранилась бумага, обращенная к педагогической Комиссии ГУСа (Государственного ученого совета):... Под влиянием этого протеста было дано разрешение 'издать книгу небольшим тиражом', но через несколько месяцев разрешение было взято назад, несмотря даже на вме-

шательство Горького. А люди, подписавшие эту бумагу, были названы 'группой Чуковского'. Впрочем, 'Крокодил' был счастливчиком по сравнению с 'Мухой-цокотухой', от которой не раз и не два спасали советских детей. Раньше всего на том основании, что Муха (по остроумной догадке все той же Комиссии ГУСа) — 'переодетая принцесса', а Комар — 'переодетый принц'. В другой раз — за то, что в нее 'было протаскано' мною такое двустишие:

А жуки рогатые,
Мужики богатые, —

а это, по мнению Комиссии, свидетельствует, что я выражаю сочувствие кулацким элементам деревни. В третий раз злополучная 'Муха' подверглась осуждению за то, что она будто бы подрывает веру детей в торжество коллектива . . . . Тогда же в Москве состоялся диспут о детской книге. Об этом диспуте писатель Д. Кальм дал отчет в 'Литературной Газете' под таким заглавием: 'Оградим нашего ребенка от классово-чуждых влияний!'» (К. Чуковский. Собр. соч. в 6 тт., том 1, ГИХЛ, М., 1965, стр. 541—543). В журнале «Дошкольное Воспитание» (1929, № 4, стр. 74) говорилось, что «Мойдодыр» «. . . развивает суеверие и страхи», «Муха-цокотуха» «восхваляет кулацкое накопление», «Тараканище» и «Крокодил» «дают неправильное представление о мире животных и насекомых». В те же годы вышла книжка Э. Яновской «Сказка как фактор классового воспитания». А с одной из гонительниц сказок, коммунистом-педагогом Э. Станчинской, писавшей в одной из своих статей: «Предлагаем заменить народные нереальные, фантастические сказки простыми реальными рассказами из мира действительности и природы» («На Путиях к Новой Школе», 1924, № 1), — произошел курьезный случай, о котором рассказывает тот же Чуковский: «Как видно из ее дневника — а этот дневник напечатан, — ее маленький мальчик, словно в отместку за то, что у него отняли сказку, стал с утра до ночи предаваться самой буйной фантастике. То выдумает, что к нему в комнату приходил с визитом красный слон, то будто у него есть подруга — медведица Кора; и, пожалуйста, не садитесь на стул рядом с ним, потому что — разве вы не видите? — на этом стуле медведица . . .» (К. Чуковский, там же, стр. 544). Мы позволили себе дать столь пространные комментарии к столь не-

большому очерку Мандельштама только для того, чтобы показать его пародийный характер, прямо притом опирающийся на полемику о детской литературе тех лет...

ВЕЕР ГЕРЦОГИНИ. Опубликовано в газ «Киевский Пролетарий» в 1929 году. У нас — по копии с авторской машинописи. Алексей Владимирович Липецкий (1887—1942) — один из многочисленных идеологически выдержанных стиходелов и романоделов. Его роман «Наперекор» вышел в 1928 году. Роман Вениамина Александровича Катая (р. 1902) «Скандалист, или вечера на Васильевском острове» опубликован впервые в журн. «Звезда», №№ 2—7 за 1928 г. «Конец хазы» опубликован в альманахе «Ковш», кн. 1, 1925. «Растратчики», повесть Валентина Петровича Катаева (р. 1897), опубликована в 1926 г. «Двенадцать стульев» — юмористическая повесть Ильи Арнольдовича Ильфа (1897—1937) и Евгения Петровича Петрова (Катаева, 1903—1942), опубликована впервые в 1928 г. в журн. «30 дней».

ЖАК РОДИЛСЯ И УМЕР. Опубликовано в газ. «Киевский Пролетарий» в 1929 г. У нас — по копии с авторской машинописи. Эта статья примыкает к другим статьям Мандельштама, посвященным качеству советских переводов произведений иностранной литературы: «Потоки халтуры» («Известия», 7 апреля 1929) и «О переводах» («На Литературном Посту», 1929, № 13, июль). Обе статьи — см. второй том наш. собр. соч. Мандельштама, 1966.

ЮНОСТЬ ГЕТЕ. Текст радиопередачи, написанный Мандельштамом в 1935 г. Публикуется впервые. В письме (№ 56 — в этом томе), датированном предположительно весной 1935 г., Мандельштам писал жене: «Все не знаю, брать ли службу. Неудобно бросать и занят сочинением. И мало дадут... Ай, радио запущено. Помогите. Дайте материалы: к Шервинскому (молодость Гете)...». «Занят сочинением...». Судя по этому, предыдущим и последующим письмам 1935 года к жене, Мандельштам готовил книгу своих стихов и, одновременно, «подборку» стихов для воронежского журнала «Подъем».

Игорь Северянин. ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК. Рецензия, опубликованная за подписью «О. М.», в журн. «Гиперборей», № 6, март 1913, стр. 28.

ЖАН РИШАР БЛОХ. — ЖОРЖ ДЮАМЕЛЬ. — СКИ-ПЕТР. АБЕЛЬ АРМАН. — ЛУИ ПЕРГО. РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ. «Внутренние» рецензии Мандельштама, т. е. рецензии, предназначенные не для печати, а для руководства тех или иных издательств, редакций журналов и т. д. На основании этих рецензий, написанных экспертом, редактор-руководитель издательства или журнала решает — следует ли заказывать тем или иным лицам перевод данной вещи для издания ее на русском языке, или эта вещь для издательства (или журнала) интереса не представляет. Мандельштам, вечно нуждавшийся в куске хлеба, почти не издававшийся, зарабатывал некоторое время на существование писанием подобных «внутренних» рецензий. «Жить в общем было не на что: какие-то полупереводы, полурецензии, поубещания». (Анна Ахматова. Мандельштам. Сочинения, том 2, изд. Международн. Литературн. Содружества, 1968, стр. 180). Это было время, когда Мандельштам «поступил на службу в газету 'Московский Комсомолец' прямо из караван-сарая Цекубу» (О. Мандельштам. Четвертая проза. См. второй том наш. изд., 1966). Но и раньше Мандельштам «подрабатывал» рецензиями. Так, в письме (№ 19 в этом томе) к жене, (от февраля 1926 г.), он писал: «Горлин поручил мне писать рецензии (на утверждение) для Москвы. Что пройдет — будет мое. Первая же утвержденная книга». Следовательно, Мандельштам старался для «внутренних» рецензий подобрать таких авторов, каких ему могли поручить переводить на русский язык. А. Н. Горлин работал в те годы, в частности, в издательстве «Земля и Фабрика» (ЗиФ). Писал Мандельштам «внутренние рецензии» и на книги советских авторов, поступающие в редакции издательств. Об этом глухо пишет поэт А. Коваленков («Письмо старому другу», в его кн. «Хорошие, разные...», М., 1966, стр. 10—11). Все указанные выше «внутренние» рецензии публикуются впервые. Ж а н Р и ш а р Б л о х (правильно — Блок) — французский писатель (1884—1947), видный член коммунистической партии Франции, редактировавший вместе с Ромэн

Ролланом журнал «Европа». Первый раз приезжал в СССР на Первый всесоюзный съезд писателей СССР в 1934 году — и пробыл в Советском Союзе полгода. А с весны 1941 г. и до победы над Германией проживал в СССР. Ж о р ж Д ю а м е л ь (р. 1884) — французский писатель, примыкавший к унанимизму (см. об этом литературном движении статью Мандельштама о Жюле Ромэне во втором томе наш. изд., 1966).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР И СЛОВО. Опубликовано в журн. «Театр и Музыка», М., 1923, № 36 (6 ноября).

БЕРЕЗИЛЬ. Опубликовано в ленинградской «Вечерней Красной Газете», 1926, № 140, 17 июля. Театр Б е р е з и л ь — один из немногих, может быть, единственный украинский театр на территории СССР, ломавший штампы и традиции старого украинского театра, искавший новые пути в театральном искусстве. Основан в 1922 г. в Киеве, в 1926 г. переведен в Харьков. Худож. руководитель — Лесь (Александр Степанович) Курбас (1887—1942). В начале тридцатых годов началась в печати и на собраниях травля Курбаса и «Березиля», в 1933 г. Курбас был изгнан из руководства театра, арестован и осужден на заключение в лагерях НКВД — в те же годы, погиб в лагерях и — в последние годы — «посмертно реабилитирован». В 1933 году театр «Березиль» «реорганизован» и переименован в Украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко, — попросту превращен в рутинный и реакционный театр обычного советского типа... «Д ж и м м и Х и г г и н с» — инсценировка романа (1919) Эптона Синклера (р. 1878), американского писателя, чрезвычайно популярного в СССР в двадцатых годах. «М а н д а т» (1925) — комедия Николая Робертовича Эрдмана (р. 1902). «В о з д у ш н ы й п и р о г» (1924; впервые — на сцене Моск. Театра Революции в феврале 1925) — комедия Бориса Сергеевича Ромашова (1895—1958).

МИХОЭЛС. Опубликовано (до абзаца «...и человек-то подбитый ветром...» — начиная с этого абзаца незаконченная вторая часть очерка, оставшаяся в черновике, публикуется нами впервые) в ленинградской «Вечерней Красной Газете», 10 августа 1926. Соломон Михайлович М и х о

э л с (псевдоним; настоящая фамилия — Вовси; 1890—1948) — крупнейший еврейский актер, артист и — с 1929 г. — руководитель Гос. Еврейского театра (Госета). Театр разгромлен в середине 40-х годов. Михоэлс — убит «при невыясненных обстоятельствах», на самом деле — убит работниками органов безопасности Советского Союза.

ЯХОНТОВ. Опубликовано в журн. «Экран», М., 1927, № 31, стр. 15. Владимир Николаевич Я х о н т о в (1899—1945) — артист-чтец с 1922 г. (в 1924—1926 гг. — актер театра Мейерхольда), в 1927 г. создал театр одного актера «Современник», просуществовавший до 1935 г. Автор книги «Театр одного актера», М., 1958. В л а д и м и р с к и й С. Я. — режиссер театра «Современник» (вместе с Е. Е. Поповой-Яхонтовой).

КУКЛА С МИЛЛИОНАМИ. Опубликовано в газ. «Киевский Пролетарий» в 1928 г. У нас — по копии с авторской машинописи. «К у к л а с м и л л и о н а м и» — фильм, выпущенный на экран в 1928 г. Автор сценария — Олег Леонидович Л е о н и д о в (1893—1951) — совместно с Ф. Оцедом. Столь красочно охарактеризованный Мандельштамом фильм посвящен, по словам советского К и н о с л о в а р я в 2 т т. (т. 1, М. 1966, столб. 929), «проблемам современности, новой морали советского общества». Режиссер фильма — Сергей Петрович К о м а р о в (1891—1957) — актер, режиссер, с 1935 г. Заслуженный артист РСФСР. Поставил, между прочим, картину с участием Мэри Пикфорд, Дугласа Фэрбенкса и Игоря Ильинского «Поцелуй Мэри Пикфорд», 1927. Кинооператор — Константин Андреевич К у з н е ц о в (р. 1899). В роли Поля Колли Игорь Владимирович И л ь и н с к и й (р. 1901). Художник фильма — Александр Михайлович Р о д ч е н к о (1891—1956), сотоварищ Маяковского по ЛЕФу, художник-конструктивист, создатель многих фотомонтажей. Г а с т е в Алексей Константинович (1882—1941), член партии с 1901 г., ссылавшийся и неоднократно сидевший в тюрьмах до революции, несколько раз бывавший в эмиграции до 1917 г., — поэт, публицист, один из главарей Пролеткульта. В 1920 г. создал в Москве Центральный институт труда при ВЦСПС (ЦИТ). В своих книгах проповедовал научную организацию труда (по Тэйлору). В 1938 г. арестован органами НКВД, пытан и заключен в

лагеря НКВД, где и погиб. Макс Линдер (настоящее имя — Габриель Лёвель, 1883—1925) — французский комический актер, всемирно прославившийся в фильмах Пате (снимался, начиная с 1905 г.). Апогей славы М. Линдера — 1910—1913 гг. Глупышкин — русская комическая кино-маска, созданная в подражание М. Линдеру. ЗАГС — отдел записи гражданского состояния, где в СССР регистрируются рождения, браки, разводы, смерти. Семашко Николай Александрович (1874—1949) — видный деятель коммунистической партии (с 1893 г.), первый народный комиссар здравоохранения РСФСР, академик. Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — видный деятель коммунистической партии (с 1901 г.), один из организаторов и возглавителей Октябрьской революции в Петрограде (председатель Военно-революционного комитета). «Дом Герцена» — «Дом Печати» — организован в Москве в 1920 г. В первые годы его существования членами дома печати были 222 литератора, кандидатами в члены — 114. Дом этот фигурирует в «Четвертой прозе» Мандельштама. Упомянутые в начале очерка создатели еженедельника «Огонек» (выходит в Москве с апреля 1923) — Михаил Ефимович Кольцов (1898—1942), писатель, журналист, член коммунистической партии с 1918 г., погиб в лагерях НКВД, куда был заключен в 1938 г.; Ефим Давыдович Зозуля (1891—1941), писатель, сатириконец, погиб на фронте в начале Второй мировой войны.

ГОСУДАРСТВО И РИТМ. Опубликовано в журн. «Пути Творчества», Харьков, 1920, № 6-7, стр. 74—76. Жак Далькроз (1865—1950) — композитор, создатель новой системы ритмической гимнастики. Одно время этой гимнастикой интересовались Блок, Пяст, Кузмин, Мандельштам, Вс. Рождественский. Даже сами участвовали на маскарадах, устраиваемых школами ритмической гимнастики. Так, Надежда Павлович вспоминает, как 11 января 1921 г. она была с Блоком на маскараде на Миллионной, в школе ритма Ауэр. Туда же собрались Рождественский, Пяст и Мандельштам. «Кому-то удалось выхлопотать, чтобы Театр оперы и балета (б. Мариинский) прислал нам маскарадные костюмы. Они были изрядно измяты, и надо было их поправлять и гладить. Гладильную доску приспособили в мо-

ей узкой и длинной комнате. Дом Искусств обслуживали бывшие лакеи и швейцары Елисеева. В этот вечер кто-то спросил у старого лакея Ефима, где сейчас Мандельштам, и получил изысканный ответ: 'Г-н Мандельштам у г-жи Павлович жабу гладят' (жабо). Это стало потом ходовым словом» (Н. Павлович. Воспоминания об Ал. Блоке. Б л о к о в с к и й с б о р н и к, Тарту, 1964, стр. 493). В тех же воспоминаниях Павлович (стр. 492) рассказывается о Мандельштаме в «Доме Искусств»: «По холодной лестнице, по уцелевшей бархатной елисеевской дорожке, полузакрыв глаза, спускается Мандельштам и бормочет: 'Зиянье аонид... зиянье аонид...' Сталкивается со мной: 'Надежда Александровна, а что такое 'аониды'?'» Там же (стр. 474) приводится сообщенная Пястом эпиграмма на Мандельштама:

За жизнь свою медной полушки не даст,
Кто зрел, как собираются в клуб
И Блок ледяной, и уродливый Пяст,
И ужас друзей — Златозуб.

«Зубов у него вообще не было. Зубы заменяли золотые лопаточки, ... скромно притаившиеся за довольно длинной верхней губой. За эти золотые лопаточки он и носил прозвание 'Златозуб'» (И. Одоевцева. На берегах Невы. Вашингтон, 1967, стр. 190). «Эпиграмма на Осипа:

Пепел на левом плече и молчи —
Ужас друзей, — Златозуб.

Это может быть даже Гумилев сочинил. Куря, Осип всегда стряхивал пепел как бы за плечо, однако, на плече обычно нарастала горка пепла» (А. Ахматова. Мандельштам. С о ч и н е н и я, под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 2, 1968, стр. 168). В уже цитированных выше воспоминаниях Н. Павлович рассказывает о впечатлении от наружности Мандельштама тех лет: «5 октября открылся клуб поэтов. Мы получили помещение на Литейном в бывшем доме Мурузи. Наиболее интересен был вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступал О. Э. Мандельштам. Он привез прекрасные стихи, и Блок слушал его с большим интересом, особенно его стихи о Венеции, напомнившие Александру Александровичу собственные венецианские впечатления. С первого взгляда лицо Мандельштама не поражало. Худой, с мелкими, неправильными чертами, он всем своим обликом напоминал персонажей

картин Шагала. Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. Мы с Блоком сидели рядом. Вдруг он тихонько тронул меня за рукав и показал глазами на лицо Осипа Эмильевича. Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо так изменялось от вдохновения и самозабвения. Некрасивое, незначительное лицо Мандельштама стало лицом ясновидца и пророка. Это поразило и Александра Александровича» (Б л о к о в с к и й с б о р н и к, стр. 472—473). В начале двадцатых годов Мандельштам нередко бывал в студии ритмического движения (гимнастического танца) на Петроградской стороне в Петрограде-Ленинграде (по системе Далькроза), где нередкими гостями были Мих. Кузмин, Юрий Шапорин и др. Об этих годах см. также: Е. М. Тагер. О Мандельштаме. Воспоминания. Публикация и комментарий Г. П. Струве. (Нью-Йорк, 1966), стр. 16—17. (Ранее — «Новый Журнал», № 81, 1965).

КРОВАВАЯ МИСТЕРИЯ 9-го ЯНВАРЯ. Опубликовано в газ. «Советский Юг», 22 января 1922. Гапон, Георгий Аполлонович (1870—1906), — священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», союза, преследовавшего защиту экономических требований рабочих, обслуживающего и культурные и просветительские нужды пролетариата. Союз объединял в 1903—1904 гг. много тысяч рабочих Петербурга и был весьма популярен, как был популярен и его организатор и возглавитель — о. Георгий Гапон. Гапон был связан и с Министерством внутренних дел, и с петербургским градоначальником, но рассматривать его столь элементарно, как это делается в советских источниках, отнюдь нельзя. Близко знавший обстановку тех лет В. А. Маклаков пишет: «Для пропаганды революционеров в народе создавалась ... новая благоприятная атмосфера. Власть начала понимать, что одной репрессией она не может с этой атмосферой справиться, и приемы своей борьбы изменила. Она старалась тоже проникать в 'народные массы' и создавать в них сторонников против революции. Так возникла и знаменитая 'зубатовщина' в рабочей среде. В результате ее разыгралась трагедия 9 января в Петербурге. Она всех захватила врасплох. Герой этого дня, священник Гапон, казался загадкой. Помню, как в Москве, на одном адвокатском собрании, под

председательством Малянтовича, нам делали доклад об этих событиях, и с каким почтением в голосе левый докладчик делал доклад о деятельности 'отца Георгия Гапона'. Потом Гапон оказался агентом полиции, был революционером обличен и повешен. В нем, как и в Азефе, как и в большинстве деятелей этого типа, было трудно провести грань между их двумя естествами. Но самое событие 9 января, поход толпы к государю с иконами и пением, которое кончилось расстрелом безоружных, произвело потрясающее на всех впечатление. Расстрел показал, насколько власть была сильнее безоружной толпы, но что зато самые основания власти стали шататься» (В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 319—320). О том, что в Гапоне было как бы две души — душа народолюбца-социалиста и душа охранителя-зубатовца, говорит и граф С. Ю. Витте, вообще бывший противником «зубатовских» рабочих организаций (под покровительством и присмотром полиции): «Когда, еще в 1903 г., началось смутное революционное брожение как на верхах, так и внизу, то, конечно, все рабочие организации прежде всего восприняли революционный дух и революционное настроение. Поп Гапон, если и хотел, то не мог бы удержать этого течения; но ему и не было никакого расчета удерживать, ибо, как я уже говорил, в то время все или во всяком случае большинство спятили с ума, требуя полного переустройства Российской империи на крайне демократических началах народного представительства. . . . Что же удивительного, что не устоял и бедный поп Гапон. . . . И вот Гапон должен был повести (9 января 1905, — ред.) всех этих рабочих, многие тысячи человек, на Дворцовую площадь бить челом Государю Императору, причем они представляли себе, что увидят Его Величество, вручат ему эту просьбу и затем спокойно удалятся. . . . Но дело разыгралось иначе. Все движение было для градоначальника Фулона совершенной неожиданностью; он относился к Гапону и ко всем его организациям крайне благодушно и уверял министра внутренних дел, что ничего серьезного произойти не может. . . .» (С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 340—341). Одна из крупных деятельниц либерального крыла русского общества, писательница и журналистка А. В. Тыркова-Вильямс, тоже не представляет себе фигу-

ру Гапона простой и вполне ясной: «Не успела я пережить Порт Артур, как обрушилось другое событие — 9 января 1905 г. Событие более страшное по своим последствиям... О священнике Гапоне раньше никто не слышал, а тут его пламенные колдовские речи внезапно выбросили на поверхность русской политической жизни тысячи, десятки тысяч рабочих, еще вчера косных и неподвижных, и сразу дали им вождя. Что дало Гапону власть над ними? В рабочих не было ни задора, ни вызова. До Парижа (где находилась тогда — в эмиграции — А. В. Тыркова, — ред.) доносились с Путиловского завода голоса не мятежников, а верноподданных, ищущих защиты у своего государя. Какое же это революционное движение, если челобитчиками руководит поп, который ведет их не против царя, а к царю? Для интеллигенции, тем более революционной, человек в рясе был человек чужой, враждебный. Ну как тут разобраться? Гапоновское движение росло бурно, не по дням, а по часам. С трепетом, со страхом, со смутной надеждой ждали мы выступления рабочих. А вдруг произойдет чудо? Чудо мирного разрешения давно назревших противоречий между властью и подданными. Вдруг рабочие проложат путь к новой жизни? ... Чуда не произошло. Не суждено было Николаю II соприкоснуться с еще нетронутыми революционной яростью, еще мирными народными массами. Что-то страшное, дьявольское есть в этом священнике, у которого, как потом выяснилось, был билет охранника в кармане. Кому он служил? Чего добивалась полиция, когда допустила такую чудовищную провокацию, позволила ему поднять рабочих и повести их под расстрел? С этого дня к широкому лозунгу — Долой самодержавие — прибавился более узкий, более личный клич — долой Николая II» (А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 195—196). После кровавого расстрела рабочей манифестации 9 января, возглавлявшейся им, Гапон бежал за границу, затем вернулся, вел переговоры с полицией, был разоблачен социалистом-революционером П. Рутенбергом и повешен группой рабочих, главным образом эсеров, на даче в Озерках под Петербургом. Проф. Т а р л е, Евгений Викторович (1875—1955), с 1927 г. — академик. Историк, публицист, популярный лектор, близкий уже в начале века к марксистским кругам.

ВОКРУГ НАТУРАЛИСТОВ. Опубликовано в газ. «За Коммунистическое Просвещение», М., 19 апреля 1932, посвящен очерк юбилею (50-летие со дня смерти) Дарвина. Иначе очерк назывался «Литературный стиль Дарвина». Нами публикуется по копии с авторской машинописи. Мандельштам остро интересовался естествознанием, в частности, эволюционной теорией. См. «Путешествие в Армению» и записные книжки к нему и к данной статье, стихотворение «Ламарк» и многие стихи воронежского периода. «В Москве Мандельштама никто не хотел знать, — вспоминает А. А. Ахматова, — кроме двух-трех молодых ученых-естественников, Осип Эмильевич ни с кем не дружил» (А. Ахматова. Соч., т. 2, 1968, стр. 178—179).

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. ЗАМЕТКИ. ЧЕРНОВИКИ. Часть записей публикуется нами впервые — по копиям с авторских машинописей. Часть опубликована в журн. «Вопросы Литературы», 1968, № 4, стр. 181—204, и в примечаниях в кн. «Разговор о Данте», М., 1967 (в основном — черновые записи к этому произведению). В этом разделе отточиями . . . . обозначены нами пропуски в тексте. Часть пропусков объясняется тем, что опущены записи, вошедшие в тексты, опубликованные в печати. Но часть пропусков, несомненно, цензурного характера. Когда мы имели возможность — на основании тех списков с машинописей, которыми мы располагаем, — восстановить текст автора, — мы это делаем — и это не будет оговариваться в примечаниях. Так, например, в публикации «Вопросов Литературы», в отрывке «Первый урок армянского языка . . .» (стр. 183 журн.), пропущена фраза: «В начале советизации он состоял комиссаром в Эчмиадзине», т. к. в дальнейшем этот персонаж стал эмигрантом . . . «В общем, я ничему не научился . . . .», публикуется в журнале с отточиями (пропуском). А в рукописи: «В общем, я ничему не научился у древне-комсомольской царевны». Пропущены и фразы о последнем армянском католикосе. Но восстановить пропущенные по цензурным причинам места мы могли только в тех несчастных случаях, когда в нашем распоряжении были копии с соответствующих записных книжек и заметок Мандельштама. В прямых скобках в этом разделе заключены те слова, фразы и отдельные отрывки, которые в рукописи автора

вычеркнуты им. В угловых скобках [] — слова, введенные редакторами публикации в «Вопросах Литературы» «Разговора о Данте» (1967) и редакторами настоящего собрания сочинений. Все записи и заметки расположены — в пределах каждого раздела, относящегося к тому или иному произведению Мандельштама, — примерно в том порядке, в каком в печатном тексте этих произведений следуют соответствующие им места. «Фрагментарная запись — основа мандельштамовской прозы. Ее нельзя рассматривать только как заготовку для будущего развернутого описания. Отказ Мандельштама-прозаика от принципа 'сплошного' повествования входил в систему его эстетических воззрений, о чем в записных книжках 1931—1932 годов прямо идет речь» (Из вст. заметки И. Семенко — «Вопросы Литературы», 1968, № 4, стр. 181).

К СТАТЬЕ «ФРАНСУА ВИЛЛОН». Опубликовано в «Вопросах Литературы», 1968, № 4, стр. 199. *Huitain* — строфавосьмистишие.

К «ЗАМЕТКАМ О ШЕНЬЕ». Опубликовано там же, стр. 200—201. О *Eta, mont ennobli...* анализируется фрагмент из «Идиллий», описывающий саможжение Геракла на горе Эта. См. вольный перевод Пушкина: «Из А. Шенье».

ЗАПИСИ 1931 ГОДА. Опубликовано там же, стр. 201—202. ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ (З а п и с н ы е к н и ж к и). Публикуется по списку с машинописи автора и по «Вопросам Литературы», 1968, № 4, стр. 181—194. Во вступительной заметке, предшествующей перепечатке мандельштамовского «Путешествия в Армению» в журн. «Литературная Армения» (1967, № 3, стр. 82—83), Геворк Эмин пишет: «... Подлинно библейский дух ощущается в посвященных Армении стихах Мандельштама — веяние библейского Арарата, скрещенное с духом народа, создавшего Библию. Мандельштам мечтал об Армении еще до приезда сюда, он писал о ней не только здесь, но и потом в Москве и Воронеже, до последних дней жизни. ... В творческую командировку в Армению Мандельштам приехал с женой в мае 1930 года и оставался здесь до ноября. Приехал он через Ленинакан, ...; а потом из Еревана ездил по Армении — в Ашта-

рак и Эчмиадзин, на Арагац и Севан... Июнь и июль Мандельштам провел на Севане и имел там возможность познакомиться со многими деятелями культуры. ... Мандельштам описывает трудную, полную восклицательных знаков Армению тридцатых годов, но на его мыслях и чувствах нет отпечатков календарного или парадного штампа; не скованные ничем, они свободны и самовластны — и это одна из его характерных особенностей. Может быть, именно по этой причине заметки эти, написанные по свежим следам конкретных событий, не устарели и сегодня. Влюбленный в Армению, Мандельштам еще в Москве стал изучать армянский язык, даже более того — древнеармянский язык, грабар. ... Мандельштам не только написал посвященный Армении цикл стихов, но и серьезно изучил армянскую легенду 'Аршак и Шапук', думая, вероятно, впоследствии также написать стихи на эту тему или по-своему переработать эту древнюю мудрую повесть...». В виде послесловия к «Путешествию в Армению» в том же номере «Литературной Армении» (стр. 99—101) опубликованы воспоминания о поездке в Армению Надежды Яковлевны Мандельштам. Приводим их:

Мы вернулись из Армении и прежде всего переименовали нашу подругу [А. А. Ахматову, — ред.]. Все прежние имена показались нам пресными: Аннушка, Анюта, Анна Андреевна. Последнее оставалось, конечно, всегда. Они познакомились совершенно желторотыми птенцами, а в их поколении юнцы всегда именовали друг друга по имени отчеству. Но новое имя приросло к ней, до самых последних дней я ее называла тем новым именем, так она подписывалась в письмах — Ануш. Имя Ануш напоминало нам Армению, о которой Мандельштам, как он всюду пишет, не переставал мечтать. Он запомнил стишок про прялку — я не решаюсь записать его в транскрипции: за столько лет, звуки перепутались, но армянская прялка жила с нами вместе с шубертовской.

Мандельштам учился армянскому языку, наслаждаясь сознанием, что ворочает губами настоящие индоевропейские корни. Он убеждал меня, что не утраченная армянская флексия — это и есть цветение языка, его творческий период. Я узнавала Гумбольдта

и, как настоящая потебнистка, доказывала, что современные языки лучше. Я и тогда подозревала, что древнеармянский, он, кажется, называется грабар, вытесняет у него крохи современного языка, которому он успел научиться. И это однажды подтвердилось. Наткнулись, гуляя, на мальчишку, который сидел в арыке, что ли, словом, в грязи. Мандельштам обожал детей, а на черноглазых живчиков Армении не мог налюбоваться. Ему захотелось проявить отцовскую заботу и объяснить мальчишке, как надо себя вести, а тот по-русски не знал. «Грязь, — сказал Мандельштам на неизвестном мне языке, — нельзя, нехорошо, грязь» . . . Мне он все это перевел на русский, а мальчишка вылупил глаза, услышав, вероятно, чем-то родные, но совсем незнакомые звуки: язык Моисея Хорнского, или я не знаю, кого из писателей и летописцев великой армянской литературы, которая дала так много счастья Мандельштаму.

Мы слушали одноголосые хоры Комитаса, и Мандельштам, очень музыкальный, вспоминал их потом и в Москве, и в Воронеже. О своем отношении к армянской архитектуре он рассказал сам.

Путешествие в Армению не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй Мандельштамовского историософского сознания. Он-то, разумеется, этого так не называл — для него это было бы слишком громко, и я сама поняла это через много лет после его смерти, роясь в записных книжках и дочитывая мысли и слова, которые мы не успели друг другу сказать. Традиция культуры для Мандельштама не прерывалась никогда: европейский мир и европейская мысль родилась в Средиземноморье — там началась та история, в которой он жил, и та поэзия, которой он существовал. Культуры Кавказа — Черноморье — та же книга, «по которой учились первые люди». Недаром в обращении к Ариосту он говорит: «В одно широкое и братское лазорье сольем твою лазурь и наше черноморье». Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно — туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания сти-

хи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали . . .

Мы много ездили по Армении и видели много, хотя, конечно, не все, что хотелось. Людей мы знали мало. Видели Сарьяна, чудного художника. Он пришел к нам еще в первый день в гостиницу, когда мы много часов подряд ждали, чтобы нам отвели номер, а гостеприимные хозяева — культурные деятели Армении — звонили по всем телефонам и победили под конец упрямого хозяина гостиницы-хюраноц. Были мы у Сарьяна потом в мастерской. Кажется, он показывал тогда свой «голубой период» — с тех пор прошло почти сорок лет, но такие вещи обычно запоминаются. Знали мы Таманяна и молодых архитекторов и слушали про их споры, которые всегда бывают в искусстве, когда оно живет и дышит. На Севане встретились с учеными — об этом рассказал сам Мандельштам, и он очень радовался высокому уровню армянской мысли и беседы.

Главная дружба ожидала нас в Тифлисе. В гостиницу к нам пришел Егише Чаренц, и мы провели с ним две или три недели, встречаясь почти ежедневно. Я понимаю, почему свободные дружеские отношения завязались в чужом для Чаренца Тифлисе, а не в Ереване, но не в этом дело . . . Я помню, как началось знакомство. Мандельштам прочел Чаренцу первые стихи об Армении — он их тогда только начал сочинять. Чаренц выслушал и сказал: «Из вас, кажется, лезет книга». Я запомнила эти слова точно, потому что Мандельштам мне потом сказал: «Ты слышала, как он сказал: это настоящий поэт». Я еще тогда не знала, что для поэта «книга» — это целостная форма, большое единство. Потом как-то Пастернак мне сказал про «чудо становления книги» и Анна Андреевна — Ануш — тоже. Это все сложилось вместе со словами Егише Чаренца, и мы всегда помнили, что в Ереване живет настоящий поэт. А больше я ничего не запомнила из его слов — ведь нельзя же записывать слова мужа или приятеля, с которым пьешь чай, гуляешь и ищешь, где бы купить папирос, — тогда вдруг случился папиросный кризис и мужчины завели знаком-

ство с целой толпой мадъчишек, потому что нельзя разговаривать без папирос, а они говорили много и подолгу. Может быть, слова Чаренца о том, что лезет книга, были тем дружеским приветом, без которого не может работать ни один поэт, а в нашей жизни получить его было не легко. Армения, Чаренц, университетские старики, дети, книги, прекрасная земля и выросшая из нее архитектура, одноголосое пение и весь строй жизни в этой стране — это то, что дало Мандельштаму «второе дыхание», с которым он дожил жизнь. В последний год жизни — в Воронеже — он снова вспомнил Армению и у него были стихи про людей «с глазами, вдолбленными в череп», которые лишились «холода тутовых ягод»... Эти стихи пропали. Но и так армянская тема пронизывает зрелый период его труда.

Ш о п е н, Иван Иванович (1798—1870) — русский этнограф и историк-кавказовед, по происхождению француз. Главное произведение — «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской Империи», СПб, 1852. **Д л я Н а д и** — для Н. Я. Мандельштам. **Б е з ы м е н с к и й**, Александр Ильич (р. 1898) — поэт, член коммунистич. партии с 1916. Один из первых комсомольских поэтов. Весьма плодовитый поэт, о котором Маяковский писал:

Ну, а что вот Безыменский?!

Так...

ничего...

морковный кофе.

(Полн. собр. соч. в 13 тт., т. 6, М., 1957, стр. 53).

Г и б е л ь — первозданного поэта — Маяковского. **Р К И** — Рабоче-Крестьянская Инспекция, советский контрольный орган. **Л а к о б а**, Нестор Иванович (1893—1936) — член коммунистич. партии с 1912. Абхазский советский деятель. В 1918 — один из руководителей восстания против меньшевицкого правительства в Абхазии, с февраля 1922 — председатель Совнаркома, а в 1930—1936 — председатель ЦИК ЗСФСР, член бюро ЦК КП Грузии. В 1936 расстрелян как «враг народа». Посмертно реабилитирован... **Т к в а р ч е л ы** — город в Абхазии, на южных склонах Кодорского хребта, в 80 км к юго-востоку от Сухуми. Круп-

ный промышленный центр Грузии. Добыча каменного угля, ряд заводов. Самый спокойный памятник — памятник К. А. Тимирязеву в Москве. Паллас. Возможно, что О. Э. Мандельштам готовил особый очерк о Палласе. Так предполагает, как будто, и И. Семенко, подготовивший тексты записных книжек Мандельштама для журн. «Вопросы Литературы» (он условно озаглавил этот раздел заметок «Читая Палласа»).

/ИЗ ПИСЬМА/. Опубликовано в «Вопросах Литературы», 1968, № 4, стр. 191.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ДАРВИНА (К статье «Вокруг натуралистов»). Публикуется нами по тексту «Вопросов Литературы», 1968, № 4, стр. 194—199, дополненному по копии с авторской машинописи (эти дополнения публикуются впервые). «Философия зоологии» — основной труд Ламарка.

ЗАПИСЬ 1932 — ЗАПИСЬ ОБ АПОЛЛОНЕ ГРИГОРЬЕВЕ. Опубликовано в примечаниях, в кн. «Разговор о Данте», М., 1967. В заметке об Аполлоне Григорьеве имеется в виду его стихотворение «Комета»:

... Она

Из лопа отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

РАЗГОВОР О ДАНТЕ. Из первоначальной редакции, черновых записей и заметок. Опубликовано в примечаниях в кн. «Разговор о Данте», М., 1967. Часть заметок впервые опубликована во втором томе наш. собр. соч. Мандельштама, 1966. Часть заметок опубликована в «Вопросах Литературы», 1968, № 4, стр. 202—203. Часть заметок публикуется в этом томе впервые по копии с авторской машинописи. «Об отношении О. Э. Мандельштама к поэзии Данте свидетельствует Н. Я. Мандельштам: 'У О. Э. было настоящее формообразующее чтение — были книги, с которыми он как бы вступал в контакт, которые определяли период его жизни или всю жизнь... А про Данте он

почти сразу мне сказал, что это и есть самое главное'. (Примеч. в кн. «Разговор о Данте», М., 1967). *Da oggi a poi la cotidiana manna* — Да ниспошлется нам дневная манна (пер. М. Лозинского. Всюду — по кн. Данте Алигьери. Новая Жизнь. — Божественная Комедия. ГИХЛ, М., 1967). *Фаальтерона* — горный хребет в Аппенинах. ... *gizi Fortuna la sua rota*... — Так пусть Фортуна колесом вращает, Как ей угодно, и киркой мужик. *Stia comè torre fermo, che non scolla*... — Как башня стой, которая вовек Не дрогнет, сколько ветры ни бушуй.

...ПРООБРАЗОМ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ... — Впервые опубликовано во 2-м томе наш. собр. соч. Мандельштама, 1966. Затем — в примеч., в кн. «Разговор о Данте», М., 1967. Незаконченный отрывок («записан на одном отдельном листке», как отмечено на одной из копий рукописи).

ОТРЫВОК ИЗ НЕРАЗЫСКАННОЙ СТАТЬИ. Впервые — в статье А. Коваленкова «Письмо старому другу», опублик. в журн. «Знамя», 1957, № 7, стр. 168. Перепеч. в его кн. «Хорошие, разные...», М., 1966, стр. 11.

ЗАПИСИ 1935—1936 ГОДОВ. «Вопросы Литературы», 1968, № 4, стр. 204.

ПИСЬМА. Наши комментарии к письмам Мандельштама поневоле и неполны и недостаточно систематичны. Во-первых, еще не пришло время для более или менее полного освещения всех жизненных обстоятельств, затронутых в письмах, во-вторых, редакторы и не располагают достаточным количеством проверенных сведений об обстоятельствах жизни Мандельштама и о многих лицах, в письмах упоминаемых. Поэтому мы и ограничиваемся сведениями о том, что нам известно. Большинство писем без даты. Даты, поставленные нами в прямые скобки, установлены на основании ряда данных: упоминаемых в письмах переводов и книг Мандельштама, некоторых событий в его жизни,

даты которых известны, и т. д. Все письма, кроме нескольких, каждый раз оговоренных ниже, публикуются впервые. Как ни неполно это собрание писем Манделъштама, как оно ни неравномерно освещает разные годы жизни поэта (из общего числа в 85 писем — писем 1915 г. — 3, 1916 — 1, 1919 — 1, 1921 — 2, 1923-1924 — 2, 1925 — 3, 1926 — 36, 1928 — 1, 1930 — 4, 1930-х гг. — 1, 1935 — 9, 1936 — 6, 1937 — 15, 1938 — 1), — эти письма все-таки освещают достаточно ярко трагическую жизнь Манделъштама, и эпиграфом к ним мог бы быть следующий автобиографический отрывок из «Четвертой прозы» поэта:

Мальчик в козловых сапожках, в плисовой поддевочке, с зачесанными височками стоит в окружении мамушек, бабушек, нянюшек, а рядом с ним стоит поваренок или кучеренок — мальчишка из дворни. И вся эта свора сюсюкающих, улюлюкающих и пришепетывающих архангелов наседает на барчука:

— Вдарь, Васенька, вдарь!

Сейчас Васенька вдарит, и старые девы, гнусные жабы, подталкивают друг друга и придерживают паршивого кучеренка:

— Вдарь, Васенька, вдарь, а мы покуда кучерявого придержим, мы покуда вокруг попляшем...

Что это? Жанровая картинка по Венецианову? Этюд крепостного живописца?

Нет, это тренировка вихрастого малютки комсомола под руководством агитмамушек, бабушек, нянюшек, чтобы он, Васенька, топнул, чтобы он, Васенька, вдарил, а мы покуда чернявого придержим, мы покуда вокруг попляшем...

— Вдарь, Васенька, вдарь...

№ 1. К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ, 27 апреля 1915. Опубликовано впервые в кн. А. Волкова — «Поэзия русского империализма». ГИХЛ, М., 1935. Федор Сологуб — Федор Кузьмич Тетерников (1863—1927) — всегда высоко ценился акмеистами, в частности, Н. С. Гумилевым. «В письме к ... Сологубу, датированном 6 августа 1915 г., Гумилев писал: 'Я всегда Вас считал и считаю одним из лучших вождей того направления, в котором протекает мое творчество'. ... Возможно, что это письмо Гумилева свя-

зано с одним малоосвещенным эпизодом в петербургской литературной жизни, в результате которого произошла размолвка между Сологубом и соратником Гумилева по акмеизму, О. Э. Мандельштамом...» (Г. Струве. Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений. «Опыты», Нью-Йорк, № 1, 1953, стр. 187—188). Опубликовано и в собр. соч. Мандельштама, 1955, и в нашем втором томе, 1966.

№ 2. К С. К. МАКОВСКОМУ, 8 мая 1915. Опубликовано впервые в нашем втором томе собр. соч. Мандельштама, 1966. Сергей Константинович Маковский (1878—1962) — литературный и художественный критик, поэт, редактор-издатель журнала «Аполлон» (1909—1917, Петербург-Петроград), тесно связанного с акмеистами. «Безотрадная плеяда 'Русских Богатств' и всевозможных 'Вестников' настолько определила 'суконное общественническое лицо русской журналистики, что всякое отступление от отечественного образца принималось за вызов. Журнал-артист, журнал-европеец выглядел в этом стаде, как фрак и лакированные ботинки среди косовороток и смазных сапог. В СССР, где бывшие общественнические ценности поставлены под защиту закона — он давно занесен в проскрипции» (Н. Ульянов. Забытый бог. В его кн. «Диптих», Нью-Йорк, 1967, стр. 82). Так и писали об «Аполлоне» в советских книгах и энциклопедиях. Так, во втором изд. Большой Советской Энциклопедии (т. 2, 1950, стр. 557) прямо говорится: «Возникший в годы реакции после поражения революции 1905—1907, 'Аполлон' активно проводил линию, враждебную революционному движению и демократии. Упорно отстаивая 'аполитичную', а на самом деле реакционную теорию 'искусства для искусства', журнал с позиций воинствующего идеализма вел яростную борьбу против идейности и демократических реалистических традиций русского искусства. Раболепствуя перед упадочным искусством буржуазного Запада...», и т. д. В таком ультра-элементарном и глупейшем тоне писали не только об «Аполлоне», но и вообще о блестящем периоде русского искусства — о 1907—1917 гг. — советские «историки литературы и искусства». Статья Мандельштама «Петр Чаадаев» (см. 2-й том наш. собр.) — опубликована в журн. «Аполлон», 1915,

№ 6-7, стр. 57—62, под назв. «Чаадаев». С. К. Маковский в первые годы революции эмигрировал из Советской России и умер в Париже. В его книгах «Портреты современников», Нью-Йорк, 1955, и, отчасти, «На Парнасе серебряного века», Мюнхен, 1962, он рассказывает о Мандельштаме и его участии в журнале «Аполлон».

№№ 3 и 4. К МАТЕРИ. 20 июля 1915 и 20 июля 1916. Ш у р а — брат О. Э. Мандельштама — Александр Эмильевич Мандельштам — врач гинеколог и акушер, с 1929 г. — профессор. «Человек добрый, вполне реальный, который не раз помогал и своему брату и нам», — как пишет о нем Илья Эренбург («Люди, годы, жизнь», — Собр. соч. в 9 тт., т. 8, ГИХЛ, М., 1966, стр. 307). Д а ч а В о л о ш и н о й — дача поэта Максимилиана Александровича Волошина (1878—1932) и его матери Елены Оттобальдовны в Коктебеле, близ Феодосии, в Крыму (ныне — поселок Планетарное). Как пишет о Волошине Цветаева, «он и свой коктебельский дом, таким трудом добытый, так выколоченный, такой заслуженный, такой его по духовному праву, кровный, внутренне-свой, как бы с ним сорожденный, похожий на него больше, чем его гипсовый слепок, — не ощущал своим, физически своим. Комнаты (по смехотворной цене) сдавала Елена Оттобальдовна. Макс физически не мог сдавать комнат друзьям. Еще меньше — чужим» (Марина Цветаева. Живое о живом. В ее книге — «Проза». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, стр. 157). О пребывании Мандельштама в Коктебеле — см. Приложение третье к этому тому — «Историю одного посвящения» М. Цветаевой. Ж е н я — брат О. Э. Мандельштама Евгений Эмильевич Мандельштам, инженер.

№ 5. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 5 декабря /1919/. Большинство писем в нашем собрании — к жене поэта, Надежде Яковлевне Мандельштам, урожденной Хaziной. М о ч у л ь с к и й, Константин Васильевич (1892—1948) — известный литературовед и критик, с 20-х гг. в эмиграции. М о р д к и н, Михаил Михайлович (1881—1944), известный артист балета и балетмейстер, артист балета Московского Большого театра, с 1924 — в США, где организовал театр «Балет Мордкина». Ф р о м а н — очевидно, Маргарита Пет-

ровна Фроман (р. 1890), балетная артистка, в 1909—1913 и 1917—1919 гг. артистка Московского Большого театра. С 1921 г. в Югославии, с 1950 — в США).

№ 9. К ОТЦУ, [зима 1923—1924]. Евгений Яковлевич — Евгений Яковлевич «Хазин, «любимый брат» Н. Я. Мандельштам, как пишет в своих воспоминаниях А. А. Ахматова (о несколько более поздних годах жизни поэта): «Попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот. В его биографии поражает одна частность: в то время (1933 г.) Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде, как великого поэта, persona grata, и т. п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский...), и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962 год) ... В Москве Мандельштама никто не хотел знать ...» (Сочинения, т. 2, 1968, стр. 178). Но и в те годы в Москве Мандельштаму жилось очень несладко — и его тогда в Москве отнюдь не ценили так, как в Ленинграде. Вот как, например, описывает свое посещение Мандельштама летом 1922 г. — в Москве, в комнате на Тверском бульваре, 25 — флигеле «Дома Герцена» — Николай Чуковский: «Комната, в которой он жил, — большая и светлая, — была совершенно пуста. Ни стола, ни кровати. В углу большой высокий деревянный сундук с откинутой крышкой, а у раскрытого настежь окна — один венский стул. Вот и все предметы в комнате. На подоконнике горкой лежал табак. Он предложил мне свертывать и курить» (Н. Чуковский. Встречи с Мандельштамом. «Москва», 1964, № 8, стр. 150). «Литература» мне омерзительна — переводческая работа в издательстве «Всемирная Литература». Парнок — поэт, подлинное имя которого — Валентин Яковлевич Парнах. До 1922 г. проживал в эмиграции (в Париже), причем приехал в Париж еще до революции. В 1922 г. приехал в Советскую Россию. Автор

нескольких сборников стихов и книги о танце (*Histoire de la danse* [Paris, 1932]). См. о В. Парнахе во 2-м томе нашего издания и заметку «Валентин Парнах о Мандельштаме» в Приложении шестом к этому тому.

№ 10. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, /осень 1925/. Выгодский Давид — поэт и переводчик, литературный критик. Погиб в лагерях НКВД. «Прибой» — ленинградское издательство (Петроградского-Ленинградского комитета Коммунистич. партии). Существовало с 1922 по 1927 год. В из-ве «Прибой» вышла книга А. Даудистеля «Жертва», в переводе Мандельштама (1926). Лившиц, Бенедикт Константинович (1886—1939) — поэт и переводчик, автор книги воспоминаний «Полутораглазый стрелец», Ленинград, 1933, где немало говорится и о Мандельштаме. Под редакцией А. Н. Горлина (он также упоминается в письме), Б. Лифшица и О. Мандельштама — и в их обработке — выходило в издательстве «Земля и Фабрика» (Москва—Ленинград, 1928—1929) собрание романов Вальтер-Скотта. ГИЗ — Государственное издательство. Что за «Билль» или «Билли» — «сто строк» — установить не удалось. В 1926 г. вышла в переводе Мандельштама в из-ве «Сеятель» (в Ленинграде) книжка П. Милля «Китайцы» (47 стр.). Но имеет ли она отношения к «Биллям» — трудно сказать.

№ 11. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 5 октября 1925. «Красная» — Ленинградская Красная Газета (утренний и вечерний выпуски). 1002-я. Ночь. Переведенная Мандельштамом книга: Ф. Геллер. Тысяча вторая ночь. Ленинградское отделение ГИЗа, 1926, 142 стр.

№ 14. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 2 февраля [1926]. «Звезда» — ленинградский ежемесячный журнал. Выходит с 1924 г.

№ 15. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [начало 1926]. Гурмэ — кондитерская. «Сеятель» — ленинградское издательство, для которого, как сказано выше, Мандельштам пере-

вел книжку: П. Милль. Китайцы. 1926, 47 стр. Бены — Бенедикт Лившиц (см. выше) с женой. Пунины — искусствовед и критик, в свое время сотрудник «Аполлона», затем сблизившийся с футуристами Николай Николаевич Пунин (1888—1953, был заключенным в застенках НКВД и в лагерях и ссылке), его жена Анна Андреевна Ахматова («старушка»). Георгий Владимирович Иванов (1894—1958, с 1923 в эмиграции) — поэт, близкий к гумилевскому «Цеху Поэтов», сотрудник «Аполлона». Его «страшные пашквили» на Ахматову и на Мандельштама — статьи в журналах и газетах, собранные затем в книгу: Г. Иванов. Петербургские зимы. Изд. «Родник», Париж, 1928 (переизданы изд. им. Чехова в Нью-Йорке в 1953 г.). Ахматова писала про эту книгу: «Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах 'Петербургские зимы' Георгий Иванов . . . , мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи . . . » (Ахматова. Сочинения, т. 2, стр. 186). «Шум времени» вызвал «бурю» восторгов . . . в зарубежной печати — см. некоторые отзывы в примечаниях ко 2-му тому наш. издания, а также библиографию. Так, в рецензии на «Шум времени», кн. Д. Святополк-Мирский писал: «Не будет преувеличением сказать, что Шум времени одна из трех-четырёх самых значительных книг последнего времени, а по соединению значительности содержания с художественной интенсивностью едва ли ей не принадлежит первенство» («Современные Записки», Париж, кн. 25, 1925, стр. 542).

№ 16. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 7 февраля [1926]. Модпик — Московское общество драматических писателей и композиторов.

№ 17. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1926]. Жена Пунина — Анна Андреевна Ахматова (далее в письме она просто «Анна Андреевна»). Шкловский, Виктор Борисович (р. 1893) — писатель, киносценарист, литературовед, критик. «Татьяка» — дочь Е. Э. Мандельштама. «Вечерняя» — ленинградская «Вечерняя Красная Газета». «Трамвай» — книга стихов для детей О. Э. Мандельштама «Два трамвая», с рисунками Б. Эндера. ГИЗ, Ленин-

град, 1925. В последнее время «реабилитация» Мандельштама зашла так далеко, что в статьях стали поминать даже его книжки стихов для детей. Так, А. Твардовский в статье «О поэзии Маршака» пишет об этой и другой книжке для детей Мандельштама — «Примус» (Ленинград, 1925): « Я назвал бы в этом ряду поэтов не менее сложного, чем даже Пастернак, О. Мандельштама, но вдруг обнаружил, чего никак нельзя было предположить, что он выпустил в первой половине двадцатых годов несколько детских книжек в стихах. Однако при всем том, что талантливый поэт, даже выступая в несвойственном ему роде, не может не обронить нескольких удачных строф, стихи эти оставляют впечатление принужденности и натянутости. Как будто оставлен был этот взрослый добрый и умный человек на весь день в городской квартире с маленькими детьми в отсутствие родителей и умаялся, стремясь занять их стихами о свойствах и назначениях предметов домашнего обихода: примус, кран, утюг, кастрюли и т. д., сочинил даже целую сказку о двух трамваях — Клике и Траме, но все это по необходимости, без подлинной увлеченности. Есть и 'полезные сведения', и юмор, и подмывающий ритмический изгибец:

Мне сырому, неученому
Простоквашей стать легко,
Говорило кипяченому
Сырое молоко . . .

Но все это скорее способно привлечь взрослых выразительностью исполнения, чем заинтересовать ребят. Попытки эти никак на дальнейшей работе поэта не отразились» («Новый Мир», 1968, № 2, стр. 238).

№ 19. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1926]. Рецензии (на утверждение) для Москвы — так называемые «внутренние» рецензии — не для опубликования, а для руководства издательства, решающего — на основе этих рецензий — издавать ли эту книжку или нет, а если речь (как в данном случае) идет о книгах на иностранных языках, — то и поручать ли кому-нибудь перевести их на русский язык. Несколько таких «внутренних»

рецензий сохранилось — и включены нами в этот том. Даудистель — перевод Мандельштама книги этого автора «Жертва», вышедшей в ленинградском из-ве «Прибой» в 1926 г. (160 стр.). Вчера я сдал всю нашу работу — в работе над переводами, очевидно, принимала деятельное участие Н. Я. Мандельштам.

№ 24. К. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 17 февраля [1926]. Шилейко, Владимир Казимирович (1891—1930), крупный ассириолог и специалист по культурам (особенно древнейшим) Передней Азии, проф. Ленинградского университета, поэт. Второй муж Анны Ахматовой. См. в первом томе эпиграмму Мандельштама на Шилейко. Маршак, Самуил Яковлевич (1887—1964) — поэт (главным образом, автор книг для детей), писатель, переводчик. Федин, Константин Александрович (р. 1892) — советский прозаик, ныне один из столпов «социалистического реализма». В те годы был одним из руководителей Ленинградского отделения Гос. издательства (ЛенГИЗа). Книга стихов — речь идет, конечно, о книге О. Мандельштама «Стихотворения», ГИЗ, 1928.

№ 26. К. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1926]. Проклятый немец — Ф. Геллерт. Его книгу «Тысяча вторая ночь» перевел Мандельштам. Вышла в ЛенГИЗе в 1926 г. А, может быть, — А. Даудистель. Его книгу «Жертва» — в переводе Мандельштама — издал «Прибой» в том же 1926 году. Груздев, Илья Александрович (1892—1960) — критик и литературовед. Входил в объединение «Серапионовых братьев». Работал в те годы в ЛенГИЗе.

№ 27. К. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1926]. Радловы — очевидно, Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958), режиссер, художественный руководитель театров, и его жена — поэтесса и переводчица (в частности, Шекспира) — Анна Дмитриевна Радлова (1891—1951). «Шары» и «Кухня» — книги стихов для детей О. Э. Мандельштама: первая — с рисунками Н. Лапшина, ЛенГИЗ, 1926, вторая — с рис. В. Изенберга, изд. «Радуга», Ленинград, 1926.

№ 28. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1926]. Книга стихов зарезана! — книга Мандельштама «Стихотворения» вышла в ЛенГИЗе только в 1928 г., а последние стихотворения в ней датированы 1925 годом... Следовательно, книгу задерживали более двух лет. Детский договор отвергнут. Не люблю Маршака! См. выше отзыв (уже теперешний!) Твардовского о детских стихах Мандельштама. С. Я. Маршак руководил в то время сектором детской литературы ЛенГИЗа.

№ 29. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [март 1926]. Клычков, Сергей Антонович (Лешенков, 1889—1940) — поэт и прозаик, примыкал к группе «крестьянских» поэтов. В 1937 г. арестован и погиб в лагерях НКВД. «Посмертно реабилитирован».

№ 30а. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Вышла книга Вагинова — в Ленинграде в 1926 году вышла книга стихов Вагинова, без названия (просто — «Константин Вагинов»), тиражом всего в 500 экз. (58 стр.). Константин Константинович Вагинов (1900—1934) — поэт и прозаик, член поэтического кружка «Звучащая Раковина». В 1920-х и начале 1930-х гг. был очень популярен в кругах литературной молодежи Ленинграда.

№ 32. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [март 1926]. Зубовский институт — Институт Истории Искусств в Ленинграде. Основан в 1912 г. графом Валентином Платоновичем Зубовым и до 1920 г. носил его имя. До 1925 г. — года отъезда за границу — во главе института стоял Зубов (р. 1885), ныне проживающий в Париже. Институт Истории Искусств, разгромленный в самом конце двадцатых гг., был цитаделью формалистов — Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова и др. и — вместе с тем — последним оплотом серьезного, не-марксистского литературоведения и искусствоведения. В Институте — помимо учебной и научно-исследовательской работы — бывали выступления поэтов и прозаиков, открытые лекции. Институт выпускал свои Труды и Известия, отдельные книги. В своих воспоминаниях — «Институт Истории Искусств» — основатель института, В. Зубов, пишет: «Отделение истории словесных искусств требу-

ет наибольших объяснений. Уже до войны 1914 года в России начал обрисовываться иной подход к литературе, чем тот, которому учили нас в школе. Интересовало не содержание, а исключительно форма. Ряд исследователей занимался этими вопросами, и мысль о создании объединяющего центра носилась в воздухе, нужен был только толчок. Однажды вечером, не помню точно, в каком году, я был у Тамары Жуковской-Миклашевской-Красиной на Пушкинской улице. Тут же был Виктор М. Жирмунский; новорожденная дочь наркома Красина, Татарка, лежала в колыбели. Разговорились о формальном методе в литературе; я сказал Жирмунскому: 'Давайте устроим с вами отделение словесных искусств в моем институте'. Сказано — сделано: через короткое время отделение было на ногах. Я лично симпатизировал этому подходу к литературе, видя в нем родство с тем, который был моим в истории изобразительных искусств. Не будучи специалистом в этой области, я, конечно, ограничился первым импульсом, а затем отделение развивалось и жило собственной жизнью и не только достигло значительных научных результатов, но имело также влияние на литературное творчество того времени. Поэты и писатели участвовали в нем наряду с учеными, и таким образом наука и искусство взаимно обогащались. В качестве интересного опыта упомяну Кабинет изучения художественной речи... Там голоса поэтов регистрировались на цилиндрах фонографа, которые потом вертелись медленным темпом в соответствии с надобностями анализа. К сожалению в этом методе, к которому Наркомпрос сначала относился с благоволением, правительство впоследствии усмотрело противное догмам марксизма духовное направление. Уже в последние месяцы моего пребывания в России (я ее покинул летом 1925 года) возникали некоторые трения по этому поводу, а позже словесное отделение, объявленное гнездом буржуазного мировоззрения, создало опасность для существования всего института. Впоследствии... формальный метод был официально осужден партией и ученые, ему следовавшие, должны были публично каяться и заявлять о своем невежестве и ошибках. Председателем отделения был Виктор М. Жирмунский; из членов помню Мирона Жирмунского, двоюродного брата Виктора, Эйхенбаума, Виктора Шкловского, Михаила и Григория

Леонидовичей Лозинских, Модеста Гофмана, известного си-
нолога Алексея, Нестора Котляревского, Николая Степа-
новича Гумилева, Б. В. Томашевского, Юрия Тынянова;
студентами были тогда, ставшие впоследствии известными,
Николай Аркадьевич Коварский и Венъямин Каверин. Ко-
нечно, и это отделение много печатало, что не обходилось
без цензурных курьезов. Например, напечатали книжку, в
которой Бог был с большой буквы, — цензура не пропус-
кает. Надо, значит, уничтожить весь набор. Думали, дума-
ли, — решили в опечатках пометить: 'Бог след. чит. бог'.
Христос и Иисус должны были писаться с маленькой бук-
вы, а за одно и Пилат. Другой раз в какой-то переводной
книге было сказано, что негры неспособны к музыке. Так
это или не так, вопрос другой, но цензура обиделась за не-
гров...» («Мосты», Мюнхен, кн. 10, 1963, стр. 384—386). Ни-
колай Семенович Тихонов (р. 1896) — поэт и прозаик,
в те годы писавший яркие, талантливые произведения. «Ти-
хонов открывает собою очень короткую галерею крупных
послереволюционных поэтов, сумевших приспособиться.
Его ранние (и лучшие) сборники 'Орда' и 'Брага' — это
поэзия войны и мужества, в какой-то степени продолжаю-
щая линию раннего Гумилева, только Тихонов сдержан-
нее... Советского в них нет ничего, кроме разве романти-
ки гражданской войны в некоторых стихах 'Браги'. Потом
Тихонов устремляется в искания, проходит через влияния
Пастернака и Хлебникова, производит на свет много того,
что теперь называют 'формализмом', но в конце концов на-
чинает сочетать свой пафос с 'пафосом построения социа-
лизма на национальных окраинах Советского Союза', и —
хотя продолжает писать мастерски, — снижает первоначаль-
ный уровень своей поэзии. Правда, временами ему
удается создать даже совсем хорошие циклы ('Чудесная
тревога', 'Горы'), но все сознательно уравнивается (или
маскируется) откровенной дребеденью в необходимом ду-
хе. Временами задаешь себе вопрос: каким образом Тихо-
нов, со стальным героизмом его стихов, согнулся и пошел
в прихлебатели, в то время как тонкий, высокий, не от ми-
ра сего Мандельштам не сдался и умер героем» (Вл. Мар-
ков. Приглушённые голоса. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк,
1952, стр. 24—25).

№ 33. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [март 1926]. К у г е л ь, Александр Рафаилович (1864—1928) — литературный и, главным образом, театральный критик, драматург, режиссер. В 1908 г. — вместе с арт. З. В. Холмской основал театр сатиры и литературных пародий «Кривое Зеркало», которым руководил до 1928 г. В 1926 г. на сцене МХАТ была поставлена его пьеса «Николай I и декабристы». Щ е г о л е в, Павел Елисеевич (1877—1931) — историк, литературовед, киносценарист (сценарий — совместно с О. Д. Форш — фильма «Дворец и крепость», 1924), драматург (совместно с А. Н. Толстым — пьеса «Заговор императрицы», 1925), автор книг о Пушкине. К о м а р о в с к и й — граф Василий Алексеевич Комаровский (1881—1914) — поэт, высокую оценку стихам которого дали Гумилев, Ахматова (она посвятила ему и стихи), Сергей Маковский, Н. Пунин. Был сотрудником «Аполлона». Выпустил одну лишь книгу стихов: «Первая пристань», СПб, 1913 (84 стр.). А н н а А н д р е е в н а — Ахматова.

№ 37. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 16 марта [1926]. В о р о н с к и й, Александр Константинович (1884—1943) — публицист, литературный критик, писатель. Член коммунистической партии с 1904 г. В 1921—1927 гг. — редактор журн. «Красная Новь», редактор (1923—1927) журн. «Прожектор» и руководитель издательства «Круг». Воронежского травили, как «либерала», покровительствующего «попутчикам» и просто «чуждым элементам в литературе». В 1925—1928 гг. был исключен из партии по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции. Арестован органами НКВД в 1937 г. и погиб в концентрационных лагерях. «Посмертно реабилитирован и восстановлен в партии» (Краткая Литер. Энциклопедия, т. 1, М., 1962, столб. 1047). В «Красной Нови» и в «Прожекторе» печатался в 1922—1923 гг. Мандельштам.

№ 38. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 17 марта [1926]. Н а р б у т, Владимир Иванович (1888—1938) — поэт, примыкавший к Цеху Поэтов — к акмеистам. После революции вступил в партию большевиков. Издавал в 1919—1920 гг. в Воронеже альманах «Сирена», где печатались Блок, Мандельштам, Ахматова. Играл видную роль в издательском и ли-

тературном мире в 1920-х гг. Арестован органами НКВД и погиб в заключении.

№ 39. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, осень 1926. Китайская — «Китайская деревня» (с Китайским театром) в Царском Селе, в парке дворца. Полуциркуль — там же — полуциркульный корпус Большого Дворца, в Царском (потом — «Детском» Селе, потом в Пушкине). В Царском Селе жили — в разное время — О. Э. и Н. Я. Мандельштамы. Об этом вспоминает А. А. Ахматова: «В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, которая была неизменно повышенной и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. Осип Эмильевич каждый день уезжал в Ленинград, пытаясь наладить работу, получить за что-то деньги. . . Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве. Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз — приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле Большого Дворца, но там дымили печки и текли крыши. Таким образом возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось» (Сочинения, т. 2, 1968, стр. 176—177). В этом письме «заходившая в Китайскую Анна Андреевна» — Ахматова. Войтовский, Лев Наумович (1876—1941) — критик-марксист, историк литературы, писатель. Миша Сло니цкий — Михаил Леонидович Слоницкий (1897—) — прозаик, примыкавший к литературной группе «Серапионовых братьев». «Давидка» — Давид Выгодский — поэт, переводчик. Одно время (как раз начиная с 1926 г. — литературный редактор изд-ва «Прибой»).

№ 40. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [1926]. Макс — Максимилиан Александрович Волошин — см. о нем выше.

№ 49. К А. А. АХМАТОВОЙ, 25 августа 1928. Опубликовано впервые в очерке А. А. Ахматовой «Мандельштам» в нью-йоркском альманахе «Воздушные Пути», кн. IV, 1965, стр. 34; затем — во втором томе нашего собр. соч. Мандельштама, 1966, и втором томе сочинений А. Ахматовой, 1968,

стр. 177—178. Ахматова пишет: «В 1928 году Мандельштамы жили в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа — день смерти Николая Степановича [Гумилева]... (Сочинения, т. 2. стр. 177). Павел Николаевич Лукницкий (р. 1900) — писатель. Печататься начал в 1923. Много странствовал по России — в том числе с этнографическими экспедициями.

№ 51. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [февраль 1930]. «Пионер» — детский журнал.

№ 52. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 24 февраля 1930. Лаповцы — члены писательского объединения ЛАПП — ленинградской ассоциации пролетарских писателей. «Комсомолец Востока» — газета. ФОСП — Федерация объединения советских писателей (1929—1932). «Молодая Гвардия» — журнал ЦК Комсомола, выходит с 1922 г. в Москве. ЗиФ — издательство «Земля и Фабрика», где, как указывалось выше, Мандельштамом, Лившицем и Горлиным редактировалось собрание романов Вальтер-Скотта — в 1928—1929 гг. В ЗиФе же вышел — под редакцией Мандельштама — роман де-Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» (в 1928 г.), вызвавший травлю Мандельштама, расследование о нем и т. д. См. письма в редакцию во втором томе, 1966, и «Четвертую прозу» там же. Озет — Общество (всесоюзное) по земельному устройству трудящихся евреев в СССР. Земли для евреев-земледельцев выделялись, в частности, в Северном Крыму. Маргулис — см. мандельштамовские эпиграммы на него в первом томе — и примечания к ним. Асеев, Николай Николаевич (1889—1965) — поэт, близкий одно время к Пастернаку, затем — долгие годы — к Маяковскому. Адуев, Николай Альфредович (1895—1950) — поэт-сатирик, член коммунистич. партии с 1941 г. Лидин, Владимир Генрихович (р. 1894) — писатель. Составил также сборник автобиографий современных русских писателей.

№ 53. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [1930]. Осваг — Осведомительное агентство, организация, ведавшая агитацией и пропагандой в Белой армии. Ионов, Илья Ионович (Бернштейн, 1887—1942) — поэт, в 1920-х гг. заведовал ГИЗом

(Гос. издательством). Был репрессирован органами НКВД. Старый член коммунистической партии. «Московский Комсомолец» — газета, в которой работал в то время Мандельштам. Некоторые выражения и настроения этого письма перекликаются с «Четвертой прозой» Мандельштама.

№№55—56. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [весна 1935]. Речь в этих письмах идет о новой книге стихов Мандельштама, подготовлявшейся им в Воронеже («Воронежские тетради», как условно называются эти машинописные сборники). Так, в письмах упомянуты из этих тетрадей — «Чернозем», «Стрижка детей». Упоминается и радиоочерк Мандельштама «Юность Гете», публикуемый впервые в этом томе. Сергей Васильевич Шервинский (р. 1892) — поэт и переводчик.

№ 57. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 26 мая 1935. «Подъем» — воронежский литературный журнал. Видимо, Мандельштам хотел поместить там подборку своих новых стихов. Хотел поместить подборку своих стихов и в московских журналах или — еще желательнее — в «Литературной Газете» (включая «Стансы»). Левин — очевидно, Федор Маркович Левин (р. 1901), критик, литературовед, редакционный работник. Член партии с 1920 г. А может быть, Борис Михайлович Левин (1898—1940) — прозаик.

№ 60. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [конец 1935]. Щербakov, Александр Сергеевич (1901—1945). С 1932 — на работе в аппарате ЦК ВКП(б). С 1934 — секретарь Союза советских писателей (хотя решительно никакого отношения к писательству не имел)... Детгиз — Государственное издательство детской литературы. Эфрос, Абрам Маркович (1888—1954) — искусствовед, театровед, переводчик, в частности, Данте и Петрарки. Очевидно, шла речь о совместной книге переводов сонетов Петрарки. Сметанин, Григорий Александрович (1894—1952) — композитор, один из создателей Тамбовского Пролеткульта и хора при нем, автор произведений по преимуществу на темы советско-патриотические. В 1922—1950 гг. преподавал теоретические предметы в Тамбовском музыкальном училище.

№ 62. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, [к о н е ц 1935]. Л у п о л, правильно — Л у п п о л, Иван Капитонович (1896—1943) — литературовед, историк, философ-марксист. Член коммунистич. партии с 1920 г. С 1939 — академик. Арестован органами НКВД и погиб в лагерях. Посмертно реабилитирован. В и ш н е в с к и й, Всеволод Витальевич (1900—1951) — писатель-прозаик, драматург, киносценарист. Член коммунистической партии с 1937 г.

№ 66. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 3 я н в а р я [1936]. З е н к е в и ч, Михаил Александрович (1891—) — поэт и переводчик. Участник «Цеха Поэтов». В сущности, автор о д н о й книги стихов — первой: «Дикой порфиры» (1912). Его позднейшее творчество представляет мало интереса. С 1947 г. — член коммунистической партии.

№№ 72—73. К К. И. ЧУКОВСКОМУ, [н а ч а л о 1937]. Опубликовано впервые в журн. «Грани», Франкфурт/М., № 63, 1967, стр. 29—30.

№ 74. К Ю. Н. ТЫНЯНОВУ, 21 я н в а р я 1937. Опубликовано впервые во втором томе нашего собр. соч. Мандельштама. 1966. Юрий Николаевич Тынянов (1894—1943) — писатель, литературовед, критик. Одно время его травили в печати, как «формалиста».

№ 75. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 19 а п р е л я [1937]. Н а т а ш а — Наталья Штемпель. См. примечание к стих. № 296 в первом томе наш. собрания, а также стихи Мандельштама, ей посвященные. «З н а м я» — московский ежемесячный журнал.

№ 79. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 30 а п р е л я [1937]. С т а в с к и й (Кирпичников), Владимир Петрович (1900—1943 — погиб на фронте) — писатель-очеркист, член коммунистической партии с 1918 г., с 1936 г. — после смерти М. Горького — генеральный секретарь Союза советских писателей.

№ 83. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 4 м а я [1937]. «К в а к у ш и». — стихотворение Мандельштама «Рим»: «Н а т а ш а» —

стихотворение «Клейкой клятвой пахнут почки». «Черемуха» — «На меня нацелилась груша да черемуха». Горько и пусто мне сочинять без тебя — «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление» (А. А. Ахматова. Мандельштам. Сочинения, т. 2, 1968, стр. 176).

№ 84. К Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 7 мая [1937]. Сватовские стихи — «Клейкой клятвой пахнут почки».

№ 85. К А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, 20-е числа октября 1938. Опубликовано впервые в статье Г. Стукова «Еще о судьбе Мандельштама» в парижской газете «Русская Мысль», 5 февраля 1963. Затем — во втором томе собр. соч., 1966. С В И Т Л — Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь НКВД. О С О — Особое совещание НКВД.

ПИСЬМО ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ЦК РКП(б). Опубликовано в кн. «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе», М., 1925, стр. 106—107, и неоднократно перепечатывалось. Письмо направлено против той кампании систематической травли, какую вел журнал «На Посту» (1923—1925), орган наиболее агрессивных коммунизаторов литературы, вскоре (в 1925 г.) объединившихся в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей), против писателей-«попутчиков».

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ. Впервые опубликовано в журн. «Oxford Slavonic Papers», XI, 1964, pp. 114—136. Затем — с предисловием и примечаниями А. Саакянц — в журн. «Литературная Армения», 1966, № 1, стр. 52—69. Нами перепечатывается из «Лит. Армении» вместе с предисловием и примечаниями.

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ОТРЫВКИ

Добавление к первому тому

- № 492. **Но в Петербурге акмеист мне ближе.** Конец неразысканного нами стихотворения, посвященного Н. С. Гумилеву. Опубликовано впервые в очерке А. А. Ахматовой «Мандельштам» («Воздушные Пути», альм. IV, Нью-Йорк, 1965, стр. 27; затем — А. Ахматова. Сочинения под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, том 2, МЛС, 1968, стр. 170). «Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже. См. конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Николай Степанович был напудрен и в цилиндре: — — —» (А. Ахматова, Соч., т. 2, 1968, стр. 170).
- № 493. **Архистратиг вошел в иконостас.** Очевидно, отрывок из шуточного стихотворения, посвященного поэтессе (и переводчице Шекспира) Анне Дмитриевне Радловой (1891—1951). Опубликовано впервые в том же очерке А. А. Ахматовой («Воздушн. Пути», IV, 1965, стр. 29; А. Ахматова, Соч., т. 2, 1968, стр. 171). «Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана: 'Архистратиг вошел в иконостас — —'. Осип сочинил из веселого злорадства, а не *rag dépit* и с приторным ужасом шепнул мне: 'Архистратиг дошел', т. е. Радловой кто-то сообщил об этом стихотворении» (А. Ахматова. Соч., т. 2, 1968, стр. 171).
- № 494. **Полковнику Белавенцу.** Экспромт, сочиненный Н. С. Гумилевым совместно с Мандельштамом. Опубликован впервые в документальной повести Ольги Форш «Сумасшедший Корабль» (первоначально опубликована в журн. «Звезда», 1930, № 2, оконч. в № 12). Отдельн. изд. повести — Ленинград, 1931, в Издательстве Писателей в Ле-

нинграде (стихотворение это — на стр. 135). Переиздано со вступит. статьей Бориса Филиппова в Вашингтоне, в 1964 г., в издании Международного Литературного Содружества (стихотв. в этом издании на стр. 178). При этом у Ольги Форш не Белавенец, а Мелавенец. У нас — по публикации этого стихотворения в статье Корнея Чуковского «Что вспомнилось», в альманахе «Прометей», изд. «Молодая Гвардия», М., 1966, стр. 247. Ольга Форш приписывает этот экспромт одному Гумилеву: «Написался им как-то экспромт по одному смешному, прямо сказать 'личному случаю'. Из глухой, но еще сытой провинции неизвестный поклонник русской литературы прислал как-то в Сумасшедший Корабль (так называет Форш «Дом Искусств», организованный Горьким, в котором проживали тогда, в те голодные и холодные годы, и Гумилев, и Мандельштам, и сама Форш, и многие другие писатели. — Ред.) целый ящик яиц. По распределению пришлось по одной штуке на брата-писателя. Некий предприимчивый полковник Мелавенец... вспомнил кстати, что 'с миру по нитке — голому рубашка', справедливо доказуя писателям, что десять яиц — это чудесная яичница, а одно яйцо — пачкотня, он предложил каждому уступить ему свое скудное яичное право. Заполучив сотню яиц, предприимчивый полковник как в воду канул. Событие было запечатлено... так: (следуют стихи. Ред.) Замечательное определение последней строки было взято из одной поэмы ныне эмигрантского поэта, воспевшего некоего умеревшего офицера» (О. Форш. Сумасшедший Корабль. 1964, стр. 178—179). К. Чуковский рассказывает, что стихотворение создано совместно Гумилевым и Мандельштамом, а слово «умеревший» взято из стихов Николая Авдеевича Оцупа (1894—1959; с 1922 — в эмиграции). Но Белавенец (так он назван в публикации Чуковского) — по воспоминаниям Чуковского — не жуликоватый предприимчивый полков-

ник, а «один старичок . . . , составитель каких-то учебников», который «обратился к нам с жалобной просьбой — подарить ему все эти негодные яйца, авось он найдет хоть одно не совсем протухшее». «Мы охотно исполнили просьбу почтенного старца, а Гумилев совместно с Мандельштамом тут же сочинили для 'Чукоккалы' такие стихи: — — —» («Прометей», 1966, стр. 247). «Чукоккала» — знаменитый альбом К. Чуковского, в котором множество экспромтов поэтов и рисунков художников, записей прозаиков и литераторов всех жанров.

№ 495. Мир должно в черном теле брать. Публикуется впервые. Стихотворение это — из письма к Н. Я. Мандельштам [1935], опубликовано в этом томе под № 59.

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ
К ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ТОМАМ
СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
О. МАНДЕЛЬШТАМА**

ВАЛЕНТИН ПАРНАХ О МАНДЕЛЬШТАМЕ

В 1926 г. Парнах напечатал в одном весьма высокопробном американском трехмесячнике, издававшемся международной еврейской организации (*The Menorah Journal*) статью о русской литературе. Статья была напечатана в виде письма из Москвы, где Парнах в то время находился, но в редакционной справке об участниках номера было сказано, что он проживает в Париже (наши сведения о его возвращении в Россию в 1922 г. на постоянное жительство были, очевидно, неправильны, но в 1923—24 г. он жил еще в Советской России; о судьбе его после 1926 г. нам и посейчас неизвестно) и сотрудничает во французских литературных журналах. В своей статье, озаглавленной «В русском литературном мире», Парнах писал о роли евреев в новейшей русской литературе и останавливался на пяти писателях: недавно умершем М. О. Гершензоне, Борисе Пастернаке, Осипе Мандельштаме, Павле Антокольском и Борисе Лапине. Для Парнаха Пастернак стоял «в первом ряду русских поэтов». Он видел в нем сочетание футуризма с символизмом.

Говоря о Мандельштаме, Парнах отмечал, что он родился в Варшаве и был «потомком длинного ряда курляндских ювелиров» (хотя известно, что отец Мандельштама был торговцем кожами). Привезенный в Петербург в детстве, Мандельштам «был отдан в одну из лучших школ», писал Парнах. «Очарование этого прекрасного города, который некоторыми своими сторонами напоминает Рим, Венецию и Лондон, задело его на всю жизнь».

Упомянув поездку Мандельштама в Париж и его занятия, по возвращении, романской филологией, Парнах пишет: «Оторванный совершенно от общественных движений своего времени, он накануне революции забавлялся в фантастических стихах воспеванием России как будущего Ри-

ма и восхвалением архитектурных красот католичества. Обладая умственными свойствами талмудического порядка и пламенно любя прошлое Европы, он находил радость в сооружении самых странных литературных построек, в сочетании наново различных цивилизаций, в разрешении сложных проблем эстетической формы. Он делал смотр древней Греции, Риму Цицерона, Риму папскому, Лютеру, Парижу и т. д. В Европе он не видел ничего кроме огромного музея. Не имея прямой связи с действительной жизнью Запада, как истинный житель Петербурга он искал ее в книгах. Его стихотворения (К а м е н ь) высоко ценились интеллигенцией как в столице, так и в провинции. В свои школьные годы он участвовал в поэтическом движении, известном под именем 'акмеизма' — варианте символизма. Сильное влияние на него оказала патетическая манера французского ложноклассицизма, особенно Расина».

Парнах далее называл книги стихов Мандельштама, его «Шум времени» («Египетская марка» к тому времени еще не была напечатана) и некоторые переводы и писал: «В своей любви к прошлому Мандельштам больше европеец, чем сами европейцы. Но, будучи истинным сыном Петербурга, он принадлежит девятнадцатому веку, а иногда даже Средним Векам. Несмотря на попытки усвоить манеру Пастернака, он всегда отстаёт от времени».

Мы привели так подробно этот отзыв Парнаха о Мандельштаме, в котором верные замечания перемешаны с довольно нелепыми утверждениями, отчасти потому, что Парнах лично знал Мандельштама, и последний как-то использовал его фигуру, изображая героя своей «Египетской марки» (см. во 2-м томе нашего собрания примечания к этой повести, стр. 540—541), а отчасти потому, что это почти наверное — первый отзыв о Мандельштаме в американской печати. Не лишено интереса и то, что и в своем письме Мандельштам называет Парнаха «Парноком», а не так, как тот сам называл себя.

О НЕКОТОРЫХ ОБРАЗАХ МАНДЕЛЬШТАМА

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

Творчество Мандельштама является лучшим подтверждением того, что изучение литературы никак не может быть изолированным — не только от жизни той или иной эпохи, но и от изучения произведений других искусств — изобразительных, архитектуры, музыки, театра. Мы уже немало говорили о музыкальных, архитектурных и живописных образах в творчестве Мандельштама. Сейчас скажем немного о таком — наиболее синтетическом — искусстве, как оперный театр, в творчестве поэта. Даже здания, сама архитектура оперных театров привлекает внимание Мандельштама. «Холодное лето» прямо и начинается с описания московского Большого театра: «Четверка коней Большого театра... Толстые дорические колонны... Площадь оперы...». Но особенно привлекает поэта Мариинский театр, нынешний Ленинградский Академический Театр Оперы и Балета. И хотя само здание и непривлекательно: «подъезжая с тылу к неприлично-ватерпруфному зданию Мариинской оперы...», — но внутренняя архитектура этого театра, как образцового театра оперы, заставляет Мандельштама воскликнуть: «— Обратите внимание: у античности был амфитеатр, а у нас — у новой Европы — ярус. И на фресках Страшного Суда и в опере». «Единое мироощущение», — резюмирует Мандельштам. И в той же «Египетской марке», откуда эти цитаты о Мариинской опере, где так много посвящено музыке вообще и опере в частности, — история и музыка соединяются воедино: «Дикая парабола соединяла Парнока с парадными анфиладами истории и музыки...». Мироздание и оперный театр — яру-

сы. Это и от Данте тоже: ярусы рая, чистилища, земной юдоли, ада. И оркестровая щель — почти что царство Персефоны, где «воинственная сложность скрипичного оркестра, запрятанного в светящийся ров, где музыканты перепутались, как дриады, корнями и смычками . . .» («Ег. марка»). «. . . Я выхожу на площадь, еще слепой, глотая солнечный свет: мне ударяет в глаза величавая явь Революции и большая ария для сильного голоса покрывает гудки автомобилей . . .» («Холодное лето»). Опера (и вообще музыка) играла в жизни русской интеллигенции первых лет революции (да, пожалуй, до середины тридцатых годов) совершенно исключительную роль: если в драматический театр советская тематика, социалистический реализм и навязчивый социальный заказ стали внедряться уже в самом начале двадцатых годов, то опера (и балет) очень долго сопротивлялась наплыву советских полуфабрикатов, как оперных, так и балетных. А немногие попытки в этом направлении обычно проваливались на первых же представлениях. Поэтому опера, балет, симфоническая и камерная музыка были теми отдушинами, которые так ценились русской интеллигенцией в годы зашений и всяческих бед и притеснений. И еще: опера, оратория, своей торжественностью и героизмом, своим хоровым и оркестровым началом как-то отвечали — и более отвечали, чем драма, — тем тяжким и героическим годам, годам «сумерек свободы».

Перечислим некоторые из «оперных» («мариинских») реминисценций Мандельштама: «Летают Валькирии, поют смычки» (1913); «На театре и на праздном вече . . .» («Венецианской жизни мрачной и унылой», 1920). Ну, какое могло быть «вече» в Венеции? Но ведь здесь явно: «Садко» Римского-Корсакова — песнь Веденецкого Гостя . . . При одержимости Мандельштама музыкой это напрашивается само собою. Но особенно ярко запечатлелась в ряде стихотворений Мандельштама постановка в Мариинском театре «Орфея и Эвридики» Глюка. Поставленная еще в 1911 году, эта опера, в необычайных для того времени декорациях А. Я. Головина, ажурных, с применением внутрисценных занавесей, часто полупрозрачных, тюлевых, с условным расположением хора и балета как бы то спускающихся «в преисподняя земли», то вздымающихся «в поля елисейские» («ярусы» оперы и мироздания), была возобновлена в .

тех же декорациях, в той же постановке балетмейстера М. М. Фокина, в 1919 году (прошла 7 раз), затем — два раза шла в 1920 году (в этом-то году и написаны стихотворения «Чуть мерцает призрачная сцена», «В Петербурге мы сойдемся снова» и «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг»). Особенно сильно отразило постановку «Орфея» стихотворение «Чуть мерцает призрачная сцена». Но дадим слово художнику постановки А. Я. Головину: «При постановке на Мариинской сцене можно было избрать один из двух путей: либо представить 'Орфея' в тех костюмах, в каких исполнялась эта трагедия на сценах Глюка, либо создать полную иллюзию античной действительности. Но ни то, ни другое толкование не казалось режиссеру и мне правильным, потому что, на наш взгляд, Глюк сочетал в едином плане элементы реальные, контрастные с условными, абстрактными. Вот почему мы решили подчинить всю постановку тому пониманию античности, какое было свойственно художникам XVIII века, т. е. мы рассматривали пьесу сквозь призму той эпохи, в которой жил и творил автор. Сцена была разделена на две строго разграниченные части: просцениум, где не было писанных декораций, а все было убрано только расшитыми тканями, и задний план, обработанный исключительно живописными приемами. Особенно важное значение было придано так называемым планировочным местам: пратикабли, поставленные на тех или иных местах, определили расположение групп и пути продвижения отдельных фигур. Например, во второй картине по сцене был проложен путь Орфея в ад с большой высоты вниз, а по сторонам этого пути, впереди его, помещены два больших скалистых выступа. При таком размещении планировочных мест фигура Орфея не сливалась с толпой фурий, а как бы господствовала над ними. Благодаря двум большим скалистым выступам по обеим сторонам сцены хор и балет располагались в виде двух групп, тянущихся из боковых кулис вверх. Картина преддверия ада синтетически выражала два борющихся движения: стремление Орфея вниз и движение фурий, сначала грозно встречавших Орфея, а потом смиряющихся. . . . Хор в Элизии был удален за кулисы. Это обстоятельство дало возможность устранить дисгармонию в движениях хора и балета, часто встречающуюся в оперной практике. Дело в

том, что в Элизиуме имеется однородная группа действующих лиц — „les ombres heureuses“, от которых требуется единая пластическая манера; если бы хор был оставлен на сцене, то невольно зрителю стало бы заметно, что одна группа поет, другая же танцует без пения. В третьем действии... когда Амур, Орфей и Евридика выступали на авансцену, сзади них главный занавес опускался...» (А. Я. Головин. Встречи и впечатления. Воспоминания художника. Изд. «Искусство», Л.—М., 1940, стр. 107—108). В стихотворении «Чуть мерцает призрачная сцена» «Орфей и Эвридика» также даны через восприятие современника: но не только автора — Глюка, но и зрителя нашего века, но и зимнего Петербурга. Не следует, думается, приводить строки, явно навеянные постановкой. Приведем из другого стихотворения первые две строки, навеянные хороводом теней в Элизиуме Глюка—Головина—Фокина: — «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг, с певучим именем вмешался»... Гораздо отдаленней, но все-таки ощутимы реминисценции «Орфея» в стих. «В Петербурге мы сойдемся снова».

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Весьма устойчивый, частый образ Мандельштама: черное солнце, ночное солнце, солнце вчерашнее
И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.

...

Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем.

(Как этих покрывал и этого убора, 1916).

У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.

...

Я проснулся в колыбели,
Черным солнцем осиян.

(Эта ночь неоправима, 1916).

Се черножелтый свет, се радость Иудей.
(Среди священников левитом молодым,
1917).

Это солнце ночное хоронит
Возбужденная играми чернь...
(Когда в темной ночи замирает, 1918?).

Человек умирает, песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.
(Сестры — тяжесть и нежность, 1920).

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем...

...

А ночного солнца не заметишь ты. (1920).

Отчасти примыкает к этому образу и черно-желтый денек декабрьского Петербурга-Ленинграда:

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток...

(Ленинград, 1930).

Ю. П. Иваск в своей статье (в этом томе) приводит интересную параллель — черное солнце Жерара де Нерваля. Но образ черного, ночного солнца — нередкий гость в мировой литературе, особенно религиозной. Приведем несколько примеров, из разных эпох и разных литератур.

Эллада. «Прежде всего Аполлона часто представляли и как бога-целителя и как бога-губителя, даже как бога смерти. ... Несомненно, богом смерти Аполлон является в мифах об Адмете и Алкестиде... 'Плутарх ... прямо говорит: У Аполлона и Ночи прорицалище в Дельфах общее' (Сервий)... «(А. Ф. Лосев. Античная мифология. М., 1957, стр. 290, 293, 315).

... Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил...

(Одиссея, пер. Жуковского, III, 279—280).

Дельфы, святилище и прорицалище Аполлона, названы в честь Дельфа, сына Аполлона. «Иные говорят, что его матерью была Мелена (Черная), дочь Кефиса...» (Павсаний. Описание Эллады. Том 2, М.—Л., 1940, стр. 413).

«Солнце, когда оно находится в верхней, т. е. в дневной

полусфере, называется Аполлоном. Когда же оно в нижней, т. е. в ночной, полусфере — то считается Дионисом, т. е. Либером-Отцом» (Макробий. Сатурналии).

Этот ярый (белый, дневной) и черный — ночной Аполлон — Феб и Дионис — невольно напоминают русско-славянских Белбога (Дажьбога) и Чернобога, как они представлялись русским романтикам — этнографам и писателям — первой половины прошлого века. И невольно вспоминается — опять оперная реминисценция! — песня Баяна из «Руслана и Людмилы» Глинки: «Природу вместе созидали Дажьбог и мрачный Чернобог». Но античная мифология говорит и о смерти Аполлона-Гелиоса, смерти солнца. Не во всех мифах Аполлон побеждает тьму, побеждает Пифона. Порфирий в «Жизни Пифагора» пишет об этом мудреце-поэте: «Когда он ближе подошел к Дельфам, он написал элегию на могиле Аполлона, высказавши в ней, что Аполлон был сыном Силена, что он был побежден Пифоном и что был похоронен в так называемом Триопеде, который получил свое наименование от того, что три дочери Триопа оплакали здесь Аполлона» (цитируем по указ. выше книге А. Ф. Лосева, стр. 355). Патриарх Евсевий (Об Евангельском приготовлении) также свидетельствует, что Гелиоса-Аполлона представляли, как «распределителя времен и мгновений . . . , правящего браздами зари и многозвездной ночи . . . » (там же, стр. 541).

Итак, Солнце — Аполлон, Гелиос, Феб — и бог света-жизни, и бог ночи-смерти, и сам умирает, и его несут на погребальных черных носилках:

И вчерашнее солнце на черных носилках несут . . .
Эти же черные носилки в стихотворении «Венецкой жизни . . . »:

Всех кладут на кипарисные носилки . . .

Кстати, кипарис — дерево Аполлона-Феба. А похороны вчерашнего солнца:

Словно солнце мы похоронили в нем . . . (Петербурге).
И спутницы Аполлона — Аониды — представляются Мандельштаму не светлыми классическими музами, а хтоническими плакальщицами по жизни-солнцу:

. . . Я так боюсь рыданья Аонид . . .

(Я слово позабыл . . . , 1920).

Неоплатоники Ямвлих и император Юлиан Отступник (331—363) считали высшее трансцендентное единство — основу и первопричину всего Сущего — тождественным с Гелиосом-Солнцем, причем все другие боги — только эманации Солнца. Но оно же неизбежно включает в себя и свою противоположность — ночь, в силу «единства противоположностей». Для многих гностиков «вчерашним солнцем» и «сегодняшним солнцем» были образы круговращения бытия...

Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем...

как страсти, которой ведает ночной Аполлон-Дионис. Дневной Аполлон-Феб отнюдь не покровитель любви. «Эрот... — он молод и — вдобавок к своей молодости — нежен...» (Платон. Пир. В кн. Платон. Избранные диалоги. ГИХЛ, М., 1965, стр. 147). Но — «сестры — тяжесть и нежность — одинаковы ваши приметы». И — чтобы избавиться от бремени любви (и легче снести времени время) — нужно принести себя в жертву «вчерашнему солнцу»: Страбон пишет о Левкаде, или «Белой Скале», острове близ берегов Акарннии: «Остров известен храмом Аполлона Левкаты и местом, прыжок с которого, по народному верованию, укрощает любовь. Так, Менандр говорит: "Там рассказывают, Сафо, пылая страстной любовью к надменному Фаону, первая бросилась с далековиднеющей скалы после молитвы к тебе, владыка-царь". Итак, по словам Менандра, Сафо прыгнула со скалы первая; но другие, более сведущие в древностях, называют первым Кефала, влюбленного в Птерела, сына Деионея. У левкадцев существовал издревле обычай, по которому ежегодно в жертву Аполлону одного из преступников бросали с высоты для отвращения гнева, причем прикрепляли к жертве предварительно всякого рода перья, привязывали птиц, чтобы летанием облегчить прыжок, а внизу принимали его лица, находившиеся в лодках, кругом расположенных, и охраняли по возможности принятого от всех опасностей, после чего удаляли за пределы страны». Приводя эту цитату, Лосев говорит, что сначала это было отнюдь не символическим, а подлинным жертвоприношением. «Во-вторых, самоубийство влюбленных, прыгающих с этой скалы в море, очевидно, считалось угодным Аполлону, враждебному обычным лю-

бовным переживаниям. В-третьих, еще у Гомера (Одиссея, XXIV, II) Левкадская скала помещалась за Океаном у входа в подземный мир, царство смерти. Если так, то свержение с Белой скалы в море есть символ схождения в Аид» (А. Ф. Лосев. Цит. соч., стр. 293—294). А море — символ жизни. Здесь, следовательно, нерасторжимость жизни, любви и смерти:

И море, и Гомер — все движется любовью...

(Бессонница. Гомер. Тугие паруса..., 1915). Любопытно — в свете приведенной выше цитаты из Страбона — вспомнить «тяжелые соты и нежные сети» — в стихотворении о любви и смерти: соты, пчелы, осы — спутники хтонического Аполлона. Сети улавливали бросавшихся с Левкадской скалы — во имя любви-нежности, в освобождение от тяжелой любви-страсти.

Византия. Русь. «Что же сказать о сущности самих солнечных лучей? Свет проистекает из Блага и является образом Благодати; и в прославлениях Благо именуется светом, ибо через образ является первообраз. ... Именно так же /обстоит дело/ с видимым образом божественной Благодати, т. е. с этим великим, всеосвящающим и всегда-светящим Солнцем, представляющим собой некое отражение Благого» (Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах. Буэнос-Айрес, 1957, стр. 48—49). Но в Боге, говорит Дионисий, единство противоположностей. Протопоп Аввакум нередко в своем Жизнеописании ссылается на него. Так, он рассказывает: «Сей Дионисий еже не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господа быв в Солнечном граде, и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ученику глагола: 'Или кончина веку приде, или Бог-Слово плотию стражет' (по тексту в книге: А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. АН СССР, М., 1963, стр. 140). Но уже в Апокалипсисе читаем: И когда Он /Агнец. — Ред./ снял шестую печать, я взглянул, и вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (VI, 12).

Затмение солнца — черное солнце — предвестие гибели. «... Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от не-

го вся своя воя прикрыты... . . . Солнце ему тьмою путь заступаше...» (Слово о полку Игореве).

На миниатюрах византийских и русских (переводных) космографий, в частности, на миниатюрах рукописей «Христианской топографии» Космы Индикоплова, нарисованы — с двух сторон — два солнца: светлое и «ночное» — темное (черное).

Количество примеров может быть увеличено бесконечно.

Талмуд. В Талмуде рассказывается, что когда Моисей должен был по Божьему приговору умереть, так и не увидя народ свой в Земле Обетованной, куда сорок лет вел он его, он, Моисей, возроптал и привел в свидетели своего права дожить до водворения в Земле Обетованной всех духов земли и неба, все светила небесные, — и все свидетели — вместе с Моисеем — утверждали, что несправедливо Моисею умирать сейчас, ибо «в Торе сказано: в тот же день отдай /наемнику/ плату его. И всплыли солнце и месяц с неба в Зебул /Третье Небо/ и сказали: — Владыка! Если Ты суд праведный совершишь над Бен-Амрамом /Моисеем/, мы далее будем светить; если же нет, мы светить не будем» (Агада. Часть первая. Изд. С. Д. Зальцман, Берлин, /1922?/, стр. 124). О пророке Самуиле: «Прежде чем закатиться солнцу одного праведника, Господь зажигает солнце другого праведника» (там же, стр. 139). У Мандельштама:

И вчерашнее солнце на черных носилках несут...
И, поскольку, по словам Ахматовой, тут речь идет о Пушкине, другие строки:

Стояло солнце Александра

Сто лет назад, сияло всем...

(К а с с а н д р е, 1917).

В той же Агаде рассказывается, как — ради пророка Иезекии — было задержано движение солнца «и вчерашний день вернулся назад к утру своему» (Агада, ч. 1, Берлин, 1922?, стр. 177). «Черно-желтый» свет, «черно-желтый» ритуал — реминисценции иудаизма, и они весьма своеобразно сочетаются воедино с «черным» и «вчерашним» солнцем, с солнцем ночным эллинской мифологии, с гностицизмом и византизмом, со славянскими пра-корнями и даже с «желтизной правительственных зданий» императорского

Петербурга, с императорским штандартом Дворцовой площади:

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут зрится...

И — с трагическим пореволюционным, советским Петербургом-Ленинградом:

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток...

Наследник огромной — неподъем, казалось бы, одному человеку! — культуры Средиземноморья и России, Манделъштам глубоко чувствовал ее истоки. И когда Надежда Павлович в своих воспоминаниях, цитировавших уже нами, рассказывает, как он, Манделъштам, спрашивал ее: а кто такие Аониды?, — этот вопрос следует понимать отнюдь не в смысле справки из рядового энциклопедического словаря: Манделъштам доискивался не трафаретного образа, ходячего штампа антологической поэзии восемнадцатого-девятнадцатого века: его зияния, Персефоны и рыдающие Аониды — отзвук хтонических божеств Пра-Эллады. И не только там увидел он черное, смертельное, ночное, вчерашнее солнце: он увидел его и в черно-желтом свете Талмуда и Библии, и в византийских космографиях, и в иконах и повестях древней Руси. И, как всегда бывает, один образ, отягченный при этом не только личной поэтической интуицией, но и нагрузкой всех напластований великой культуры Эллады, Рима, Иудеи, Христианской Европы, — вызывает вереницу других образов: в мифографии Египта и Иудеи Солнце — Предвечный Свет — Бог изображается как «Всевидающее Око» — глаз в мистическом треугольнике (три стороны треугольника: прошлое, настоящее и будущее, для Бога сосуществующие в Единстве и Целостности). Этот образ перешел и в христианство. Итак — образ солнца-Бога — глаз. И образ единства времени, а, следовательно, и сверхвременности — глаз. У Манделъштама:

Кто веку поднимал болезненные веки —
Два сонных яблока больших...

...

Два сонных яблока у века-властелина...

(1 января 1924, 1924).

Те же образы и те же строки в стихотворении «Нет, никогда ничей я не был современник» (1924). И г л а з н ы е

яблоки Солнца-Бога-Вседержителя времен и сроков неволь-но переходят в яблоко-державу, как знак всемирной Римской империи, вообще имперскости: «Два сонных яблока у века властелина . . .» А там — опять модификация Солнца-Бога-Вседержителя Времен и Вечности, обмирщенного в земную имперскость: подмораживающий зимний ветер, «пахнувший яблоком, как встарь». Это — от Леонтьева с его опаской: мир гниет, распадается в плохоразличимые, аморфные эгалитарности-ничтожества. Нужно его, мир этот, подморозить . . . А мороз в русском сознании (и литературе) часто пахнет крепким антоновским яблоком . . . Но от Вседержителя Времен и имперскости земной — один шаг к образу кругов-полушарий географической карты мира: «. . . карта полушарий Ильина. Парнок черпал в ней утешение. . . Аквамариновые и охряные полушария, как два больших мяча, затянутые в сетку широт, . . . заключают в себе сгущенное пространство и расстояние . . .» («Египетская марка»).

О сопровождающих мандельштамовскую Персефону и Психею (а также хтонического Аполлона) осах и пчелах интересную статью написал К. Ф. Тарановский: «Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама» (в сборн. *To Honor Roman Jakobson*. Mouton, The Hague-Paris, 1967, pp. 1973—1995). Кстати, пчелы — не только спутники Аполлона, Персефоны, а и один из символов имперской власти: алые мантии, бархат алых тронных кресел Наполеона были расшиты золотыми пчелами . . . Это — тоже один из источников мандельштамовских поэтических реминисценций . . .

О ЩЕГЛАХ ВОРОНЕЖСКИХ СТИХОВ

В Воронежских стихах Мандельштама чрезвычайно большое место занимают стихи о щегле. Стихи виртуозные, использующие все приемы имитации, словесной игры, превосходно инструментированные. Часто они сопрягают щегла и ребенка. Можно предположить, что эти стихи — в списках, которые ходили по рукам, — были известны Н. А. Заболоцкому, так как одно из его стихотворений, датирован-

ное 1948 годом, является как бы поэтической полемикой с Мандельштамом. Заболоцкий очень высоко ценил поэзию Мандельштама. Мы — в примечаниях к первому тому — указывали на это, указывали и на некоторые параллели в стихах Мандельштама и Заболоцкого. Но стихотворение Заболоцкого (очень формально — для Заболоцкого — слабое) «Читая стихи» показывает, что поэт не принял и осудил «щеглов» Мандельштама:

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изопренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечья
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щebetанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

(Николай Заболоцкий. Стихотворения. Под общ. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. МЛС, 1965, стр. 132; несколько позднее — Н. А. Заболоцкий. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. М.—Л., 1965, стр. 113).

Эта «полемика» интересна и потому, что здесь — полемика между двумя крупнейшими поэтами России 20—30-х годов, — и потому, что показывает два пути русских поэтов: от кларизма-классицизма к суггестивной образности и

сюрреализму или даже тому, что условно можно назвать русским футуризмом; и от «будетлянства» — футуризма — к классицизму. Приведенные выше стихи никак не похожи на изумительные «Столбцы» и «Торжество земледелия».

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ В ПЕРВОМ ТОМЕ

Исправление

Стихотворение «Как из одной высокогорной щели» ошибочно отнесено редакторами как в первом, так и во втором издании первого тома — к оригинальным произведениям Мандельштама, в то время, как оно является вариантом последних шести строк перевода сонета Ф. Петрарки «Когда уснет земля и жар отпышет».

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

Этот обширный свод библиографических сведений не может, однако, считаться исчерпывающей библиографией: несомненно, наряду с включением в наш свод статей, содержащих более или менее случайные упоминания о Мандельштаме, мы упустили из виду немало статей о жизни и творчестве Мандельштама, особенно из числа опубликованных в провинциальной прессе. Никак не может претендовать на полноту и библиография стихов, статей и переводов Мандельштама, опубликованных в журналах и газетах, и свод сведений о переводах произведений Мандельштама на иностранные языки. Тем не менее мы полагаем, что в качестве первого опыта наша библиография может быть полезной изучающим жизнь и творчество одного из наиболее значительных русских поэтов.

Прилагаемый ниже список принятых нами в библиографической сводке сокращений относится главным образом к литературе о Мандельштаме. Если перед фамилией автора в этом разделе не стоит звездочка (*), в данной книге, статье или справке Мандельштам упомянут более или менее косвенно.

Список сокращений, принятых нами в сводке иноязычной литературы о Мандельштаме, приведен в начале соответствующего раздела нашей библиографии.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия альманахов, сборников, журналов, еженедельников, газет

- А   Аполлон. Журнал. С. Петербург-Петроград.
БП бс   Библиотека Поэта. Большая серия. Изд. «Советский Писатель», Ленинград, в последние годы — Москва—Ленинград.

- БП мс Библиотека Поэта. Малая серия. Изд. «Советский Писатель», Ленинград, в последние годы иногда — Москва—Ленинград.
- БС Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962. Тартуский Гос. Университет, Тарту, 1964.
- БСП Библиотека Советской Поэзии. Изд. Художественной Литературы, Москва.
- БСЭ 1 изд. Большая Советская Энциклопедия, 1-е издание, Москва.
- БСЭ 2 изд. Большая Советская Энциклопедия, 2-е издание, Москва.
- В Возрождение. Журнал. Париж.
- ВестнЛ Вестник Литературы. Журнал. Петроград.
- ВИИ Вестник Института по Изучению СССР. Мюнхен.
- ВКГ Вечерняя Красная Газета. Петроград—Ленинград.
- ВЛ Вопросы Литературы. Журнал. Москва.
- Возр. Возрождение. Газета. Париж (1925—1940).
- ВПу Воздушные Пути. Альманахи. Нью-Йорк.
- ВР Воля России. Журнал. Прага.
- ВРСХД Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Журнал. Париж—Нью-Йорк.
- Г Грани. Журнал. Кассель-Лимбург, затем — Франкфурт/Майн.
- ДП День Поэзии. Изд. «Московский Рабочий», затем — «Советский Писатель», Москва.
- ДПЛ День Поэзии. Изд. «Советский Писатель», Ленинград.
- ЕЛП Ежемесячные Литературные и Популярно-Научные Приложения к журналу «Нива». С. Петербург-Петроград.
- З Звезда. Журнал. Ленинград.
- Зв. Звено. Еженедельный журнал. Париж.

ЗМ	Записки Мечтателей. Альманахи (журнал). Петербург.
Зн	Знамя. Журнал. Москва.
Изв	Известия. Газета. Москва.
ИЛ	Иностранная Литература. Журнал. Москва.
ИР	Иллюстрированная Россия. Еженедельный журнал. Париж.
КГ	Красная Газета. Петроград-Ленинград.
КиР	Книга и Революция. Библиографический журнал. Петроград-Ленинград.
КЛЭ	Краткая Литературная Энциклопедия. Москва.
КН	Красная Новь. Журнал. Москва.
КРС	По Советскому Союзу. Еженедельный обзор Комитета Радио «Свобода». Стеклографическое издание. Нью-Йорк.
КУ	Книжный Угол. Журнал. Изд. «Очарованный Странник». Петербург.
Кш	Книгоноша. Журнал. Москва.
ЛА	Литературная Армения. Журнал. Ереван.
ЛГ	Литературная Газета. Москва.
ЛГрз	Литературная Грузия. Журнал. Тбилиси.
ЛДП	Летопись Дома Литераторов. Журнал. Петроград.
ЛК	Литературный Критик. Журнал. Москва.
ЛЛ	Литературный Ленинград. Еженедельная газета. Ленинград.
ЛН	Литературное Наследство. Непериодические сборники. АН СССР, Москва.
Лнг	Ленинград. Журнал. Ленинград.
ЛС	Литературный Современник. Журнал. Ленинград.
ЛСА	Литературный Современник. Альманах. 1954. Мюнхен.
ЛСМ	Литературный Современник. Журнал. Мюнхен.
Лт	Летопись. Журнал. Петроград.

- ЛУ Литературная Учеба. Журнал. Москва.
- ЛЭ Литературная Энциклопедия. Москва.
- МГ Молодая Гвардия. Журнал. Москва.
- Мс Москва. Журнал. Москва.
- Мст Мосты. Альманахи. Мюнхен.
- МСЭ Малая Советская Энциклопедия.
- Н Накануне. Газета. Берлин.
- НГ Новая Газета. Париж.
- НД Наши Дни. Журнал. Франкфурт/Майн.
- НЖ Новый Журнал. Нью-Йорк.
- НЖВ Новый Журнал для Всех. Петербург-Петроград.
- НЛП На Литературном Посту. Журнал. Москва.
- НЛпр Литературное Приложение к газете «Накануне», Берлин.
- НМ Новый Мир. Журнал. Москва.
- НП На Посту. Журнал. Москва.
- НРК Новая Русская Книга. Ежемесячный библиографический журнал. Берлин.
- НРС Новое Русское Слово. Газета. Нью-Йорк.
- О Октябрь. Журнал. Москва.
- Ог Огонек. Еженедельный журнал. Москва.
- Оп Опыты. Журнал. Нью-Йорк.
- ПиР Печать и Революция. Библиографический журнал. Москва.
- ПН Последние Новости. Газета. Париж.
- Пс Посев. Еженедельник. Кассель—Лимбург, затем Франкфурт/Майн.
- Р Россия. Журнал. Москва—Петроград.
- РБЖ Рабочий Журнал. Двухмесячник «Кузницы». Москва.
- РВ Русские Ведомости. Газета. Москва.
- РЖ Русская Жизнь. Газета. Сан-Франциско.

- РиСл Россия и Славянство. Еженедельная газета. Париж.
- РК Русская Книга. Библиографический журнал. Берлин.
- РЛ Русская Литература. Журнал. Ленинград.
- РМ Русская Мысль. Газета. Париж.
- РМсл Русская Мысль. Журнал. Петербург-Петроград—Москва. После 1918 — София—Прага—Берлин.
- РС Русский Современник. Журнал. Петроград—Москва.
- Рч Речь. Газета. Петербург-Петроград.
- С Свиток. Альманахи. Изд. «Никитинские Субботники», Москва.
- СБП Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. Изд. Института по Изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1, вып. 65. Мюнхен, 1962.
- СВ Социалистический Вестник. Журнал. Париж—Нью-Йорк.
- Свр Современник. Журнал. Торонто, Канада.
- Сд Содружество. Из современной поэзии русского зарубежья. Сост. Т. Фесенко. Изд. В. Камкина. Вашингтон, 1966.
- СевЗ Северные Записки. Журнал. Петербург-Петроград.
- СЗ Современные Записки. Журнал. Париж.
- ЦГАЛИ Центральный Государственный Архив Литературы и Искусства СССР. Путеводитель: Литература. Изд. Главного Управления при совете министров СССР. Москва, 1963.
- Ч Часовой. Журнал. Брюссель.
- ЧиП Читатель и Писатель. Журнал. Москва.
- Ю Юность. Журнал. Москва.

Названия издательств

- АН СССР Академия Наук СССР; — издательство АН СССР; издательство «Наука», Петроград-Ленинград, Ленинград—Москва, Москва.
- Ас Academia. Петроград-Ленинград, в конце деятельности — Ленинград—Москва.
- ГИЗ Государственное издательство, Москва, Москва—Ленинград, Ленинград.
- ГИХЛ Государственное издательство «Художественная Литература», госуд. изд. художественной литературы, Гослитиздат. Москва—Ленинград.
- Госполитиздат — Государственное издательство политической литературы, Москва—Ленинград.
- Детгиз Государственное издательство детской литературы, Москва—Ленинград.
- ЗВо Заря Востока, Тбилиси.
- МлГв Молодая Гвардия, Москва.
- МЛС Международное Литературное Содружество, Нью-Йорк.
- МР Московский Рабочий, Москва.
- Прб Прибой, Ленинград.
- Псв Посев, Франкфурт/Майн.
- СП Советский Писатель. Москва—Ленинград.
- СПЛе Издательство Писателей в Ленинграде.
- Учпедгиз Государственное издательство педагогической и учебной литературы при Министерстве просвещения РСФСР, Москва—Ленинград.
- ЧИ Издательство имени Чехова, Нью-Йорк.

Г о р о д а

Б	Берлин	НЙ	Нью-Йорк
Вш	Вашингтон	П	Петербург
К	Киев	Пг	Петроград
Л	Ленинград	Пар	Париж
М	Москва	СПб	Санкт-Петербург
М—Л	Москва—Ленинград	Т	Тифлис, Тбилиси
Мн	Мюнхен	Ф	Франкфурт/Майн
Х	Харьков		

П р о ч и е с о к р а щ е н и я

альм.	альманах.
в кн.	в книге.
вст. ст.	вступительная статья.
вступит. ст.	вступительные статьи.
ВЦСПС	Всесоюзный (Всероссийский) Центральный Совет Профессиональных Союзов.
газ.	газета.
ГИИИ	Государственный Институт истории искусств, Ленинград.
главн.	главный, главная, главное, главные.
гос., Гос.	государственный.
Гос. Ин-т	Государственный Институт.
Гос. Ун-т	Государственный Университет.
журн.	журнал.
Избр. произв.	Избранные произведения.
Избр. соч.	Избранные сочинения.
Избр. стих.	Избранные стихотворения.

изд.	издание, издательство.
Ин-т	Институт.
кн.	книга.
Лен.	Ленинградский, Ленинградская, Ленинградское.
Лит. прил.	литературное приложение.
Моск.	Московский, Московская, Московское.
опубл.	опубликован, -на, -но, -ны.
пер.	перевод.
первон.	первоначально
переизд.	переиздан, -на, -но, -ны.
под ред.	под редакцией.
Полн. собр. соч.	Полное собрание сочинений.
рец.	рецензия.
Собр. соч.	Собрание сочинений.
Собр. стих.	Собрание стихотворений.
Соч.	Сочинения.
Стих.	Стихотворения
(№№)	стихотворения нашего Собрания сочинений Мандельштама.
т.	том.
тт.	тома (например: «в 4 тт.» — в 4 томах, и т. д.).
Ун-т	Университет.

КНИГИ МАНДЕЛЬШТАМА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Под ред., со вступ. ст. и комментариями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. ЧИ, 1955, 415 стр.

СТИХИ

- КАМЕНЬ Изд. «Акме», П 1913, 2+34 стр.
Изд. 2-е, «Гиперборей», Пг, 1916, 86+5 стр.
Изд. 3-е, с подзаголовком «Первая книга стихов», в серии «Библиотека современной русской литературы», ГИЗ, М—П, 1923, 98 стр.
- TRISTIA. Изд. «Петрополис», П—Б, 1922 (на обложке, работы М. В. Добужинского, — 1921), 78 стр.
- ВТОРАЯ КНИГА. Изд. «Круг», М—П, 1923, 90 стр. (посвящена Н/адежде/ Х/азиной/).
- ПРИМУС. Детские стихотворения. Рисунки М. Добужинского. Изд. «Время», Л, 1925, 12 нумер. стр. (На обороте обложки заставка Добужинского с датой — 1924 — и с посвящением: „A mes petites amies Grethe et Rutti“).
- ДВА ТРАМВАЯ, (Стихи для детей). Рисунки Б. Эндера. ГИЗ, Л, 1925, 14 нумер. стр.
- ШАРЫ. (Стихи для детей). Рисунки Н. Лапшина. ГИЗ, Л, 1926, 14 нумер. стр.

КУХНЯ. (Стихи для детей). Рисунки В. Изенберга. Изд. «Радуга», Л, 1926, 12 нумер. стр.

СТИХОТВОРЕНИЯ. ГИЗ, М—Л, 1928, 195 стр. (В кн. три раздела: 1) Камень; 2) Tristia; 3) 1921—1925 Обложка работы Д. Митрохина).

ПРОЗА

ШУМ ВРЕМЕНИ. Изд. «Время», Л, 1925, 102+2 стр. Обложка раб. Е. Ф. Килюшевой.

ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА. Изд. Прб, 1928, 188+4 стр. Обложка работы Е. Белухи. /Целиком включает и предыдущую книгу/.

КНИГИ О ЛИТЕРАТУРЕ

О ПРИРОДЕ СЛОВА. Изд. «Истоки», (X), 1922, 12 стр. /Включена в кн.«О поэзии»/.

О ПОЭЗИИ. Сборник статей. Изд. Ас, 1928, 98+2 стр.

РАЗГОВОР О ДАНТЕ. Послесловие Л. Е. Пинского. Подготовка текста и примечаний А. А. Морозова. Изд. «Искусство», М, 1967, 88 стр.

ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ

Макс БАРТЕЛЬ. З а в о ю е м м и р ! Избр. стихи. ГИЗ, 1925, 106 стр.

ПЕРЕВОДЫ В ПРОЗЕ

У. СИНКЛЕР. М а ш и н а. ГИЗ, 1923.

П. ХАМП. З о л о т о и с к а т е л и в В е н е. Из быта «шиберов». МР, 1924.

- Ф. ГЕЛЛЕР. Тысяча вторая ночь. ЛенГИЗ, 1926, 142 стр.
- А. ДАУДИСТЕЛЬ. Жертва. Прб, 1926, 160 стр.
- П. МИЛЛЬ. Китайцы. Изд. «Сеятель», Л, 1926, 47 стр.
- А. БАРБЮС. Рассказы. ГИЗ, 1927, 235 стр.
- Б. ЛЕКАШ. Радан Великолепный. Роман. ГИЗ, 1927, 196 стр.
- Ж. ДЮАМЕЛЬ. Письма к моему другу Патагонцу. ГИЗ, 1927, 149 стр.
- Ж. ИМАН. Марсельский буржуа. ГИЗ, 1927, 145 стр.
- Ж. РОМЭН. Кромдейр-старый. Пер. и предисловие О. Мандельштама. ГИЗ, 1927, 135 стр.
- Ж. РОМЭН, Обормоты. ГИЗ, 1927, 127 стр.
- Ш. де КОСТЕР. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке... Ред. /и согласование и обработка двух старых переводов/ О. Мандельштама. Изд. «Земля и Фабрика», М—Л, 1928.
- ВАЛЬТЕР СКОТТ. Собрание романов. Под ред. А. Н. Горлина, Б. Лившица и О. Мандельштама, тт. I—XIV, изд. ЗиФ («Земля и Фабрика»), М—Л, 1928—1929. Пер. под ред. и в обработке О. Мандельштама:
- Т. V. Эдинбургская темница. 1928, 512 стр.
  - Т. XII. Пертская красавица. — Черный карлик. 1928, 304 стр.
- Пер. под ред. и в обработке Б. Лившица и О. Мандельштама:
- Т. III. Тори и виги (Пуритане). 1928, 446 стр.
  - Т. VI. Айвенго. 1928, 536 стр.
  - Т. VII. Антикварий. 1928, 448 стр.
  - Т. VIII. Пират. 1928, 575 стр.
  - Т. XIII. Астролог. 1928, 423 стр.

**ПУБЛИКАЦИИ В АЛЬМАНАХАХ, СБОРНИКАХ,
АНТОЛОГИЯХ, КНИГАХ ДРУГИХ АВТОРОВ**

С т и х и

АБРАКСАС. (Кн. II). Ред. М. Кузмина и А. Радловой. Пг, ноябрь 1922 (№№ 130, 133).

АЛЬМАНАХ «АПОЛЛОН». Изд. «Аполлон», СПб, 1912, (2-е стереотипное изд. — 1914) (№№ 21, 161, 162).

АЛЬМАНАХ МУЗ. Изд. «Фелана», Пг, 1916 (№№ 44, 84, 85).

АЛЬМАНАХ ЦЕХА ПОЭТОВ. Кн. 2. Изд. Цеха Поэтов, Пг, 1921 (№№ 110, 119, 114).

АЛЬМАНАХИ СТИХОВ, выходившие в Петрограде под ред. Дм. Цензора. Вып. 1. Изд. «Цевница», Пг, 1915 (№№ 72, 6).

АХМАТОВА Анна. С о ч и н е н и я. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 2, МЛС, 1968, стр. 168, 170, 171, 175—176 (№№ 428, 492, 493, 194).

ВЕСЕННИЙ САЛОН ПОЭТОВ. Изд. «Зерна», М, 1918 (№№ 84, 30, 68, 67).

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ. Альманахи. Ред.-изд. Р. Н. Гринберг, Н—Й:

Альм. II, 1961 (№№ 248, 232, 226, 263 /строфы II и III/, 394 /2-я половина/, 189, 373 /1-я половина/, 233, 229, 354, 251 /1-я половина/, 224, 227, 230, 235, 251 /2-я половина/, 278, 258, 262 и 263 /1-я строфа/, 259, 283, 285, 280, 284, 288, 281, 295, 304, 301, 305, 306, 312, 313, 309, 314, 315, 326 и 323, 338 /без 1-й строфы/, 340, 337, 361, 351, 350, 357, 356, 360, 366, 365, 367, 369, 370, 364, 376, 380, 352, 381, 378, 384 /без последней строфы/, 387).

Альм. III, 1963 (№№ 151, 153, 185, 200, 291, 300, 416—418, 421, 428, 429).

Альм. IV, 1965 (№№ 355, 257, 311, 225, 428,
492, 493, 194).

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Литературно-художественный и научно-популярный альманах под ред. П. Ярославцева. Изд. «Время», М:

Т. 1. 1922 (№ 100).

Т. 2. 1923 (№№ 129, 133, 130).

ВСТРЕЧА. Сборник 2-й. Пар, 1945 (в статье К. Мочульского «О. Э. Мандельштам» — № 419).

ГЕРМЕС. Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Сборник первый. К, 1919, апрель (№№ 104, 105).

ГУМИЛЕВ Н. Собрание сочинений в 4 тт. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 2. Изд. В. П. Камкина, Вш, 1964, стр. 202, 261—262 (№№ 494, 459).

ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1962. СП, М, 1962 (№№ 267, 312 /без строф III, IV, VII и VIII/, 225, 306).

ДОМ ИСКУССТВ. № 1. П, 1921 (№№ 113, 116).

ДРАКОН. Альм. 1-й Цеха Поэтов. П, 1921, (№№ 104, 105).

ИВАНОВ Г. Петербургские зимы. Изд. «Родник», Пар, 1928, стр. 118 (№ 423). 2-е изд. — ЧИ, 1953.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ. Серия сборников по периодам. Период 3-й. Вып. 2-й (А. Блок — М. Шагинян). СПб, 1914 (№№ 14, 8, 39, 42, 13, 23).

ИСХОД. Альм. 1. Изд. Художественного клуба, Пенза, 1918 (№ 94).

КОВЧЕГ. Альм. поэтов. Изд. группы поэтов. Феодосия, 1920 (№№ 4, 86, 108, 100, 83).

КОВШ. Литературно-художественный альм. Кн. 1. Ред. С. Семенова. ГИЗ, Л, 1925 (№№ 141, 134).

КОЛЬЦО. Изд. «Кольцо». Кн. 1, М, 1922 (№№ 123, 122).

- ЛЁТ. Сборник стихов ОДВФ /Общества Друзей Воздушного Флота/. Составил Н. Н. Асеев. Изд. «Красная Новь», М, 1923 (№№ 197, 133 и 139, соединенные в поэму или поэмообразный цикл).
- ЛИРИЧЕСКИЙ КРУГ. Страницы поэзии и критики. Изд. «Северные Дни», кн. 1, М, 1922 (№№ 112, 126).
- ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ ДЛЯ ВСЕХ. Кн. 1. Изд. Прб, 1924 (№ 138).
- МАКОВСКИЙ. Портреты современников. ЧИ, 1955, стр. 398 (№ 227).
- МОСТЫ. Литературно-художественные и общественно-политические альманахи. Мн:
№ 10, 1963, (№№ 256, 257, 267, 271, 290, 382 /II и V строфы/, 286) — в статье Г. Стукова «Новое о судьбе О. Мандельштама».
№ 11, 1965 (№№ 219, 231).
- НАШИ ДНИ. Художественный альм. Кн. 2. ГИЗ, 1922 (№№ 83, 92, 99).
- НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ. Изд. общества писателей для помощи жертвам войны. Пг, 1915 (№ 71).
- НОВЫЕ СТИХИ. Всероссийский Союз Поэтов. Кн. 1. М., 1926 (№ 133).
- ОБВАЛЫ СЕРДЦА. Изд. «Таран», Севастополь, 1920 (№№ 93, 98, под назв. «Меганон» и «В горячке соловьиной»).
- ОДЕССА — ПОВОЛЖЬЮ. ПОСЕВ. Литературно-критический и научно-художественный альм. УкрГИЗ. Одесса, 1921 (№№ 92, 93).
- ОТ НЕКРАСОВА ДО ЕСЕНИНА. Русская поэзия 1840—1925. Составил Л. Гроссман. Изд. «Никитинские Субботники», М, 1927 (№№ 94, 67).
- ОЧЕРКИ БОЛЬШЕВИЗМОВЕДЕНИЯ. Ин-т изучения СССР при НТС. Псв, 1956, стр. 137—138 (№№ 434, 435).
- ПЕСНЬ ЛЮБВИ. Лирика русских поэтов. Составление и

примечания Светланы Магидсон, под ред. Л. Озерова. МЛГв, 1967 (№№ 78, 122).

ПЕТЕРБУРГ В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ. Собрал Глеб Алексеев. Изд. «Север», Б, 1923 (№№ 88, 124, 42, 83, 101, 118).

ПЕТРОГРАДСКИЕ ВЕЧЕРА. Ред.-изд. М. И. Семенов. Кн. 4, Пг, 1915 (№ 181).

ПОЭЗИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОСКВЫ. Под ред. И. Эренбурга. Изд. «Мысль», Б, 1922 (№ 108).

ПРИГЛУШЕННЫЕ ГОЛОСА. Поэзия за железным занавесом. Составил Вл. Марков. ЧИ, 1952 (№№ 1, 8, 30, 41, 46, 65, 60, 62, 81, 78, 89, 118, 92, 94, 104, 108, 114, 119, 116, 111, 127, 135, 169, 142, 144, 192, 224, 232).

ПРОМЕТЕЙ. Альманах. МЛГв, 1966, стр. 247 (в ст. К. Чуковского «Что вспомнилось» — № 494).

ПЯСТ В. Встречи. Изд. «Федерация», М, 1929, стр. 255—257, 261, 291 (№№ 167, 422, 430, 431, 424).

РАДУГА. Литературно-художественный и политический сборник. Кн. 2-3. Изд. Губисполкома, Полтава, 1921 (№ 93).

РУССКАЯ ЛИРИКА. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. кн. Д. Святополк-Мирский. Изд. «Франко-Русская Печать», Пар, 1924 (№ 103).

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА. Антология русской лирики от символистов до наших дней. Составили И. С. Ежов и Е. И. Шамурин. Изд. «Новая Москва», М, 1925 (№№ 4, 11, 14, 18, 24, 33, 42, 48, 84, 96, 60, 88, 94, 104, 23, 78, 122).

РУССКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ И ЕВРЕИ. Сост. А. Флегон и Ю. Наумов. Flegon Press, Лондон, 1968, стр. 209 (№ 122).

РУССКИЙ ПАРНАС. Составители А. и Д. Элиасберг. Insel-Verlag, Leipzig, 1920 (№№ 8, 9, 16, 38, 60).

- СБОРНИК СТИХОВ. МОСКОВСКИЕ ПОЭТЫ. Губтипोगра-
фия. Великий Устюг, 1924 (№ 119).
- СВИТОК. Литературный альм. Кн. 3. Изд. «Никитинские
Субботники», М, 1924 (№ 92).
- СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. Изд. Лен. отдела Всерос-
сийского Союза Поэтов. Л, 1926 (№ 119).
- СОЮЗ ПОЭТОВ. 2-й сборник СОПО /Союза Поэтов/, М,
1922 (№ 108).
- СТРАНИЦЫ ЛИРИКИ. Избранные стихотворения совре-
менных русских поэтов. Собрал А. Дерман. Рус-
ское книгоиздательство в Крыму, Симферополь,
1920 (№№ 15 /без 1-й строфы/, 30).
- STUDI IN ONORE DI ETTORE LO GATTO E GIOVANNI
MAVER. Sansoni, Roma, 1962, стр. 610—614, в статье Г. Стру-
ве «Итальянские образы в поэзии Осипа Ман-
дельштама» (№№ 256 /I—IV строфы/, 257, 358,
269, 270, 352, 381).
- ТРИЛИСТНИК. Альм. 1. Моск. Издательское Товарищество,
М, 1922 (№№ 93, 195).
- ТРИНАДЦАТЬ ПОЭТОВ. Пг. 1917 (стих. н. собр. №№ 83,86).
- ФЛАК (Феодосийский Литературно-Артистический Кру-
жок). Альманах № 1. Феодосия, 1919.
- ФОРШ Ольга. С у м а с ш е д ш и й к о р а б л ь. СПЛе, 1931,
стр. 135; переизд.: МЛС, 1964, стр. 178 (первонач.
«Звезда», 1930) (№494).
- ЦАРСКОЕ СЕЛО В ПОЭЗИИ. Вст. ст. Э. Ф. Голлербаха.
Ред. Н. О. Лернера. Изд. «Парфенон», СПб, 1922
(№ 35).
- ЦЕХ ПОЭТОВ. Кн. 3. Изд. Цеха Поэтов, Пг, 1922 (№№ 92,
115).
- ЦЕХ ПОЭТОВ. Альманахи стихов и критики. /Кн. 1./ Изд.
С. Эфрон, Б, 1922 /?/ (№№ 104, 105).

- ЦЕХ ПОЭТОВ. Альманахи стихов и критики. /Кн./ 2-3. Изд. С. Эфрон, Б, 1922 /?/ (№№ 119, 114, 92).
- ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР. Составил Шемякин. Т. 3, СПб, 1913 (№ 17).
- ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР. Изд. Н. Н. Мартьянова, НЙ, /1964/ (№№ 118, 42, 8, 68, 126, 221, 39, 84).
- ЭРЕНБУРГ И. Портреты русских поэтов. Изд. «Аргонавты», Б, 1922; 2-е изд. «Первина», М, 1923 (№№ 30, 67, 8, 104, 103).
- ЭРЕНБУРГ И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. СП, 1961; первонач. в журн. «Новый Мир», 1961, № 1, стр. 141—144; перепечатано в кн. Собрание сочинений в 9 тт. ГИХЛ, т. 8, 1966, стр. 311—314, 316, 429, 433 (№№ 227 /отрывок/, 395 /II и III строфы/, 301, 427, 258 /I и IV строфы/, 373 /I—III строфы/, 288 /отрывок/, 229 /I строфа/, 320 /I строфа/, 292 /I строфа/, 294 /отрывок/).
- ЭТО АРМЕНИЯ. Стихи русских поэтов. Ред. составитель и автор предисловия Л. М. Мкртчян. Изд. «Айа-стан», Ереван, 1967 (№№ 203—215).

Двухязычные антологии

- LA POESIE RUSSE. Edition bilingue. Anthologie réunie et publiée sous la direction de Elsa Triolet. Editions Seghers, Paris, 1965 (No. 136).
- MODERN RUSSIAN POETRY. An Anthology with verse translations. Edited and with an introduction by VI. Markov and Merrill Sparks. The Bobbs Merrill Co., Inc., Indianapolis-Kansas City-New-York, 1967 (NoNo 1, 8, 27, 30, 39, 52, 60, 65, 78, 85, 88, 104, 103, 108, 110, 114, 118, 116, 127, 136, 135, 267, 286, 352).
- THE PENGUIN BOOK OF RUSSIAN VERSE. Introduced and edited by D. Obolensky. With plain prose translations of each poem. Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex—Baltimore, Md, 1962 (NoNo 38, 62, 78, 84, 101, 103, 104, 108, 118, 135).

Статьи о литературе

- АХМАТОВА Анна. Сочинения. Т. 1. МЛС, 1965, стр. 20 (отрывок из неопубл. статьи «О русской поэзии»).
- БРОДСКИЙ Н., В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, Н. СИДОРОВ (ред.). Литературные манифесты. От символизма к Октябрю. Сборник материалов. Изд. «Федерация», М, 1929, стр. 45—50 («Утро акмеизма»).
- ДРАКОН. Альм. 1 Цеха Поэтов. Изд. Цеха Поэтов, П, 1921, стр. 73—78 («Слово и культура»).
- КОВАЛЕНКОВ А. Хорошие, разные... МР, 1966, стр. 11 (в статье «Письмо старому другу» отрывок из неизвестной статьи Мандельштама; первон. опубл. в журн. Зн, 1957, № 7, стр. 168).
- ОЗЕРОВ Л. Работа поэта. Книга статей. СП, 1963, стр. 185 (отрывок из неопубл. статьи «О русской поэзии»).
- РОМЭН Жюль. Кромдейр-старый. ГИЗ, 1927, стр. 3—8 («Жюль Ромэн»/, предисловие к русскому изд.).
- ЦЕХ ПОЭТОВ. Альм. стихов и критики. Кн. 1. Изд. С. Эфрон, Б, /1922/ («Слово и культура»).
- ЭРЕНБУРГ И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. СП, 1961, стр. 498. Переизд. Собр. соч. в 9 тт., т. 8, ГИХЛ, 1966, стр. 315. Первон. НМ, 1961, № 1, стр. 143 (отрывок из «Разговора о Данте»).

Письма

- АХМАТОВА Анна. Сочинения. Т. 2. МЛС, 1968, стр. 177—178 (письмо к А. Ахматовой; первон. в ВПу, альм. IV).

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ. Альм. IV. Ред.-изд. Р. Н. Гринберг, НЙ, 1965, стр. 34—35 (письмо к А. Ахматовой).

ВОЛКОВ А. Поэзия русского империализма. ГИХЛ, 1935, стр. 119—120 (Письмо к Федору Сологубу). Перепеч. в статье Г. Струве «Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений». Оп, № 1, 1953, стр. 188. Перепеч. затем в кн. О. Мандельштам. Собрание соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, ЧИ, 1955, стр. 366.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. В 3 тт. Т. 1, АН СССР, 1958, стр. 46—47; 2-е дополн. изд., в 4 тт., т. 1, изд. «Наука» (АН СССР), 1967, стр. 52. (Письмо группы писателей, в том числе Мандельштама, в Отдел печати ЦК РКП/б/, май 1924; перепеч. из кн. «К вопросу о политике РКП/б/ . . .», 1925).

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РКП(б) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. М, 1925, стр. 106—107. (Письмо группы писателей, указ. выше).

Переводы в стихах

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ. Альм. III. Ред.-изд. Р. Н. Гринберг, НЙ, 1963 (№№ 487—489).

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ от Ломоносова до наших дней. Составители и редакторы Е. Винокуров и Л. Гинзбург. Изд. «Прогресс», М, 1968 (№№ 490, 488, 489).

МАСТЕРА РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА. Кн. 2. БПбс, 1968, (№№ 460, 470, 488, 487).

МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ. Антология современной немецкой поэзии. Под ред. Г. Петникова. ГИЗ Украины, Х, 1926 (№№ 473—475, 478, 476—477, 481—486).

НАШИ ДНИ. Художественные альманахи, ГИЗ:
Кн. 3, 1923 (№ 461);
Кн. 4, 1924 (№ 471).

НОВАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ. Сборн. под ред. Н. Мицшвили. Т, 1921 (№№ 464, 465).

ПШАВЕЛА Важа. Поэмы. Переводы О. М/андельштама/, С. Спасского, Б. Пастернака. Под ред. В. Гольцева и Т. Табидзе. ГИХЛ, 1935 (стих. н. собр. № 466).

ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ

Стихи

АПОЛЛОН. П-Пр:

- 1910, № 9 (№№ 13, 8, 147, 14, 9);
- 1911, № 5 (№№ 158, 18, 17, 16, 12);
- 1913, № 3 (№№ 38, 39);
- 1914, № 6 (№№ 57, 68);
- 1915, № 4-5, стр. 85, в статье Г. Иванова «Военные стихи» (№ 181);
- 1916, № 9-10 (№№ 90, 91).

АРГУС. П-Пр.:

- 1913, № 7 (№ 174);
- 1917, № 4 (№ 189).

ВЕСТНИК РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Пар—НЙ:

- № 64, 1962, (№№ 349, 359, 388, 299);
- № 72-73, 1964 (№№ 307, 303, 377);
- № 75-76, 1964—1965 (№ 362).

ГИПЕРБОРЕЙ. Ежемесячник стихов и критики. П:

- № 1, 1912 (№№ 25, 30, 23, 28);
- № 3, 1912 (№№ 33, 160, 157);
- № 5, 1913 (№№ 42, 45 /с 1 строфой, затем опущенной/, 37);
- № 8, 1913 (№№ 34, 173, 49).

ГОЛОС ЖИЗНИ. Пр:

- 1915, № 14, 1 апреля (№№ 60, 61 и 69, в виде цикла «Рим»);
- № 25, 17 июня (№№ 172, 182, 183).

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ В ПРЕКРАСНОМ. Русский журнал. М:

№1, 1922 (№№ 132 и 131, как диптих «Сеновал»).

ГРАНИ. Лимбург-Ф:

№ 5, 1949, стр. 85, в статье Н. Осипова «Внутренняя эмиграция в СССР» (№№ 434, 435);

№ 50, 1961, стр. 118—122, в статье Ю. Терапиано «Осип Мандельштам» (№№ 277, 367, 354, 301, 351, 360);

№ 51, 1962 (№ 135).

ЗА 7 ДНЕЙ. П:

1913, № 20, 20 июня (№ 51а);

№ 21, 27 июня (№ 168);

№ 22, 4 июля (№ 169);

№ 35, 5 октября (№ 170).

ЗАВЕТЫ. П:

1913, № 5 (№ 171).

ЗВЕЗДА. Л:

1927, № 8 (№ 144);

1931, № 4 (№ 222).

ЗВЕЗДА ВОСТОКА. Ташкент:

1967, № 3 (№№ 285, 279, 273, 206).

ЗНАМЯ. М:

1957, № 7, в статье А. Коваленкова «Письмо старому другу» (отрывки. №№ 226, 233).

ИПОКРЕНА. Ежемесячник. Россия /X—П/:

1918, № 1-2 (2-3) (№№ 88, 188 и 89, как одно стихотворение; 96).

КАМЕНА. Ежемесячник. X—М—П:

1918, № 1 (№ 87).

КРАСНАЯ НИВА. Еженедельный журн. М:

1923, № 4, 28 января (№ 196);

№ 14, 25 марта (№ 129).

КРАСНАЯ НОВЬ. М:

- 1922, № 4 (№№ 94,73);
1923, № 1 (№№ 135, 111, 114, 98);
№ 2 (№ 136).

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ. Ереван:

- 1966, № 1 (№№ 203—215).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Т:

- 1967, № 2 (№№ 115, 226, 251, 295, 293, 299,
320, 303, 263, 345, 352, 361, 363, 365,
362, 384, 380, 381, 383, 394; и в ста-
тье Г. Маргвелашвили №№ 372,
241, 306, 281, 367 /первые 7 стихов/
279 /1 строфа/, 355 /4 первых и 4
последних стиха/, 376 /8 стихов/
235 /первые 4 стиха/, 265 /отрыв-
ки/, 360, 354, 322, 312 /отрывки/
277, 206, 340, 324, 327, 378).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК. Мн:

- 1952, № 3 (№№ 73, 16);
№ 4 (№№ 101, 116, 84, 60).

МОСКВА. М:

- 1919, № 3 (№99);
1922, № 6 (№№ 129, 128);
1922, № 7 (№ 86).

МОСКВА. М:

- 1964, № 8 (№№ 221, 224, 338, 336, 340, 324, 355, 276,
281; и в статье Н. Чуковского «Встречи с Ман-
дельштамом», стр. 152, № 228).

НИВА. Еженедельн. журнал. Пг:

- 1914, № 43 (№ 176).

НИВА. Ежемесячные литературные и популярно-научные
приложения. Пг:

- 1914, №8 (№ 175).

НОВАЯ ЖИЗНЬ. П:

- 1914, № 1 (№ 54).

НОВАЯ РОССИЯ. Л—М:

1926, № 1 (№ 142).

НОВЫЙ ГИПЕРБОРЕЙ. Журнал Цеха Поэтов. /Мимеографическое издание стихов-автографов. Тираж — 23 экз./ Пг:

1921, № 1 (№ 119, под назв. «Троянский конь»).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ. НИ:

1963, № 71, стр. 24 (в восп. И. Одоевцевой «На берегах Невы» — №№ 433, 432).

НОВЫЙ МИР. М:

1927, № 6 (№ 143);

1929, № 4 (№ 197);

1931, № 3 (№№ 204—215);

1932, № 4 (№№ 247, 253),

№ 6 (№№ 234, 254, 261, 252);

1961, № 1 (в воспомин. И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», стр. 141—144, стих. и отрывки №№ 227, 395, 301, 427, 258, 373, 288, 229, 320; перепеч. в отд. изд. и Собр. соч. т. 8, ГИХЛ, 1966),

№ 9 (в тех же воспомин., стр. 106—108, /отрывки/ №№ 292, 294; перепеч. в Собр. соч., т. 8, ГИХЛ, 1966).

НОВЫЙ РОБИНЗОН. Журнал для детей. Л:

1924, № 12 («Одеяльная страна»).

НОВЫЙ САТИРИКОН. П, Пг:

1914, № 7 (№ 53),

№ 22 (№ 50),

№ 24 (№ 51),

№ 28—29 (№ 166),

№ 30 (№ 167);

1915, № 26 (№ 63);

1916, № 27 (№ 172),

№ 42 (№ 74).

ОГОНЕК. Еженедельн. журн. М:

1923, № 7 (№ 110),

№ 14 (№ 138).

ОПЫТЫ. НЙ:

- 1953, № 1 (№№ 138, 234);
1956, № 6 (в статье А. «По поводу собр. сочин.
О. Мандельштама», стр. 93—94,
№ 426),
№ 7 (№ 228).

ПАРУСА.

- 1922, № 1 (№ 83).

ПОДЪЕМ. Воронеж:

- 1966, № 1 (№№ 299 /8 стихов во вст. заметке/,
393, 376, 328, 296, 311, 298, 314, 375, 388, 364).

ПРОСТОР. Алма-Ата:

- 1965, № 4 (№№ 288, 373, 378, 258, 227, 256, 366,
264, 389, 365, 395, 229, 308, 310, 367,
289, 305);
1966, № 11 (№№ 280, 251 /с пропуском/, 235,
334).

ПУТИ ТВОРЧЕСТВА. X:

- 1920, № 4 (№ 104),
№ 6-7 (№ 105, под назв. «Черепаша»).

РОССИЯ. Пг—М:

- 1922, № 1 (№ 127),
№ 4 (№ 135);
1924, № 3 (№ 125).

РУБИКОН. Пг:

- 1914, № 3 (№№ 47, 159).

РУДИН. Пг:

- 1916, № 7 (№ 187),
№ 8 (№ 73).

РУССКИЙ СОВРЕМЕННОК. Пг—М:

- 1924, № 2 (№ 140).

СЕВЕРНЫЕ ЗАПИСКИ. П:

- 1913, № 9 (№№ 15 /с опущенной затем 1 стро-
фой/, 27а).

СМЕХАЧ. М: — №№ журн. с произв. Мандельштама нами
не разысканы.

ГРАНИ. Ф:

1967, № 63, стр. 16—28 («Четвертая проза»).

ЗВЕЗДА. Л:

1928, № 5, стр. 51—76 («Египетская марка»);

1933, № 5, стр. 103—125 («Путешествие в Армению»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ. Ереван:

1967, № 3, стр. 83—99 («Путешествие в Армению» с цензурн. пропусками).

ОГОНЕК. М:

1923, № 16, 15 июля («Холодное лето»),

№ 18, 29 июля («Сухаревка»),

№ 20, 12 августа («Меньшевики в Грузии»),

№ 31, 28 октября («Первая международная крестьянская конференция»),

№ 33, 11 ноября («Армия поэтов», 1, с портретом автора),

№ 34, 18 ноября («О поэтах. 2. Кто же они такие?»),

№ 39, 23 декабря («Нюэн-Ай-Как»).

Статьи о литературе. Рецензии

АПОЛЛОН. П—Пг:

1913, № 2, стр. 49—54 («О собеседнике»),

№ 3, стр. II—7 (К. Гюисманс. «Парижские арабески», рец.),

№ 4, стр. 30—35 («Франсуа Виллон»);

1915, № 6-7, стр. 57—62 («Чаадаев»).

ВЕСТНИК РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Пар-НЙ:

1964, № 72—73, стр. 63—67 («Пушкин и Скрябин»).

ГИПЕРБОРЕЙ. П:

1913, № 6, стр. 28 (Игорь Северянин. «Громокипящий Кубок», рец.).

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ В ПРЕКРАСНОМ. М:

1922, № 1, стр. /нумер./ 8—11 («Девятнадцатый век»).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. М:

1967, № 6, стр. 64 («Детская литература»).

ЗНАМЯ. М:

1957, № 7, стр. 168 (в статье А. Коваленкова «Письмо старому другу» — отрывок из неразыск. нами статьи; перепеч. в его кн. «Хорошие, разные...», МР, 1966, стр. 11).

КРАСНАЯ НОВЬ. М:

1923, № 5, стр. 399—400 (Андр. Белый. «Записки чудака», рец. Перепеч. в книге О. Мандельштам. Собр. соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, ЧИ, 1955, стр. 363—365).

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ. М:

1929, № 13, июль, стр. 42—45 («О переводах»).

НА ПОСТУ. М:

1923, № 2, столб. 250 («На митинге художников слова» — выступление Мандельштама).

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ. М:

1923, № 5, стр. 304—305 (Г. Гауптман. «Еретик из Соаны», рец.),

№ 6, стр. 254—255 (Свентицкий. «Книга сказания о короле Артуре и рыцарях Круглого стола», рец.).

ПРОЖЕКТОР. М:

1923, № 13 («Огюст Барбье»).

ПУТИ ТВОРЧЕСТВА. X:

1920, № 6-7, стр. 74—76 («Государство и ритм»).

РОССИЯ. Пг—М:

1922, № 1, стр. 28—29 («Александр Блок» — часть этой статьи вошла в кн. «О поэзии» под назв. «Барсучья нора»),

№ 2, стр. 23—24 («Литературная Москва»),

№ 3, стр. 26—27 («Литературная Москва» /П/ Рождение фавулы»);

1923, № 6, стр. 29 (Борис Пастернак) — вошла в качестве второй половины статьи «Заметки о поэзии» в кн. «О поэзии»;

1924, № 3, стр. 187—190 («Выпад»).

РУССКОЕ ИСКУССТВО. Художественный журн. П:

1923, № 1, стр. 75—82 («Буря и натиск»),

№ 2, стр. 68—70 («Vulgata. Заметки о поэзии» — вошла — в качестве первой половины статьи «Заметки о поэзии» в кн. «О поэзии»).

СИРЕНА. Иллюстрированный двухнедельник. Под ред. Вл. Нарбута. Воронеж:

1919, № 4-5, 30 января, стр. 69—74 («Утро акмеизма»).

ТЕАТР и МУЗЫКА. М:

1923, № 1-2, 5 января («Революционер в театре»),

№ 36, 6 ноября («Художественный театр и слово»).

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ. М:

1928, № 46, 18 ноября, стр. 3 («Поэт о себе»/).

ЭКРАН. М:

1927, № 31, стр. 15 («Яхонтов»).

Записные книжки, заметки, черновики

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ. М:

1968, № 4, стр. 180—204 (Зап. книжки к «Путешествию в Армению» и «Вокруг натуралистов» /«Литературный стиль Дарвина»/; Из письма; Записи к ст. «Франсуа Виллон», к ст. «Заметки о Шенье»; Записи 1931 г.; Записи к «Разговору о Данте»; отрывок из ст. «О современной поэзии», 1916; К радиокомпозиции «Молодость Гете»; Записи 1935—1936 гг.).

Письма

ГРАНИ. Ф:

1967, № 63, стр. 29—30 (Два письма к К. Чуковскому).

ОПЫТЫ. НЙ:

1953, № 1, стр. 188 (в ст. Г. П. Струве «Неизданные материалы к биографии Гумилева...» — письмо к Ф. Сологубу).

SLAVIA ORIENTALIS. Warszawa:

1968, № 2 (Письма к Н. Я. Мандельштам — наши №№ 5, 6, 10—17; со вступит. заметкой и комментариями — R.Przybylski).

Переводы в стихах

ВЕСТНИК РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Пар.—НЙ:

1962, № 64 (№ 489).

ВОСТОК. М—П:

1923, № 3 (№ 466).

ЗВЕЗДА. Л:

1924, № 2 (№№ 469, 467),

№ 3 (№ 470),

№ 5 (№ 472);

1925, № 2 (№№ 479, 480).

КРАСНАЯ НИВА. М:

1924, № 26, 29 июля (№ 478).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Т:

1967, № 1 (№№ 466 /отрывки/, 464, 465).

ПЛАМЯ. Т:

1923, № 1, май (№ 466 — вариант, в примеч.).

РОССИЯ. Пг—М:

1923, № 5 (№ 461).

Переводы в прозе

ЗВЕЗДА. Л:

1925, № 6, стр. 237—250 (анонимн. статья «Правительство и печать во Франции»).

ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ

Стихи

ВОЛЯ НАРОДА. П:

1917, 15 ноября (№ 192),

31 декабря (№ 95).

ДНИ. Пар:

1926, 4 апреля (глава из «Петербургских зим»
Г. Иванова — № 199).

**ЖИЗНЬ ИСКУССТВА. Специальный выпуск газеты (№ 798
—803), М, 14 августа 1921 (№ 114).**

ЗНАМЯ ТРУДА. М:

1918, 24/11/ мая (№ 103).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М:

1932, 23 ноября (№№ 221, 260, 266).

МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. Еженедельн. газета. М:

1922, № 9 (№ 94),

№ 13 (№ 92, под назв. «Виноград»).

- НАКАНУНЕ. Б. Литературные приложения к газ. под ред.
А. Н. Толстого:
1922, № 5, 28 мая (№ 124),
№ 8, 18 июня (№ 126),
№ 9, 25 июня (№ 123),
№ 11, 30 июля (№ 128);
1923, № 47, 8 апреля (№№ 113, 116, 112, под об-
щим назв. «Летейские стихи»);
Литературная Неделя, № 397, газ. 29
июля (№№ 133, 137 /только IV строфа/);
Литературная Неделя, № 454 газ.
(№ 136).

НОВАЯ ЖИЗНЬ. Пг:

1917, 18 июня (№ 83).

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО. НЙ:

- 1950, 23 июля (в статье С. Маковского «Осип
Мандельштам». № 419 и перепечатки из
первых двух книг поэта),
3 сентября (в статье Г. Струве «Дневник
читателя», /и отрывки/ №№ 125, 126,
127, 130, 135, 140, 141, 253, 261);
1953, 4 января (в статье Ю. Терапиано «О неиз-
данных стихах О. Мандельштама»),
(№№ 133, 139, 134, 125, 140);
15 февраля (в статье Ю. Терапиано «От-
вет на письма читателей», № 140 — ко-
нец стих.);
13 декабря (в статье Ю. Офросимова «О
Гумилеве, Кузмине, Мандельштаме . . .»,
№ 459);
1963, 3 февраля (в статье Эрге «Осип Мандель-
штам в советской печати», №№ 267, 225).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар:

- 1963, 21 февраля (в статье Г. Стукова «Неизвест-
ное стихотворение Осипа Мандельшта-
ма», № 272);
1964, 14 марта (в ст. Ю. Терапиано «Стихи 'от-
туда', № 225);
1965, 6 марта (№ 286).

СТРАНА. П:

1918, 7 апреля (25 марта) (№ 100),
21 (8) апреля (№ 193).

Проза

ДНИ. Пар:

1926, 3 октября («В Тенишевском училище» и
«Эрфуртская программа» — из «Шума
времени»).

КИЕВСКАЯ ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА. К:

1926, май /?/ («Киев»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ. Еженедельн. газета, М:

1966, № 34, 19 августа, стр. 18—19 («Армия по-
этов: Их сотни тысяч. — Кто же они та-
кие?» — перепечатка из «Огонька», 1923,
№№ 33 и 34).

МОЛОТ. Ростов:

1922, 22 января («Кровавая мистерия 9 января»).

ПРАВДА. М:

1922, 3 февраля («Батум»).

СОВЕТСКИЙ ЮГ.

1922, конец января («Батум»).

Статьи о литературе, искусстве

ВЕЧЕРНЯЯ КРАСНАЯ ГАЗЕТА. Л:

1926, 17 июня («Березиль»),
10 августа («Михоэлс»).

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. М:

1932, 19 апреля («Вокруг натуралистов»).

ИЗВЕСТИЯ. М:

1929, 7 апреля («Потоки халтуры»).

КИЕВСКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ. К:

1928, /?/ («Кукла с миллионами»);
1929, /?/ («Веер герцогини»);
1929, /?/ («Жак родился и умер»).

МОЛОТ. Ростов:

1922, /?/ января («Кое-что о грузинском искусстве»);

1922, /?/ («Письмо о русской поэзии»).

НАКАНУНЕ. Б: Литературное приложение к газете под ред. А. Н. Толстого:

1923, № 36, 20 января («Гуманизм и современность»),

№ 56, 10 июня («О внутреннем эллинизме в русской литературе» — отрывок из статьи «О природе слова» в кн. «О поэзии»).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар:

1963, 28 ноября («Осип Мандельштам о христианском искусстве» — фрагмент из неопубликов. статьи «Пушкин и Скрябин»).

Письма

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА. М:

1928, № 288 (Письмо в редакцию).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М:

1929, 13 мая (Письмо в редакцию).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар:

1963, 5 февраля (в статье Г. Стукова «Еще о судьбе Мандельштама» — письмо к брату из лагеря НКВД).

Переводы в стихах

МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. М:

1922, № 2 (Э. Толлер. «Человек-масса»).

НАКАНУНЕ. Б: — Литературная Неделя, как особое приложение:

1924, 17 февраля (№ 468),

9 марта (№ 467).

**ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАНДЕЛЬШТАМА
НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ**

НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

- MANDELSTAM O. *Selected Poems*. Transl. and introduced by Peter Russel. P. Russel, London, 1958. 2nd Edition, 1959.
- MANDELSTAM O. Poem. Transl. by P. Russel. *Delta* (Montreal), # 4, July 1958, p. 19 (# 84).
- MANDELSTAM O. Four Poems. Transl. by P. Russel. *Delta*, # 6. 1959, pp. 7—10 (## 42, 51, 104, 135).
- MANDELSTAM O. A Poem. Transl. by P. Russel. *Agenda* (London), # 1, January 1959 (# 121).
- MANDELSTAM O. "Tristia". Transl. by P. Russel. *Agenda*, # 4, April 1959, p. 2 (# 104).
- MANDELSTAM O. Leningrad. In: *Modern Russian Poetry*. Selected and translated by Jack Lindsay. London, Vista Books, 1960, p. 24 /# 221/.
- MANDELSTAM O. Poems. Transl. by P. Russel. *The London Magazine*, # 5, 1961, pp. 54—58 (## 8, 9, 66, 87, 103, 125, 221, 227).
- MANDELSTAM O. Poems. Transl. by Rose Styron and Olga Carlisle. *Paris Review*, # 26, 1961, pp. 127—133.
- MANDELSTAM O. "Tristia". Transl. by M. Bogojavlensky and S. Bradley. *Michigan's Voices* (Saginaw, Mich.), III, # 1, Winter 1962—1963, p. 12 (# 104).
- MANDELSTAM O. Poems. Transl. by Robert Lowell. *The Atlantic*. June 1963, pp. 64—68 (## 85, 227, 222, 240, 362).

- MANDELSTAM O. The Morning of Acmeism. Transl. by Clarence Brown. *The Russian Review*. (Hanover, N. H.), Vol. 24, # 1, January 1965, pp. 47—51.
- MANDELSTAM O. Talking About Dante. Transl. by Clarence F. Brown and Robert P. Hughes. *Books Abroad*. (Norman, Oklahoma). Special issue: A Homage to Dante, 1265—1965. 1965, pp. 25—47.
- MANDELSTAM O. The Prose of Osip Mandelstam. The Noise of Time. — Theodosia. — The Egyptian Stamp. Transl. with critical essay by Clarence Brown. Princeton University Press, Princeton, N. J., 1965, X + 209 pp.
2nd printing with corrections, 1967, X + 209 pp.
- MANDELSTAM O. "Tristia". Transl. by Stanley Kunitz. *The Washington Post*. — *Book Week*, December 25, 1966, p. 6 (# 104).
- MANDELSTAM O. (1892—1943 /sic!?). Three Poems. Transl. by Margaret Wettlin. *Soviet Literature*.(M), June 1967, # 6, p. 10 (## 116, 206, 122).
- MANDELSTAM O. An Interview with Ho Chi Minh — 1923. Transl. by Clarence F. Brown. *Commentary*, August 1967, pp. 80—81 («Ньюэн-Ай-Как»).
- ANDREYEV-CARLISLE Olga. *Voices in the Dark*. New York—London, 1962, pp. 95, 120, 143, 160 (## 94, 103, 101, 221).
- BOWRA C. M., ed. *A Book of Russian Verse*. Mackmillan, London, 1943, pp. 118—119 (# 104).
- BOWRA C. M., ed. *A Second Book of Russian Verse*. London, 1948 (# 93).
- COXWELL C. F., ed. and transl. *Russian Poems*. With introduction by D. S. Mirsky. Daniel, London, 1929 (# 103).
- MARKOV Vladimir and Merrill SPARKS, ed. and transl. *Modern Russian Poetry*. An anthology with verse translations and with an Introduction by

VI. Markov. The Bobbs-Merrill Co., Indianapolis—
Kansas City—New York, 1967, pp. 282—323 (## 1,
8, 27, 30, 39, 52, 60, 65, 78, 85, 88, 104, 103, 108,
110, 114, 118, 116, 127, 136, 135, 267, 286, 352).

OBOLENSKY Dimitri, ed. and transl. *The Penguin
Book of Russian Verse*. Introduced and
edited by D. Obolensky. With plain prose trans-
lations of each poem. Penguin Book, Harmonds-
worth, Middlesex-Baltimore, Md., 1962 (## 38, 62,
78, 84, 101, 103, 104, 108, 118, 135).

YARMOLINSKY Avrahm. *A Treasury of Russian
Verse*. The Macmillan Co., New York, 1949
(## 88, 47, 103).

YARMOLINSKY Avrahm. *An Anthology of Russian
Verse. 1812—1960*. Doubleday Anchor. Garden
City, New York, 1962 (## 88, 47, 103).

YARMOLINSKY Avrahm. *Two Centuries of Russ-
ian Verse. An Anthology from Lomonosov
to Voznesensky*. Edited, with an introduction and
notes, by A. Yarmolinsky. Translations by Babette
Deutsch. Random House, New York, 1966 (## 47,
55, 60, 62, 78, 80, 88, 103, 210, 227, 295).

НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

MANDELSTAM O. *Gedichte*. Aus dem Russischen über-
tragen von Paul Celan. *Die Neue Rundschau*. 69
Jahrgang, 1958, 3 Heft (## 15, 20, 26, 30, 89, 100,
110, 135).

MANDELSTAM O. *Gedichte*. Aus dem Russischen über-
tragen von Paul Celan. S. Fischer-Verlag, Frank-
furt/M., 1959, 63 SS (## 1, 2, 8, 11, 14, 15, 19—21,
26, 27, 29—31, 49, 54, 60, 66, 73, 76, 78, 89, 91, 95,
98, 100, 102, 104, 108, 110, 113, 116, 121, 125, 126,
135—137, 140, 141).

DREI RUSSISCHE DICHTER. Fischer-Verlag, Frankfurt/Main,
1963 (44 Gedichte von O. Mandelstam, aus dem
Russischen übertragen von Paul Celan).

- ENZENBERGER H. M. *Museum der modernen Poesie*. Frankfurt/M., 1960, SS. 31, 124, 310, 313, 326—328, 402.
- GUENTHER Johannes von. *Russland erzählt*. Hamburg, 1959, SS. 125—128 („Kindlicher Imperialismus“ из «Шума времени»).
- GUENTHER Johannes von. *Neue Russische Lyrik*. Fischer-Verlag, Frankfurt/M., 1960, SS. 117—121 (## 8, 14, 15, 30, 39, 41, 60, 103).

НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

- MANDELSTAM O. 1-er janvier 1924. Version française d'Hélène Iswolsky. *Commerce* (Paris), cahier VI, hiver 1925, pp. 193—199 (# 140).
- MANDELSTAM O. Le Timbre égyptien. Traduit du russe par D. S. Mirsky et George Limbour. *Commerce*, cahier XXXIV, été 1930, pp. 119—168.
- MANDELSTAM O. Verses. Traduit du russe par E. Raïs. *Evidences*, # 38, Février—Mars, 1954 (## 8, 39, 73, 142, 222, 227).
- GRANOFF Katia. *Anthologie de la poésie russe du XVIII siècle à nos jours*. Paris, 1961, pp. 468—485 (## 8, 25, 26, 161, 171, 53, 41, 42, 221, 227).
- RAÏS Emmanuel et Jacques ROBERT. *Anthologie de la poésie russe. De XVIII-e siècle à nos Jours*. Bordas, /Paris/, 1947 (## 11, 14, 30, 49, 53, 57, 78, 110, 111, 113, 135, 140, 254).
- SLONIM Marc et George REAVEY, *Anthologie de la littérature soviétique*. Editions Gallimard, Paris, 1935.
- TRIOLET Else. *La poésie russe. Edition bilingue*. Anthologie. Editions Seghers, Paris, 1965 (# 136).

НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

- MANDEL'STAM O. „Tristia“. Traduzione di Renato Poggioli. *Inventario*, 1946, I, # 2, p. 80 (# 104).
- MANDEL'STAM O. Il sigillo egiziano. *Inventario*. 1946, I, # 2, pp. 81—103.
- MANDEL'STAM O. Strofe pietroburchesi. Trad. e introd. di G. G. de Micheles. Milano, 1964, 102 p.p.
- MANDEL'STAM O. La Quarta Prosa. Sulla poesia. Discorso su Dante. Viaggio in Armenia. Traduzione di Maria Olsoufieva. Presentazione di A. M. Rippellino. „Raporti“. De Donato editore, Bari, 1967, 225 pp.
- POGGIOLI Renato. La Violetta Notturna. Poeti russi del Novecento. G. Carraba, Lanciano, 1933.
- POGGIOLI Renato. Il Fiore del Verso Russo. Einaudi, Torino, 1949; 2 ed. — 1961 (Biblioteca moderna Mondadori, vol. 694—697), pp 441—448 (## 104, 81, 4, 116, 30).
- RIPELLINO Angelo Maria. Poesia Russa del Novecento. Parma, 1954 (## 84, 88, 94, 99, 100, 92, 65, 107, 118, 114, 120, 111, 127, 135, 144, 222, 252).

НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- MANDELSTAM O. Wierszi. Przeł. P. Hertz. *Zycie Literackie* (Poznan), 1, 1945, cer. 24 (## 89, 65).
- MANDELSTAM O. „Tristia“; „Miód złotystyi gęsty z butelki“. Przełożyła Zoya Juriew. *Wiadomosci* (London), tygodnik, # 33, 12 August 1956 (## 104, 92).
- MANDELSTAM O. Głosy o poezji. *Zycie Literackie* (Krakow) # 8(526), 25. XI. 1962, st. 7.

- MANDELSTAM O. Wierszi. Przeł. Jarosław Marek Rymkiewicz. *Współczesność* (Warszawa), # 24/176, 9. XII. 1964 (## 86, 127, 301, 282, 113, 116, 119, 91).
- JASTRUN M., Seweryn POLLAK, red. *Dwa wieki poezji rosyjskiej* Antologia, Warszawa, 1947, str. 251—254 (# 65, 116, 92, 94, 89).
- POLLAK, S. (red.). *Stu trzydziestu poetów. Wybor poezji narodów radzieckich*. Warszawa, 1957, str. 90—101. (## 39, 41, 65, 89, 92, 94, 101, 108, 116, 117, 143, 224, 227, 251. Переводчики: W. Słobodnik, P. Hertz, S. Pollak, J. Pomianowski).
- SŁOBODNIK, W. *Wiersze*. Warszawa, 1936, str. 86—91. (# 41, 65, 94, 117).
- SŁOBODNIK, W., *Niepokoj Wieczorny*. Warszawa, 1937. (# 108).
Кроме того, отдельные стихотворения в периодических изданиях. Даем эти ссылки под именем переводчика, с указанием на публикацию и — в скобках — №№ стихотворений в нашем издании.
- DRAWICZ, A. *Współ*, 1964, # 2 (# 192).
- JAWORSKI, K. A. *Kamena*, # 7 (1937/38). (# 67).
- POLLAK, S. *Pion*, # 47 (268), 27. XI. 1938. (## 92, 116).
- POLLAK, S. *Twórczosc*, 1945, # 3. (# 92).
- POLLAK, S. *Opinie*, 1957, # 1. (# 101).
- POMIANOWSKI, J. *Kuznica*, # 21 (39), #. VI. 1946. (# 251); *Odrodzenie*, 16. VI. 1946. (# 143). *Nowa Kultura*, # 45(345), 4. XI. 1956. (## 224, 227); *Opinie*, 1957, # 1. (## 143, 22).
- SŁOBODNIK, W. *Kamena*, 1935, # 2 (22) (# 94); # 6 (# 98). *Opinie*, 1957, # 1 (# 39).
- SZENFELD, I. *Współ*, 1965, # 22 (199) (# 111).

НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

- MANDELŠTAM, O. Tvorby. Přel. Jan Zábřana (## 136, 47, 27, 85, 118, 215, 224, 221, 219, 265, 261, 251, 253); přel. Václav Danek (## 23, 73, 69, 79, 39, 356, 91, 222, 231, 305, 313, 355). *Svetova Literatura*. Praha, 1965, # 3, str. 174—187.
- MANDELŠTAM, O. Tvorby. Přel. Jaroslav Teichmann (## 8, 221). *Host do Domu*. Praha, 1965, # 11, str. 33.
- MANDELŠTAM, O. Tvorby. Přel. J. Zábřana (# 136); přel. V. Danek (## 196, 143, 69, 356, 79, 44, 65, 162, 23, 49). *Kolo Inspirace*. Praha, 1967, str. 26, 31, 32, 65, 67, 74, 79, 90, 239, 260—261, 302.
- MANDELŠTAM, O. Tvorby. Přel. Jan Zábřana (## 253, 354 var., 241). *Literární Noviny*. 1966, # 3.
- MANDELŠTAM, O. Arménie (V, VI, VIII, IX, XII, XIII). Přel. J. Zábřana (## 207, 208, 210, 211, 214, 215). *Literární Noviny*. 1967, # 2, 14/17.
- MANDELŠTAM, O. Armáda básníků (Армия поэтов). Přel. L. Dušková. *Host do Domu*. Praha, 1967, #3, str. 1.
- MANDELŠTAM, O. Výpad. — Stařenin pták (Выпад. — Старикина птица). Přel. L. Dušková. *Sešity*, 1967, # 11, str. 22—24.

НА СЕРБО-ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

- МАНДЕЛЬШТАМ О. Шум времена. Пер. Milica Nikolić (проза) и Branko Miljković (стихи). „Prosveta“, Beograd, 1962, 293 стр. («Египетская марка», «Шум времени», «Путешествие в Армению», «Армия поэтов», «Выпад», «О собеседнике», «Заметки о поэзии» и стих. н. собр. №№ 29, 10, 48, 58, 62, 63, 67, 69, 76, 79, 82, 86, 93, 97, 98, 101, 103, 104, 107, 108, 112—114, 116, 118, 119, 121, 123, 126, 125, 127, 129—132, 134—144, 197, 204—215, 221, 247, 234, 260, 252, 261, 227); 2-е издание: „Prosveta“, 1963, 292 стр.

NIKOLIĆ Milica, Nana BOGDANOVIĆ. *Moderna Ruska Poesija*. Biblioteka „Orfej“, Nolit, Beograd, 1961 (## 137, 126, 131, 98, 58, 76, 252, 127, 144, 29, 101, 103, 227).

НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

MANDELSTAM O. „Notre Dame“; „Europa“. Tolkinud Aleksis Rannit. *Kaunis Kodu* (Tallin), 1940, # 1 (## 39, 68).

RANNIT Aleksis. *Suletud Avarust*. Eesti Kirjanike Kooperativ AB, Lund, Sweden, 1956, p. 26 (# 116).

ЛИТЕРАТУРА О МАНДЕЛЬШТАМЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- А., А. Альманахи... «Наши Дни», № 2 (в свод. рец.). КН, 1922, № 6, стр. 248.
- АБРАМКИН, В. и А. Лурье. Библиотека Поэта. Аннотированная библиография. Общий план. СП, 1960, стр. 192.
Изд. 2-е, СП, 1965, стр. 254, 265.
- * АВЕРИНЦЕВ С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера. ВЛ, 1968, № 1, стр. 145, 147, 152—153.
- * А/дамович, Г./ По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама, Оп, № 6, 1956, стр. 92—94.
- МОВИЧ, Г. Литературные беседы. Зв: 1926, № 159, стр. 2; № 163, стр. 1—2; № 191, стр. 1; № 199, стр. 2; 1927, № 218, стр. 2.
- МОВИЧ, Г. Литературные заметки. ПН, 5 ноября 1931.
- МОВИЧ, Г. Расин и Россия. НРС, 9 марта 1952.
- МОВИЧ, Г. Новые стихи. НРС, 4 октября 1953.
- МОВИЧ, Г. Одиночество и свобода. ЧИ, 1955, стр. 200—201, 280, 288.
- АДАМОВИЧ, Г. О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем. Заметки. Оп, № 7, 1956, стр. 29, 32.
- АДАМОВИЧ, Г. Несколько слов о Марине Цветаевой. НРС, 9 июня 1957.
- АДАМОВИЧ, Г. Георгий Иванов. НРС, 2 ноября 1958.
- АДАМОВИЧ, Г. Подарок Пастернаку. «Воздушные Пути». НРС, 6 декабря 1959.
- * АДАМОВИЧ, Г. Несколько слов о Мандельштаме. ВПу, альм. II, 1961, стр. 87—101.
- АДАМОВИЧ, Г. О нас и о французах. Мст, № 8, 1961, стр. 108.
- АДАМОВИЧ, Г. Бунин-поэт. В его кн. «О книгах и авторах». Заметки из литературного дневника». Мн—Пар, 1966, стр. 7.
- * АДАМОВИЧ, Г. Мои встречи с Анной Ахматовой. ВПу, альм. V, 1967, стр. 101, 102—103, 104—105.
- АДАМОВИЧ, Г. Оправдание черновигов. НЖ, № 90, 1968, стр. 83.

- АДАМОВИЧ, Г. Стихи Беллы Ахмадулиной. НРС, 20 апреля 1969.
- * АДУЕВ Н. и АРГО. Осип Мандельштам /стихи-пародии/. Р. 1922, № 3, стр. 21.
- * АЙХЕНВАЛЬД, Ю. Силуэты русских писателей. Т. 3. Б., 1923.
- * АЙХЕНВАЛЬД, Ю. Литературные заметки /«Шум времени»/. «Руль», Б, 9 декабря 1925.
- АКИМЫЧ. Писательский парад. РМ, 10 июня 1967.
- АКСЕНОВ, В. /Литература и язык/. ВЛ, 1967, № 6, стр. 90.
- АЛЕКСАНДРОВ, В. Наше поэтическое сегодня. НЛП, 1929, № 3, стр. 24.
- АЛЕКСАНДРОВ, Г. Дело Ивинских. НРС, 3 февраля 1961.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. Старые и новые лики Петербурга. НРС, 18 августа 1957.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. «Страницы жизни» Всеволода Рождественского. НРС, 8 февраля 1959.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. Сквозь призму лет. НРС, 10 января 1960.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. Воспоминания Эренбурга. НРС, 15 октября 1961.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. Казахстанский «Простор». НРС, 3 октября 1965.
- АЛЕКСАНДРОВА, В. Прошлое сегодняшними глазами. НЖ, № 84, 1966, стр. 119. Перепеч. — НРС, 9 октября 1966.
- АЛЯНСКИЙ С. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать» (глава из воспоминаний). БС, стр. 441.
- АЛЯНСКИЙ, С. Встречи с Блоком (Из записок издателя). НМ, 1967, № 6, стр. 176.
- АМИНАДО, Дон. Поезд на третьем пути. ЧИ, 1954, стр. 74, 235, 248.
- АНАТОЛЬЕВА, Н. Цель творчества — самоотдача, Г, № 37, 1958, стр. 129, 137, 151, 154.
- АНИЧКОВ, Е. Новая русская поэзия. Изд. И. П. Ладыжникова. Б, 1921, стр. 48, 113.
- АННЕНКОВ, Ю. Вокруг Есенина. Оп, № 3, 1954, стр. 163, 176.
- АННЕНКОВ, Ю. Борис Пастернак и Нобелевская премия. В, № 85, 1959, стр. 95.
- АННЕНКОВ, Ю. Анна Ахматова. В, № 129, 1962, стр. 43.

- АННЕНКОВ, Ю. Георгий Иванов. В, № 141, 1963, стр. 42.
- АННЕНКОВ, Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. МЛС, 1966, т. 1, стр. 63, 105, 107, 116, 132, 134—135, 156, 333, 344; т. 2, стр. 156, 183, 231.
- АННЕНКОВ, Ю. Французский писатель о русской литературе. РМ, 1 марта 1966.
- АННЕНКОВ, Ю. Последние встречи с А. А. Ахматовой. РМ, 12 и 15 марта 1966.
- АННИНСКИЙ, Л. Новые рифмы и старые истины. МГ, 1964, № 2, стр. 285—286.
- АННИНСКИЙ, Л., С, БОЧАРОВ, В. КОЖИНОВ, О. МИХАЙЛОВ. Литература. В кн. Всемирная история в 10 тт. АН СССР и Соцэкгиз, т. 9, 1962, стр. 555.
- * Аноним. /Заметка о вечере поэтов в зале Гор. Думы Петрограда, 25 января 1915, на котором читал стихи и О. Мандельштам/. «Биржевые Ведомости», утр. вып., 26 января 1915.
- * Аноним. «Камень» (рец.). «Вестник Знания», 1916, № 5-6, стр. 378—379.
- * Аноним. /О стихах Мандельштама в «Доме Искусств»/. «Вестник Литературы», 1920, № 12, стр. 15.
- * Аноним. /О вечерах поэзии Мандельштама и Эренбурга в Батуме и Тифлисе/. РК, 1921, № 1, стр. 25.
- * Аноним. /Заметки о хронике/. РК, 1921, № 4, стр. 21; № 5, стр. 22 /о переезде Мандельштама из Тифлиса в Петербург и подготовке им новой книги стихов «Новый Камень»/; № 9, стр. 28.
- * Аноним. /Заметка в отд. «Россика»/. ЛДЛ, 1921, № 2, стр. 8.
- * Аноним. /Заметки в хронике/. «Дом Искусств», № 1, 1921, стр. 70, 74, 75.
- * Аноним. /О вхождении Мандельштама и Ахматовой в литературную группу «Лирический Круг»/. «Театральное Обозрение», 1921, № 8.
- Аноним. Писатели, художники, ученые, журналисты — в помощь голодающим. КиР, 1921, № 12, стр. 98.
- Аноним. Выставка вольных издательств. ВестнЛ, 1921, № 10, стр. 13.
- * Аноним. /О выходе «Тристриа»/. Там же, 1921, № 11, стр. 16.

- * Аноним. /О скором выходе «Тристриа»/. ПиР, 1921, № 3, стр. 302.
- Аноним. /Заметка/. «Вестник Литературы», 1922, № 1, стр. 23.
- * Аноним. /О вечерах Союза Поэтов, в том числе вечере Мандельштама/. Р, 1922, № 1, стр. 32.
- * Аноним. О вечере Мандельштама в кружке «Литературный Особняк»/. Р, 1922, № 1, стр. 32.
- * Аноним. /Заметки о выходе № 1 газ. «Сегодня» со стихами Мандельштама; о московском литер. кружке «Литературный Особняк», готовящем альманах, одним из редакторов которого будет Мандельштам/. Р, 1922, № 2, стр. 29.
- * Аноним. /Заметки в хронике, в том числе — об адресе Мандельштама: Петроград, Геслеровский пер., 27а/. НРК, 1922, № 4, стр. 33, 40.
- Аноним. /Заметки в хронике/. НРК, 1922, № 8, стр. 47; № 10, стр. 36, 43.
- * Аноним. /О чтении Мандельштамом двух новых стихотворений в Союзе Поэтов/. НРК, 1923, № 3—4, стр. 41, 54.
- * Аноним. /Заметка/ «Новая Книга», бюллетень Петроградского отд. ГИЗ'а, 1922, № 5, стр. 5.
- * Аноним. /Заметки в хронике/. НЛпр, 1922, №13, 13 августа, стр. 7; № 20, 1 октября, стр. 12 /ГИЗ приступил к изданию книги стихов Мандельштама «Аониды»/; № 22, 5 октября, стр. 12; № 24, 29 октября, стр. 7; 1923: № 46, 1 апреля, стр. 7; № 49, 22 апреля, стр. 8 /об издании «Кругом» книги стихов Мандельштама/; Литературная Неделя: 1923, 4 ноября, стр 8; 2 декабря, стр. 6.
- * Аноним. /Заметки в литературной хронике/. Р, 1923, № 7, стр. 27; № 8, стр. 32 /о выходе «Второй книги», подготовке к печати книги статей о литературе и — для «Всемирной Литературы» книги «Антология старо-французского эпоса»/.
- * Аноним. Вторая книга. /Рец./. «Бюллетень Книги», 1923, № 9-10, стр. 92.

- * Аноним. /Заметки в отд./ Жизнь писателей. Литературная Неделя, 1924: 6 апреля, стр. 6; 20 апреля, стр. 9.
- * Аноним. Литературно-Художественный Альманах для Всех. /Рец./ РБЖ, 1925, № 4, стр. 169.
- Аноним. /Заметка в Литературной хронике газеты/ «Возрождение», Пар, 23 июня 1927.
- * Аноним. Тараканы в тесте. «Смехач», 1927, № 34, сентябрь.
- Аноним. Почему мы сохраняем старые фильмы. Театинопечатъ, М, 1928, стр. 22 (сноска).
- * Аноним. Мандельштам. МСЭ, 1 изд., т. 4, 1929, стр. 848.
- * Аноним. Печать. Возр, Пар, 26 мая 1929.
- * Аноним. Еще о гибели поэта Мандельштама. СВ, 1946, № 6, стр. 157.
- Аноним. Акмеизм. БСЭ 2 изд., т. 1, 1949, стр. 603.
- Аноним. Барбье. БСЭ 2 изд., т. 4, 1950, стр. 233.
- Аноним. Траурный список литераторов, убитых или сосланных большевистской властью. ЛСМ, № 1, 1951, стр. 45.
- Аноним. Среди советских писателей. НРС, 20 марта 1952.
- * Аноним. Мандельштам. /Заметки/ ЛСМ, № 3, стр. 51; № 4, стр. 52.
- Аноним. Акмеизм. МСЭ 3 изд., т. 1, 1958, стр. 218.
- Аноним. Борис Пастернак и его творчество. В кн. Дело Пастернака. Мн, 1958, стр. 16.
- * Аноним. /О выходе в ближайшее время сборн. стихов Мандельштама/. ВЛ, 1958, № 11, стр. 256.
- Аноним. «Советская Культура» о Пастернаке. НРС, 4 февраля 1961.
- * Аноним. Эренбург сообщает о гибели поэта Мандельштама. НРС, 13 февраля 1961.
- * Аноним. Пять неизданных стихотворений О. Э. Мандельштама. ВРСХД, № 64, янв. 1962, стр. 48.
- * Аноним. Мандельштам за рубежом. КРС, № 25, 10 апреля 1964, стр. 8—11.
- * Аноним. Новые книги /Сообщение о готовящемся выходе кн. «Поэты начала XX века»/. «Новые Книги», М, 1964, № 22.
- * Аноним. Вечер русской поэзии в Лос-Анжелосе. КРС, 14 августа 1964, стр. 8—9.

- Аноним. Книга о незабываемом Петрограде. РМ, 1 октября 1964.
- Аноним. Комиссия по литературному наследству Марины Цветаевой. РМ, 2 февраля 1965; НРС, 7 февраля 1965.
- * Аноним. Об Осипе Мандельштаме. КРС, 21 мая 1965, стр. 8—12.
- * Аноним. Трудная реабилитация О. Мандельштама. КРС, 16 июля 1965, стр. 5—7.
- Аноним. На всех языках. Заметки в хронике. ИЛ, 1965: № 10, стр. 273; № 11, стр. 272.
- * Аноним. О. Мандельштам. Собр. соч., т. 1 /рец./. Ч, декабрь 1965, стр. 15.
- Аноним. Письмо старому другу. Г, № 62, 1966, стр. 12, 15.
- Аноним. Чтобы словам было тесно, мыслям просторно... С пленума правления Московского отд. Союза писателей РСФСР. «Литературная Россия», № 24, 10 июня 1966, стр. 9.
- * Аноним. Публицистика Осипа Мандельштама. КРС, №152, 23, сентября 1966, стр. 5.
- Аноним. Андрей Седых. Далекие, близкие... /Рец./. КРС, № 152, 23 сентября 1966, стр. 8—9.
- Аноним. Новый подпольный журнал в Москве: «Феникс 1966». НРС, 27 января 1967.
- * Аноним. /О вечере памяти Мандельштама в Париже, 12 февраля 1967/. «Зарубежье», Мн, 1967, № 2-3, стр. 32.
- Аноним. Поэты начала XX века. КРС, № 186, 19 мая 1967, стр. 10.
- * Аноним. Книжная полка. КРС, № 187, 26 мая 1967, стр. 2—6.
- Аноним. Письмо А. Солженицына Четвертому съезду писателей. НРС, 6 июня 1967.
- Аноним. Г. П. Струве выходит в отставку. РМ, 8 июня 1967.
- Аноним. Американский славист С. Карлинский о Марине Цветаевой. КРС, № 190, 16 июня 1967, стр. 8.
- * Аноним. Хроника литературной жизни в кн. История русской советской литературы в 4 тт., т. 1, изд. «Наука», АН СССР, 1967, стр. 731, 733, 736, 746, 788, 816; т. 2, 1967, стр. 580.

- Аноним. А. И. Солженицын и Четвертый съезд писателей. КРС, № 192, 30 июня 1967, стр. 5.
- Аноним. Б. М. Эйхенбаум. Из неопубликованного /Вступ. заметка/. ДПЛ 1967, стр. 16.
- Аноним. Н. Гумилев. КРС, № 217, 22 декабря 1967, стр. 5.
- Аноним. Журнал «Ост-Проблеме» о нашей интеллигенции. Пс, 1968, № 1, стр. 64.
- Аноним. За Александра Солженицына надо бороться. Пс, 1968, № 3, стр. 17.
- Аноним. Константин Дмитриевич Бальмонт. КРС, № 231, 29 марта 1968, стр. 8.
- * Аноним. Записные книжки и заметки О. Мандельштама. КРС, № 249, 2 августа 1968, стр. 4—5.
- Аноним. О самоубийстве Маяковского и о сегодняшних «отщепенцах». КРС, № 253, 30 августа 1968, стр. 4.
- * Аноним. Лекция проф. Ю. П. Иваска /о поэзии О. Мандельштама, в штатном университете Охайо, Колумбус/. НРС, 18 декабря 1968.
- * Аноним. Осип Мандельштам. 2-е издание первого тома собр. соч. /Рец./. КРС, № 285, 11 апреля 1969, стр. 4—7.
- АНСТЕЙ, О. Ю. Лавриненко. Расстриляне видродження. /Рец./. НЖ, № 59, 1960, стр. 297.
- АНСТЕЙ. О. Черный год. НРС, 15 декабря 1963.
- АРГУС /М. Железнов/. Слухи и факты. НРС, 1955: 7 декабря; 1957: 23 июля; 1959: 7 июля; 1960: 15 июня.
- АРНАУТОВА М., М. БОТУРА, Л. ЗАДРАЖИЛ. Итоги литературного года. ВЛ, 1968, № 6, стр. 112.
- АРОНСОН, Г. Опыты. № 1 /Рец./. НРС, 24 марта 1953.
- АРОНСОН, Г. Новый Журнал. № 38 /Рец./. НРС, 14 ноября 1954.
- АРОНСОН, Г. Опыты. № 7 /Рец./. НРС, 3 февраля /повторена 10 февраля/ 1957.
- АРОНСОН, Г. Новый Журнал. № 49 /Рец./. НРС, 25 августа 1957.
- * АРОНСОН, Г. Евреи в русской литературе, журналистике, критике, общественной жизни. В кн. К н и г а о р у с с к о м е в р е й с т в е о т 1860-х г г. д о р е в о л ю ц и и 1917 г. Изд. Союза Русских Евреев, НЙ, 1960, стр. 372, 377.

- АРОНСОН, Г. Новый Журнал. №№ 75 и 82 /Рец./. НРС, 7 июня 1964 и 17 апреля 1966.
- АРОНСОН, Г. Воздушные Пути. Альм. 5-й /Рец./. НРС, 3 декабря 1967.
- АРСЕНЬЕВ, В. /В. Поремский/. Путь писателя. Пс, 1958, № 44, 2 ноября, стр. 8.
- * АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. Когда потребует поэта... Литературная Газета... /Сатирические стихи/. ЛГ, 11 мая 1933.
- АСЕЕВ, Н. Ритм, рифма, синтаксис. ЛГ, 29 мая 1933.
- АСЕЕВ, Н. Советская поэзия за шесть лет. ВЛ, 1967, № 10, стр. 181—182. /Неопубликованная ранее статья 1924 года/.
- АСТРОВ, С. Ипокрена, кн. 2-3, 1918 /Рец./. «Объединение», Одесса, 1918, № 3—4, стр. 265.
- АХМАДУЛИНА, Б. История одного обеда. Стихи. «Литературная Россия», 14 июля 1967; перепеч. НРС, 6 августа 1967.
- * АХМАТОВА, А. Мандельштам. Листки из дневника. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 23—43. Затем перепеч. А. Ахматова. С о ч и н е н и я. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, МЛС, т. 2, 1968, стр. 166—187.
- * АХМАТОВА, А. Стихи, посвященные Мандельштаму: Воронеж. Впервые полностью: А. Ахматова. С о ч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, МЛС, 1965, стр. 225 (2-е изд., 1967, стр. 235—236); затем — «Бег времени», ГИХЛ, 1965, стр. 267.
- Тень. Впервые — ЛГ, 29 октября 1960, С о ч., Т. 1, 1965, стр. 238 (2-е изд., 1967, стр. 259); «Бег времени», 1965, стр. 306.
- О, как пряно дыханье гвоздики. В кн. А. Ахматова. Стихотворения (1909—1960), ГИХЛ, 1961, стр. 289; С о ч. Т. 1, 1965, стр. 292 (2-е изд., 1967, стр. 255); «Бег времени», 1965, стр. 299.
- * АХМАТОВА, А. Из «Венка мертвым» (вариант предыдущего). Впервые: «Звезда Востока», Ташкент, 1966, № 6, стр. 42; С о ч., т. 1, изд. 2-е, 1967, стр. 376.

- АХМАТОВА, А. Коротко о себе. В кн. Советские писатели. Автобиографии. Т. III, ГИХЛ, 1966; перепеч.: А. Ахматова. Соч., т. 1, изд. 2-е, МЛС, 1967, стр. 44—45.
- Б., Н. /Письмо/. Из переписки с Россией. Г, № 67, 1968, стр. 210.
- Б., Я. В. Панова. Тредьяковский и Волынский. /Рец./. НЖ, № 94, 1969, стр. 296.
- БАЛУХАТЫЙ, С. Теория литературы. Аннотированная библиография. 1. Общие вопросы. Словарно-библиографич. кабинет Словесного отд. ГИИИ. П, 1929, под №№ 713, 716, 767, 769, 843, 1378.
- Б/ахрах/, А. André Levinson. La littérature russe actuelle. Guerre-Révolution-Exil. J. Povolotzky, Paris, 1922. /Рец./. НРК, 1923, № 2, стр. 20.
- Б/ахрах/, А. Н. Гумилев. Собр. соч. в 4 тт. Т. 1, 1962 /Рец./. Мст, № 10, 1963, стр. 418.
- БАХРАХ, А. Письма Марины Цветаевой. Мст, № 5, 1960, стр. 301.
- БАХРАХ, А. По памяти, по записям... Мст. № 11, 1965, стр. 244.
- БЕЛЕЦКИЙ, А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя /1922/, в кн. Избранные труды по теории литературы, под общ. ред. Н. К. Гудзия, М, 1964, стр. 31.
- БЕЛИНКОВ, А. Поэт и толстяк. /Из книги «Юрий Олеша»/. «Байкал», Улан-Удэ, 1968, № 1, стр. 107.
- БЕЛИНКОВ, А. Заявление бежавшего из Советского Союза А. В. Белинкова. НРС, 20 июля 1968.
- БЕЛЫЙ, Андрей и другие. Как мы пишем. СПЛе, 1930, стр. 7.
- * БЕМ, А. О природе слова. /Рец./. ВР, 1923, № 6-7, стр. 159—160.
- БЕРБЕРОВА, Н. 25 лет смерти А. А. Блока. Орион, Пар. 1947, стр. 109.
- БЕРБЕРОВА, Н. Из петербургских воспоминаний. Оп, № 1, 1953, стр. 166.
- БЕРБЕРОВА, Н. Великий век. НЖ, № 64, 1961, стр. 129.

- БЕРБЕРОВА, Н. Ключи к настоящему. НЖ, № 66, 1961, стр. 116.
- БЕРБЕРОВА, Н. Советская критика сегодня. НЖ, № 85, 1966, стр. 104.
- * БЕРЕЗОВ, Р. Игра в чудаковатость. НРС, 15 сентября 1968.
- * БЕРЕНШТАМ, Вл. Война и поэты. (Письмо из Петрограда). РВ, 1 января 1915.
- БЕРКОВ, П. Литература. В кн. Ленинград. Энциклопедический справочник. М—Л, 1957, стр. 262.
- * БЕРКОВСКИЙ, Н. О прозаиках. З, 1929, № 12, стр. 147, 147, 152.
- * БЕРКОВСКИЙ, Н. Текущая литература. Статьи критические и теоретические. Изд. «Федерация», М, 1930: статья «Стилевые проблемы пролетарской литературы», стр. 70; статья «О прозе Мандельштама», стр. 155—181 (первонач. опубли. — З, 1929, № 5, стр. 160—168).
- БЕРНЕР, Н. Разговор с музами. ЛСА, 1954, стр. 261.
- БЕРНШТЕЙН, С. О методологическом значении фонетического изучения рифм. (К вопросу о пушкинской орфоэпии). Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Пушкинист, IV. ГИЗ, М—Пг, 1923, стр. 336.
- БЕРНШТЕЙН, С. Звучащая художественная речь и ее изучение. «Поэтика». Временник отд. словесных наук ГИИИ. Сборн. 1, Ас, 1926, стр. 49.
- БЕРНШТЕЙН, С. Мои встречи с А. А. Блоком. ДПЛ, 1964, стр. 174.
- * БЕСКИН, О. О Мандельштам. О поэзии. /Рец./. ПиР, 1929, № 6, стр. 105—108.
- * БЕСКИН, О. Поэзия в журналах. ЛГ, 1933, № 18—19.
- БИК, Э. /С. Бобров/. М. Зенкевич. «Пашня танков»: Всероссийский Союз Поэтов. Сборник 2-й, «СОПО»; и др. /Сводная рец./. ПиР, 1922, № 1, стр. 301.
- БИК, Э. Б. Гусман. «Сто поэтов»; И. Эренбург. «Портреты русских поэтов» /Рец./. ПиР, 1923, № 2, стр. 221, 222.
- БЛАГОЙ, Д. От редактора. В кн. К. Н. Батюшков. Собр. соч. Ас, 1934, стр. 40.

- БЛАГОЙ, Д. Введение. В кн. История русской литературы. Т. III, Изд. «Наука» (АН СССР), 1964, стр. 22.
- БЛОК, А. Собрание сочинений в 8 тт. ГИХЛ, 1963: Т. 7. Дневники. Стр. 78, 100, 150, 371. Ранее опублик. частично: Дневник. 1917—1921. Под ред. П. Н. Медведева. СПЛе, 1928, стр. 172—173, 269.
- Т. 8. Письма. Стр. 344, 349.
- БЛОК, А. Записные книжки. ГИХЛ, 1965, стр. 260, 432, 509.
- БЛОК, А. Письма к А. Н. Чеботаревской. «Ученые Записки Ленинградского Педагогического Ин-та им. Покровского», т. IV, вып. 2, Л, 1940.
- БЛОК, А. и Андрей БЕЛЫЙ. Переписка. М, 1940, (Письмо Блока от 6 июня 1911).
- БОБРОВ, С. Дракон. Лирень. /Рец./. ПиР, 1921, № 2, стр. 206.
- БОБРОВ, С. Вс. Рождественский. Золотое веретено. /Рец./. ПиР, 1922, № 2, стр. 366.
- * БОБРОВ, С. Tristia. /Рец./. ПиР, 1923, № 4, стр. 259—262.
- БОЛЬШУХИН, Ю. Люди, мысли, дела. НРС, 27 января 1959.
- БОЛЬШУХИН, Ю. Артериальное давление. НРС, 8 сентября 1959.
- БОЛЬШУХИН, Ю. Ночь и мастер. НРС, 17 ноября 1963.
- БОЛЬШУХИН, Ю. Воздушные Пути. /Рец./. НРС, 31 января 1965.
- БОЛЬШУХИН, Ю. Автор «Уляляевщины». НРС, 2 июня 1968.
- * БОЛЬШУХИН, Ю. Игра в чудаковатость. Письмо в редакцию. НРС, 17 сентября 1968.
- БОРИСОВ, Ф. /Б. Филиппов/. Россия и революция. Г, № 2, 1946, стр. 33.
- * БОРМАН, А. Мои встречи с писателями (Глава из воспоминаний). НРС, 7 июня 1968.
- * БОРОВОЙ, Л. Путь слова. СП, 1960, стр. 193, 591.
- * БРАУН, Кларенс. Тайная свобода Осипа Мандельштама. НЖ, № 80, 1965, стр. 86—104.
- * БРАУН, Кларенс. /Сообщение/ в кн. Актуальные проблемы теории художественно-

го перевода. Том. 2. Изд. Совета по Худож. переводу Союза Писателей СССР, М, 1967 (изд. стеклограф.), стр. 164—168.

- БРАУН, Н. Речь на дискуссии. ЛС, 1933, № 5, стр. 133—134.
- БРИК, Л. Маяковский и чужие стихи. (Из воспоминаний). Зн, 1940, № 3, стр. 181—182. Перепеч. в кн. В. Маяковский в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1963, стр. 352 под назв. «Чужие стихи» в измененной редакции.
- БРУХАНСКИЙ, А. Изучение или фальсификация? РЛ, 1959, № 1, стр. 212.
- БРЮСОВ, В. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм. РМсл, 1913, № 4, отд. II, стр. 134—142.
- БРЮСОВ, В. Альманах Цеха Поэтов, кн. 2; «СОПО», сборн. 1. /Рец./. ПиР, 1921, № 3, стр. 270.
- БРЮСОВ, В. Среди стихов. ПиР, 1922, № 3, стр. 292.
- БРЮСОВ, В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии (1917—1922). ПиР, 1922, № 7, стр. 40, 52, 67.
- БРЮСОВ, В. Суд акмеиста. Русская поэзия за семилетие 1909—1915 гг. ПиР, 1923, № 3, стр. 98.
- БРЮСОВ, В. «Вторая книга» Мандельштама — в сводн. рец. «Среди стихов». ПиР, 1923, № 6, стр. 63—66.
- БУЛГАКОВ, М. Записки на манжетах. «Возрождение», альм., т. 2, изд. «Время», М, 1923. Перепеч. в отрывках: «Звезда Востока», Ташкент, 1967, № 3, стр. 12.
- БУРГ, Д. Молодое поколение советских писателей. Мст, № 11, 1965, стр. 213.
- БУРКИН, И. Догоревшие свечи. Г, № 55, 1964, стр. 109.
- БУРНАКОВ, Н. Памяти О. Э. Мандельштама. Стихи. НРС, 28 марта 1965.
- БУСИН, М. Русская поэзия в партийном облачении. (По поводу антологии Э. Триоле). В, № 171, 1966, стр. 57, 66—69, 70, 71, 72.
- БУСИН, М. Анна Ахматова, человек и поэт. В, № 172, 1966, стр. 44, 45, 47.
- Б/ухарова/, З. «Камень». /Рец./. ЕЛП, 1916, № 9, столб. 134.
- БУШМАН, И. О ранней лирике Пастернака. СБП, стр. 212.
- БУШМАН, И. Поэтическое искусство Ман-

дельштама. Ин-т по изучению СССР, Мн, 1964, 75 стр.

БУШМАН, И. /Автобиографическая справка/. Сд, стр. 512.

В., В. А. Боголепов. Русская лирика от Жуковского до Бунина. /Рец./. Оп, № 3, 1954, стр. 195—196.

ВАРШАВСКИЙ, В. Воздушные Пути. Альм. IV. /Рец./. НЖ, № 79, 1965, стр. 291—292, 293.

* ВАСИЛЕНКО, В. О. Мандельштам. Стихотворения. 1928. /Рец./. Изв, 6 июля 1928.

ВАСИЛЬЕВ, С. Одиночество на миру. О, 1966, № 11, стр. 182.

* Вейдле/, В. «Шум времени». /Рец./. «Дни», Б, 15 ноября 1925.

* ВЕЙДЛЕ, В. О последних стихах Мандельштама. ВПу, альм. II, 1961, стр. 70—86.

ВЕЙДЛЕ, В. Ходасевич вдали-вблизи. НЖ, № 66, 1961, стр. 127.

ВЕЙДЛЕ, В. Пастернак и модернизм. Мст, № 6, 1961, стр. 119; одновременно в кн. Б. Пастернак. Сочинения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Изд. Мичиганского ун-та, Анн-Арбор, 1961, т. 1, стр. XXXV.

ВЕЙДЛЕ, В. О ранней прозе Пастернака. НЖ, № 64, 1961, стр. 144; одновременно в указан. выше собр. соч. Пастернака, т. 2, 1961, стр. VII—VIII.

ВЕЙДЛЕ, В. Умерла Ахматова. ВРСХД, № 80, I—II — 1966, стр. 44.

* ВЕЙДЛЕ, В. Петербургская поэтика. В кн. Н. Гумилев. Собр. соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 4, изд. В. П. Камкина, Вш, 1968, стр. X, XI, XII—XIII, XIV—XV, XVII, XVIII, XX, XXV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV.

ВЕЙДЛЕ, В. Городки, городки... 1. Флорентийское вступление. РМ, 5 декабря 1968.

ВЕЙДЛЕ, В. Из программы «Дневник писателя»: Антология русской поэзии Маркова и Спаркса. КРС, № 282. 21 марта 1969, стр. 7—8.

ВЕРЖБИЦКИЙ, Н. Встречи с Сергеем Есениным. З, 1958, № 2, стр. 174.

- ВЕРМЕЛЬ, С. Мейерхольд, ВПу, альм. IV, 1955, стр. 129, 130.
- * ВИЗИ, М. Памяти Осипа Мандельштама. Стихи. Сд, стр. 121.
- ВИНОКУРОВ, Е. Поэзия и мысль. Изд. «Советская Россия», М, 1966, стр. 41.
- * ВИТЕНСОН, М. О «правде жизни», о классовой борьбе в литературе и о задачах критики. З, 1934, № 2, стр. 169—172.
- * ВИТМАН, А., Н. ПОКРОВСКАЯ (Хаймович) и М. ЭТТИНГЕР. Восемь лет русской литературы. Библиографический справочник под ред. М. Рыбниковой. ГИЗ, 1926, стр. 164.
- ВИТОВ, Н. Проблемы современной русской литературы. Пс, 1948, № 12, 21 марта, стр. 6.
- * ВЛАДИСЛАВЛЕВ, И. Русские писатели. Изд. 4, ГИЗ, 1924, стр. 383.
- * ВЛАДИСЛАВЛЕВ, И. Литература великого десятилетия. 1917—1927. Т. 1, ГИЗ, 1928, стр. 31, 159—160, 189.
- * ВОЛКОВ, А. Поэзия русского империализма. ГИХЛ, 1935, стр. 8, 119—120, 129, 140, 143—153, 156.
- * ВОЛКОВ, А. Знаменосцы безыдейности. З, 1947, № 1, стр. 177—179.
- * ВОЛКОВ, А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. ГИХЛ, 1952, стр. 456, 467—470, 473.
Изд. 2-е, ГИХЛ, 1955, стр. 451, 452, 462—464.
- ВОЛКОВ, А. Поэзия буржуазного упадка. — Акмеизм. В кн. История русской литературы. Т. 10, АН СССР, 1954, стр. 775, 777.
- * ВОЛКОВ, А. Русская литература XX века. Пособие для ВУЗ'ов. Учпедгиз, 1957, стр. 243, 248—249, 250.
Изд. 2-е, Учпедгиз, 1960; изд. 3-е, «Просвещение», М, 1964, стр. 401, 407, 408, 411.
- * ВОЛЬКЕНШТЕЙН, В. У. Синклер. Машина. Пер. О. Мандельштама. /Рец./. ПиР, 1923, № 6, стр. 251.
- * ВЫГОДСКИЙ, Д. Поэзия и поэтика. Лт, 1917, № 1, стр. 252.

- ВЫГОДСКИЙ, Д. Б. Гусман. 100 поэтов. /Рец./. КиР, 1923, № 3, стр. 74—75.
- * ВЫГОДСКИЙ, Д. По журналам. Р, 1923, № 7, стр. 27.
- * ВЫХОДЦЕВ, П. Русская советская поэзия и народное творчество. АН СССР, 1963, стр. 28, 31—33, 79, 154, 165, 172, 177.
- * ВЫХОДЦЕВ, П. Субъективное и объективное в литературе. В кн. В р е м я. П а ф о с. С т и л ь. Художественные течения в современной советской литературе. Изд. «Наука» (АН СССР), 1965, стр. 60, 61, 73.
- ВЫШЕСЛАВЦЕВА, С. О моторных импульсах стиха. «Поэтика», Временник отд. словесн. наук ГИИИ, сборн. 3, Ас, 1927, стр. 61.
- ГАБАЙ, И., Ю. КИМ, П. ЯКИР. К деятелям науки, культуры и искусства СССР. НРС, 25 февраля 1968.
- ГАВРИЛОВ, Н. Письмо в редакцию журн. «Нью Лидер». РМ, 11 февраля 1964.
- * ГАГЕН, А. Бартель. Завоеем мир! Пер. О. Мандельштама. /Рец./. Кш, 1925, № 20, стр. 16.
- ГАЕВ, А. Об утерянном кольце. ЛСА, 1954, стр. 175.
- ГАЕВ, А. Б. Л. Пастернак и его роман «Доктор Живаго», СбП, стр. 22, 43.
- * ГАЗДАНОВ, Г. Литературные признания. «Встречи», Пар, № 6, 1934, стр. 259.
- ГАЗДАНОВ, Г. М. М. Тер-Погосян. НЖ, № 92, 1968, стр. 285.
- * ГАЛЬ, Ю. Письма. Оп, № 4, 1955, стр. 99.
- * ГАЛЬСКИЙ, В. /В. Шершеневич/. О новых стихах. /«Камень» в сводн. рец./. «Новая Жизнь», альм., М, 1916.
- ГАСПАРОВ, М. Л. Русский трехударный дольник XX в. В кн. Теория стиха. «Наука», Л, 1968, стр. 62, 92.
- ГАТОВА, Л. Путь актрисы. НРС, 30 января 1966.
- ГВОЗДЕВ, А. и Андриан ПИОТРОВСКИЙ. Петроградские театры в эпоху военного коммунизма. В кн. История советского театра. Т. 1, ГИХЛ, 1933, стр. 118.
- * ГЕРАСИМОВА, Ю. и др. /ред./. Личные архивные фонды

- в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. 1, А—М. Главн. Архивное Управление при Совете министров СССР, М, 1962, стр. 430.
- ГЕРЛАНЦ, А. «Подъем». КЛЭ, т. 5, 1968, столб. 831.
- * ГЕРШЕНЗОН, М. А. М. Бартель, Завоеем мир! Пер. О. Манделъштама. /Рец./. ПиР, 1925, № 8, стр. 252—254.
- ГИНЗБУРГ, Л. Открытие поэзии. ВЛ, 1964, № 2, стр. 230.
- ГИНЗБУРГ, Л. [Сообщение]. В кн. Актуальные проблемы теории художественного перевода. Том II. Изд. /стеклограф./ Совета по худож. переводу Союза писателей СССР, М, 1967, стр. 63.
- * ГИНЗБУРГ, Л. Вещный мир. В ее кн. О лирике. СП, 1964, стр. 268—269, 362, 364, 368.
- * ГИППИУС, З. Одержимый. В кн. «Наши современники», сборн. 1, изд. «Окно», Пар, 1924, стр. 220—221.
- ГИППИУС, З. Два разговора с поэтами. Зв, 1926, № 159, стр. 4.
- * ГЛИНКА, Г. По поводу. НРС, 27 февраля 1966.
- ГЛИНКА, Г. И. Елагин. Косой полет. /Рец./. НЖ, № 88, 1967, стр. 279.
- ГЛОЦЕР, Вл. «Новый Робинзон», КЛЭ, т. 5, 1968, столб. 323.
- ГОЛИЦЫНА, В. Проблема Пушкина в спорах о советской поэзии первых послеоктябрьских лет. В кн. Пушкин. Исследования и материалы. Т. V. Пушкин и русская культура. Изд. «Наука» (АН СССР), 1967, стр. 192.
- * ГОЛЛЕРБАХ, Э. Петербургская Камена. Из впечатлений последних лет. «Новая Россия», 1922, № 1, стр. 87—88.
- ГОЛЛЕРБАХ, Э. Старое и новое. НРК, 1922, № 7, стр. 2.
- ГОЛЛЕРБАХ, Э. Рисунки М. Добужинского. ГИЗ, 1923, стр. 76.
- * ГОЛЛЕРБАХ, Э. Образ Ахматовой. Вст. ст. в кн. Образ Ахматовой. Антология. Изд. Лен. Общества Библиофилов. Л, 1925, стр. 7—8, 14.
- * ГОЛЛЕРБАХ, Э. Санкт-Петербурх-Петербург-Петроград. Ог, 1928, № 39, 23 сентября, стр. 10.
- ГОМОЛИЦКИЙ, Л. Арион. Пар, 1939, стр. 11.
- ГОНЧАРОВ, Б. Стих и его законы. (М. Харлап. О стихе. Рец.). ВЛ, 1967, № 9, стр. 199.

- * ГОРБАЧЕВ, Г. Письма из Петербурга. «Горн», 1922, № 2, стр. 132.
- * ГОРБАЧЕВ, Г. Очерки современной русской литературы. ГИЗ, 1924, стр. 18, 19, 26.
Изд. 2-е: Современная русская литература. Прб, 1929, стр. 16, 22, 270.
- * ГОРБАЧЕВ, Г. На переломе. З, 1926, № 1, стр. 211, 224.
- ГОРБАЧЕВ, Г. Николай Тихонов. ПиР, 1927, № 6, стр. 78.
- ГОРБАЧЕВ, Г. Полемика. ГИХЛ, 1931, стр. 115, 124.
- ГОРБОВ, Я. Литературные заметки. Б. Филиппов. Кочевья: А. Терц, Любимов. /Рец./. В, № 149, 1964, стр. 145, 147.
- ГОРБОВ, Я. Литературные заметки. Юрий Анненков. Дневник моих встреч. /Рец./. В, № 181, 1967, стр. 138.
- * ГОРНФЕЛЬД, А. Переводческая страпня. Письмо в редакцию. ВКГ, 1928, № 315.
- * ГОРОДЕЦКИЙ, С. «Камень», 1913. /Рец./. «Гиперборей», № 6, март 1913, стр. 27.
- * ГОРОДЕЦКИЙ, С. Музыка и архитектура в поэзии. /Рец. на «Камень», 1913/. Рч, 17(30) июня 1913.
- * ГОРОДЕЦКИЙ, С. О. Э. Мандельштам /«Он верит в вес»/. Стихи в его кн. Цветущий посох. Изд. «Грядущий день», П, 1914.
- * ГОРОДЕЦКИЙ, С. Стихи о войне. (В «Аполлоне»). Рч, 3 ноября 1914.
- * ГОРОДЕЦКИЙ, С. Поэзия как искусство. «Лукоморье», 1916, № 18, стр. 20.
- ГОРОДЕЦКИЙ, С. Мой путь. В кн. Советские писатели. Автобиографии. Т. 1., ГИХЛ, 1959, стр. 325. В несколько измененной ред. в кн. С. Городецкий. Стихи. БСП, ГИХЛ, 1966, стр. 10.
- ГОРСКАЯ, А. О «Деле Пастернака». В, № 103, 1960, стр. 122.
- * ГОРСКАЯ, А. Памяти Осипа Мандельштама. РМ, 2 марта 1967.
- ГОРЧАКОВ, Н. История советского театра. ЧИ, 1956, стр. 36.
- ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Неизданная переписка. ЛН, т. 70, АН СССР, 1963, стр. 657.
- ГРЖИМАЙЛО, К. Достопримечательная переписка. Пс, 1957, № 25, 29 июня, стр. 7.

- ГРИГОРЬЕВ, П. Б. Лекаш. Радан Великолепный. Пер. О. Мандельштама. /Рец./. КН, 1927.
- ГРИНБЕРГ, И. Наблюдательность или лицезрение? ВЛ, 1968, № 1, стр. 72. № 8, стр. 243—244.
- ГРИНБЕРГ, Р. /От редакции/. ВПу, альм, II, 1961, стр. 4—5.
- ГРИНБЕРГ, Р. /От редакции/. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 5—6.
- ГРОМАН, Г. Глазами свидетеля. ВЛ, 1967, № 9, стр. 225.
- ГРОМОВ, П. А. Блок, его предшественники и современники. СП, 1966, стр. 379—394, 420, 450—451.
- ГРОССМАН, Л. Анна Ахматова. С, кн. 4, 1926, стр. 302, Перепеч. в его кн. Борьба за стиль. М, 1927, стр. 235.
- ГРОТ, Е. День поэзии. 1964. НРС, 30 мая 1965.
- ГРОТ, Е. Памяти А. Ахматовой и других. НРС, 10 апреля 1966.
- ГРОТ, Е. Книга воспоминаний М. Слонимского. НРС, 17 декабря 1967.
- ГРОТ, Е. Заметки из журналов и книг. НРС, 19 июля 1968.
- ГРОТ, Е. Ирина Одоевцева. НРС, 13 октября 1968.
- ГРУБЕРТ, В. О. Мандельштам, Стихотворения. 1928. /Рец./. ЧиП, 1928, № 46, стр. 3.
- ГРУЗДЕВ, И. Русская поэзия в 1918—1923 гг. (К эволюции поэтических школ). КиР, 1923, № 3, стр. 31—38.
- ГРУЗИНОВ, И. Есенин. В кн. Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. Под редакцией И. В. Евдокимова. ГИЗ, 1926, стр. 125—126.
- ГРУЗИНОВ, И. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. Изд. Всероссийского Союза Поэтов, М, 1927. Первон. в альм. «Сегодня», кн. 1, изд. «Сегодня», М, 1926, стр. 5.
- ГРУППА МОСКОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ. Открытое письмо Павлу Литвинову. КРС, № 232, 5 апреля 1968: НРС, РМ и т. д.
- Гу/ль/, Р. Из новых поэтов. Н, 9 декабря 1923.
- ГУЛЬ, Р. И. Елагин. По дороге оттуда. /Рец./. НЖ, № 36, 1954, стр. 319.
- ГУЛЬ, Р. Н. Клюев. Полн. собр. соч. /Рец./. НЖ, № 38, стр. 291.

- ГУЛЬ, Р. Г. Иванов. Вст. ст. в кн. Г. Иванов. 1943—1958. Стихи. Изд. «Нового Журнала», НЙ, 1958, стр. 15. Первон. НЖ, № 42, 1955, стр. 114, 124.
- ГУЛЬ, Р. Победа Пастернака. НЖ, № 55, 1958, стр. 126.
- ГУЛЬ, Р. М. М. Карпович — человек и редактор. НЖ, № 58, 1960, стр. 28.
- ГУЛЬ, Р. «Мосты» № 10. /Рец./. НЖ, № 71, 1963, стр. 299.
- ГУЛЬ, Р. Двадцать пять лет. НЖ, № 87, 1967, стр. 24, 26.
- ГУЛЬ, Р. И. Одоевцева. На берегах Невы. (Рец.). НЖ, № 92, 1968, стр. 288, 289.
- ГУМИЛЕВ, Н. Антология современной поэзии. К, 1912 /Рец./. А, 1913, № 2, стр. 72. Перепеч. в кн. Н. Гумилев. Собр. соч., под ред Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 4, изд. В. П. Камкина, Вш, 1968, стр. 419.
- * ГУМИЛЕВ, Н. Письма о русской поэзии /«Камень», 1913/ А, 1914, № 1-2, стр. 126—127. Перепеч.: Письма о русской поэзии. Изд. «Мысль», П, 1923, стр. 177—179; Собр. соч., т. 4, стр. 326—328.
- * ГУМИЛЕВ, Н. Письма о русской поэзии /«Камень», 1916/ А, 1917, № 1, стр. 30—32. Перепеч.: Собр. соч., т. 4, 1968, стр. 363—366.
- ГУМИЛЕВ, Н. /План работы по теории поэзии/. В кн. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Под ред. Г. П. Струве. ЧИ, 1952, стр. 237 Перепеч.: Собр. соч., т. 4, 1968, стр. 419.
- * ГУНТЕР, М. Проза поэта. ЛС, 1936, № 1, стр. 118.
- * ДЕЙЧ, А. В стане разноголосых. ЕЛП, 1914. № 1, столб. 118.
- ДЕЛОНЕ, В. Допрос подсудимого Делоне. В кн. Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года. Сборник документов под ред. Павла Литвинова. 1968, стр. 68.
- ДЕЛОНЕ, В. Открытое письмо очевидца. НРС, 20 октября 1968.
- * ДЗЕРЖИНСКИЙ, Ф. Показания. В кн. Из истории Всероссийской Чрезвычайной Ко-

- миссии 1917—1921 гг. Сборник документов. Госполитиздат, 1958, стр. 154—155.
- ДИКУШИНА, Н. Литературные журналы 30-х годов. В кн. История русской советской литературы в 3 тт. АН СССР, т. 2, 1960, стр. 472.
- ДОБИН, Е. Поэзия Анны Ахматовой. РЛ, 1966, № 2, стр. 168, 169.
- ДОБИН, Е. Поэзия Анны Ахматовой. СП, 1968, стр. 6, 14, 18, 29, 32, 34, 78—79, 116.
- ДОВУЖИНСКИЙ, М. С. Маковский. Портреты современников. /Рец./. НЖ, № 44, 1956, стр. 299.
- ДОЛГОПОЛОВ, Л. Тартуский сборник статей о Блоке. /Рец./. РЛ, 1965, № 2, стр. 286.
- ДОЛИНИН, А. Акмеизм. «Заветы», 1913, № 5, стр. 153, 162.
- ДОМОГАЦКИЙ, Б. Две антологии. /Рец./. «Единение», Мельбурн, 1953, № 5, 30 января, стр. 5.
- ДОНАТОВ, Л. Дело Белинкова. Пс, 1968, № 11, стр. 51.
- ДРОЗДОВ, А. Кольцо. /Рец./. НЛПр № 32, 24 декабря 1922, стр. 8.
- ДРУЗИН, В. «Новая Россия», №№ 1 и 2. /Рец./. З, 1926, № 3, стр. 254.
- ДРУЗИН, В. Три книги стихов. /Рец./. З, 1927, № 5, стр. 153.
- ДРУЗИН, В. Э. Багрицкий. Юго-Запад. /Рец./. З, 1928, № 6, стр. 131.
- ДРУЗИН, В. О поэзии Николая Тихонова. З, 1928, № 10, стр. 164.
- * ДРУЗИН, В. О. Мандельштам. Стихотворения. 1928. /Рец./. «Жизнь Искусства», 1928, № 41, стр. 4—5.
- * ДРУЗИН, В. Среди стихов. З, 1929, № 5, стр. 170, 171.
- * ДРУЗИН, В. О стиле советской поэзии. З, 1947, № 5, стр. 183.
- ДУКОР, И. Франсуа Вийон в творчестве Антокольского. ЛК, 1934, № 11, стр. 110.
- * ДЫМШИЦ, А. Мемуары и история. О, 1961, № 6, стр. 196.
- ДЫМШИЦ, А. Модернизм — враг творчества. Зн, 1964, № 6, стр. 194, 196, 197.
- ДЫМШИЦ, А. Зв е н ь я п а м я т и. Портреты и зарисовки. СП, 1968, стр. 171, 399.
- ДЫННИК, В. Акмеисты. БСЭ, 1 изд., т. 1, 1926.
- * ДЫННИК, В. Поэт и спец. КН, 1936, № 1, стр. 218.

- ЕВГЕНЬЕВ, А. /А. Е. Кауфман/. «Дом Искусств» в кавычках. /Рец. на «Дом Искусств», № 1/. «Вестник Литературы», 1921, № 3, стр. 5—6.
- * ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ, В. Очерк истории новейшей русской литературы. ГИЗ, 1925, стр. 208—209.
- ЕВСТИГНЕЕВА, Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. Изд. «Наука» (АН СССР), М, 1968, стр. 110.
- ЕЛАГИН, И. Гимн цензуре. Стихи. НРС, 30 июля 1967.
- ЖАБИНСКИЙ, В. На литературном фронте. Мст, № 1 1958, стр. 163.
- * ЖДАНОВ, А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». «Спутник Агитатора», М, 1946, № 20, сентябрь, стр. 16. Перепеч. неоднократно, в т. ч. отдельной брошюрой. Госполитиздат, 1946 и 1952.
- ЖЕЛЕЗНОВ, М. Январская книжка «Рошн Ривью». /Рец./ НРС, 7 февраля 1965.
- ЖЕРБИ, А. Беседа с М. А. Алдановым. НРС, 9 октября 1956.
- * ЖИРМУНСКИЙ, В. Преодолевшие символизм. РМсл, 1916, № 12, отд. II, стр. 302—313; перепеч. в его книге Вопросы теории и литературы. Ас, 1928, стр. 302—313, 317, 319.
- * ЖИРМУНСКИЙ, В. На путях к классицизму. (О. Мандельштам. Tristia). «Вестник Литературы», 1921, № 4-5, стр. 3—4. Перепеч. в той же книге, стр. 327—322.
- ЖИРМУНСКИЙ, В. Введение в метрику. Л, 1925.
- ЖИРМУНСКИЙ, В. Предисловие в его кн. Вопросы теории литературы. Ас, 1928, стр. 16.
- ЖУКОВ, П. «Левый фронт искусств». КиР, 1923, № 3(27), стр. 41.
- ЖУКОВ, Ю. На Западе после войны. О, 1947, № 10, стр. 128.
- З., Н. Петербургское издательство «Петрополис». НРК, 1922, № 1, стр. 35.
- * ЗАБЕЖИНСКИЙ, Г. О судьбах поэтов. НРС, 27 января 1952.

- * ЗАБЕЖИНСКИЙ, Г. Мысли о русском футуризме. НРС, 5 декабря 1954.
- ЗАБЕЖИНСКИЙ, Г. О «Мостах» через пропасть. Г, № 42, 1959, стр. 245.
- З/авалишин/, В. Новый сборник Бориса Филиппова. НРС, 7 июля 1963.
- * З/авалишин/, В. Вечер памяти Мандельштама. НРС, 17 марта 1964.
- З/авалишин/, В. Девятая книжка «Современника». НРС, 28 июня 1964.
- ЗАВАЛИШИН, В. По дороге оттуда. /Рец./. НРС, 6 сентября 1953.
- * ЗАВАЛИШИН, В. Поэт сумерек культуры (Осип Мандельштам). НРС, 23 октября 1955.
- * ЗАВАЛИШИН, В. Письмо в редакцию. НРС, 9 ноября 1956.
- * ЗАВАЛИШИН, В. «Смерть Борджиа» или «Смерть Бозио». К характеристике позднего Мандельштама. НРС, 6 апреля 1958.
- ЗАВАЛИШИН, В. Охотники за «недоступными звездами». НРС, 30 августа 1959.
- ЗАВАЛИШИН, В. Николай Заболоцкий. НЖ, № 58, 1960, стр. 123.
- ЗАВАЛИШИН, В. Поверх барьеров. НРС, 17 декабря 1961.
- ЗАВАЛИШИН, В. По поводу фестиваля в Финляндии. НРС, 16 августа 1962.
- ЗАВАЛИШИН, В. The Penguin Book of Russian Verse. /Рец./. НЖ, № 68, 1962, стр. 303.
- ЗАВАЛИШИН, В. Шесть стихотворных сборников. НРС, 17 марта 1965.
- * ЗАВАЛИШИН, В. Первый том Мандельштама. НРС, 19 сентября 1965.
- * ЗАВАЛИШИН, В. Книга о прозе Осипа Мандельштама. НРС, 19 ноября 1965.
- ЗАВАЛИШИН, В. В защиту новых амнистий и реабилитаций. НРС, 13 июня 1966.
- * ЗАВАЛИШИН, В. Встречи со слушателями. КРС, № 159, 4 ноября 1966, стр. 6—7.
- ЗАВАЛИШИН, В. Евтушенко читает свои стихи. НРС, 11 ноября 1966.

- ЗАВАЛИШИН, В. Об антологии новой русской поэзии (Modern Russian Poetry, 1966). НРС, 4 июня 1967.
- ЗАВАЛИШИН, В. Второй том сочинений Анны Ахматовой. /Рец./. НРС, 9 февраля 1969.
- ЗАМЯТИН, Е. Современная русская литература. Г, № 32, 1956, стр. 93.
- * ЗАПРАВСКАЯ, А. М. Бартель. Завоюем мир! Пер. О. Мандельштама. /Рец./. НЛП, 1926, № 3, стр. 35.
- ЗАРУДИН, Н. Е. Эркин. Стихи. /Рец./. КН, 1927, № 6, стр. 265.
- * ЗАСЛАВСКИЙ, Д. О скромном плагиате и развязной халтуре. ЛГ, 7 мая 1929.
- * ЗАСЛАВСКИЙ, Д. Письмо в редакцию. ЛГ, 15 мая 1929.
- ЗЕЙФМАН, Н. Выставка рукописей. ВЛ, 1968, № 9, стр. 249.
- * ЗЕЛИНСКИЙ, К. Поэмы Важа Пшавелы. /Рец./. «Литературное Обозрение», 1936, № 15, стр. 22—25.
- * ЗЕЛИНСКИЙ, К. На рубеже двух эпох. Литературные встречи 1917—1920 гг. СП, 1959, стр. 170.
- * ЗЕЛИНСКИЙ, К. Вс. ИВАНОВ, Н. АДУЕВ, Б. ПИЛЬНЯК, И. КАЗАКОВ, И. СЕЛЬВИНСКИЙ, А. ФАДЕЕВ, Б. ПАСТЕРНАК, В. КАТАЕВ, К. ФЕДИН, Ю. ОЛЕША, М. ЗОЩЕНКО, Л. ЛЕОНОВ, Л. АВЕРБАХ, Э. БАГРИЦКИЙ. Письмо в редакцию. ЛГ, 13 мая 1929.
- * «Земля и Фабрика», правление издательства. Письмо в редакцию. ВКГ, 1928, № 313.
- ЗЕНКЕВИЧ, М. Вс. Рождественский. Большая Медведица. /Рец./. ПиР, 1927, № 3, стр. 193.
- * ЗЕНКЕВИЧ, М. Обзор стихов. НМ, 1929, № 6, стр. 220.
- * ЗИГФРИД. Дракон. /Рец./. КиР, 1921, № 10-11, стр. 34—35.
- * ЗИНГЕР, М. «Египетская марка». /Рец./. Изв, 27 сентября 1928.
- ЗЛОБИН, В. Георгий Иванов, В, № 82, 1958, стр. 120.
- ЗЛОБИН, В. Памяти Н. А. Оцуца. В, № 86, 1959, стр. 137.
- * ЗОНИН, А. Надо перепахать. НП, 1923, № 2-3, столб. 215.
- ЗОРГЕНФРЕЙ, В. А. А. Блок, ЗМ, № 6, 1922, стр. 148.
- * ИВАНОВ, В. О литературных группировках и течениях 1920-х годов. Зн, 1958, № 5, стр. 201—202.

- ИВАНОВ, Вяч. Вс. О применении точных методов в литературоведении. ВЛ, 1967, № 10, стр. 120.
- ИВАНОВ, Вяч. Вс. /Сообщение/ в кн. Актуальные проблемы теории художественного перевода. Том 2. Изд. Совета по худож. переводу Союза писателей СССР, М, 1967 (изд. стеклограф.), стр. 268, 277.
- ИВАНОВ, Вяч. Вс. Метр и ритм в «Поэме конца» М. Цветаевой. В кн. Теория стиха. «Наука», Л, 1968, стр. 175.
- ИВАНОВ, Вяч. Вс. Поэтика. КЛЭ, т. 5, 1968, столб. 941.
- ИВАНОВ, Г. Стихи в журналах 1912 года. А, 1913, № 1, стр. 77.
- ИВАНОВ, Г. Испытание огнем. Военные стихи. А, 1914, № 8, стр. 55.
- ИВАНОВ, Г. Военные стихи. А, 1915, № 4-5, стр. 85.
- * ИВАНОВ, Г. Петербургские зимы. Глава из книги (в книгу вошла в другой ред.). «Дни», Пар, 4 апреля 1926.
- * ИВАНОВ, Г. Китайские тени. Зв, 1927, № 210, стр. 6—8; ПН, 22 февраля 1930.
- * ИВАНОВ, Г. Петербургские зимы. Изд. «Родник», Пар, 1928, стр. 12, 45, 108—123, 130, 147—148. Переизд. ЧИ, 1953, стр. 22, 113—128, 136, 154—155.
- ИВАНОВ, Г. О Гумилеве. СЗ, № 47, 1931, стр. 310.
- ИВАНОВ, Г. Блок и Гумилев. В, № 6, 1949, стр. 114, 115.
- ИВАНОВ, Г. Три поэта, В, № 9, 1950, стр. 198—199.
- ИВАНОВ, Г. Поэзия и поэты. В, № 10, 1950, стр. 179.
- ИВАНОВ, Г. Конец Адамовича. В, № 11, 1950, стр. 181.
- * ИВАНОВ, Г. Закат над Петербургом. В, № 27, 1953, стр. 179, 180, 188, 189.
- * ИВАНОВ, Г. Осип Мандельштам. НЖ, № 43, 1955, стр. 273—284.
- * ИВАНОВ, Г. Ответ гг. Струве и Филиппову. НЖ, № 45, 1956, стр. 301—304.
- * ИВАНОВ, Ф. Красный Парнас. Литературно-критические очерки. Русское Универсальное Изд-во, Б, 1922, стр. 18—20.
- И/васк/, Ю. Л. Червинская. Двенадцать месяцев. /Рец./. Оп, № 8, 1957, стр. 136.

- ИВАСК, Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии. НЖ, № 23, 1950, стр. 200.
- ИВАСК, Ю. Н. Н. Белоцветов. НЖ, № 24, 1950, стр. 225.
- ИВАСК, Ю. Новые сборники стихов. НЖ, № 25, 1951, стр. 300.
- ИВАСК, Ю. Разговор о литературе. НРС, 15 марта 1953.
- ИВАСК, Ю. В. Марков. Приглушенные голоса. /Рец./. Оп, № 1, 1953, стр. 199.
- ИВАСК, Ю. Н. Клюев. Оп, № 2, 1953, стр. 87.
- ИВАСК, Ю. Записки читателя. Оп, № 4, 1955, стр. 99.
- * ИВАСК, Ю. О. Мандельштам. Собрание сочинений. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1955. /Рец./. Оп, № 6, 1956, стр. 89—92.
- * ИВАСК, Ю. О. Мандельштам. Собр. соч. 1955. /Рец./. ВИИ, № 2/19, 1956, стр. 127—130.
- ИВАСК, Ю. Батюшков. НЖ, № 46, 1956, стр. 80—82, 83.
- ИВАСК, Ю. О читателях Цветаевой. НРС, 30 июня 1957.
- ИВАСК, Ю. Благородная Цветаева. Вст. ст. к кн. М. Цветаева. Лебединый стан. Мн, 1957, стр. 8.
- ИВАСК, Ю. Н. А. Оцуп. НРС, 18 января 1959.
- ИВАСК, Ю. Возможность поэзии. ВПу, альм. 1, 1960, стр. 256.
- ИВАСК, Ю. Похвала российской поэзии. Мст, № 5, 1960, стр. 163, 166, 170.
- ИВАСК, Ю. Литературные заметки. Мст, № 9, 1962, стр. 178—179, 186.
- ИВАСК, Ю. Адамович-критик. НРС, 5 апреля 1964.
- ИВАСК, Ю. Волшебные звуки. НЖ, № 75, 1964, стр. 160—161.
- ИВАСК, Ю. Одностроки Маркова. НРС, 24 мая 1964.
- ИВАСК, Ю. Поэзия Юрия Терапиано. РМ, 1 августа 1964.
- * ИВАСК, Ю. «Мандельштам». Стихи. КРС, 14 августа 1964, стр. 9. Перепеч. в его кн. Хвала. Стихи. Изд. В. П. Камкина, Вш, 1967, стр. 53; опубли. также Сд, стр. 220.
- ИВАСК, Ю. Парадоксы звукозаписи. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 234, 235.
- ИВАСК, Ю. Иосиф Бродский. Стихотворения и поэмы. /Рец./. НЖ, № 79, 1965, стр. 297.
- ИВАСК, Ю. V. Markov. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. /Рец./. НЖ, № 81, 1965, стр. 297.

- * ИВАСК, Ю. О. Манделъштам. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, 1964. /Рец./ НЖ, № 82, 1966, стр. 287—290.
- ИВАСК, Ю. Фет. НЖ, № 84, 1966, стр. 110.
- ИВАСК, Ю. Поэты-лирики Эллады и Рима, в пер. Я. Голосовкера. /Рец./ НЖ, № 84, 1966, стр. 294.
- ИВАСК, Ю. Литературные заметки. Бродский, Донн и современная поэзия. Мст, № 12, 1966, стр. 162.
- ИВАСК, Ю. Литературные заметки. О Гоголе. Мст, № 12, 1966, стр. 175.
- ИВАСК, Ю. R. Gustafson. The Imagination of the Spring: The Poetry of Afanasy Fet. 1966. Евг. Винокуров. Предисловие к «Лирике А. А. Фета». ГИХЛ, 1965. /Рец./ НЖ, № 88, 1967, стр. 293.
- * ИВАСК, Ю. О. Манделъштам. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 2, 1966. /Рец./ НЖ, № 88, 1967, стр. 294—297.
- ИВАСК, Ю. В. Перелешин. Южный дом. 1968. /Рец./ НЖ, № 92, 1968, стр. 303.
- * ИВАСК, Ю. Эпоха Блока и Манделъштама. Мст, № 13-14, 1968, стр. 220, 223—227.
- * ИВИЧ, А. Производственный брак. ЛГ, 4 ноября 1929.
- ИГНАТОВ, И. Литературные отклики. Новые поэты. Акмеисты. Адамисты. Нео-футуристы. РВ, 1913, 4 и 6 апреля.
- ИЗВОЛЬСКАЯ, Е. Тень на стенах. Оп, № 3, 1954, стр. 154.
- ИССАКО, Ю. /Ю. Иваск/. Предвоенная эмигрантская поэзия. Г, № 5, 1949, стр. 71.
- К., А. Лекция С. К. Маковского в Лондоне. РМ, 15 декабря 1959.
- * К., Г. На митинге художников слова. НП, 1923, № 2-3, стр. 250.
- * КАВЕРИН, В. Неизвестный друг: Как я не стал поэтом. О, 1959, № 10, стр. 131. Перепеч.: Неизвестный друг. Рассказы. СП, 1960, стр. 185; Собр. соч. в 6 тт., т. 5, ГИХЛ, 1965, стр. 378.
- КАВЕРИН, В. Художник неизвестен. З, 1931, № 8, Перепеч.: Художник неизвестен. СПЛе, 1931; Собр. соч. в 6 тт., т. 2, ГИХЛ, 1964, стр. 100.
- КАВЕРИН, В. За рабочим столом. НМ, 1965, № 9, стр. 166.

- КАВЕРИН, В. Заболоцкий. НМ, 1965, № 9, Перепеч. С о б р. соч. в 6 тт., т. 6, ГИХЛ, 1966, стр. 492.
- КАНТОР, М. Оксфордские записки по славяноведению. /Рец./. РМ, 8 сентября 1964.
- КАРЛИНСКИЙ, С. Вещественность Анненского. НЖ, № 85, 1966, стр. 70, 71, 72, 79.
- КАРЛИНСКИЙ, С. Н. Моршен. Двоеточие. Стихи. /Рец./. НЖ, № 88, 1967, стр. 298.
- КАРЛИНСКИЙ, С. «Южный Дом» Валерия Перелешина. НРС, 9 февраля 1969.
- * КАРПОВИЧ, М. Мое знакомство с Мандельштамом. НЖ, № 49, 1957, стр. 258—261.
- * КАТАЕВ, В. Святой колодец. НМ, 1966, № 5, стр. 12—13, 19, 20.
- * КАТАЕВ, В. Трава забвенья. НМ, 1967, № 3, стр. 72, 77, 86, 90, 93—94, 113, 121, 129.
- * КАТАЕВ, В. Кубик. НМ, 1969, № 2, стр. 89, 91, 92, 93.
- КНИГОЧИЙ /Н. Нароков/. Шестьдесят страничек. РЖ, 21 апреля 1964.
- * КНЯЖНИН, В. /В. Ивойлов/. Примечание /о заседаниях «Общества Поэтов», 30 октября 1914, — доклад О. Мандельштама «Несколько слов о гражданской поэзии»/. В кн. П и с ь м а А л е к с а н д р а Б л о к а. Изд. «Колос», Л, 1925, стр. 213.
- * КОВАЛЕНКОВ, А. Письмо старому другу. Зн, 1957, № 7, стр. 168; перепеч. в его кн. Х о р о ш и е , р а з - н ы е . . . Литературные портреты. МР, 1966, стр. 10—12.
- КОВАЛЕНКОВ, А. Практика современного стихосложения. Мл. Гв, 1960, стр. 99.
- КОВАЛЕНКОВ, А. Ритм и метрические каноны. Заметки писателя. ВЛ, 1967, № 10, стр. 171.
- * КОВАЛЕНКОВ, А. Степень точности. ВЛ, 1969, № 1, стр. 118—119.
- * КОВАРСКИЙ, Н. На знакомые темы. ЛС, 1933, № 1, стр. 147—150 /«О поэзии» Мандельштама/.
- * КОВШИН, В. Из книги «Сад улитки». Г, № 64, 1967, стр. 114—115.
- КОГАН, П. Поэзия эпохи Октябрьской революции. «Смена Вех», Пар, № 7, 10 декабря 1921, стр. 21.

- КОГАН, П. Литература великого десятилетия. М, 1927.
- КОГАН, П. Поэзия (1917—X—1927). КН, 1927, № 11, стр. 193, 196.
- КОДРЯНСКАЯ, Н. Алексей Ремизов. Пар, 1959, стр. 32.
- * КОЗЬМИН, Б. /ред./. Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1, вып. 1. Изд. Гос. Академии Художеств. Наук, Социологич. отд., М, 1928, стр. 178—179.
- КОЛОСКОВ, А. Маяковский в веках. Отрывок из книги. Ог, 1968, № 23.
- КОНДУРАЛОВ, В. Таким я его помню. «Комсомольская Правда», Вильнюс, 3 октября 1966.
- * КОНСТАНТИНОВ, Н. Подражание литературе. З, 1934, № 3, стр. 171.
- КОПЕЛЕВ, Л. У гроба Анны Ахматовой. Г, № 63, 1967, стр. 112, 113.
- * КОРЯКОВ, М. Великий перелом. НЖ, № 31, 1952, стр. 117, 118.
- КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. НРС, 26 февраля 1958.
- * КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. Чекисты и поэты. НРС, 28 декабря 1958.
- КОРЯКОВ, М. Из дневника публициста. В, № 112, 1961, стр. 93.
- КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. «Вестник РСХД». НРС, 27 марта 1966.
- * КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. Россия 1967. НРС, 19 ноября 1967.
- КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. «Почему я жив, а они умерли?» НРС, 18 января 1968.
- КОРЯКОВ, М. Листки из блокнота. Сорок и тридцать. НРС, 24 октября 1968.
- КОСТРЕЛЕВ, Н. В. Переводы иностранного текста в кн.: О. Мандельштам, Разговор о Данте, М, 1967, стр. 85—87.
- КРАСНОГЛЯДОВА, Ю. Хорошая традиция. ВЛ, 1967, № 9, стр. 243.

- КРЕСТОВСКАЯ, В. О томе 1-м Собр. соч. О. Манделъштама. Письмо в редакцию. НЖ, № 84, 1966, стр. 301.
- КРЕТОВА, О. Отчет о пленуме областного отдела Союза Советских Писателей. «Коммуна», Воронеж, 23 апреля 1937.
- КРОТКИЙ, Э. /Э. Герман/. Осип Манделъштам. /Стихи-пародии/. ВЛ, 1966, № 3, стр. 241—242.
- КРОТКОВ, Ю. Пастернаки. Г, № 63, 1967, стр. 61—62.
- КУБИКОВ, И. Наши дни. альм. 2-й. /Рец./. ПиР, 1923, № 1, стр. 222.
- КУЗМИН, М. Предисл. к кн. А. Ахматова. Вечер. Изд. «Цеха Поэтов», П, 1912, стр. 9.
- КУЗМИН, М. Письмо в Пекин. В кн. Условности. Статьи об искусстве. П, 1923, стр. 166.
- КУЗМИН, М. Голос поэта (Анна Радлова: «Корабли»). Там же, стр. 170—171.
- КУЗМИН, М. Парнасские заросли. «Завтра», альм., Б, 1923, стр. 116.
- КУЛИНИЧ, А. Очерки по истории русской советской поэзии 20-х годов. Издание Киевск. Гос. Ун-та им. Т. Г. Шевченко, К, 1958, стр. 60.
- КУЛИНИЧ, А. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х годов. Изд. Киевского Ун-та, 1967, стр. 5, 7—11, 15, 18—19, 29—30, 103, 121, 132, 338—339, 354—355.
- КУЛЬТСКИЙ, П. «Призыв», № 1, /Рец./. «Горн», № 9, 1923, стр. 162.
- КУРОДА, Т. Советская литература в Японии. ВЛ, 1967, № 9, стр. 249.
- ЛАДИНСКИЙ, А. Ответ на анкету «Самое значительное произведение русской литературы последнего пятилетия». НГ, № 3, 1 апреля 1931, стр. 1.
- ЛАНДОР, М. Поэтическая точность. ВЛ, 1964, № 5, стр. 221.
- ЛЕВИН, В. Письмо в редакцию газ. «Известия». Г, № 62, 1966, стр. 38.
- ЛЕВИН, Ю. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. В сборн.: Структурная типология языков. Изд. «Наука», М, 1966, стр. 199—215.
- ЛЕВИНСОН, А. Гумилев. СЗ, № 9, 1922, стр. 311.

- ЛЕВИЦКИЙ, С. Трагедия свободы. Псв, 1958, стр. 162.
- ЛЕВИЦКИЙ, С. Заживо погребенный век. Г, № 42, 1959, стр. 206.
- ЛЕВИЦКИЙ, С. Против духоморов и духоморства. НЖ, № 82, 1966, стр. 231.
- ЛЕВМАН. «Октябрь» в художественной литературе. «Призыв». Изд. ВЦСПС, № 1, М, 1923.
- ЛЕЖНЕВ, А. На правом фланге. ПиР, 1924, № 6, стр. 126.
- * ЛЕЖНЕВ, А. Литературно-Художественный Альманах для Всех. /Рец./. ПиР, 1925, № 2, стр. 274.
- * ЛЕЖНЕВ, А. Литературные заметки. ПиР, 1925, № 4, стр. 151—153 /о стихах и «Шуме времени»/.
- ЛЕЖНЕВ, А. Альманахи и сборники. /Рец./. ПиР, 1925, № 5-6, стр. 236.
- * ЛЕЖНЕВ, А. Узел. /Рец./. КН, 1926, № 8, стр. 231, 232.
- * ЛЕЛЕВИЧ, Г. По журнальным окопам. МГ, 1924, № 7-8, стр. 262—263.
- * ЛЕЛЕВИЧ, Г. Гиппократово лицо. КН, 1925, № 1, стр. 297.
- ЛЕЛЕВИЧ, Г. И. Сельвинский. Записки поэта. /Рец./. ПиР, 1928, № 5, стр. 119.
- * ЛЕРНЕР, Н. «Шум времени». /Рец./. «Былое», 1925, № 6, стр. 244.
- ЛЕСНЕВСКИЙ, С. Перед новой далью. Ю, 1965, № 12, стр. 94.
- ЛИБЕДИНСКАЯ, Л. Зеленая лампа. Воспоминания. СП, 1966, стр. 89.
- * ЛИВШИЦ, Б. Полтораглазый стрелец. СПЛе, 1933, стр. 115—116, 259, 263, 264, 268, 269, 270.
- * Литературная Газета». От редакции. ЛГ, 13 мая 1929.
- Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Изд. Главного Архивного Управления при Совете министров СССР, Гос Библиотеки им. Ленина и Архива Акад. Наук СССР. Т. 1. А—М, М, 1962, стр. 430.
- * ЛОСЕВ, В. Хамп. Золотоискатели в Вене. Пер. О. Мандельштама. /Рец./. Кш, 1924, № 10, стр. 10.
- ЛУГАНОВ, А. Мимоходом. РМ, 31 декабря 1959.
- * ЛУГАНОВ, А. Вечер памяти Осипа Мандельштама. РМ, 29 июня 1961.

- * ЛУНЦ, Л. Цех Поэтов. КУ, 1922, № 8, стр. 52—54.
- * ЛУРЬЕ, А. О книге Мандельштама. НРС, 4 декабря 1955.
- * ЛУРЬЕ, А. Чешуя в неводе. ВПу, альм. II, 1961, стр. 202—203.
- * ЛУРЬЕ, А. Детский рай. ВПу, альм. III, 1963, стр. 169—172.
- ЛУРЬЕ, А. Феномен и ноумен в музыке. ВПу, альм IV, 1965, стр. 160.
- ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Аполлон. Литературный альманах. /Рец./. «Современный Мир», 1912, № 1, стр. 342.
- * ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Символисты и наследники их. «Современник», 1913, № 7, стр. 299, 300, 304, 305.
- * ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Новейшая русская литература. Изд. 2-е, Центросоюза, М, 1920; изд. 3-е, Центросоюза, М, 1922, стр. 236—237, 239; изд. 3/4-е/, М, 1923; изд. 3/5-е/, А. Д. Френкеля, М—Л, 1924, стр. 286—287, 288, 361; изд. 6-е, «Мир», М, 1927, стр. 300—301, 303, 413, 420.
- * ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Т. 2, изд. 2-е, Прб, 1925, стр. 170.
- ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Вперед от Пушкина. «Современник», 1925, № 1, стр. 66.
- ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Акмеисты и адамисты. В кн. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в 2 тт. под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого и др. Издание А. Д. Френкеля, М—Л, т. 1, 1925, стр. 28—29.
- ЛЮБИМОВ, Н. Поэтический факультет. НМ, 1965, № 11, стр. 205.

- М., П. О старых и новых писателях. РМ, 6 июля 1967.
- * МААРИ, Г. /Вст. заметка к публикации цикла О. Мандельштама/ «Армения». ЛА, 1966, № 1, стр. 47—48.
- * МАБО-АЗОВСКИЙ, М. О Максимилиане Волошине, Мандельштаме и других... НРС, 14 января 1949.
- * МАГИДСОН, С. Мандельштам. Заметка в кн. Песнь Любви. Лирика русских поэтов. МЛГв, 1967, стр. 626.

- МАКАРОВ, А. Русская советская поэзия. В кн. «Поэзия», альм. № 1, 1968, МлГв, 1968, стр. 194.
- МАКЕДОНОВ, А. Правда поэзии. ВЛ, 1968, № 7, стр. 87.
- * МАКЕДОНОВ, А. Николай Заболоцкий. Жизнь. — Творчество. — Метаморфозы. СП, Л, 1968, стр. 5, 14, 37—38, 40, 45, 92, 106, 180, 207, 234, 242, 323, 330—331, 343, 345.
- МАКЛЕЙН, Хью. Simon Karlinsky. Marina Cvetaeva, Her Life and Art, 1966, /Рец./. НЖ, № 88, 1967, стр. 268.
- * МАКОВСКИЙ, С. О. Мандельштам. НРС, 23 июля 1950.
- МАКОВСКИЙ, С. Вячеслав Иванов в России. НЖ, № 30, 1952, стр. 143.
- * МАКОВСКИЙ, С. Портреты современников. ЧИ, 1955 /очерки: «Вячеслав Иванов», стр. 282; «Максимилиан Волошин», стр. 319, 327; «Осип Мандельштам», стр. 375—398/.
- МАКОВСКИЙ, С. На Парнасе серебряного века. Мн, 1962 /Очерки: «Александр Блок», стр. 150; «Иван Коневской», стр. 181 — первон. ЛСА, 1954, стр. 273; «Николай Гумилев», стр. 217, 219, 220, 221 — первон. Г, № 36, 1957, стр. 149, 150—151; «Граф Василий Комаровский», стр. 280 — первон. Мст, № 4, 1960, стр. 278/.
- * МАНДЕЛЬШТАМ, Н. /Послесловие к «Путешествию в Армению»/. ЛА, 1967, № 3, стр. 99—101.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Ю. Н. Берковский. Текущая литература. /Рец./. НГ, № 3, 1 апреля 1931, стр. 7.
- * МАНФРЕД, А. О. Мандельштам. Стихотворения. 1928. /Рец./. КиР, 1928, № 15-16, стр. 20—22.
- МАР, Н. В Переделкине у Чуковского. ЛГ, 1967, № 14.
- * МАРГВЕЛАШВИЛИ, Г. Об Осипе Мандельштаме. ЛГрз, 1967, № 1, стр. 75—96.
- МАРГВЕЛАШВИЛИ, Г. Веление судьбы. ЛГрз, 1967, № 9, стр. 56.
- МАРГОЛИН, Ю. Заметки о Пушкине. ВР, 1928, № 2.
- МАРГОЛИН, Ю. «Быть знаменитым — некрасиво». НРС, 7 декабря 1958.
- * МАРГОЛИН, Ю. Памяти Мандельштама. ВПу, альм. II, 1961, стр. 102—110.

- МАРГОЛИН, Ю. Тель-Авивский блокнот. НРС, 21 февраля 1964.
- МАРГОЛИН, Ю. К диалектике мифологического мышления. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 147.
- МАРГОЛИН, Ю. Андрей Седых. Земля Обетованная. /Рец./. НЖ, № 84, 1966, стр. 274.
- МАРКИШ, С. Античность и современность (Заметки переводчика). НМ, 1968, № 4, стр. 231.
- * МАРКОВ, В. Предисловие и биографич. справка в кн. Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. ЧИ, 1952, стр. 6, 7, 8, 9, 14—15, 21, 32, 65.
- МАРКОВ, В. Книга о советской литературе. Г, № 17, 1953, стр. 145, 146.
- * МАРКОВ, В. Мысли о русском футуризме. НЖ, № 38, 1954, стр. 174, 176, 177, 178—179.
- МАРКОВ, В. О Хлебникове. Г, № 22, 1954, стр. 126, 130, 133, 140, 143, 144.
- МАРКОВ, В. Из дневника нового эмигранта. ЛСА, 1954, стр. 201.
- МАРКОВ, В. Et ego in Arcadia... НЖ, № 42, 1955, стр. 174.
- МАРКОВ, В. Легенда о Есенине. Г, № 25, 1955, стр. 145, 155.
- МАРКОВ, В. Моцарт. НЖ, № 44, 1956, стр. 96.
- * МАРКОВ, В. Первое собрание Манделъштама. /Рец./. Г, № 30, 1956, стр. 190—192.
- МАРКОВ, В. О большой форме. Мст, № 1, 1958, стр. 176.
- * МАРКОВ, В. Пауль Целан и его переводы русских поэтов. Г, № 44, 1959, стр. 227—230.
- МАРКОВ, В. Поэзия Николая Моршена. В кн. Н. Моршен. Тюлень. Псв, 1959, стр. 8.
- МАРКОВ, В. Стихи русских прозаиков. ВПу, альм. 1, 1960, стр. 178.
- МАРКОВ, В. О свободе в поэзии. ВПу, альм. II, 1961, стр. 228, 237.
- * МАРКОВ, В. Трактат о трехгласии. ВПу, альм. V, 1967, стр. 245—246.
- * МАРЧЕНКО, А. Что такое серьезная поэзия. ВЛ, 1966, № 11, стр. 53.
- * МАРЧЕНКО, А. «Все что душу облакает в плоть...». ВЛ, 1967, № 8, стр. 98.

- МАРШАК, С. Дом, увенчанный глобусом. НМ, 1968, № 9, стр. 164.
- МАСЛИН, Н. Поэт и народ. В кн. Против безыдейности в литературе. Сборн. статей журн. «Звезда», СП, 1947, стр. 67, 68.
- МАЦНЕВ, Г. Октябрьская тошнота. РМ, 2 ноября 1967, стр. 3.
- МАШИНСКИЙ, О. Поэзия Сергея Городецкого. В кн. С. Городецкий. Стихотворения. 1905—1955. ГИХЛ, 1956, стр. 12.
- МАШИНСКИЙ, О. Путь поэта. В кн. С. Городецкий. Стихи. ГИХЛ, 1964, стр. 17.
- * МАШИРОВ, А. Искусство в эпоху войны. ВКГ, 1 августа 1929.
- МЕНЬШУТИН, А. Пути русской поэзии. (Л. Гинзбург. О лирике. Рец.). НМ, 1965, № 10, стр. 243.
- * МЕНЬШУТИН, А. и А. СИНЯВСКИЙ. Поэзия первых лет революции. 1917—1920. Изд. «Наука» (АН СССР), 1964, стр. 60, 86, 382, 390—391, 395—402, 403.
- * МЕСНЯЕВ, Г. О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 1. /Рец./. «Россия», НИ, 26 ноября 1965.
- * МЕСНЯЕВ, Г. Последний царскосельский лебедь. В, №175, 1966, стр. 141.
- МЕССЕР, Р. Н. Асеев. Проза поэта. /Рец./. З, 1930, № 6, стр. 267.
- * МЕССЕР, Р. Русские символисты и империалистическая война. Лнг, 1932, № 7, стр. 73.
- МЕТЧЕНКО, А. Кровное, завоеванное. О, 1966, № 5, стр. 178.
- МЕТЧЕНКО, А. Главное направление. В кн. О литературно-художественных течениях XX века. Сборн. статей под ред. Л. Г. Андреева, А. Г. Соколова. Изд. Моск. Ун-та., М, 1966, стр. 14, 18.
- МЕТЧЕНКО, А. О социалистическом реализме и социалистическом искусстве. О, 1967, № 6, стр. 195.
- МИНДЛИН, Эм. В двадцатые годы. Зн. 1968, № 1, стр. 225.
- * МИНДЛИН, Эм. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. СП, 1968, стр. 77—95.

- МИРСКИЙ, Д. /кн. Д. Святополк-Мирский/. Об Эдуарде Багрицком. ЛУ, 1934, № 5, стр. 35.
- МИХАЙЛОВ, М. Московское лето 1964. НРС, 27 и 31 марта 1965. Затем в его кн. Московское лето. 1964. — Мертвый дом Достоевского и Солженицына. Псв, 1967, стр. 13, 66, 95.
- МИХАЙЛОВ, О. Аркадий Аверченко. Вст. ст. в кн. А. Аверченко. Юмористические рассказы. ГИХЛ, 1964, стр. 8.
- МИХАЙЛОВ, О. Любовь и поэзия. Ю, 1967, № 7, стр. 78.
- * МИХАЙЛОВСКИЙ, Б. Русская литература XX века. С 90-х гг. XIX века до 1917 г. Учпедгиз, 1939, стр. 334—335, 340. Переизд. Наркомпрос Узб. ССР, Ташкент, 1940.
- МИХАЙЛОВСКИЙ, Б. Предшественники современного абстракционизма. В кн. О литературно-художественных течениях XX века. Сборн. под ред. Л. Г. Андреева, А. Г. Соколова. Изд. Моск. Ун-та, 1966, стр. 78.
- МИХАЛЕВСКИЙ, П. Роль интеллигенции. РМ, 25 декабря 1965.
- * МКРТЧЯН, Л. География человеческой близости. Вст. ст. в кн. Это Армения. Стихи русских поэтов. «Айастан», Ереван, 1967, стр. 5, 6, 10—13.
- МОРОЗОВ, А. Русская стихотворная пародия. Вст. ст. в кн. Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). БП бс, 1960, стр. 85.
- * МОРОЗОВ, А. Мандельштам. КЛЭ, т. 4, 1967, столб. 568—570.
- * МОРОЗОВ, А. Примечания /к кн.: О. Мандельштам, Разговор о Данте, М, 1967/, стр. 71—84.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. А. Ахматова. Anno Domini MCMXXI. /Рец./. СЗ, № 10, 1922, стр. 385.
- * МОЧУЛЬСКИЙ, К. Классицизм в современной русской поэзии. СЗ, № 11, 1922, стр. 373.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. Б. Зайцев, Зв, 1926, № 202, стр. 3.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. Рец. на: А. Ладинский. Черное и голубое. Стихи. «Числа», № 5, 1931, стр. 236.
- * МОЧУЛЬСКИЙ, К. О. Э. Мандельштам. «Встреча», Пар, № 2, 1945, стр. 30—31.

- МОЧУЛЬСКИЙ, К. Александр Блок. УМСА, Пар, 1948, стр. 275, 348, 403, 431.
- МУРАТОВА, К. История русской литературы конца XIX—начала XX века. Библиографический указатель. АН СССР, 1963, стр. 296—297.
  - Н., Н. Антисемитская литература в издании ГИЗ'а: Б. Лекаш, Радан Великолепный. Пер. О. Мандельштама. /Рец./. НЛП, 1927, № 1, стр. 77.
  - НАЗАРЕНКО, В. Кстати о «формализме». З, 1961, № 9, стр. 195—202.
- НАЗАРЕНКО, В. Жизнь великого Пондерво, или что такое буржуазное искусство? МГ, 1969, № 1, стр. 283.
- НАРБУТ, В. «Камень», 1913, /В сводн. рец./. НЖВ, 1913, № 4, столб. 175—176.
- НАУМОВ, Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. Учпедгиз, Л, 1960, стр. 96; изд. 2-е, «Просвещение», М—Л, 1965, стр. 93.
- НЕЗНАМОВ, П. О поэтах и об установках. «Новый ЛЕФ», 1928, № 9, стр. 6.
- НЕЗНАМОВ, П. Система девок. ПиР, 1930, № 4, стр. 77.
- Н/еймирок/, А. Об антологии русской поэзии. /Рец./. Г, № 16, 1952, стр. 180.
- НЕЙМИРОК, А. О современной русской лирике в Советском Союзе. Г, № 31, 1956, стр. 142.
- НЕЙМИРОК, А. «Человек за бортом!..» (О журнале «Синтаксис»). Г, № 58, 1965, стр. 194.
- НЕМИРОВСКИЙ, А. /Вст. заметка к публикации стихов Мандельштама/ «Из Воронежских тетрадей». «Подъем», Воронеж, 1966, № 1, стр. 91—93.
- НИКИТИНА, Е. Поэты и направления. (Пути новейшей поэзии). С, кн. 3, 1924, стр. 126, 136, 139.
- НИКИТИНА, Е. Русская литература от символистов до наших дней. Изд. «Никитинские Субботники», М, 1926.
  - НИКОЛАЕВ, Т. Ж. Дюамель. Письма к моему другу Патагонцу. Пер. О. Мандельштама. /Рец./. НЛП, 1927, № 17-18, стр. 92.
  - НИКОЛАЕВСКИЙ, Б. Из летописи советской литературы. «Преступление и наказание» поэта Мандельштама. СВ, 1946, № 1, стр. 22—23.

- НИКОЛИН, А. /А. Неймирок/. Контуры будущей России. «Мысль», Ф, № 3—4, 1954, стр. 109.
- НИКОЛИН, А. «Вожди» на подмостках, Пс, 1955, № 52, 25 декабря.
- НИКОЛЬСКАЯ, Т., Л. ЧЕРТКОВ. Константин Вагинов. ДП, 1967, стр. 77.
- НИКУЛИН, Л. Люди и странствия. СП, 1962. В извлечениях в кн. В. Маяковский в воспоминаниях современников. Под ред. Н. Реформатской. ГИХЛ, 1963, стр. 509. Первон. Зн, 1939, № 9.
- НИКУЛИН, Л. Памяти Есенина. В кн. Воспоминания о Сергее Есенине. Под ред. Ю. Прокушева. МР, 1965, стр. 211. (Впервые: «Дон», Ростов, 1957, № 41).
- НИКУЛИН, Л. Лариса Рейснер. В его кн. Годы нашей жизни. Воспоминания. Портреты. МР, 1966, стр. 167.
- НОРД, Л. «Инженеры душ». Изд. «Наша Страна», Буэнос-Айрес, 1954, стр. 9.
- ОВСЯННИКОВ, М. и В. РАЗУМНЫЙ /ред./. Краткий словарь по эстетике. Госполитиздат, 1964, стр. 8, 506.
- ОВЧАРЕНКО, Ф. Не казаться, а быть. МГ, 1968, № 11, стр. 284.
- ОДОЕВЦЕВА, И. В защиту поэзии. РМ, 12 марта 1959.
- ОДОЕВЦЕВА, И. Еще о поэзии. РМ, 20 июня 1959.
- ОДОЕВЦЕВА, И. О Николае Моршене. НЖ, № 58, 1960, стр. 117.
- * ОДОЕВЦЕВА, И. Осип Мандельштам. Свр, № 9, 1964, ст. 24—31.
- ОДОЕВЦЕВА, И. Н. Гумилев. Собр. соч. под. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, тт. 1 и 2. /Рец./. НЖ, № 84, 1966, стр. 287—288.
- * ОДОЕВЦЕВА, И. На берегах Невы. Изд. В. П. Камкина, Вш, 1967, стр. 53, 58, 106, 183—213, 214—227, 228—230, 232—251, 253, 283, 288, 289—291, 292, 294, 296—298, 301, 302—303, 309—311, 331, 367, 405, 406, 407, 408, 418—419, 425, 426, 474. Первон.: НЖ, 1963, № 71, стр. 12—43, № 72, стр. 64

- 91; РМ, 26 сентября 1964, 21 января, 18 и 25 февраля, 4, 13 и 18 марта 1965, 29 марта 1966.
- ОЗЕРОВ, Л. Тайна ремесла. В его кн. Работа поэта. Книга статей. СП, 1963, стр. 185.
- ОЗЕРОВ, Л. Краткий трактат о яблоке. (Евгений Евтушенко и другие). ВЛ, 1968, № 2, стр. 105.
- * ОКСЕНОВ, И. «Камень». 1916. /В сводн. рец./. НЖВ, 1916, № 2-3, стр. 74.
- ОКСЕНОВ, И. Отклики поэтов. /Альм. «Тринадцать Поэтов», /Рец./.«Знамя Труда», 23 февраля (8 марта) 1918.
- ОКСЕНОВ, И. «Радуга», № 2-3. /Рец./. КиР, 1921, № 10-11, стр. 36.
- ОКСЕНОВ, И. Памяти А. А. Блока. /Рец./. КиР, 1923, № 11-12, стр. 56—57.
- ОКСЕНОВ, И. И. Эренбург. Портреты русских поэтов. 1922. /Рец./. КиР, 1923, № 11-12, стр. 62.
- ОКСЕНОВ, И. Николай Тихонов, 3, 1925, № 5, стр. 262 — 263.
- * ОКСЕНОВ, И. Среди стихов. 3, 1927, № 8, стр. 154—155.
- ОКСЕНОВ, И. Советская поэзия и наследие акмеизма. ЛЛ, 1934, № 24, 26 мая, стр. 3.
- ОЛЕША, Ю. Эдуард Багрицкий. В его кн. Избранные сочинения. ГИХЛ, 1956, стр. 377. Перепеч. в его же кн. Повести и рассказы. ГИХЛ, 1965, стр. 367 (первоначально — альм. «Эдуард Багрицкий», СП, 1936).
- ОЛЕША, Ю. Ни дня без строчки. В его кн. Повести и рассказы. ГИХЛ, 1965, стр. 511, 526. Также в его же кн. Ни дня без строчки. Из записных книжек. Изд. «Советская Россия», М, 1965, стр. 199.
- * ОЛЬХОВЫЙ, Б. О попутничестве и попутчиках. Статья 2-я. ПиР, 1929, № 6, стр. 7—9 /«Египетская марка» и «Стихотворения», 1928/.
- ОРЛОВ, Вл. Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия. В кн. М. Цветаева. Избранные произведения. БП, бс, СП, 1965, стр. 12.
- * ОРЛОВ, Вл. На рубеже двух эпох. (Из истории русской поэзии начала нашего века). ВЛ, 1966, № 10, стр. 113, 115, 123, 124, 133—138, 139, 143.

- /ОРЛОВ, Вл./ Вст. заметка к публикации «Поэты начала XX века», ЛГ, 22 марта 1967.
- * ОРУЖЕЙНИКОВ, И. На полях журналов. ЛГ, 17 июня 1933.
- * ОСЕНОВ, А, А. Даудистель. Жертва. Пер. О. Мандельштама. /Рец./ НЛП, 1926, № 3, стр. 55.
- ОСЕТРОВ, Е. Стихи идут в наступление. ЛГ, 15 декабря 1962.
- ОСЕТРОВ, Е. «Грядущее, созревшее в прошедшем». (Беседа с Анной Ахматовой). ВЛ, 1965, № 4, стр. 186, 188.
- ОСИПОВ, Н. Внутренняя эмиграция в СССР. Г, № 5, 1949, стр. 85—86. Перепеч. с некоторыми изменениями в кн. Очерки большевизмоведения. Ин-т Изучения СССР при НТС, Псв, 1956, стр. 136, 138.
- ОСОРГИН, М. Российские журналы. СЗ, № 22, 1924, стр. 429.
- О/фросимов/, Ю. Н. Верховский. Солнце в заточении. /Рец./ НРК, 1922, № 5, стр. 7.
- * ОФРОСИМОВ, Ю. О Гумилеве, Кузмине, Мандельштаме... НРЗ, 13 декабря 1953.
- О/цуп/, Н. Монография Швоба (Издательство Кореа). «Числа», № 9, 1933, стр. 190.
- * ОЦУП, Н. О Гумилеве и классической поэзии. «Цех Поэтов», кн. II—III. Изд. С. Эфрон, Б, /1922/, стр. 111—112.
- * ОЦУП, Н. О поэзии и поэтах в СССР. «Числа», Пар, № 7-8, 1933, стр. 236, 238—239. Перепеч. в его кн. Современники. Пар, 1961, стр. 164, 168—169.
- ОЦУП, Н. Апокалипсис. РМ, 4 января 1958, Перепеч. в его кн. Литературные очерки. Пар, 1961.
- ПАВЛЕНКО, У. Коммунизм и Россия. НД, 1961, № 3, стр. 151.
- ПАВЛОВИЧ, Н. Из воспоминаний об Александре Блоке. «Феникс», кн. 1, изд. «Костры», М, 1922, стр. 156—157.
- * ПАВЛОВИЧ, Н. Воспоминания об Александре Блоке. Со вст. заметкой и комментарием З. Г. Минц и И. Чернова. БС, стр. 472—474, 492, 493, 506.

- * ПАВЛОВИЧ, Н. Думы и воспоминания. Поэма и стихи. Изд. 2-е, СП, 1966, поэма «Воспоминания об Александре Блоке», стр. 34—35.
- ПАВЛОВСКИЙ, А. Поэты-современники. СП, 1966, стр. 107.
- ПАВЛОВСКИЙ, А. Анна Ахматова. Очерк творчества. Лениздат, 1966, стр. 10.
- ПАНИН, Г. О русском акrostихе. НЖ, № 88, 1967, стр. 96.
- ПАНЧЕНКО, Н. Письма В. Я. Шишкова к М. В. Аверьянову. /Вст. заметка/. РЛ, 1967, № 4, стр. 205.
- ПАПЕРНЫЙ, З. Б. Л. Пастернак. В кн. История русской советской литературы в 4 тт. Изд. 2-е, АН СССР, 1968, стр. 351.
- Парнас дьбом. ... Про: козлов, собак и Веверлеев. 1925. Изд. 2-е, Винница, 1927, стр. 76—77 — пародия на Мандельштама. Перепеч. (изд.3) — Монреаль, 1963, стр. 76—77. А также включено в кн. Russische literarische Parodien, herausgegeben von Dmitrij Tschizewskij und Johann Schöpfer. Harrasowitz, Wiesbaden, 1957, SS. 66—67.
- ПАРНОК, С. Б. Пастернак и другие. РС, 1924, № 1, стр. 311.
- ПАСТЕРНАК, Б. Автобиографический очерк. В кн. Сочинения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 2, Проза 1915—1958. Изд. Мичиганского ун-та, Анн-Арбор, 1961, стр. 45. Первон. опубли.: НРС, 24 января 1959, РМ, декабрь 1959. Опубли. под назв. «Люди и положения» — НМ, 1967, № 1, стр. 232.
- ПАСТУХОВ, В. Страна воспоминаний. Оп, № 5, 1955, стр. 85.
- ПАУСТОВСКИЙ, К. Повесть о жизни. Кн. 2. ГИХЛ, 1962, стр. 515, 531.
- ПЕРЕЛЕШИН, В. Сочельник. (Стихи), в его кн. «Южный дом», изд. автора, Мн, 1968.
- ПЕРЕЛЕШИН, В. Литературный Петербург в годы революции (И. Одоевцева. На берегах Невы. Рец.), Г, № 69, 1968, стр. 205.
- * ПЕРЦОВ, В. Новое в современной русской поэзии. Письмо из Москвы. Рига, 1921, стр. 5—6.

- ПЕРЦОВ, В. Поиски нового и великие традиции. ЛГ, 27 февраля 1962.
- ПЕРЦОВ, В. О путях современной поэзии. ВЛ, 1962, № 10.
- * ПЕТРОВ, Г. /Б. Филиппов/. Ленинградский Петербург. Г, № 18, 1953, стр. 40, 42—43, 45, 47—49.
- * ПЕТРОВ, Г. Забытые юбилеи. Г, № 27-28, 1955, стр. 182, 183, 185, 188. Переизд. в кн. Б. Филиппов. Ж и - в о е п р о ш л о е. Вш, 1965, стр. 25—26, 32, 37, под назв. «По поводу забытых юбилеев».
- ПЕТРОВ, С. /Б. Филиппов/. Судьба поэта. ЛСМ, № 2, 1951, стр. 77.
- ПЕТРОВ-СКИТАЛЕЦ, Е. «Дом Герцена», НРС, 20 сентября 1959.
- * ПИНСКИЙ, Л. Послесловие к кн.: О. Мандельштам, Разговор о Данте, М, 1967, стр. 59—70.
- * ПИОТРОВСКАЯ, Е. Письма из Москвы. НРС, 27 октября 1963.
- ПЛЕТНЕВ, Р. Вместо предисловия. В его кн. Парнас дыбом. Изд. 3, Монреаль, 1963, стр. V.
- ПЛЕТНЕВ, Р. Советская потаенная муза. /Рец./. НРС, 24 декабря 1961.
- * ПОЛОНСКИЙ, В. Очерки литературного движения революционной эпохи (1917—1927). М, 1929, стр. 141.
- * ПОЛЯНИН, А. /С. Парнок/. В поисках пути искусства. Сев. З, 1913, № 5-6, стр. 227—232.
- * ПОЛЯНИН, А. «Камень». 1916. /Рец./. Сев, З, 1916, № 4, стр. 242—243.
- ПОЛЯНИН, А. Г. Иванов. Сады. /Рец./. «Шиповник», альм., кн. 1, М, 1922, стр. 173.
- ПОЛЛЯК, С. Русская поэзия в польских переводах. ВЛ, 1964, № 11, стр. 193—194.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Жизнь сквозь смерть. НРС, 8 мая 1955.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Что такое поэзия? НРС, 21 октября 1956.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. «Брюссель 58». Горькие мысли о больших достижениях. РМ, 22 мая 1958.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Художник пространства — Авньель. РМ, 22 октября 1964.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Литература и политика. Антология

- русской поэзии Эльзы Триоле. РМ, 10 февраля 1966.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Мысли о нашем времени. Литература и компартия. РМ, 8 декабря 1966.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Оправдание поражения. Мст, № 12, 1966, стр. 242, 248.
- ПОМЕРАНЦЕВ, К. Клевета на поэзию. РМ, 3 июня 1967.
- ПОПЛАВСКИЙ, Б. Из дневников. 1928—1935. Пар, 1938, стр. 27.
- ПОПЛЮЙКО, А. «Парнас дыбом». /Рец./. НЖ, № 75, 1964, стр. 303.
- ПОСТУПАЛЬСКИЙ, И. О стихах Н. Ушакова. ПиР, 1928, № 1, стр. 100.
- ПОСТУПАЛЬСКИЙ, И. По прямой дороге. НЛП, 1929, № 23, стр. 68.
- ПОСТУПАЛЬСКИЙ, И. Лирика П. Антокольского. З, 1930, № 2, стр. 217.
- ПОСТУПАЛЬСКИЙ, И. Примечания. В кн. В. Брюсов. Избранные стихи. Ас, 1933, стр. 671, 680, 689.
- ПРИШВИН, М. Дневник 1922. В его кн. Собр. соч. в 6 тт., т. 6, ГИХЛ, 1957, стр. 812.
- ПРОЗОРОВ, А. «Новый Мир». ЛЭ, т. 8, 1934, стр. 144.
- ПРОКОФЬЕВ, А. Речь на 1-м съезде писателей РСФСР. В кн. Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. 7—13 декабря 1958. Стенографический отчет. Изд. «Советская Россия», М, 1959, стр. 86.
- ПЯСТ, В. По поводу последней поэзии. Gaudeamus. 1911, № 4, стр. 10, № 5, стр. 8.
- ПЯСТ, В. «Камень». 1916. /Рец./. «День», № 20, 21 января, стр. 5.
- ПЯСТ, В. Встречи. Изд. «Федерация», М, 1929, стр. 137, 139—141, 157, 207, 254—255, 256—257, 260, 261, 265, 275, 291.
- ПЯСТ, В. Современное стиховедение. Ритмика. СПЛе, 1931, стр. 78—79, 101, 103, 105, 165—166, 276, 295.
- /РАБИНОВИЧ, Г./. «Шуточное». /Сообщение/. ВПу, альм. III, 1963, стр. 24—25.
- РАЙС, Э. Украинская поэзия нашей эпохи. Г, № 42, 1959, стр. 149.

- РАЙС, Э. Музей современной поэзии. Г, № 47, 1960, стр. 241.
- * РАЙС, Э. Сорокалетие русской поэзии в СССР. Г, № 49, 1961, стр. 94, 103—105, 107, 116, 119; № 50, 1961, стр. 146; № 51, 1962, стр. 151—152.
- РАЙС, Э. Заметки о поэтах четвертого поколения. Г, № 55, 1964, стр. 164, 165.
- РАЙС, Э. Люди культурной миссии. Г, № 57, 1965, стр. 212.
- РАЙС, Э. Ленинградский Гамлет. О стихах И. Бродского. Г, № 59, 1965, стр. 172.
- * РАЙС, Э. История русской литературы и литературная критика. (По поводу «Истории русской литературы» проф. Ло Гатто). В, 1966, № 172, стр. 73, 78; № 173, стр. 49, 54.
- РАЙС, Э. Вечная юность Г. Р. Державина. В, 1966, № 174, стр. 58, 69.
- РАЙС, Э. Еще о передовой литературе. РМ, 13 октября 1966.
- * РАЙС, Э. Новые издания О. Мандельштама и Н. Заболоцкого. Г, № 60, 1966, стр. 224, 225—227, 228.
- РАЙС, Э. Настоящее и будущее монархического начала. В, № 175, 1966, стр. 98.
- РАЙС, Э. Василий Тредьяковский — поэт. В, 1969, № 207, стр. 83.
- РАЙС, Э. Что такое мировая литература? РМ, 15 мая 1969.
- РАССАДИН, С. И с миром утвердилась связь... Заметки о поэтах и переводчиках. Ю, 1967, № 9, стр. 85.
- РАШКОВСКАЯ, А. Литературно-Художественный Альманах для Всех. /Рец./. РС, 1924, № 4, стр. 248.
- * Редакция газеты «Литературная Россия». /Вст. заметка к публикации двух статей Мандельштама/ «Армия поэтов». «Литературная Россия», 19 августа 1966.
- РЕСТ, Б. Ленинградские журналы в новом году: ЛГ, 29 декабря 1932.
- Р/жевский/, Л. Ценный опыт. Г, № 16, 1952, стр. 181.
- РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Вс. О молодых поэтах. З, 1936, № 3, стр. 168.
- * РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Вс. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. СП, 1962, стр. 126, 129

- 131. Первон. (без упоминания имени Мандельштама) — З, 1958, стр. 12.
- РОЗАНОВА-КРУГЛИКОВА, М. Письмо жены А. Синявского Л. Брежневу, Генеральному прокурору СССР, и председателю КГБ. Г, № 62, 1966, стр. 30.
- * РОЗЕНТАЛЬ, Л. П. Хамп. Золотоискатели в Вене. Пер. О. Мандельштама. /Рец./ ПиР, 1924, № 3, стр. 253—255.
- РОЙЗМАН, М. То, о чем я помню. Памяти Есенина. Сборн. Всероссийск. Союза Поэтов, М, 1926, стр. 117.
- РОСТОВ, А. На родине. «Наша Страна», Буэнос-Айрес, 11 июля 1957.
- РОСТОВ, А. Судьба Б. Л. Пастернака. Там же, 20 ноября 1958.
- РУБАНОВ, Л. Клуб «Медный Всадник». Мст, № 12, 1966, стр. 379.
- РУБISOVA, Е. На берегах Невы. НРС, 16 июня 1963.
- РУБISOVA, Е. «На берегах Невы» Ирины Одоевцевой. /Рец./ Свр, № 17-18, декабрь 1968, стр. 135, 136.
- * РУДЕРМАН, М. О. Мандельштам. Стихотворения. 1928. /Рец./ НМ, 1928, № 8, стр. 222—223.
- * РУДЕРМАН, М. Поэт и читатель. ЛГ, 17 сентября 1932.
- РУНИН, Б. Власть слова. ВЛ, 1967, № 5, стр. 121, 125, 126, 127.
- РУСАКОВ, Ю. Дмитрий Исидорович Митрохин. Изд. «Искусство», Л—М, 1966, стр. 188.
- Русские антикоммунисты в Америке. Письмо в редакцию. РЖ, 27 октября 1955.
- РЫКОВА, Н. Примечания в кн. Б. Лившиц. От романтиков до сюрреалистов. Изд. «Время», Л, 1934, стр. 134.
- *С. Есенин разговаривает о литературе. Зв, 1926, № 199, стр. 10—11.
- * С., А. «Камень». 1916. /Рец./ Лт, 1916, № 5, стр. 288—290.
- СААКЯНЦ, А. Полезное пособие и его проблемы. ВЛ, 1964, № 1, стр. 216.
- СААКЯНЦ, А. /Предисловие к публикации очерка М. Цветаевой/ «История одного посвящения». ЛА, 1966, № 1, стр. 52.

- САВИН, В. Долг жизни. Свр, № 8, 1963.
- САДОФЬЕВ, И. Юбилейное. КГ, 6 августа 1922.
- САМАРИН, В. Раскрытая страница. (А. Седых, Далекие-близкие. Рец.). Г, № 64, 1964, стр. 218.
- САМАРИН, В. Литературные заметки. НРС, 6 сентября 1964; 15 августа 1965.
- САМАРИН, В. Живое прошлое и настоящее. НРС, 19 сентября 1965.
- САМАРИН, В. Большое русское дело. Пс, 1965, № 52, 24 декабря.
- САМАРИН, В. Литературные заметки. Огромная заслуга. НРС, 2 марта 1969.
- САМАРИН, В. Неумирающее слово. РМ, 13 марта 1969.
- * САРНОВ, Б. Угль пылающий и кимвал бряцающий. ВЛ, 1968, № 1, стр. 44, 45—46.
- * САЯНОВ, В. К вопросу о судьбах акмеизма. НЛП, 1927, № 17-18, стр. 7—19. Перепеч. в его кн. От классиков к современности. Прб, 1929, стр. 108, 141, 148—149, 160.
- * САЯНОВ, В. Очерки по истории русской поэзии XX века. Изд. «Красной Газеты» (Рабочая литстудия «Резец»), Л, 1929, стр. 59, 78, 82.
- САЯНОВ, В. Маяковский в дореволюционной литературе. Лнг, 1931, № 4, стр. 96.
- СВЕНТИЦКИЙ, А. Стихомания наших дней. /Об альм. «Дракон»/. «Вестник Литературы», 1921, № 6-7, стр. 7-8.
- СВЕТ, Г. Израильский дипломат о советской литературе. НРС, 26 сентября 1954.
- СВЕТ, Г. Встреча с автором «Лолиты». НРС, 5 февраля 1961.
- * С/вятополк/-М/ирский/, Д. «Шум времени». /Рец./. «Благонамеренный», Брюссель, 1926, № 1, стр. 169.
- * С/вятополк/-М/ирский/, Д. О нынешнем состоянии русской литературы. «Благонамеренный», 1926, № 1, стр. 91, 93.
- * С/вятополк/-М/ирский/, Д. «Вторая книга». /Рец./. «Благонамеренный», 1926, № 2.
- Князь СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д. Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастер-

нака. Изд. «Франко-Русская Печать», Пар, 1924, стр. 202.

Кн. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д. Валерий Яковлевич Брюсов. СЗ, № 24, 1924, стр. 415.

* Кн. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д. «Шум времени». /Рец./ СЗ, № 25, 1925, стр. 541—543.

Кн. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д. Б. Пастернак. Рассказы. /Рец./ СЗ, № 25, 1925, стр. 544, 545.

* СЕДЫХ, Андрей. Д а л е к и е - б л и з к и е. Изд. НРС, НЙ, 1962: очерк: «Волошин и Мандельштам», стр. 27—33.

СЕДЫХ, Андрей. Земля Обетованная. Изд. НРС, НЙ, 1966, стр. 169.

* СЕДЫХ, Андрей. На берегах Невы. Воспоминания Ирины Одоевцевой. НРС, 25 февраля 1968.

СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. Пролетарская поэзия на переломе. НЛП, 1930, № 5-6, стр. 5.

* СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. Разговор о поэзии. ЛГ, 11 ноября 1932.

* СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. Очерки русской поэзии XX века. Глава 2. Распад акмеизма. ЛУ, 1934, № 8, стр. 23, 24, 31—33, 35.

* СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. Очерки по истории русской советской поэзии. ГИХЛ, 1936, стр. 49—50, 59—62, 65, 84, 327.

* СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. В литературных боях. М, 1959, стр. 278—281.

СЕЛЬВИНСКИЙ, И. Записки поэта. Повесть. М—Л, 1928, стр. 36.

* СЕМЕНКО, И. Вступ. заметка к публикации: О. Мандельштам. Записные книжки. Заметки. ВЛ, 1968, №4, стр. 180—181.

СЕМЕНОВ, Ю. Ответ на анкету. ВЛ, 1962, № 9, стр. 153.

СЕРМАН, И. Поэт и история. (П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. Рец.). ВЛ, 1967, № 4, стр. 180.

«Сибирские Огни». Редакция журнала. Открытое письмо авторам. «Сибирские Огни», 1922, № 4, стр. 199.

- СИБИРЯК. Наши Дни, альм. 3-й. /Рец./. «Горн», № 8, 1923, стр. 222.
- СИМОНОВИЧ, Иг. Воспоминания о Коктебеле. РМ, 20 марта 1969.
- СИНЯВСКИЙ, А. Акмеизм. КЛЭ, т. 1, 1962, столб. 118.
- СИНЯВСКИЙ, А. Раскованный голос. НМ, 1964, № 6, стр. 175.
- СИНЯВСКИЙ, А. /О поэзии 1910-х гг./. В кн. «История русской литературы. Т. III. Изд. «Наука» (АН СССР), 1964, стр. 778—779, 869.
- СИНЯВСКИЙ, А. Поэзия Пастернака. Вст. ст. в кн. Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. БПбс, 1965, стр. 15.
- СИНЯВСКИЙ, А. Я только сказал «Не убий». Последнее слово А. Синявского на суде. РМ, 12 марта 1966. Перепеч. в кн. Синявский и Даниэль на скамье подсудимых. Процесс. Изд. МЛС, 1966, стр. 80, 111, 119. Перепеч. также: Г, № 60, 1966.
- СИНЯВСКИЙ, А., С. АЛЛИЛУЕВА, Л. ШВЕЦОВА, Ю. КРЕСТИНСКИЙ. Хроника литературной жизни. В кн. История русской советской литературы. Т. 1. АН СССР, 1958, стр. 578, 584, 586, 601, 615, 657.
- СЛЕЗКИН, Ю. Литература в провинции. (Письмо из Владикавказа). «Вестник Литературы», 1921, № 1, стр. 14.
- СЛИЗСКОЙ, А. Из новейшей художественной литературы. В, № 29, 1953, стр. 182.
- СЛИЗСКОЙ, А. Новые культурные течения в СССР. (Доклад Н. Б. Тарасовой). РМ, 7 ноября 1964.
- СЛОНИМ, М. Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом. ВР, 1929, № 10-11, стр. 109.
- СЛОНИМ, М. Литературные поколения. НГ, № 3, 1 апреля 1931, стр. 1.
- СЛОНИМ, М. Портреты советских писателей. Изд. «Парабола», Пар, 1933, стр. 38.
- СЛОНИМ, М. Писатели-евреи в советской литературе. В кн. Еврейский мир. Изд. Союза Русск. Евреев в Нью-Йорке, 1944.

- * СЛОНИМ, М. Новые стихи Мандельштама. (Альм. «Воздушные Пути», вып. 2-й). НРС, 11 июня 1961.
- СЛОНИМ, М. На литературные темы. Об одном сборнике стихов. НРС, 6 июня 1965.
- СЛОНИМ, М. На литературные темы. Арсений Тарковский. НРС, 24 декабря 1967.
- СМИРНОВ, И. Рожденная революцией. РЛ, 1965, № 1, стр. 205.
- * СМОРНОВ, Н. Первые годы «Нового Мира». НМ, 1964, № 7, стр. 91.
- * СМОРНОВ, С. Осип Мандельштам. К выходу первого тома полного собрания сочинений. ВРСХД, № 75-76, 1964—1965, стр. 92—98.
- СМОЛЕНСКИЙ, В. Мысли о Клюеве. РМ, 15 октября 1954.
- СМОЛЕНСКИЙ, В. Воспоминания. В, № 98, 1960, стр. 104.
- С/оболев/, Ю. «Красная Новь». (Рец.). Р, № 2, сент. 1922, стр. 27.
- СОБОЛЕВ, Ю. Альманахи. Р, 1922, № 4, стр. 29.
- СОВСУН, В. Акмеизм или Адамизм. ЛЭ, т. 1, 1929, столб. 70, 71, 73.
- * СОКОЛЬНИКОВ, С. «Воздушные Пути». /Рец./. Г, № 49, 1961, стр. 219—221.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А. Вместо выступления. Письмо IV Всесоюзному съезду писателей. В президиум съезда и делегатам. Членам ССП. Редакциям литературных газет и журналов. РМ, 22 июня 1967.
- СОСИНСКИЙ, В. Ответ на анкету: «Самое значительное произведение русской литературы последнего пятилетия». НГ, № 3, 1 апреля 1931, стр. 1.
- СРЕЧИНСКИЙ, Ю. «Тайм» и Горький. НРС, 22 декабря 1968.
- СТАНЮКОВИЧ, Н. Среди книг и журналов. Ольга Форш. Сумасшедший корабль. /Рец./. В, № 159, 1965, стр. 110.
- СТАНЮКОВИЧ, Н. Евг. Замятин. Лица. /Рец./. В, № 203, 1968, стр. 124.
- * СТЕПАНОВ, Н. О. Мандельштам. Стихотворения. 1928. /Рец./. З, 1928, № 6, стр. 123—124.
- СТЕПАНОВ, Н. В защиту изобретательства. З, 1929, № 6, стр. 183.
- СТЕПАНОВ, Н. Творчество Велимира Хлебникова. В кн.

- Собр. произведений В. Хлебникова. Т. 1. СПб., 1929/, стр. 33.
- СТЕПАНОВ, Н. О словаре советской поэзии. ЛУ, 1934, № 1, стр. 27.
- * СТЕПАНОВ, Н. Поэтическое наследие акмеизма. ЛЛ, 1934, № 35.
- СТЕПАНОВ, Н. Традиции и новаторство. ВЛ, 1966, № 3, стр. 83.
- СТЕПУН, Ф. Кино и театр. Оп, № 2, 1953, стр. 66.
- * СТОЛПНИК. «Вторая книга». /Рец./ВР, 1925, № 5, стр. 215—216.
- * С/труве/, Г. О судьбе Осипа Мандельштама. РМ, 9 февраля 1961.
- С/труве/, Г. Стихотворение Е. М. Тагер об Анне Ахматовой. РМ, 7 октября 1965.
- * СТРУВЕ, Г. Дракон. Альманах. /Рец./. РМсл, 1922, № 6-7, стр. 320—322.
- * СТРУВЕ, Г. Письма о русской поэзии. РМсл, 1923, № 1-2.
- СТРУВЕ, Г. Панорама русской литературы. /V. Posner. Panorama de la littérature russe contemporaine. 1929. /Рец./. «Россия и Славянство», 6 апреля 1929.
- СТРУВЕ, Г. Заметки о Пушкине. «Русский в Англии». № 3/27, 16 февраля 1937.
- СТРУВЕ, Г. Три судьбы. НЖ, № 17, 1947, стр. 197.
- СТРУВЕ, Г. И. Тхоржевский. Русская литература. /Рец./. НЖ, № 18, 1948, стр. 344.
- * СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О советском периоде Осипа Мандельштама. НРС, 3 сентября 1950.
- * СТРУВЕ, Г. Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературного движения. Оп, № 1, 1953, стр. 188—189.
- СТРУВЕ, Г. О советской поэзии. «За Свободу», Мн, № 8, 1953, стр. 8.
- СТРУВЕ, Г. О. Э. Мандельштам. Опыт биографии и критического комментария. В кн. О. Мандельштам. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. ЧИ, 1955, стр. 3—24.
- * СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. РМ, 12 августа 1955.
- * СТРУВЕ, Г. Летописец русского Ренессанса. Г, № 25, 1955, стр. 208, 209—210.
- * СТРУВЕ, Г. Русская литература в изгнании.

ЧИ, 1956, стр. 19, 151, 167, 170, 181, 343, 362, 366, 390.

СТРУВЕ, Г. Д. Кленовский. Неуловимый спутник. /Рец./ НЖ, № 47, 1956, стр. 267.

СТРУВЕ, Г. От редакции. В кн. Марина Цветаева. Лебединый стан. Под ред. Г. П. Струве, Мн, 1957, стр. 6.

СТРУВЕ, Г. Об Адамовиче-критике. Г, № 34-35, 1957, стр. 367.

* СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. НС, 15 февраля 1959.

* СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О Всеволоде Рождественском, Осипе Манделъштаме и других. НРС, 8 марта 1959.

СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О стихах Моршена. НРС, 1 ноября 1959.

СТРУВЕ, Г. Из заметок о мастерстве Бориса Пастернака. ВПу, альм. 1, 1960, стр. 99.

СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. Подпольная советская поэзия. РМ, 25 мая 1961.

* СТРУВЕ, Г. Итальянские образы и мотивы в поэзии Осипа Манделъштама. В сборн. *Study in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. G. Sansoni Editore, Roma, 1962, пр. 601—614.

СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О «полузапретной» литературе. РМ, 31 марта 1962.

СТРУВЕ, Г. О советском однотомнике Пастернака 1961 года. СБП, стр. 229.

СТРУВЕ, Г. Н. С. Гумилев. Жизнь и творчество. Вст. ст. в кн. Н. Гумилев. Собр. соч. в 4 тт., под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, изд. В. П. Камкина, Вш, 1962, стр. VIII, XLIV.

* СТРУВЕ, Г. Об одном стихотворении С. Соловьева. Мст, № 10, 1963, стр. 183—184.

* СТРУВЕ, Г. Осип Манделъштам о христианском искусстве. /Вст. заметка к фрагменту Манделъштама «Пушкин и Скрябин»/. РМ, 28 ноября 1963.

* СТРУВЕ, Г. Творческий путь Гумилева. Вст. ст. в кн. Н. Гумилев. Собр. соч. в 4 тт., т. 2, Вш, 1964, стр. XI, XVIII, XXXVIII—XXXIX. Там же, в примечаниях, стр. 329, 344.

- СТРУВЕ, Г. К биографии Н. Гумилева. В той же кн., стр. 354, 357.
- * СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. РМ, 26 октября 1965.
  - * СТРУВЕ, Г. /Вст. заметка в кн./ Е. М. Тагер. О Мандельштаме. НЖ, 1966, стр. 3, 5. Первон. НЖ, № 81, 1965, стр. 172, 174.
  - * СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О дате смерти О. Мандельштама. РМ, 24 февраля 1966.
- СТРУВЕ, Г. Примечания в кн. Н. Гумилев. Собр. соч. в 4 тт., т. 3, Вш, 1966, стр. 233, 305.
- СТРУВЕ, Г. /Автобиографическая справка/. Сд, стр. 545.
- СТРУВЕ, Г. Дневник писателя. Два стихотворения из России. РМ, 29 ноября 1966.
- СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. Гумилев в «Литературной Газете». РМ, 9 мая 1967.
- СТРУВЕ, Г. Дневник читателя. О четвертом томе «Краткой Литературной Энциклопедии». РМ, 3 августа 1967.
- СТРУВЕ, Г. Труды и дни Гумилева. В кн. Н. Гумилев. Собр. соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 4, изд. В. П. Камкина, Вш, 1968, стр. 550.
- СТРУВЕ, Г. Примечания в кн. Н. Гумилев. Собр. соч., т. 4, стр. 579, 580, 599, 604, 606, 612, 616, 631, 634.
- * СТРУВЕ, Г. и Б. ФИЛИПPOB. Письмо в редакцию. НРС, 9 ноября 1955.
  - * СТРУВЕ, Г. и Б. ФИЛИПPOB. Еще о сочинениях Мандельштама. Письмо в редакцию. НРС, 24 ноября 1955.
  - * СТРУВЕ, Г. и Б. ФИЛИПPOB. О рецензии Г. Иванова на собрание сочинений О. Мандельштама. НЖ, № 45, 1956, стр. 296—300.
  - * СТРУВЕ, Г. и Б. ФИЛИПPOB. Примечания к кн. А. Ахматова. Сочинения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 2. МЛС, 1968, стр. 381—382, 384, 395—411, 422—423, 430.
- СТРУВЕ, Н. Восемь часов с Анной Ахматовой. В той же кн., стр. 327, 333, 336, 337, 341, 345.
- * СТУКОВ, Г. Новое о судьбе О. Мандельштама. Мст, № 10, 1963, стр. 150—159.
  - * СТУКОВ, Г. Еще о судьбе Осипа Мандельштама. РМ, 5 февраля 1963.

- * СТУКОВ, Г. Неизвестное стихотворение Осипа Мандельштама. РМ, 21 февраля 1963.
- СТУКОВ, Г. Поэт-«тунеядец» Иосиф Бродский. Вст. ст. в кн. И. Бродский. Стихотворения и поэмы. МЛС, 1965, стр. 14.
- * СТУКОВ, Г. Вариант стихотворения О. Э. Мандельштама о Сталине. РМ, 6 марта 1965.
- СТЫКАЛИН, С., И. КРЕМЕНСКАЯ. Советская сатирическая печать. 1917—1963. Госполитиздат, 1963, стр. 303.
- СУМБАТОВ, В. «Гиперборей». В его кн. Стихотворения. Милан, 1957, стр. 31. Первон. ЛСА, 1954, стр. 146.
- СУРКОВ, А. Выступление на IV Всесоюзном совещании молодых писателей. «Комсомольская Правда», 9 мая 1963.

- * ТАГОР, Е. Нетленной мысли исповедник. Стихи, посвященные О. Мандельштаму. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 47.
- * ТАГЕР, Е. О М а н д е л ь ш т а м е. Воспоминания. Публикация и комментарии Г. П. Струве. НЙ, 1966, 30 стр. Первон. НЖ, № 81, 1965, стр. 172—199. Впервые два отрывка из воспоминаний, под назв. «Две записки» — ВПу, альм. IV, 1965, стр. 51—53, и, еще раньше, анонимно, в отрывках, в первом томе нашего изд. Мандельштама.
- * ТАГЕР, Е. Юмореска весенняя. Стихи. ВПу, альм. V, 1967, стр. 93.
- * ТАРАНОВСКИЙ, К. Стихосложение Осипа Мандельштама. (С 1908 по 1925 год). International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, V, 1962, pp. 97—125.
- ТАРАНОВСКИЙ, К. О взаимоотношении ритма и тематики. В сборн. "American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists (Sofia, 1963)", Mouton and Co. the Hague, 1964, p. 319.
- * ТАРАНОВСКИЙ, К. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама. В сборн. *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his 70 th birthday*, Mouton, the Hague-Paris, 1967, pp. 1973—1995.

- * ТАРАСЕНКОВ, А. «Египетская марка». /Рец./. НЛП, 1929, № 3, стр. 72.
- * ТАРАСЕНКОВ, А. Н. Берковский. Текущая литература. /Рец./. ПиР, 1930, № 1, стр. 79—80.
- * ТАРАСЕНКОВ, А. Мандельштам. ЛЭ, т. 6, 1932, столб. 756—759.
- * ТАРАСЕНКОВ, А. Графоманское косноязычие. Зн, 1935, № 1, стр. 192.
- * ТАРАСЕНКОВ, А. Русские поэты XX века: 1900—1955. Библиография. М, 1966, стр. 225.
- ТАРАСОВА, Н. Тринадцатый апостол. Г, № 19, 1953, стр. 80.
- /ТАРАСОВА, Н./ «Феникс» 1966. Сообщение журнала «Грани». Г, № 63, 1967, стр. 4, 6.
- * ТАРКОВСКИЙ, А. Поэт. Стихи. ДП 1965, стр. 196. И в кн. его: Земле-земное. Вторая книга стихов. СП, 1966, стр. 15—17.
- * ТАРСИС, В. Современные русские писатели. Под ред. И. Оксенова. СПЛе, 1930, стр. 130—131.
- ТАРТАК, И. Две новых антологии. /Рец./. НРС, 13 сентября 1953.
- ТВАРДОВСКИЙ, А. О поэзии Маршака. НМ, 1968, № 2, стр. 238.
- ТЕМИРЯЗЕВ, В. /Ю. Анненков/. Повесть о пустяках. Изд. «Петрополис», Б, 1964, стр. 194, 235.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О поэзии Заболоцкого. НРС, 18 ноября 1951.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Поэзия — ради поэзии. НРС, 10 февраля 1952.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О Блоке, о Гумилеве. НРС, 17 февраля 1952.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. О неизданных стихах Мандельштама. НРС, 4 января 1953.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Ответ на письма читателей. НРС, 15 февраля 1953.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Неизвестные в эмиграции стихи Осипа Мандельштама. Оп, № 1, 1953, стр. 31—33.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Встречи. ЧИ, 1953, стр. 11, 13—15, 18.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Возрождение», № 29, /Рец./. НРС, 26 октября 1953.

- ТЕРАПИАНО, Ю. «Грани». /Рец./. № 22 — НРС, 2 января 1955; № 31 — РМ, 12 января 1957.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. По поводу «Мыслей о русском футуризме» В. Маркова. НРС, 6 февраля 1955.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Три сборника стихов. /Рец./. НРС, 24 апреля 1955.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Две книги воспоминаний. /Рец./. НРС, 15 мая 1955.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Школа Гумилева. НРС, 2 октября 1955.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Осип Манделъштам. Рм, 19 ноября 1955.
- ТЕРАПИАНО, Ю. По поводу незамеченного поколения. НРС, 27 ноября 1955.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Александр Блок. РМ, 10 декабря 1955.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. «Опыты». /Рец./. № 6, РМ, 23 июня 1956; № 7, РМ, 16 февраля 1957.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. По поводу старого спора. РМ, 8 сентября 1956.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. «День поэзии» /Рец./. 1956, РМ, 9 февраля 1957; 1964, 3 апреля 1965.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О стилистике. НРС, 31 марта 1957.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О Блоке и Гумилеве. РМ, 7 сентября 1957.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Новые книги /рецензии/: РМ, 26 октября 1957; 15 марта, 7 июня 1958; 11 апреля, 3 октября 1964; 6 марта, 3 июля, 31 июля 1965; 12 марта, 23 июля, 28 июля 1966; 1 февраля 1968.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О зарубежной поэзии. 1920—1960 гг. Г, № 44, 1959, стр. 12; переизд. в кн. М у з а Д и а с п о р ы. Под ред. Ю. К. Терапиано. Псв, 1960, стр. 24.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Новый Журнал». /Рец./. № 59, РМ, 16 июля 1960; № 80, РМ, 20 ноября 1965; № 81, РМ, 12 февраля 1966; № 83, РМ, 16 июля 1966.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Осип Манделъштам. Г, № 50, 1961, стр. 102—122.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. «Воздушные Пути». /Рец./. Вып. II. Осип Манделъштам — РМ, 24 июня 1961; Вып. III — РМ, 3 и 10 августа 1963; Вып. IV — РМ, 18 сентября 1965.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Памяти Антонина Ладинского. РМ, 8 июля 1961.

- * ТЕРАПИАНО, Ю. «Мосты». /Рец./ Кн. 10, РМ, 23 марта 1963; кн. 11, РМ, 12 июня 1965; кн. 13-14, РМ, 13 февраля 1969.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Современник». /Рец./ № 8, РМ, 25 января 1964; № 9, РМ, 13 июня 1964.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Стихи «оттуда». РМ, 14 марта 1964.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Памяти Николая Оцупа. РМ, 21 марта 1964.
- ТЕРАПИАНО, Ю. К вечеру о трех поэтах. РМ, 1 мая 1965.
- ТЕРАПИАНО, Ю. О стихах Александра Кушнера. РМ, 17 июля 1965.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. «Успение» и «Девятнадцатый год...» — стихи, посвященные О. Мандельштаму, в кн. Ю. Терапиано. Паруса. «Русская Книга», Вш, 1965, стр. 8, 17.
- * ТЕРАПИАНО, Ю. Осип Мандельштам. Собр. соч., т. 1. /Рец./ РМ, 16 октября 1965.
- ТЕРАПИАНО, Ю. К. Д. Бальмонт. (К 100-летию со дня рождения). РМ, 25 января 1968. Также: Свр, № 17-18, 1968, стр. 104.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Трава забвения» (В. Катаев). /Рец./ 21 марта 1968.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Новый Журнал», кн. 91 (рец.). РМ, 1 августа 1968, стр. 8.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Н. Гумилев. Собрание сочинений. Том четвертый (рец.). РМ, 8 августа 1968.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Георгий Иванов (К 10-летию со дня смерти). РМ, 29 августа 1968, стр. 8.
- ТЕРАПИАНО, Ю. «Новый Журнал», кн. 92 (рец.). РМ, 5 декабря 1968, стр. 9.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Анна Ахматова. (Рец. на кн. Jeanne Rude. Anna Akhmatova. Avec un choix de poèmes... Paris, 1968) РМ, 26 декабря 1968.
- ТЕРАПИАНО, Ю. Анна Ахматова. Сочинения. Том 2. /Рец./ РМ, 20 марта 1969.
- * ТЕРРАС, В. «Грифельная ода» О. Мандельштама. НЖ, № 92, 1968, стр. 163—171.
- ТЕРЦ, А. /А. Синявский/. Что такое социалистический реализм? В его кн. Фантастический мир Абрама Терца. МЛС, 1967, стр. 441. Первон.

- (анонимно) и в переводе с перевода — Мст, № 2, 1959, стр. 298.
- ТИМОФЕЕВ, Л. Введение. В кн. История русской литературы. Т. 1. АН СССР, 1958, стр. 47. 2-е изд. — 1967, стр. 52.
- ТИМОФЕЕВ, Л. Советская литература. Метод. Силь. Поэтика. СП, 1964, стр. 164.
- ТИМОФЕЕВА, В. Язык поэта и время. Поэтический язык Маяковского. 1962, стр. 168—169.
- ТИМОФЕЕВА-ГАЛАНСКОВА, О. Открытое письмо в редакцию газеты «Комсомольская Правда». НРС, 23 ноября 1968.
- ТОЛСТОЙ, А. О драматургии. Доклад на Первом Всесоюзном съезде писателей. ГИХЛ, 1934, стр. 15.
- ТОЛСТОЙ, А. О литературе и войне. «Литература и Искусство», 5 декабря 1942.
- ТРИФОНОВА, Т. О самых маленьких, о самых важных. НЛП, 1929, № 11-12, стр. 67.
- ТРОЦКИЙ, И. Юлий Марголин. НРС, 6 мая 1964.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Отраженный свет. НРС, 12 ноября 1950.
- * ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Борис Пастернак и Осип Мандельштам. НРС, 4 февраля 1951.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Портреты современников. Игорь Чиннов. НРС, 20 сентября 1953.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Нищий принц. Повесть. В, № 34, 1954, стр. 70, 77.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Литературный НЭП. НРС, 30 января 1955.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Недооцененное поколение. НРС, 11 декабря 1955.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Из литературного дневника. НРС, 10 июня 1956; 27 октября 1957; 26 сентября, 21 ноября 1965; 27 февраля 1966; 16 апреля 1967.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Вячеслав Иванов на Кавказе. РМ, 20 февраля 1958.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Перечитывая... РМ, 19 февраля 1959.
- * ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Из записных книжек... Мст, № 2, 1959, стр. 415—416, 417.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Помраченный Парнас. НРС, 17 января 1960.

- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. 1920—1921 года. НРС, 7 июля 1960.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Александр Блок. НРС, 23 июля 1961.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Об Анне Ахматовой. РМ, 23 июня 1964, перепеч. НРС, 26 июня 1964.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. Из записных книжек. НРС, 30 мая 1965.
- ТРУБЕЦКОЙ, Ю. /Автобиографическая справка/. Сд, стр. 549.
- ТУРГЕНЕВА, А. По поводу «Института истории искусств». Мст, № 12, 1966, стр. 360.
- ТУРКОВ, А. Николай Заболоцкий. Вст. ст. в кн. Н. А. Заболоцкий. Стихотворения и поэмы. БП, бс, 1965, стр. 10.
- ТУРКОВ, А. Николай Заболоцкий. ГИХЛ, 1966, стр. 10, 19, 24, 66—67, 68—69, 78.
- ТУРКОВ, А. Библейские стихи. /Рец./. ИЛ, 1966, № 12, стр. 282.
- ТУРКОВ, А. Заслуженный успех (А. Македонов. Николай Заболоцкий. 1968; рец.). НМ, 1968, № 10, стр. 261.
- ТУРОВ, Н. Об Александре Блоке. НРС, 29 августа 1967.
- * ТХОРЖЕВСКИЙ, И. Русская литература. Два тома. Т. 2, Изд. «Возрождение», Пар. 1946, стр. 486—487, 2-е изд., 1950, стр. 485—486.
- ТЫНЯНОВ, Ю. Проблема стихотворного языка. Л, 1924, стр. 96.
- * ТЫНЯНОВ, Ю. Промежуток. В его кн. Архаисты и новаторы. Прб, 1929 /переизд. фотоспособом изд. Финк, Мн, 1967/, стр. 543, 558, 568—573. Первон. — только начало статьи — РС, 1924, № 4, стр. 221.
- ТЫНЯНОВ, Ю. Из записных книжек. НМ, 1966, № 8, стр. 132.
- УГРЮМОВ, А. О Максиме Горьком. НРС, 20 августа 1967.
- УЛЬЯНОВ, Н. Город славы и беды. НРС, 27 декабря 1953.
- УЛЬЯНОВ, Н. После Бунина. НЖ, № 36, 1954, стр. 144, 146.
- УЛЬЯНОВ, Н. О журналах. (Забывтый бог). НРС, 15 ноября 1959. Перепеч. в его кн. Диптих. НИ, 1967, стр. 83.
- УЛЬЯНОВ, Н. Д. Кленовский. НЖ, № 59, 1960, стр. 124.
- УЛЬЯНОВ, Н. Н. Оцуп. Жизнь и смерть. — Современники. — Литературные очерки. /Рец./. НЖ, № 66, 1961, стр. 287.

- УЛЬЯНОВ, Н. Шестая печать. ВПу, альм. IV, 1965, стр. 167, 175. Перепеч. в его кн. Д и п т и х. НЙ, 1967, стр. 132, 141.
- УЛЬЯНОВ, Н. Слезы блудного сына. /Рец./. НРС, 19 сентября 1965.
- УЛЬЯНОВ, Н. Мертвые города. РМ, 21 ноября 1968.
- УРБАН, А. Возвышение человека. Заметки о современной поэзии. ГИХЛ, 1968, стр. 101, 153.
- УСПЕНСКИЙ, Л. У лукоморья. З, 1966, № 9, стр. 153.
- УСТЮЖАНИН. Примечания к переписке М. Горького с А. Чапыгиным. В кн. Литературное Наследство. Т. 70, АН СССР, 1963, стр. 657.
- Ф., И. «Любимая Россия». РМ, 22 сентября 1956.
- * ФАТОВ, Н. Свиток, альм. З. /Рец./. ПиР, 1924, № 5, стр. 282.
- ФЕДИН, К. «Дом Искусств», № 1, /Рец./. КиР, 1921, № 8-9, стр. 86.
- ФЕДОРОВ, А. О современном переводе. З, 1929, № 9, стр. 192.
- ФЕДОТОВ, Г. О парижской поэзии. «Ковчег», НЙ, 1942, стр. 192, 193, 198,
- ФИЛИППОВ, Б. Петроград—Ленинград. Г, № 10, 1950, стр. 111.
- ФИЛИППОВ, Б. Две антологии. /Рец./. НЖ, № 31, 1952, стр. 323, 325—326.
- ФИЛИППОВ, Б. Неизданный Гумилев. /Рец./. НЖ, № 31, 1952, стр. 328, 329.
- ФИЛИППОВ, Б. Николай Клюев. Вст. ст. в кн. Н. Клюев. Полн. собр. соч. в 2-х тт. Редакция Б. Филиппова. ЧИ, 1954, т. 1, стр. 36, 51; т. 2 — Примечания, стр. 195.
- * ФИЛИПП, Б. «А небо будущим беременно...» Вст. ст. в кн. О. Мандельштам. Собр. соч. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. ЧИ, 1955, стр. 25—30.
- ФИЛИППОВ, Б. «Поэма без героя» Анны Ахматовой. Заметки. ВПу, альм. II, 1961, стр. 180.
- ФИЛИППОВ, Б. Русская потаенная муза. 1920—1960 гг. Вст. ст. в кн. Советская потаенная муза. Мн, 1961, стр. 6, 7, 8, 9.

- ФИЛИППОВ, Б. Чужие гнезда. В его кн. Полустанки. Вш, 1962, стр. 12.
- ФИЛИППОВ, Б. О социалистическом реализме. РМ, 11 июня 1963.
- ФИЛИППОВ, Б. Памяти Ариадны Владимировны Тырковой. Г, № 53, 1963, стр. 56.
- ФИЛИППОВ, Б. Давнее-недавнее. В его кн. Кочевья. Вш, 1964, стр. 34, 40, 46—47.
- ФИЛИППОВ, Б. Вместо предисловия. Вст. ст. в кн. А. Терц. Любимов. Вш, 1964, стр. 5, 7, 15.
- ФИЛИППОВ, Б. «Дом Искусств» и «Сумасшедший Корабль». Вст. ст. в кн. Ольга Форш. Сумасшедший Корабль. Повесть. МЛС, Вш, 1964, стр. 9—10, 10—11, 35, 38—39, 45.
- ФИЛИППОВ, Б. Путь поэта. Вст. ст. в кн. Н. Заболоцкий. Стихотворения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. МЛС, 1965, стр. XXX, XXXIII. В той же кн. Примечания, стр. 305, 318.
- ФИЛИППОВ, Б. Анна Ахматова. Вст. ст. в кн. А. Ахматова. Сочинения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, МЛС, 1965, стр. 20. Изд. 2-е, 1967, стр. 23.
- ФИЛИППОВ, Б. Перевиралы. РМ, 22 февраля 1966.
- ФИЛИППОВ, Б. Письмо в редакцию «Литературной Газеты». В кн. Н. Аржак. Говорит Москва. Повести и рассказы. МЛС, 1962, стр. 162.
- ФИЛИППОВ, Б. Поэма без героя. Вст. ст. в кн. А. Ахматова. Сочинения. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 2, МЛС, 1968, стр. 57, 60, 63, 65, 66.
- ФИЛОСОФОВ, Д. Акмеисты и М. П. Неведомский. Рч, 17 февраля 1913.
- * ФИШ, Г. Новые книги об Александре Блоке. КГ, 7 октября 1922.
- * ФИШ, Г. Дирижер Галкин в центре мира (о книге О. Мандельштама «Шум времени»), КГ, вечерн. вып., 30 июня 1925.
- Ф/отиев/, К. Последний свидетель Серебряного века. НД, 1959, № 1, стр. 165.
- ФРАНК, В. Мичиганский Пастернак. Мст, № 10, 1963, стр. 189.

- * ФРЕЙДИН, Ю. Заметки к изучению творчества О. Мандельштама. (Сводка реферата). В сборн.: Тартуский Гос. Университет. Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту, 1967 (ротаторное издание, тираж 100 экз.), стр. 87—90.
- Ж. «Поэты России» Ренато Поджиоли. /Рец./. Мст, № 8, 1961, стр. 333.
- ХАБАРОВ, И. Следует уточнить. ВЛ, 1967, № 6, стр. 197—198.
- ХАРДЖИЕВ, Н. Опыт научной библиографии стиха. (М. Штокмар, Библиография работ по стихосложению. 1933, Рец.). ЛК, 1934, № 9, стр. 198, 200.
- ХАРДЖИЕВ, Н. О рисунке А. Модильяни. ДП, 1967, стр. 252.
- ХАРДЖИЕВ, Н. Из материалов о Маяковском. ДП, 1968, стр. 158.
- * ХАРЛАП, М. О стихе. ГИХЛ, 1966, стр. 61—63.
- ХОВИН, Виктор. Модернизированный Адам. В кн. Недокопы. СПб, 1913, стр. 13.
- ХОДАСЕВИЧ, Валентина. Таким я знала Горького. НМ, 1968, № 3, стр. 13.
- * ХОДАСЕВИЧ, В. О новых книгах. («Камень». 1916. — Б. Садовский. Полдень. 1915. Рец.). «Утро России», 30 января 1916.
- * ХОДАСЕВИЧ, В. О Мандельштаме. «Дни», 1922, № 65.
- ХОДАСЕВИЧ, В. /Ответ на анкету «Литературной Недели» «Дней»/. «Дни», 30 октября 1927.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Литературная панорама. /Рец. на кн.: V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine. Paris, 1929/. Возр. /?/ апреля 1929.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Книги и люди. /Рец. на «Современные Записки», кн. 53/. Возр, 9 ноября 1933.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Книги и люди. /Рец. на кн.: Г. Иванов. Отплытие на остров Цитеру/. Возр, 29 мая 1937.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Некрополь. Изд. «Петрополис», Брюссель, 1939, стр. 128—129, 131—132.
- * ХОДАСЕВИЧ, В. «Дом Искусств». В его кн. Литературные статьи и воспоминания. ЧИ, 1954, стр. 403, 408—409.

- * ЦВЕТАЕВА, М. Никто ничего не отнял! /Стихи, посвященные О. Мандельштаму/. В ее кн. В е р с т ы. 1. М, 1922, стр. 10.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Ты запрокидываешь голову. /Стихи — О. Мандельштаму/. В ее кн. В е р с т ы, 1. М, 1922, стр. 12.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Откуда такая нежность? /Стихи — О. Мандельштаму/. «Альманах Муз», Пг, 1916, стр. 175.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Из рук моих — нерукотворный град. /Стихи — О. Мандельштаму/. СевЗ, 1917, № 1.
Все эти 4 стихотв. перепеч. в кн. Марина Цветаева. И з б р а н н ы е п р о и з в е д е н и я. БП, бс, 1965, стр. 74—75, 79.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Мои службы. В ее кн. П р о з а. ЧИ, 1953, стр. 125.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Живое о живом. В ее кн. П р о з а. ЧИ, 1953, стр. 192. Первон. СЗ, № 53, 1933.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Герой труда. В ее кн. П р о з а. ЧИ, 1953, стр. 248. Первон. ВР, 1925, № 11, стр. 311.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Нездешний вечер. В ее кн. П р о з а. ЧИ, 1953, стр. 279—280. Первон. СЗ, № 61, 1936, стр. 179—180.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Письма к Ю. П. Иваску (1933—1937). В кн. Р у с с к и й Л и т е р а т у р н ы й А р х и в. НЙ, 1956, стр. 211.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Письма к А. Бахраху. Мст, № 5, 1960, стр. 313, 316; № 6, 1961, стр. 329.
- * ЦВЕТАЕВА, М. История одного посвящения. Oxford, Slavonic Papers, XI, 1964, pp. 114—136. Опублик. затем: ЛА, 1966, № 1, стр. 52—69.
- * ЦВЕТАЕВА, М. Посмертный подарок. ВПу, альм. V, 1967, стр. 205—206.
- * ЦГАЛИ (Центральный Государственный Архив Литературы и Искусства). Путеводитель: Литература М, 1963, стр. 285. Также стр. 45, 362, 412, 489, 587, 591. (Опись архивных материалов Мандельштама и о нем).
- ЦЕХНОВИЦЕР, О. Л и т е р а т у р а и м и р о в а я в о й н а. 1914—1918. ГИХЛ, 1938, стр. 279.
- * ЦИНГОВАТОВ, В. Хамп. Золотоискатели в Вене. Пер.

- О. Манделъштама. /Рец./. «Вестник Книги», 1924, № 4-5, стр. 97.
- * Ч., С. Литературно-Художественный Альманах для Всех. /Рец./. РБЖ, 1925, № 4, стр. 169.
- ЧЕРНЯВСКИЙ, В. Встречи с Есениным. НМ, 1965, № 10, стр. 192.
- * ЧЕРНЯВСКИЙ, В. Первые шаги. В кн. В о с п о м и н а н и я о С е р г е е Е с е н и н е. Сборн. под ред. Ю. Прокушева. МР, 1965, стр. 141 (другая выборка из той же рукописи автора).
- ЧЕРТКОВ, Л. «Гиперборей». КЛЭ, т. 2, 1964, столб. 186.
- ЧЕРТКОВ, Л. Н. Степанов. Поэты и прозаики. 1966. /Рец./. З, 1967, № 2, стр. 222.
- ЧЕРТКОВ, Л. Одоевцева. КЛЭ, т. 5, 1968, столб. 398.
- * ЧИННОВ, И. Поздний Манделъштам. НЖ, № 88, 1967, стр. 125—137.
- ЧУКОВСКИЙ, К. Илья Репин. Впервые в его кн. И л ь я Р е п и н. Воспоминания. М—Л, 1936. Затем в его же книгах: С о в р е м е н н и к и. Портреты и этюды, М, 1963; то же, изд. 4-е, МлГв, 1967, стр. 574; с сокращениями — С о б р. с о ч. в 6 тт., т. 2, ГИХЛ, 1965, стр. 657.
- ЧУКОВСКИЙ, К. Зоценко. Впервые — «Москва», 1965, № 6; затем — в его книгах: С о в р е м е н н и к и. Портреты и этюды. Изд. 4-е, МлГв, 1967, стр. 441, 451; С о б р. с о ч. в 6 тт., т. 2, ГИХЛ, 1965, стр. 487, 504, 505.
- ЧУКОВСКИЙ, К. Что вспомнилось. В сборн. П р о м е т е й. МлГв, 1966, стр. 247.
- ЧУКОВСКИЙ, К. Пегги. «Спутник», М, 1967, № 11, стр. 63.
- ЧУКОВСКИЙ, К. Анна Ахматова. Впервые в его кн. С о в р е м е н н и к и. Портреты и этюды. Изд. 4-е, МлГв, 1967, стр. 299; затем — С о б р. с о ч. в 6 тт., т. 5, ГИХЛ, 1967, стр. 726.
- ЧУКОВСКИЙ, К. и А. ФЕДОРОВ. Искусство перевода. Ас, 1930, стр. 71, 209, 235.
- ЧУКОВСКИЙ, Н. О Николае Заболоцком. ДП, 1963, стр. 275; в расшир. ред. «Нева», 1965, № 9, стр. 189, 191.
- * ЧУКОВСКИЙ Н. Встречи с Манделъштамом. Мс, 1964, № 8, стр. 143—152, с портретом Манделъштама.

- * Ш/аховская/, З. И. Бушман. Поэтическое искусство Мандельштама. /Рец./ В, № 160, 1965, стр. 120—121.
- ШАЙКЕВИЧ, А. Петербургская богема. «Орион», Пар, 1947, стр. 136.
- * ШАЛАМОВ, В. Колымские рассказы. «Шерри-бренди». НЖ, № 91, 1968, стр. 5—8.
- * ШАМУРИН, Е. Основные течения в дореволюционной русской поэзии. Вст. ст. в кн. И. С. Ежов и Е. А. Шамурин. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символистов до наших дней. Изд. «Новая Москва», М, 1925, стр. XXVI—XXVII.
- ШВЕЙЦЕР, В. Этюды к портретам. Мс, 1964, № 2, стр. 194.
- * ШЕНГЕЛИ, Г. Практическое стиховедение. Книгоизд-во Писателей в Москве, 1923, стр. 18.
- * ШЕНГЕЛИ, Г. Техника стиха. Практическое стиховедение. СП, 1940, стр. 58, 87.
Изд. 2-е, переработанное, ГИХЛ, 1960, стр. 96, 121.
- ШИК, А. «Антология русской поэзии» Кати Грановой. РМ, 8 июля 1961.
- ШИК, А. Смерть Артура Лурье. РМ, 29 октября 1966.
- ШИРМАКОВ, П. К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти. В кн. Вопросы советской литературы. Т. 7. АН СССР, 1958, стр. 467.
- ШКЛОВСКИЙ, В. О поэзии и заумном языке. В кн. Поэтика. Сборн. по теории поэтического языка. /Сборн. 1/. П, 1919, стр. 22.
- ШКЛОВСКИЙ, В. Серапионовы братья. КУ, № 7, 1921, стр. 18.
- * ШКЛОВСКИЙ, В. Сентиментальное путешествие. Изд. «Атеней», Л, 1924, стр. 134, 136—137.
- * ШКЛОВСКИЙ, В. О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают. ЛГ, 17 июля 1932 /О «Путешествии в Армению»/.
- * ШКЛОВСКИЙ, В. Путь к сетке. ЛК, 1933, № 5, стр. 113—117.
- * ШКЛОВСКИЙ, В. Разговор с друзьями. (О формализме и кино). З, 1936, № 8, стр. 187.
- * ШКЛОВСКИЙ, В. Ж и л и - б ы л и. Мемуарные записки о

времени с конца XIX века по 1962 г. СП, 1964, стр. 76, 77.

ШКЛОВСКИЙ, В. Из воспоминаний. Ю, 1965, № 10, стр. 66.

ШКЛОВСКИЙ, В. Разнообразие форм или свое другое. ВЛ, 1968, № 1, стр. 176.

ШТЕЙГЕР, А. Письмо к З. А. Шаховской, 16 сентября 1935. В, № 195, 1968, стр. 82.

ШТЕЙГЕР, А. Ю. Иваск. Северный берег. 1938. /Рец./ «Круг», Пар, кн. 3, 1938, стр. 183.

Эйснер, А. В. Жирмунский. Вопросы теории литературы. /Рец./ ВР, 1929, № 10-11, стр. 208.

ЭЙХЕНБАУМ, Б. Вс. Рождественский. Лето. — Е. Полонская. Знамена. /Рец./ КУ, № 7, стр. 41, 1921.

* ЭЙХЕНБАУМ, Б. О Мандельштаме. /Тезисы к докладу/, 14 марта 1933. ДПЛ, 1967, стр. 167—168.

* ЭЙШИСКИНА, Н. Ф. Геллер. 1002 ночь. Пер. О. Мандельштама. /Рец./ ПиР, 1925, № 4, стр. 216.

ЭЛЬКАН, А. «Дом Искусств». РМ, 20 сентября 1956. В расшир. ред. Мст, № 5, 1960, стр. 289, 290.

* ЭМИН, Г. Семь песен об Армении. Песня о камне. ЛА, 1967, № 2, стр. 68, 70.

* ЭМИН, Г. /Вст. заметка к публикации Мандельштама/: «Путешествие в Армению». ЛА, 1967, № 3, стр. 82—83.

ЭРГ /Р. Гуль/. «Русская лирика». /Рец./ «Литературная Неделя», газ. Н, № 629, 18 мая 1924, стр. 6.

* ЭРГЕ /Р. Гринберг/. Осип Мандельштам в советской печати. НРС, 3 февраля 1963.

* ЭРЕНБУРГ, И. О некоторых признаках расцвета русской поэзии. РК, 1921, № 9, стр. 3, 5.

ЭРЕНБУРГ, И. /Вст. ст./. В кн. Поэзия революционной Москвы. Под ред. И. Эренбурга. Изд. «Мысль», Б, 1922, стр. 3.

* ЭРЕНБУРГ, И. „Tristia“. /Рец./ НРК, 1922, № 2, стр. 19.

ЭРЕНБУРГ, И. /О себе/ — в отделе «Писатели о себе». НРК, 1922, № 4, стр. 45.

ЭРЕНБУРГ, И. Н. Тихонов. Орда. /Рец./ НРК, 1922, № 7, стр. 11.

ЭРЕНБУРГ, И. Новая проза. НРК, 1922, № 9, стр. 2.

* ЭРЕНБУРГ, И. Портреты русских поэтов. Изд.

«Аргонавты», Б, 1922, стр. 102—105. 2-е изд.
«Первина», М, 1923, стр. 51—52.

- * ЭРЕНБУРГ, И. Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 9 тт., т. 8, ГИХЛ, 1966, стр. 15, 94, 119, 120, 244, 297, 307, 308, 310, 311—317, 319—322, 325—329, 429, 433, 457; т. 9, ГИХЛ, 1967, стр. 284, 380, 604, 703. Кн. 1-я и 2-я опубликованы до того отдельной книгой, СП, 1961, стр. 146, 188, 189, 390, 469, 474, 489—490, 492, 493, 495—504, 508—511, 517, 519, 521—523. Первон. опубл. НМ, 1960, № 9, стр. 104, 119, 120; 1961, № 1, стр. 106, 133, 139, 140, 141—144, 146, 147, 150, 151—152; № 9, стр. 106, 108; 1962, № 5, стр. 149; 1963, № 1, стр. 76. Перепеч. в сборн. «Русский антисемизм и евреи» (глава о Мандельштаме), Лондон, 1968, стр. 129—134.
- * ЭРЕНБУРГ, И. /Из неопубликованного и забытого. Вст. заметка к публикации стихов Мандельштама/. «Простор», Алма-Ата, 1965, № 4, стр. 58.
- ЭРЕНБУРГ, И. О Гийоме Аполлинере. Мс, 1965, № 7, стр. 155.
- ЭРИСТОВ, Г. /Автобиографическая справка/. Сд, стр. 555.
- * ЭТКИНД, Е. Поэзия и перевод. СП, 1963, стр. 104—106.
- ЭТКИНД, Е. О Э. Мандельштам. [Заметка] в кн. «Мастера русского стихотворного перевода». Кн. 2, БПбс, 1968, стр. 432.
- ЭТКИНД, М. Примечания. В кн. «Борис Михайлович Кустодиев. Письма. — Статьи, заметки, интервью. — Встречи и беседы с Кустодиевым. — Воспоминания о художнике». Изд. «Художник РСФСР», Л, 1967, стр. 272.
- * ЭФРОН, А. и А. СААКЯНЦ. Примечания в кн. Марина Цветаева. Избранные произведения. БП бс, 1965, стр. 733—734.
- ЮРАСОВ, С. Поэтическое мученичество. «Народная Правда», № 7—8, Пар, 1950, стр. 21.
- ЯКОБСОН, Р. О поколении, растратившем своих поэтов. В кн. Смерть Владимира Маяковского. Изд. «Петрополис», Б, 1931, стр. 9.
- Z. Проза поэта, ВР, 1929, № 2, стр. 163—164 /о «Египетской марке»/.

2 . ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА О МАНДЕЛЬШТАМЕ

Как и другие разделы нашей библиографии, настоящий не притязает на абсолютную полноту: многое могло ускользнуть от нашего внимания, литература на некоторых языках вообще не была нами обследована. За небольшими исключениями, интерес к Мандельштаму на Западе начал проявляться в самые последние годы, причем большой интерес налицо и в других странах и в коммунистической орбите — в Польше и в Югославии. Об этом интересе наша библиография и переводов и литературы о Мандельштаме дает почти наверное далеко не полное представление.

В нижеследующем перечне зарегистрированы все ставшие нам известными книги и статьи, в которых говорится о Мандельштаме или упоминается его имя. Книги, статьи и заметки, целиком посвященные Мандельштаму, отмечены звездочкой (это не относится, однако, к главам или пассажам о Мандельштаме в общих историях русской литературы или книгах и статьях на более общие темы, за исключением словарей и энциклопедий).

При ссылках на те или иные публикации нами были приняты следующие сокращения:

ASEER = *The American Slavic & East European Review* (U.S.A.).

BA = *Books Abroad* (U.S.A.).

CL = *Comparative Literature* (U.S.A.).

CMRS = *Cahiers du monde russe et soviétique* (Paris).

EO = *L'Europa Orientale* (Roma).

Hayward & Crowley = M. Hayward & E. Crowley (eds), *Soviet Literature in the Sixties*, New York & London, 1964.

Hayward & Labeledz (E) = M. Hayward & L. Labeledz (eds), *Literature and Revolution in Soviet Russia: 1917—1962*. London & New York, 1963.

Hayward & Labeledz (I) = M. Hayward & L. Labeledz (eds), *Letteratura e rivoluzione nell' URSS, (1917—1962)*, Milano, 1965.
IJSLP = *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*.

NL = *New Leader*, New York.

NYRB = *The New York Review of Books* (New York).

PrSov = *Problèmes soviétiques* (Munich).

RLSL = *Rivista di Letterature Slave* (Roma).

RR = *The Russian Review* (U.S.A.).

ScSL = *Scando-Slavica* (Kobenhavn).

SEEJ = *The Slavic & East European Journal* (U.S.A.).

SEER = *The Slavic & East European Review* (London).

SR = *Slavic Review* (U.S.A.).

TLS = *The Times Literary Supplement* (London).

Treadgold = Donald W. Treadgold (ed.), *The Development of the USSR: An Exchange of Views*, Seattle, 1964.

W = *Wiadomosci* (London).

Współ = *Współczesność* (Warszawa).

ZLit = *Życie literackie* (Krakow).

1. СТАТЬИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ И БИОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

* ANON. Mandelštam, Osip Emilyevich. *The Columbia Encyclopedia*, 2nd ed., New York, 1950, p. 1209.

* ANON. Mandelštam, Osip Emilievič. *Dizionario Enciclopedico Italiano*, vol. VII, 1957, p. 329.

* ANON. Mandel'stam, Osip Emilievič. *Dizionario universale della letteratura contemporanea*, vol. 3, Roma, 1961, p. 325.

ANON. *Acmeists*. В кн. *Encyclopedia of Russia and Soviet Union*. M. Florinsky (edit.), A. Donat (publ.), McGraw Hill, New York, 1961, p. 2.

* ANON. Mandelstam. *Ibid.*, p. 331.

* BLEKAITIS, Jurgis. Mandelstam. *Lietuviu Enciklopedija*, vol. 17. Boston, 1959, p. 223.

- * DOX, Georg. *Die russische Sowietliteratur. Namen. Daten. Werke.* Berlin, 1961, SS. 88—89.
- * GRIGSON, Geoffrey (ed.). *The Concise Encyclopaedia of Modern World Literature.* New York, 1963, pp. 24, 275—276.
- * HARKINS, William. *Dictionary of Russian Literature.* New York, 1956, pp. 1, 242.
- JOHANNET, J. Russe et Soviétique (Littérature). *Grand Larousse Encyclopédique en 10 volumes, Librairie Larousse, Paris, 1964, tome 9, p. 446.*
- * LAVRIN, Janko. Mandelstam. *Cassell's Encyclopaedia of World Literature, vol. II.* New York, 1954, p. 1903.
- * LETTENBAUER, W. Mandel'stam. *Lexikon der Weltliteratur.* Stuttgart, 1963, S. 860.
- LO GATTO, Ettore. Acmeisti. *Enciclopedia Italiana, Milano-Roma, vol 2, 1929, p. 45.*
- LO GATTO, Ettore. Russia: Letteratura. *Enciclopedia Italiana, Roma, vol. 30, 1936, p. 331.*
- * L/UNDQUIST/, S. G. Mandelstam, Osip Emiljevitj. *Svensk Uppslags Bok, Bd. 19, Malmo, 1951, col. 219—220.*
- M/arkov/, V. Russian Poetry. *Encyclopedia of Poetry and Poetics.* Alex Preminger (ed.), Princeton University Press, Princeton, N. J., 1965, p. 734.
- * MARKOV, Vladimir. Mandelstam, Osip Emiljewitsch. *Lexicon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert (Herder).* Bd. 2. Freiburg—Basel—Wien, 1961, col. 363—364.
- * MARKOV, Vladimir. Mandelstam, Osip Emiljewitsch. *Kleines Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert (Herder Taschenbuch).* Freiburg—Basel—Wien, 1964, SS. 226—227.
- * MAV/ER/, A. Mandel'stam, Osip Emilievič. *Enciclopedia Italiana. Appendice 1949—1960, p. 24.*
- MIRSKY, D. S. Russian Literature. *Encyclopedia Britannica, 14th edn. (1949), vol. 19, p. 763.*
- * RANNIT, Aleksis. Mandel'stam. *Der Neue Herder.* Freiburg, 1949, SS. 2591—2592.
- RANNIT, Aleksis. Russische Literatur. *Der Neue Herder, Freiburg, 1949, S. 3688.*
- * ST/ENDER/-P/ETERSEN/, A. Mandel'stam, Osip. *Den Lille Salmonsens, Bd. VIII. Kobenhavn, 1939, S. 119.*

- S/TRUVE/, G. Russian Literature. *Chambers's Encyclopedia*. New edn., vol. XII, 1964, p. 101.
- STRUVE, Gleb. Russische Literatur. *Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert* (Herder). Bd. 2, Freiburg—Basel—Wien, 1960, SS. 813, 816.
- STRUVE, GLEB, Russian Literature. *Collier's Encyclopedia*, vol. 20, 1964, p. 301.
- YURIEFF, Zoya. Literature. *Encyclopedia of Russia and Soviet Union*, M. Florinsky (edit.), A. Donat (publ.), McGraw Hill, New York, 1961, p. 318.

2. ПРЕДИСЛОВИЯ, ПОСЛЕСЛОВИЯ, ПРИМЕЧАНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАНДЕЛЬШТАМА

- * BROWN, Clarence. Introduction and Notes to *The Prose of Osip Mandel'stam*. Princeton, N. J., 1965, pp. V, VII—VIII, 3—65, 191—201. Second Ed. — 1967, pp. V, VII—VIII, 3—65, 191—201.
  - * BROWN, Clarence. Mandelstam's Acmeist Manifesto. *RR*, XXIV, # 1 (January 1965), p. 46.
  - * CELAN, Paul. Notiz. O. Mandel'stam. *Gedichte*. Frankfurt/M., 1959, SS. 65—66.
- НИКОЛИЧ, Милица. Осип Манделъштам в кн. Шум в р е м е н а. Београд, 1962, стр. 277—290.
- * RIPELLINO, A. M. Note sulla prosa di Mandel'stam. *Presentazione /в кн./ Osip Mandelstam. La Quarta Prosa. Edizione "Rapporti" De Donato, Bari, 1967, pp. 7—15.*

3. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ И ПРИМЕЧАНИЯ В АНТОЛОГИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАНДЕЛЬШТАМА

- * COXWELL, C. Fillingham. /A Note on M./Russian Poems Translated with Notes. London, 1929, p. 302.
- * GRANOFF, Katia. Anthologie de la poésie russe du XVIII-e siècle à nos jours. Paris, 1961, pp. 467—468.

- JAKOBSON, Roman. Notes préliminaires sur les voies de la poésie russe. Introduction — *La Poésie Russe*. Edition bilingue. Anthologie réunie et publiée par Elsa Triolet. Paris, 1965, p. 24.
- * MARKOV, V. On Modern Russian Poetry. *Modern Russian Poetry*. Indianapolis—Kansas City—New York, 1967, pp. X, XI, XII, XVII, XXX.
- * OBOLENSKY, D. Introduction to *The Penguin Book of Russian Verse*. London, 1962, pp. XXV, XLVI—XLVII.
- * POGGIOLI, Renato. *Il Fiore del verso russo*. Torino, 1949; 2. ed. 1961 (Biblioteca moderna Mondadori), pp. 165, 170, 176—180, 449—450.
- * RAĪS, Emmanuel et Jacques ROBERT. *Anthologie de la poésie russe du XVIIIe siècle à nos jours*. Paris, 1947, pp. 16, 267.
- * RIPELLINO, Angelo Maria. *Poesia russa del Novecento*. Versioni, saggio introduttivo, profili bibliografici a cura di A. M. Ripellino. Parma, 1954, pp. XLIII—XLIV, 552—553, 581—582.
- TRIOLET, Elsa. *La Poésie Russe*. Edition bilingue. Anthologie réunie et publiée sous la direction de Elsa Triolet, Paris, 1965, pp. 11, 319.
- * YARMOLINSKY, Avrahm. *A Treasury of Russian Verse*. New York, 1946, pp. 13, 18, 294.
- * YARMOLINSKY, Avrahm. *An Anthology of Russian Verse: 1812—1960*. Garden City, N. Y., 1962.

4. КНИГИ И СТАТЬИ О МАНДЕЛЬШТАМЕ ИЛИ УПОМИНАНИЯ ЕГО ИМЕНИ В КНИГАХ

- * ALEXANDROVA, Vera. *A History of Soviet Literature: 1917—1962*. From Gorky to Evtushenko. Garden City, NY, 1963, pp. 26, 122, 163.
- BEHN, Noel. *The Kremlin Letter*, New York, 1967, p. 194.
- * BENNO, Peter. The Political Aspect. In *Hayward & Crowley*, pp. 179—182.
- * BILLINGTON, James H. *The Icon and the Axe*. New York, 1966, pp. 370, 535, 744.

- BLAKE, Patricia. Introduction to *Half-Way to the Moon*. New Writing from Russia. Ed. P. Blake & M. Hayward. New York, 1964, p. 37.
- BROWN, Edward J. *Russian Literature Since the Revolution*. London, 1963, p. 298.
- * BURGI, Richard. *A History of the Russian Hexameter*. New Haven, Conn, 1954, pp. 64, 186.
- * CARLISLE, OLGA A. *Des Voix dans la neige*. Préface de Claude Bourdet. Paris, 1964.
- * CARLISLE, Olga A. *Voices in the Snow: Encounters with Russian Writers*. New York, 1964.
- CONQUEST, Robert. *Courage of Genius: The Pasternak Affair*. London, 1961, pp. 20, 36. Philadelphia & New York, 1962.
- CORBET, Charles. *La Littérature russe*. Paris, 1951, p. 178.
- EHRENBURG, I. *Memoirs: 1921—1941*. Cleveland & New York, 1964. Pp. 38, 43, 69, 422.
- ERLICH, Victor. *Russian Formalism: History — Doctrine*. The Hague, 1955, pp. 23, 232; 2nd Ed. London, The Hague, Paris, 1965, pp. 41, 265.
- * ERLICH, Victor. *The Double Image: Concepts of the Poet in Slavic Literatures*. Baltimore, Md., 1964, pp. 14, 15, 97, 153.
- ERMOLAEV, Herman. *Soviet Literary Theories, 1917—1934. The Genesis of Socialist Realism*. Berkeley & Los Angeles, 1963, p. 176.
- GUENTHER, Johannes von. *Anmerkungen in Russland erzählt*. Frankfurt/M., 1959, S. 206.
- * GUENTHER, Johannes von. *Die Literatur Russlands*. Stuttgart, 1964, SS. 163, 181, 183, 185, 217.
- * GUENTHER, Johannes von. *Von Russland will ich erzählen*. Der dramatische Lebenslauf der russischen Literatur. Südwest Verlag, München, 1968, SS. 141, 159, 161—162, 195, 202, 203.
- HAYWARD, Max (ed.). *On Trial: The Soviet State versus "Abram Tertz" and "Nikolai Arzhak"*. Trans. with an introduction by Max Hayward. New York, Evanston, London, 1966, pp. 107, 144, 151.
- * HOLTHUSEN, Johannes. *Russische Gegenwartsliteratur*. I: 1890—1940. Die literarische Avantgarde. Bern u. München, 1963, SS. 81, 87—89, 90, 155.

- * IVERSON, Anna Mary. *Proust et Mandel'stam à la recherche du temps perdu: rapprochement des méthodes employées par ces deux écrivains dans leurs oeuvres.* Vancouver, University of British Columbia, 1963, 118 pp. /Диссертация/.
- * KARLINSKY, Simon. *Marina Cvetaeva: Her Life and Art.* Berkeley and Los Angeles, 1966, pp. 3, 6, 7, 38—40, 71, 74, 81, 84, 87, 94, 112, 115, 117, 125, 126, 155, 171, 182, 183, 204, 286, 288.
- * KAUN, Alexander. *Soviet Poets and Poetry.* Berkeley & Los Angeles, 1943, pp. 7—8.
- KEMBALL, ROBIN. *Alexander Blok: A Study in Rhythm and Metre.* The Hague, 1965, p. 275.
- * KUŁAKOWSKI, S. *Piecdziesi t lat literatury rosyjskiej: 1884—1934.* Warszawa, 1939, pp. 190, 191, 217, 301, 348, 393.
- LAQUEUR, Walter Z. & George LICHHEIM (eds.). *The Soviet Cultural Scene: 1956—1957.* New York & London, 1958, p. 52.
- * LO GATTO, Ettore. *Storia della letteratura russa.* Vol. V, Roma, 1929.
- * LO GATTO, Ettore. *Storia della letteratura russa.* G. S. Sansovini Editore, Firenze, 1950, p. 467.
- * LO GATTO, Ettore. *Storia della letteratura russa contemporanea.* Milano, 1958.
- * LO GATTO, Ettore. *Il mito di Pietroburgo.* Storia, leggenda, poesia. Feltrinelli Editore, Milano, 1960, pp. 220, 221, 231, 252—53, 277, 279.
- * LO GATTO, Ettore. Presentazione in *Anna Achmatova.* A cura di Raissa Naldi. Presentazione di Ettore Lo Gatto. Milano, 1962, pp. 20, 23, 26, 53.
- * LO GATTO, Ettore. *Histoire de la littérature russe des origines à nos jours.* Paris, 1965, pp. 660, 661—662, 873, 883, 884.
- * LO GATTO, Ettore. *La letteratura Russo-Sovietica.* (Le Letterature del mondo). Sansoni-Accademia, Firenze—Milano, 1968, pp. 56—57, 161, 283, 457, 469, 471, 492, 506.
- * LOURIE, Arthur. *Profanation et santification du temps.* Paris, 1966.

- LUTHER, Arthur. *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig, 1924, SS. LX, 5, 440.
- MAGIDOFF, Robert. *A Guide to Russian Literature Against the Background of Russia's General Cultural Development*. New York University Press, New York, 1964, pp. 39, 50.
- MAILAG, Guy de. *Boris Pasternak, (Classiques du XX-e siècle)*. Paris, 1963, pp. 81—82.
- * MARKOV, Vladimir. *The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley & Los Angeles, 1962, pp. 5, 8, 13, 23, 24, 36, 38, 59, 68, 112, 220.
- MASLENIKOV, O. Russian Literature from 1880 to 1917. В КН. *A Handbook of Slavic Studies*, ed. by L. Strakhovsky. Cambridge., Mass., 1949, p. 446.
- McLEAN, Hugh. The Development of Modern Russian Literature & Reply, in *Treadgold . . .* pp. 95, 120.
- MATHEWSON, Rufus W., Jr. Russian Literature and the West, in *Treadgold . . .*, p. 106.
- MEISTER, Robert (ed.). *Bescheidenheit und Kühnheit*, Zürich, 1959.
- * MESSINA, Giuseppe. *La letteratura sovietica*. Le Monier, Firenze, 1950, pp. 13, 15, 60, 108, 111.
- MIHAJLOV, Mihajlo. Evgeny Zamyatin: The Chagall of Russian Literature. In the book: *Russian Themes*. Transl. by Marija Mihajlov. Farrar, Straus and Giroux, New York, 1968, p. 296.
- MIRSKY, D. S. *Modern Russian Literature*. Oxford University Press, London, 1925, p. 110.
- * MIRSKY, D. S. *Contemporary Russian Literature: 1881—1925*. Routledge and Sons, London & New York, 1926, pp. 256, 259—260, 269, 275, 278, 357, 363.
- MIRSKY, D. S. Introduction to: C. F. Coxwell, *Russian Poems* (London, 1929), p. 21.
- * MIRSKY, D. S. *A History of Russian Literature* (comprising *A History of Russian Literature and Contemporary Russian Literature*, edited and abridged by Francis J. Whitfield), ed. Knopf, New York, 1949, pp. XII, 487, 490, 498, 501.
- MUCHNIC, Helen. *From Gorky to Pasternak: Six Writers in Soviet Russia*. New York, 1961, p. 428.

- * MUCHNIC, Helen. Literature in the NEP period, in *Hayward & Labeledz* (E). pp. 29, 41, 42.
- * MUCHNIC, Helen. La letteratura durante in periodo della NEP, in *Hayward & Labeledz* (I.), pp. 64, 79.
- NAGEL. *Travel Guide to the U.S.S.R.* New York, 1965, p. 65.
- NILSSON, Nils Å. *Sovjetrysk litteratur, 1917—1947.* Stockholm, 1948, p. 23.
- * NILSSON, Nils Å. The Dead Bees. *Orbis Scriptus.* Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. 1966.
- * NILSSON, Nils Å. Ship Metaphors in Mandel'stam's Poetry. *To Honor Roman Jakobson: Essay on the Occasion of His Seventieth Birthday.* s'Gravenhage, 1967, pp. 1438—1439.
- PAYNE, Robert. *The Three Worlds of Boris Pasternak.* New York, 1961, p. 149.
- * POGGIOLI, Renato. *Commento a Mandelstam,* в кн. *Pietre di paragone.* Firenze, 1939, pp. 113—132 /первоначально в *Circoli* (Genova), 1931/.
- * POGGIOLI, Renato. *The Poets of Russia: 1890—1930.* Cambridge, Mass., 1960, pp. XIV, 68, 236, 297, 304—305, 308—313.
- * POLLAK, Seweryn. *Wyprawy za trzy morza. Szkice o literaturze rosyjskiej.* Warszawa, 1962, pp. 90—91, 110.
- POLLAK, Seweryn. Wakans dla poety. Rzecz o Borysie Pasternaku. *Współ.* # 4/108, 16/28-II-1962, str. 9.
- POLLAK, Seweryn. Wstęp do: Anna Achmatowa, *Poezje.* Warszawa, 1964, p. 27.
- POLLAK, Seweryn. Notatki o poezji Borysa Pasternaka. В кн.: В. Pasternak. *Poezie.* Warszawa, 1962, str. 22—23.
- POLLAK, Seweryn. Wstęp do: Maryna C w i e t a j e w a. *Poezje.* Opracował i wstępem opatrzył S. Pollak. Warszawa, PIW, 1968, str. 5, 9, 15, 19—21, 24, 26.
- * POZNER, Wladimir. *Panorama de la littérature russe contemporaine.* Paris, 1929, pp. 225, 232, 234, 242, 257, 260—265, 288, 324, 326.
- PROYART, Jacqueline de. *Pasternak.* Paris, 1964, p. 27.
- RANNIT, Aleksis. Anna Akhmatova Considered in a Context of Art Nouveau. В кн.: Анна Ахматова. *Сочинения.* Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 2, МЛС, 1968, стр. 22.

- REAVEY, George. *Soviet Literature Today*. London, 1946, p. 153, New Haven, Conn., 1947.
- REEVE, F. D. *Aleksandr Blok: Between Image and Idea*. New York & London, 1962, pp. 14, 251.
- * RIPELLINO, A. M. Introduzione, Boris Pasternak, *Poesie*. Torino, 1957, pp. 16, 18, 21—22, 28, 30, 32—33.
- * RIPELLINO, A. M. Tentativo di esplorazione del continente Chlěbnikov. Вст. ст. в кн.: *Poesie di Chlěbnikov*. Torino, Einaudi, 1968, pp. XXIV, XXXIV, XLVII, LIII, LIV, LIX, LXXVI, LXXXVII, LXXXVIII, XCI; и "Congretture sui testi" (ibid.): pp. 213, 221, 240, 244.
- * RONEN, Omry. Mandel'stam's К а щ е й. In the book: *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*. Slavica Publishers, Inc. Cambridge, Mass., 1967, pp. 252—264 (стеклогр.).
- * RUDE, Jeanne. *Anna Akhmatova*. Avec un choix des poèmes, soixante illustrations. Editions Pierre Seghers, Paris, 1968.
- RUGE, Gerd. *Pasternak. Eine Bildbiographie*. München, 1958, S. 73.
- SCOTT, J. *The Soviet World. Growth, Disintegration and Reform. A Report to the Publisher of Time Inc.*, New York, 1960, p. 68.
- SCHAKOVSKOY, Zinaïda. *Ma Russie habillée en URSS*. Paris, 1958, p. 169.
- SCHAKOVSKOY, Zinaïda. *The Privilege Was Mine*. London & New York, 1959, p. 199.
- * SETSCHKAREFF /SETCHKAREV/, Vsevolod. *Geschichte der russischen Literatur im Überblick*. Bonn, 1949, SS. 129, 149.
- * SETSCHKAREFF /SETCHKAREV/, Vsevolod. *Geschichte der russischen Literatur*. Stuttgart, 1962, SS. 139—140, 148, 181.
- SETSCHKAREFF /SETCHKAREV/, Vsevolod. *Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij*. The Hague, 1963, pp. 5, 56.
- SIMMONS, Ernest J. *An Outline of Modern Russian Literature (1880—1940)*. Ithaca, N. Y., 1943, p. 36.
- SIMMONS, Ernest J. *Soviet Russian Literature в кн.: A. Hand-*

book of Slavic Studies. Cambridge, Mass., 1949, p. 537.

- SLONIM, Marc. *The New Spirit in Russian Literature*. В кн.: G. Reavey & M. Slonim, *Soviet Literature. An Anthology* (London, 1933): New York, 1934, p. 15.
- * SLONIM, Marc. *Modern Russian Literature. From Chekhov to the Present*. New York, pp. X, 102, 217,—219, 280, 404.
- * SLONIM, Marc. *An Outline of Russian Literature*. New York & London, 1958, pp. 189—190.
- * SLONIM, Marc. *Soviet Russian Literature: Writers and Problems*. New York, 1964, pp. 52, 217, 252, 301.
- * SLONIM, Marc. *Soviet Russian Literature, Writers and Problems: 1917—1967*. New York, 1967, pp. 52, 217, 252, 301, 333.
- SPIEWAK, Jan. *Wstęp do: Wielemir Chlebnikow. Poezje*. Warszawa, 1963, str. 5.
- * STENDER-PETERSEN, A. *Geschichte der russischen Literatur*. Bd. II, München, 1957.
- * STRAKHOVSKY, Leonid. *Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam*. Cambridge, Mass., 1949, pp. III, L, 25, 83—97.
- * STRUVE, Gleb. *Soviet Russian Literature*. London, 1935, pp. X, 2, 169, 181—182.
- * STRUVE, Gleb. *Twenty-Five Years of Soviet Russian Literature*. London, 1944, pp. XIV, 2, 169, 181—182, 276.
- * STRUVE, Gleb. *Histoire de la littérature soviétique*. Paris, pp. 18, 26, 187, 199, 289, 303, 335.
- * STRUVE, Gleb. *Soviet Russian Literature: 1917—1950*. Norman, Okla., 1951, pp. 4, 6, 171, 177—179, 186.
- * STRUVE, Gleb. *Geschichte der Sowjetliteratur*. München, 1957, SS. 14, 16, 18, 19, 35, 91, 210, 217—220, 228, 253, 487, 514, 515, 519, 520; 1964 Taschenausgabe: SS. 17, 20, 37, 98, 225, 233—236, 244, 271, 543, 553, 554.
- * STRUVE, Gleb. *The Transition from Russian to Soviet Literature*, in *Hayward & Labeledz (E)*, pp. 12, 16, 17, 18, 25.
- * STRUVE, Gleb. *Il passaggio della letteratura russa a quella*

sovietica, in *Hayward & Labeledz (I.)*, pp. 35, 47, 48, 49, 50.

STRUVE, Gleb. Anna Akhmatova. В кн. Анна Ахматова, Сочинения, т. 1, 1965, стр. 13.

* TRZNADEL, J. *Twórczość Leśmiana*. Warszawa, 1964, pp. 30, 41, 142.

WILCZKOWSKY, Cyrille. *Ecrivains soviétiques*. Paris, 1946, pp. 129, 144.

WOROSZYLSKY, Wiktor. *Życie Majakowskiego*. Warszawa, 1965, str. 373, 394, 395.

* ZAVALISHIN, V. *Early Soviet Writers*. New York, 1958, pp. 41, 50—56, 69.

* ZHDANOV, A. A. *Essays on Literature*. Philosophy and Science. New York.

* ZVETEREMICH, Pietro. *La letteratura russa. Itinerario da Pusckin all'Ottobre*. Roma, 1953, pp. 489—490, 514.

5. СТАТЬИ О МАНДЕЛЬШТАМЕ ИЛИ С УПОМИНАНИЕМ ЕГО ИМЕНИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

* AIGARS, Peteris. Osip Mandelshtam. Collected Works; Vols. I and II, 1964, 1966 (Рец.), *Bulletin of Selected Books*, UNESCO and International PEN, London, # 1, 1968, pp. 24—27.

* АХМАТОВА, Anna. A Portrait of Mandelstam. Adapted by Olga Carlisle. *NYRB*, 23. XII. 1965.

ANON. Soviet Poetry *TLS*, 30-V-1958, pp. 289—291. /Сводная рецензия на несколько изданий, в том числе Собр. соч. М. 1955 г. и «Приглушенные голоса» В. Маркова/.

* ANON. /R. VLACH/. A Homage to Dante. Preface /to special issue of *BA*, May, 1965/, pp. 4, 5.

* ANON. Moscou rend hommage a Mandelstam. *Poésie vivante* (Geneve), juin-juillet 1965.

* ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'stam*. Trans. and Introduced by Clarence Brown, 1965. *Virginia Kirkus Bulletin*, August 1, 1965.

- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . The Anderson College Alumni News*. September—October 1965.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Advance*, Staten Island, December 1, 1965.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Sun*, Jackson (Tenn.), December 5, 1965.
- * ANON. Wild Parabolas. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Newsweek*, January 3, 1966, p. 58.
- * ANON. A Raspberry in Stalin's Mouth. *Time*, January 7, 1966, pp. 90—92.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Book-buyer's Guide*. Hillside, N. J., January 1966.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . The Times*. London, 20, 1966.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . New World Review*, February 1966, p. 66.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Virginia Quarterly*, I, XIV (Spring 1966).
- ANON. Russian Publishing in the West . . . *SEEJ*, Spring 1966, vol X, # 1, p. 248.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Choice*, Chicago, April 1966.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Book Review Digest*, New York, May 1966.
- ANON. Хроника. *SEEJ*, Summer 1966, vol. X, # 2, p. 248.
- ANON. Anna Akhmatova. *TLS*, June 9, 1966, pp. 505, 506.
- * ANON. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam . . . Library Journal*, New York, January 15, 1967, p. 387.
- * ANON. Mandel'shtam and Zabolotsky — Two Russian Rediscoveries, *TLS*, May 11, 1967.
- ANON. Brief Chronicle of Literary Events; *SL*, 1967, # 11, pp. 178, 180.
- BAYLEY, John. "Again in Petersburg . . ." *The Listener*, London, March 17, 1966.
- * BERLIN, Isaiah. Osip Mandel'shtam. *NYRB*, December 23, 1965.
- BLAKE, Patricia. New Voices in Russian Writing. *Encounter* (London), April 1963, p. 38.

- BRISTOL, Evelyn. Rev. of T. J. Binyon, ed. *A Soviet Verse Reader*. *SEEJ*, X, # 4 (1966), p. 480.
- BROWN, Clarence. Rev. of V. Erlich, *The Double Image* (1964), *RR*, XXIII, # 4 (1964), p. 406.
- BROWN, Clarence. Vladimir Ognev. comp. "Во весь голос: Soviet Poetry". Progress (Rev.). *SEEJ* Vol. 11, # 2, (1967), pp. 228, 229.
- * BROWN, Clarence. Into Heart of Darkness: Mandel'stam's Ode to Stalin, *SR*, December 1967, pp. 584—604.
- * BROWN, Clarence. Mandel'stam's Notes Towards a Supreme Fiction. *Delos*. A Journal on and of Translation. Austin, Texas, 1968, # 1, pp. 32—48.
- * BURGESS, Anthony. Poet and Victim in Russia. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'stam... The Manchester Guardian Weekly*, Jan. 13, 1965, p. 11.
- * CARLISLE, Olga Andreyev. A Note on Mandel'stam. *The Atlantic Monthly*, June 1963, p. 63.
- * CARLISLE, Olga Andreyev. St. Peterbourg, mon amour (The Prose of Osip Mandel'stam, translated, with a critical essay, by Clarence Brown). "Washington Post", *Book Week*, January 9, 1966, pp. 5, 19; *Herald Tribune*, *Book Week*, January 9, 1966.
- CARNE-ROSS, D. S. Conversation with Robert Lowell. *Delos*. A Journal on and of Translation, Austin, Texas, 1968, # 1, p. 171.
- CARNE-ROSS, D. S. Translation: Some Myths for its Making, 1968, # 1, p. 212.
- * CHUKOVSKY, Nikolai. Meetings with Mandel'stam. Transl. by Andrew Field. *NL*, December 6, 1965, p. 14—17.
- ČUKOVSKIJ, Nikolai. Setkáni s Mandel'stamem. *Světová Literatura* (Praha), 1965, # 3, str. 167—171.
- CREEKMORE, Hubert. Literature in the U.S.S.R. *The Nation*, October 20, 1951 /Rev. of G. Struve, *Soviet Russian Literature: 1917—1950/*.
- CZAPSKI, Josef. Czarny Kamien. *Kultura*, Paris, 1966, # (222), str. 123.
- DALTON, Margaret. Николай Заболоцкий. Стихотворения. Изд. ILLA под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова (Рец.). *SEEJ*, Summer 1966, Vol. X, # 2, p. 215.
- * DANĚK Václav, Osip Mandel'stam. *Světová Literatura*, (Praha), 1965, # 3, str. 172—173.

- * DAVENPORT, Gui. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'shtam... The National Review*, February 1966, p. 119.
- DEUTSCH, Babette. Three Russian Poets. Rev. of L. Strakhov-sky, *Craftsmen of the Word*. NYTBR, August 28, 1949.
- DUNHAM, Vera S. Poems About Poems: Notes on Recent Soviet Poetry. SR, XXIV, # 1 (March 1965), p. 76.
- E. O. Osip Mandelstam. *Literární Noviny* (Praha), January 15, 1966.
- EDGERTON, William. The Serapion Brothers: An Early Soviet Controversy. ASEER, VIII (1949), #1, p. 48.
- ERENBURG, E. /Ilya/. La Poésie et la Révolution. *Signaux de France et de Belgique*, 1921, # 4.
- ERLICH, Victor. Russian Poets in Search of Poetics. CL, VI, # 1 (Winter 1952), p. 64.
- * FANGER, Donald. Posthumously Rehabilitated. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam*. *The Nation*. January 10, 1966, pp. 46—47.
- * FEHER, Pál. Mandelstam mai szemmel. Születésének hetvenötödik évfordulójára. Elet és Iradalom, vol. X, # 3, (January 15, 1966).
- * FIELD, Andrew. Prayer in the Soviet Night. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam*. NL, December 6,, 1965, pp. 11—13.
- FIELD, Andrew. Soviet Frostbite. *The Washington Post*. *Book Week*, February 26, 1967, p. 22.
- FOLEJEWSKI, Z. Rev. of Анна Ахматова. Сочинения, т 1. SEEJ, X, # 3, (1966), p. 341.
- FRANK, Victor. Bending Letters to Ideology. *Tablet* (London), February 10, 1945 /Rev. of G. Struve. *25 Years of Soviet Russian Literature*/.
- FRANK, Victor. Anna Akhmatowa. *Survey*, # 60, July 1966, pp. 93, 94, 95, 96.
- FREEDMAN, Richard. The Case of Comrade Kataew. *The Washington Post*. *Book Week*, July 9, 1967.
- FRIEDBERG, Maurice. Vozdushnye Puti, III and IV (Рец.). RR, Vol. 24, # 4, 1965, p. 305.
- * GRZENIEWSKI, L. Rosyjski poeta warszawiakiem s urodzenia. *Stolica*, 1960, # 6.

- GOULD, Herbert. Vladimir Nabokov. An Interview. *The Paris Review*, # 41, Summer-Fall 1967, p. 99.
- * HEINEY, Donald. Haunted Tales of a Russian Surrealist. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam*. *The Christian Science Monitor*, February 10, 1966.
- * HIPPISEY, Anthony. Osip Mandel'shtam. *Sobranie Sočinenij*. II, 1966 (Рец.). *BA*, January 1968, p. 152.
- IVASK, George. Literary Archives of Russian Emigrés. *SEEJ*, XVII (1959), p. 137.
- * IVASK, George. Osip Mandel'shtam /Mimeographed Publication, Seattle, 1964, 32 pp./.
- IVASK, George. Rev. of *Pages from Tarusa*. *RR*, XXIII, # 3, (July 1964), p. 284.
- * IVASK, George. North and South: Some Reflections on Russian Culture. *RR*, XXIV, # 3 (July 1965), pp. 242—244.
- * IVASK, George. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam*. *SEEJ*, X, # 3, (1966), pp. 341—342.
- * IVASK, Ivar. Рец. на Собр. соч. 1955, *BA*, XXX, # 3 (Summer 1956), pp. 294—295.
- KAUN, Alexander. Russian Poetic Trends on the Eve of and the Morning after 1917, *The Slavonic Yearbook* (American series), XX (1941), p. 59.
- * KLIMENKO, M. Osip Mandel'shtam. *Sobr. Sočinenij*. I, 1964 (Рец.), *BA*, April 1966.
- * KLUGE, Rolf-Dieter. Irina Bušman. Poètičeskoe iskusstvo Mandel'shtama. (Рец.). *Die Welt der Slaven* (Wiesbaden), Jahrgang XI, Heft 4, 1966, SS. 435—438.
- * KUNITZ, Stanley. "The Other Country Inside Russia", *New York Times Magazine*, August 20, 1967.
- LANDOLFI, Tommaso. Generalità sull' acmeismo. *EO*, XV, # 7-10, pp. 379, 381, 382, 390.
- * LEVITCH, Gerald. "Under the Fingers". *Phoenix*. Spring 1966, pp. 34—38.
- * LIAPUNOV, Vadim. Rev. of Brown, *The Prose of Osip Mandel'shtam*, *SR*, XXVI, # 3 (Sept. 1967), pp. 513—514.
- LOBODOWSKI, Josef. List do redakcji. *Kultura*. Pariz, 1967, # 10, pp. I, 154.
- LOWELL, Robert. Answer to a Questionnaire. *Book Week*. Dec. 5, 1965, p. 12.

- MACIEJEWSKI, Janusz. Koniec mitu arkadyjskiego. *Współ*, December 31, 1965, str. 4—5.
- MAKAROV, A. Foreword (to Translations of Soviet Russian Poetry), *Soviet Literature*, 1967, # 6, p. 10.
- MALLAC, Gui de. Pour une esthétique pasternakiëne. *PrSov*, München, # 7, 1964, p. 106.
- MARKOV, V. Hlebnikov et poésie soviétique. *CMRS*, IV, # 4, (1963).
- MARKOV, V. The Province of Russian Futurism. *SEEJ*, VIII, # 4 (Winter 1964), p. 402.
- MATLAW, Ralph. Rev. of Jurij Semjonow, „Das Häuschen in Kolomna“ in der poetischen Erbschaft A. S. Puškins, *SEEJ*, IX, # 4 (1965), p. 444.
- * MEIJER, Jan M. Letter to Editors. *SR*, Vol. XXVII, No. 2, June 1968, pp. 362—363.
- * MONAS, Sidney. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'stam . . . The Hudson Review*, 1 (1967), pp. 130—132.
- * MUCHNIC, Helen. Rev. of *Vozdushnye Puti*, III. *RR*, XXIII, #2 (April 1964), pp. 192—193.
- MUCHNIC, Helen, Rev. of N. Gumilev, *Sobranie sočinenij*, vols. 1 & 2 (1962 & 1964). *RR*, XXV, # 1 (January 1966), p. 87.
- * MUCHNIC, Helen. Three Inner Emigrés: Anna Akhmatova, Osip Mandelshtam, Nikolai Zabolotsky. *RR*, Vol. 26, # 1, January 1967, pp. 13—17, 19—22, 24.
- * MUCHNIC, Helen. Mandelshtam Osip. *Sobranie Sochinenij*. Vol. II, 1966 (Rev.), *RR*, vol. 27, # 1, January 1968, pp. 105—106.
- MUCHNIC, Helen. Markov Vladimir (ed.) and Merrill Sparks (transl.). *Modern Russian Poetry: An Anthology*. (Rev.). *RR*, vol 27, No. 2, April 1968, p. 252.
- MURARKA de. Hemingway Cult Urges Russia Lift Ban on His Novel. *The Washington Post*, August 27, 1967, p. A27.
- NILSSON, Nils Å. Un type d'expression métaphorique dans la poésie moderne russe. *ScSL*, III (1957), p. 77.
- * NILSSON, Nils Å. Ensam man vid lägereld. *Ord och Bild*, LXXI (1962), pp. 422—427.
- * NILSSON, Nils Å. Osip Mandel'stam and His Poetry. *ScSL*, IX (1963), pp. 37—52.

- NILSSON, Nils Å. The Parabola in Poetry. Some Remarks on Andrej Voznesenskij. *ScSL*, X (1964), pp. 49, 57—58, 60, 61.
- * NILSSON, Nils Å. Osip Mandel'stam's 'Insomnia' Poem. *IJ SLP*, X (1966), pp. 148—159.
- NORMAN Anita. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'stam . . .* *RR*, 1966, # 2, p. 202.
- PARNACH, Valentine. In the Russian World of Letters. The *Menorah Journal* (New York), XII, # 3 (June-July 1926), pp. 303—304.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Misja opatrznosciowa. *W*, # 515, 1956.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję *W*. ## 1020, 1021, 1027, 17-X-1965.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1043, 1027, 17-X-1965, 24/X 1965, 5/XII 1965.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1055, 19-VI-1966.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1089, 12-II-1967.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1091, 26-II-1967.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1092, 5-III-1967.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1099, 23-IV-1967.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1107, 18-VI-1967.
- PAWLIKOWSKI, Michał K. Okno na Rosję. *W*. # 1115, 13-VIII-1967.
- PLANK, D. L. Rev. of Н. Гумилев, Собр. соч., т. II. *SEEJ*, X, # 3 (1966), p. 338.
- PODHORETZ, Norman. Answer to a Questionnaire. *Book Week*, Dec. 5, 1965, p. 12.
- POGGIOLI, Renato. Michele Kuzmin, *RLSI*, VI, fasc. V (1931), p. 315.
- POGGIOLI, Renato. Рец. на W. Pozner, *Panorama de la littérature russe contemporaine*, *RLSI*, VI, fasc. VI (1931), p. 458.
- POGGIOLI, Renato. Decadence in Miniature. *The Massachusetts Review*, Spring 1963, p. 556.

- POLLAK, Sewerin. Nad strumieniem poetyk. *Twórczość* (Warszawa), 1964, # 6, pp. 50, 52.
- * PROKOP, J. Osip Mandelsztam albo dialogi z bożkiem historii. *Twórczość* (Warszawa), # 7, 1960, str. 81—87.
- PRZYBYLSKI, Ryszard. Na Parnasie i w Arkadii. *ZLit*, # 39/349, 28-IX-1958, str. 5.
- PRZYBYLSKI, Ryszard. Kozmianek-Sascianek. Pamflet. *ZLit*, # 13/479, 26-III-1961, str. I.
- PRZYBYLSKI, Ryszard. Sprawozdanie s podrozy naukowej do ZSSR. Polska Akademia Nauk. Instytut Badan Literackich, *Biuletyn Polonistyczny*, Warszawa, 1961, rok IV, zeszyt 12, str. 25.
- * PRZYRYLSKI, Ryszard, Powrót Owidiusza. "Tristia" Osipa Mandelsztama. *ZLit*. # 500, 20-VIII-1961, str. 4.
- * PRZYBYLSKI, Ryszard. Arcadia Osipa Mandelsztama. *Slavia Orientalis* (Warszawa), XIII (1964), # 3, str. 243—262.
- PRZYBYLSKI, Ryszard. Wróg Johna Donne-a. *Współ*. # 166, 8/22-VII-1964, str. 10.
- * PRZYBYLSKI, Ryszard. Klasycyzm Osipa Mandelsztama. *Współ*. # 24/176, 9-XII-1964.
- PRZYBYLSKI, Ryszard. "Et in Arcadia Ego" Tadeusza Rózewicza. *Poezia*, 1966, # 2, str. 64.
- * RANNIT, Aleksis. Markus Ossip Mandelstammist. Kaunis kodu (Tallin), 1940, # 1.
- RANNIT, Aleksis. The Rhythm of Pasternak. I. His Early Poetry, 1912—1924. *Bulletin of the New York Public Library*, vol. 63, # 11 (November 1959), pp. 558, 559.
- RICCIARDELLI, Michele. Rev. of *A Homage to Dante. Comparative Literature*, IV (1965), pp. 353—354, 355.
- * RUSSELL, Peter. A Note on Osip Emilievitch Mandelshtam. *Delta* (Montreal), # 6 (January 1959), pp. 1—7.
- * RUSSEL, Peter. Osip Emilievitch Mandelshtam (1891—). *The London Magazine*, # 5, 1961, pp. 50—53.
- * RYMKIEWICZ, Jarosław Marek. Osip. *Współ*, # 173, 28-X/II-XI-1964, str. 3. (Стихотворение о Мандельштаме).
- * SCOTT, Walter. Personality Parade. *Parade*. New York, March 20, 1966.

- SIMMONS, Robert W. Rev. of Eikhenbaum, *Skvoz' literaturu* (1962) and V. Zhirmunskii, *Voprosy teorii literatury* (1962). *SR*, XXIII, # 1 (March 1964), p. 177.
- * SLONIM, Marc. "The History of a Dedication": Marina Tsvetaeva's Reminiscences of Osip Mandelstam. *Oxford Slavonic Papers*, XI (1964), pp. 112—113.
- * STRAKHOVSKY, Leonid. Osip Mandelstam, Architect of Words. *RR.*, 1 (1948). (Вошло с дополнениями в *Craftsmen of the Word*).
- * STRAKHOVSKY, Leonid. Problems in Translating Russian Poetry into English. *SEER*, XXXV, # 84 (December 1956), pp. 261, 262, 263—264, 265.
- * STRAKHOVSKY, Leonid. The Silver Age of Russian Poetry. Symbolism and Acmeism. *Canadian Slavonic Papers*, IV (1959), pp. 78, 84—86.
- * STRONG, Robert L. Rev. of *The Prose of Osip Mandel'stam* . . . *BA*, July 1966.
- * STRUVE, Gleb. The Double Life of Russian Literature. *BA*, XXVIII, # 4, (Autumn 1954), p. 394.
- * STRUVE, Gleb. Dead Souls and Living Reputations. Reassessing the Past of Soviet Literature. *Soviet Survey* (London), January-March 1958, pp. 10, 12, 17.
- STRUVE, Gleb. Soviet Poetry. Letter to the Editor, *TLS*, 4-1958, p. 377.
- * STRUVE, Gleb. The Aesthetic Function in Russian Literature. *SR*, XXI, # 3 (September 1962), pp. 420, 422, 423; also in *Treadgold*, pp. 110, 112, 113.
- * STRUVE, Gleb. A Note on Osip Mandelstam. *BA* (Special issue: "A Homage to Dante: 1265—1965"), pp. 47—48.
- * STRUVE, Gleb. Poet Mandelstam. A letter to the editor. *Time*, Jan. 28, 1966, p. 5.
- STRUVE, Gleb. The Writers. In: 1917—1967: *Promise and Realization*. Part IV: Society and Culture. *Studies on the Soviet Union*, VII, # 2 (1967), p. 163.
- STRUCKOW, Georg. The Fate of Osip Mandelstam. *Survey* (London), # 46 (January 1963), pp. 151—155.
- * TERRAS, V. Rev. of O. Мандельштам, *Собр. соч.*, т. 1. *SEEJ*, X, # 1 (1966), pp. 103—105.
- * TERRAS, V. Classical Motives in the Poetry of Osip Mandelstam. *SEEJ*, X, # 3 (1966), pp. 251—267.

- * WATSTEIN, Joseph. Osip Mandelstam: The First of Soviet Literary Rebels. *The Western Humanities Review*, vol. XX, # 4, Autumn, 1966, pp. 277—289.
  - * WOODWARD, James B. Rhythm and Structure in the Alexandrines of Mandelštam. *Canadian Slavic Studies*, II, # 1 (1968), pp. 1—13.
  - YAKOBSON, S. and R. A. ALLEN. Aspect of Intellectual Ferment in Soviet Union. *Senate. Doc. # 130*, 1966, Washington, p. 2.
  - * YARMOLINSKY, Avrahm. Letter to the Editor. *Atlantic Monthly*, February 1965. p. 2.
- ЦВЕТАЕВА, Марина. Песници са историјом и песници без историје. *Руски Архив* (Београд), XXVI—XXVII (1934), стр. 111, 115.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ**

	Страницы тек- при- ста меч- аний
Архистратиг вошел в иконостас	347 393
Батум	11 352
Березиль. (Из киевских впечатлений)	102 361
Веер герцогини	52 359
Возвращение	20 353
Вокруг натуралистов	133 368
Государство и ритм	123 363
Детская литература	50 357
Жак родился и умер	57 359
Жан Ришар Блох	84 360
Жорж Дюамель	87 360
Записи 1931 года (Записные книжки. Заметки. Черновики)	146 369
Записи и отрывки неизвестных лет (Записные книжки. Заметки. Черновики):	
... Прообразом исторического события...	191 375
... Я утверждаю, что множество моло- дых поэтов...	191 375
Записи 1935—1936 годов. (Зап. Книжки. Замет- ки. Черновики)	192 375
Записные книжки 1931—1932 годов (Зап. кни- жки. Заметки. Черновики):	
К «Путешествию в Армению»	147 369
/Из письма/	169 374

	Страницы тек- при- ста меча- ний	
Литературный стиль Дарвина (К статье «Вокруг натуралистов») .	169	374
Запись 1932 года. — Запись об Аполлоне Гри- горе (Зап. книжки. Заметки. Чернов.)	178	374
Игорь Северянин. Громокипящий Кубок (Рец.) .	83	360
/Из письма/ Зап. книжки. Заметки. Черновики)	169	374
К «Заметкам о Шенье» (Зап. книжки. Заметки. Черновики)	144	369
К «Путешествию в Армению» (Зап. книжки. Заметки. Черновики)	147	369
К статье «Франсуа Виллон» (Зап. книжки. За- метки. Черновики)	143	369
Киев	5	351
Кое-что о грузинском искусстве	36	356
Коллективное письмо писателей в Отдел печат- ти ЦК РКП(б)	295	392
Кровавая мистерия 9-го января	128	365
Кукла с миллионами	115	362
Литературный стиль Дарвина (Зап. книжки. Заметки. Черновики. — К статье «Во- круг натуралистов»)	169	374
Луи Перго. Рассказы из жизни животных	94	360
Мир должно в черном теле брать	348	395
Михоэлс	106	361
... Но в Петербурге акмеист мне ближе	347	393
О современной поэзии (К выходу «Альманаха Муз»)	27	355
Огюст Барбье	45	357
П и с ь м а:		
№ 49. К А. А. Ахматовой	255	388
№ 2 К С. К. Маковскому	196	377
№№ 5—6, 10—48, 50—67, 75—84. К Н. Я. Мандельштам на стр.: текст		

— 197—198, 203—255, 256—275, 281		
—291; примеч. — 378, 380—388, 389		
—391, 391—392.		
№ 85. К А. Э. Мандельштаму (и жене)	292	392
№№ 68—70. К Е. Э. Мандельштаму	275—277	
№№ 3—4. К матери	196	378
№№ 8—9. К отцу	200—201	379
№ 1. Федору Сологубу	195	376
№ 74. К Ю. Н. Тынянову	280	391
№№ 7, 71. К В. Я. Хазиной	199, 277	
№№ 72—73. К К. И. Чуковскому	278—279	391
Письмо о русской поэзии	31	356
Полковнику Белавенцу	347	393
... Прообразом исторического события... (Зап. книжки. Заметки. Черновики)	191	375
Разговор о Данте. Из первоначальной редак- ции. Из черновых записей и заметок (Зап. книжки. Заметки. Черновики)	179	374
Революционер в театре	40	356
Скипетр. Абель Арман	90	360
Художественный театр и слово	99	361
Юность Гете	61	359
... Я утверждаю, что множество молодых по- этов... (Зап. книжки. Заметки. Черно- вики)	191	375
Яхонтов	111	362

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Иваск. Дитя Европы	I
Никита Струве. Судьба Мандельштама	XXII
Борис Филиппов. Неизвестный Мандельштам	XXXV
От редакторов	XLVII

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Воспоминания. Очерки

Киев	5
Батум	11
Возвращение	20

Статьи о литературе и искусстве

О современной поэзии (К выходу «Альманаха Муз»)	27
Письмо о русской поэзии	31
Кое-что о грузинском искусстве	36
Революционер в театре	40
Огюст Барбье	45
Детская литература	50
Веер герцогини	52
Жак родился и умер	57
Юность Гете	61

Рецензии и «внутренние рецензии»

Игорь Северянин. Громокипящий кубок	83
Жан Ришар Блох	84
Жорж Дюамель	87
Скипетр. — Абель Арман	90
Луи Перго. Рассказы из жизни животных	94

Статьи о театре и кино

Художественный театр и слово	99
Березиль (Их киевских впечатлений)	102
Михоэлс	106
Яхонтов	111
Кукла с миллионами	115

Статьи на разные темы

Государство и ритм	123
Кровавая мистерия 9-го января	128
Вокруг натуралистов	133

Записные книжки. Заметки. Черновики

К статье «Франсуа Виллон»	143
К «Заметкам о Шенье»	144
Записи 1931 года	146

Записные книжки 1931—1932 годов:

1. Путешествие в Армению	147
/Из письма/	169
2. Литературный стиль Дарвина	169
Запись 1932. Запись об Аполлоне Григорьеве	178

Разговор о Данте. Из первоначальной редакции, из черновых записей и заметок	179
---	-----

Записи и отрывки неизвестных лет: ...Прообразом исторического события...	191
---	-----

Я утверждаю, что множество молодых поэтов...	191
--	-----

Записи 1935—1936 годов	192
----------------------------------	-----

Письма

1. К Федору Сологубу, 27 апреля 1915	195
2. К С. К. Маковскому, 8 мая 1915	196
3. К матери, 20 июля 1915	196
4. К матери, 20 июля 1916	196
5. К Н. Я. Мандельштам, 5 декабря /1919/	197
6. К Н. Я. Мандельштам, 9 марта 1921	198
7. К В. Я. /Хазиною/, /май-июнь/ 1921	199
8. К отцу, /ранняя весна 1923/	200
9. К отцу, /зима 1923—1924/	201
10. К Н. Я. Мандельштам, /осень 1925/	203
11. „ „ 5 октября 1925	204
12. „ „ /конец 1925?/	205

13.	К Н. Я. Мандельштам,	/конец января 1926/	. . .	205
14.	„	„	2 февраля /1926/	. . . 206
15.	„	„	/начало 1926/	. . . 208
16.	„	„	7 февраля /1926/	. . . 209
17.	„	„	/февраль 1926/	. . . 211
18.	„	„	/февраль 1926/	. . . 212
19.	„	„	/февраль 1926/	. . . 213
20.	„	„	/февраль 1926/	. . . 214
21.	„	„	12 февраля /1926/	. . . 215
22.	„	„	/февраль 1926/	. . . 217
23.	„	„	/февраль 1926/	. . . 218
24.	„	„	17 февраля /1926/	. . . 220
25.	„	„	/февраль 1926/	. . . 222
26.	„	„	/февраль 1926/	. . . 223
27.	„	„	/февраль 1926/	. . . 225
28.	„	„	/февраль 1926/	. . . 227
29.	„	„	/март 1926/	. . . 229
30.	„	„	5 марта /1926/	. . . 230
30а.	„	„	(продолжение предыду- щего письма или отдель- ное письмо?)	. . . 232
31.	„	„	7 марта /1926/	. . . 232
32.	„	„	/март 1926/	. . . 233
33.	„	„	/март 1926/	. . . 235
34.	„	„	/март 1926/	. . . 237
35.	„	„	/март 1926/	. . . 238
36.	„	„	/март 1926/	. . . 240
37.	„	„	16 марта /1926/	. . . 240
38.	„	„	17 марта /1926/	. . . 241
39.	„	„	осень 1926	. . . 242
40.	„	„	/1926/	. . . 244
41.	„	„	/1926/	. . . 246
42.	„	„	/1926/	. . . 247
43.	„	„	/1926/	. . . 249
44.	„	„	/1926/	. . . 250
45.	„	„	/1926/	. . . 252
46.	„	„	/1926/	. . . 253
47.	„	„	/1926/	. . . 254
48.	„	„	15 октября 1926	. . . 255
49.	К А. А. Ахматовой,	25 августа 1928	. . .	255

50.	К Н. Я. Мандельштам,	/февраль 1930/	256
51.	„	„ /февраль 1930/	256
52.	„	„ 24 февраля 1930	257
53.	„	„ /1930/	260
54.	„	„ /1930-е гг./	262
55.	„	„ /весна 1935/	263
56.	„	„ /весна 1935/	263
57.	„	„ 26 мая 1935	264
58.	„	„ /1935/	265
59.	„	„ /1935/	265
60.	„	„ /конец 1935/	266
61.	„	„ /конец 1935/	268
62.	„	„ /конец 1935/	269
63.	„	„ /конец 1935/	270
64.	„	„ 1 января 1936	271
65.	„	„ 2 января /1936/	273
66.	„	„ 3 января /1936/	273
67.	„	„ /начало января 1936/	275
68.	К Е. Э. Мандельштаму,	8 января 1936	275
69.	К Е. Э. Мандельштаму,	/начало 1936/	276
70.	„	„ 4 февраля 1937	277
71.	К В. Я. Хазиной,	/начало 1937/	277
72.	К К. И. Чуковскому,	/начало 1937 ?/	278
73.	„	„ /начало 1937/	279
74.	К Ю. Н. Тынянову,	21 января 1937	280
75.	К Н. Я. Мандельштам,	19 апреля /1937/	281
76.	„	„ 23 апреля /1937/	282
77.	„	„ 26 апреля /1937/	283
78.	„	„ 28 апреля /1937/	284
79.	„	„ 30 апреля /1937/	285
80.	„	„ /конец апреля 1937/	287
81.	„	„ 2 мая /1937/	288
82.	„	„ 4 мая /1937/	289
83.	„	„ 4 мая (второе письмо)/1937/	290
84.	„	„ 7 мая /1937/	291
85.	К А. Е. Мандельштаму (и жене),	/20-е числа ок- тября 1938/	292

Приложение первое

Коллективное письмо писателей в ЦК РКП(б)	295
---	-----

Приложение второе

Письма В. Я. Хазиной к дочери — Н. Я. Мандельштам:

I. /1935—1936 г./	299
-------------------	-----

II. /Январь 1937/	300
Приложение третье	
Марина Цветаева. История одного посвящения	
А. Саакянц. /Вступительная заметка/	303
М. Цветаева. История одного посвящения	306
Приложение четвертое	
Шуточные стихотворения, отрывки.	
492. . . . Но в Петербурге акмеист мне ближе	347
493. Архистратиг вошел в иконостас	347
494. /К о л л е к т и в н о е — с Н. С. Г у м и л е в ы м/ Полковнику Белавенцу	347
495. Мир должно в черном теле брать	348
Приложение пятое	
Примечания	351
Приложение шестое	
Дополнительные заметки и примечания к первому и второму томам	
Валентин Парнах о Мандельштаме	399
О некоторых образах Мандельштама	401
Приложение седьмое	
Библиография	417
Алфавитный указатель произведений	
О. Э. Мандельштама	543

**КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
и других издательств
МОЖНО ВЫПИСАТЬ ИЗ КНИЖНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА**

A. NEIMANIS

**Buch-Vertrieb
8 München (Munich) 2
Linprunstrasse 11
West Germany**

КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО